

ВООРУЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ БУЛГАРИИ (X - СЕРЕДИНА XIII ВЕКА)

Г.Н. Белорыбкин, В.А. Гусынин, И.Л. Измайлов

Территория Посурья и Примокшанья в X-XIII вв. являлась частью государства Волжская Булгария, хотя, пограничное положение региона и некоторые особенности его культурно-языкового окружения, а также близость к миру кочевых степей и вовлеченность в военно-дипломатическую борьбу финно-угорских соседей с русскими княжествами, делали его, в определенной степени, отличающимся от общеполитического контекста вооружения и воинского снаряжения. Особая военно-политическая обстановка и прямое участие в военных событиях, связанных с монгольскими походами в Восточную Европу, обуславливали самобытность военного дела этих земель. На памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья имеется беспрецедентное количество разнообразного вооружения XI – XIII веков, наибольшее количество которого сосредоточено на одном единственном памятнике – Золотаревском городище, что связано с той ролью, которое оно сыграло в истории региона, Волжской Булгарии и Восточной Европы. Именно здесь произошло решающее сражение, завершившее монгольский поход на волжских болгар и финно-угорские народы Среднего Поволжья. Следы этого сражения предоставляют науке много информации о состоянии военного дела как болгар, так и монгольского войска.

Ключевые слова: археология, юго-западная Булгария, Посурье, Примокшанье, средневековье, вооружение, Золотаревское городище.

ARMAMENT OF THE POPULATION OF SOUTH-WESTERN BOLGARIA (10TH - MID-13TH CENTURIES)

G.N. Belorybkin, V.A. Gusynin, I.L. Izmailov

The territory of the Sura and Moksha regions in the 10th-13th centuries was part of the state of Volga Bulgaria, although the borderline position of the region and certain features of its cultural and linguistic environment, as well as the proximity to the world of nomadic steppes and the involvement in the military-diplomatic struggle of the Finno-Ugric neighbors with Russian principalities, to a certain extent differentiated it from the general Bolgar context of armament and military equipment. The special military-political situation and direct participation in the military events associated with the Mongol campaigns in Eastern Europe determined the originality of the military affairs of these territories. The monuments of the Upper Sura and Moksha regions feature an unprecedented amount of various weapons of the 11th - 13th centuries, the largest number of which is concentrated on one single monument - Zolotarevskoe settlement, which is associated with the role that it played in the history of the region, Volga Bulgaria and Eastern Europe. It was here that the decisive battle was fought, which ended a Mongol campaign against the Volga Bulgars and the Finno-Ugric peoples of the Middle Volga region. The traces of this battle provide science with plenty of information about the state of military affairs of both the Bulgars and the Mongol army.

Keywords: archaeology, south-western Bulgaria, Sura, Moksha regions, Middle Ages, armament, Zolotarevskoe settlement.

ВВЕДЕНИЕ

Войны играли и играют важную роль в жизни человечества. Со времени становления производящего хозяйства (особенно хозяйственно-культурного типа кочевого скотоводства) и начала обработки металлов в степном и лесостепном поясе Евразии война и военная культура стали неотъемлемой частью истории различных обществ древних скотоводов и земледельцев. В последующие исторические периоды от средневековья вплоть до новейшего времени влияние войн на все сферы жизни общества только усилилось.

Военное искусство является важнейшей составной частью социальной, политической и экономической сфер жизни древних обществ. С помощью вооруженного насилия решались многие проблемы средневекового мира – происходили завоевания, миграции народов, устанавливалась политическая власть и контролировались торговые пути. Прямая зависимость функционирования общества от степени развития военной культуры объясняется не только тем, что войны вели к захвату новых богатств, пленных и расширению территории государств, но и той ролью, которую играло в его жизни военно-служилое сословие, чьей профессией и призванием была война. Средневековая военно-служилая знать (рыцарство, а позднее – дворянство) структурировало все общество, во многом определяя уровень его этнического, социального и культурного развития. Это сословие профессиональных воинов вырабатывало свою культуру, которая кроме чисто военных (вооружение, военное искусство, специальные трактаты по военному делу, военная организация) включала целый ряд культурно-этологических аспектов – таких как рыцарский этос (психофизическая подготовка, боевые искусства, мораль и этикет, стереотипы сознания и образ жизни), а так же символика (в том числе геральдика), фольклор (мифы о вождях и их завоеваниях и войнах, героический эпос и т.д.), литература (истории деяний предков, рыцарские романы и генеалогии) и т.д. Все это в древности и средневековье часто было пронизано религиозными мотивами «борьбы за веру» («священная война») и идеальными представлениями о «пути воина» – рыцарским кодексом чести.

Вследствие чего в этот период принадлежность к военному сословию была крайне почетна.

С самого начала своего возникновения Волжская Булгария стала важнейшим торгово-экономическим и военно-политическим центром Восточной Европы. Она возникла практически одновременно с Киевской Русью и имела сходный уровень социально-политического и военно-технического развития.

В период X–XII вв. обе страны чередовали мирные торговые отношения с попытками расширить свое влияние на народы Среднего Поволжья, что вылилось в череду серьезных военных конфликтов конца XI – первой трети XIII в. Обе державы активно расширяли свои земли за счет соседних финно-угорских племен, поэтому точкой обоюдных интересов великих держав стали земли мордовских племен в Сурско-Окском междуречье. Непосредственно перед монгольским нашествием в 20-е годы XIII в. между соперничавшими державами установился относительный паритет: Владимиро-Суздальское княжество закладывает на севере мордовских племен город-крепость Нижний Новгород, а Волжская Булгария расширяет свое влияние на территорию вплоть до восточного Поочья. Практически весь период X–XIII вв. между землями Руси и Булгарии шла активная торговля, которая была крайне востребованной, обеспечивая обоюдный приток различных товаров, технологий и знаний. Важной точкой пересечения торговых путей из Булгара в Киев и Балтики в Каспий являлось Верхнее Посурье, куда, очевидно, во второй половине X в. началось движение Волжской Булгарии, когда она, завоевав Буртасию, распространила на эту территорию политическое влияние. Видимо, одновременно с включения этой территории в состав Булгарии, сюда пошел приток нового населения, которое стало основой для бурной урбанизации региона и изменению его хозяйственного облика.

Эти процессы в силу дискретности и отрывочности исторических источников, лучше всего иллюстрируют археологические материалы. По данным археологии эта территория очерчивается памятниками болгарской

культуры в Посурье и Примокшанье. При несомненном единстве болгарской археологической культуры, территория юго-западного края имела определенные особенности в культурном отношении, что выразилось, в частности, в некоторых особенностях гончарного производства (красно-коричневая гончарная посуда).

Оказавшись, таким образом, на пересечении информационно-товарных потоков, идущих по пути из Булгара в Киев, юго-западная часть Волжской Булгарии начала активно развиваться. Резко выросло число поселений, возникло значительное количество укрепленных городищ, часть из которых (например, Юловское городище), очевидно, вошло в число крупнейших городов. Пограничное положение региона в некотором отрыве от основной территории болгарского государства и на пересечении интересов нескольких русских княжеств, а также кыпчаков, требовало от Волжской Булгарии особого внимания к обороноспособности, свидетельством чему являются сравнительно высокое для такой территории количество укрепленных городищ.

Социально-политическая, хозяйственная и этнокультурная история Волжской Булгарии X – XIII вв. в целом и ее регионов в частности изучена довольно подробно. Монографически исследованы вооружение, состав войска, фортификация, а также тактика полевого боя и оборонительная стратегия. Однако некоторые особенности развития комплекса вооружения в разных регионах Булгарии требуют отдельного изучения, поскольку географическое положение и наличие разных противников, очевидно, создавало разные условия формирования типов и форм вооружения и воинского снаряжения.

В значительной степени это относится к юго-западным землям Булгарского государства.

Настоящий труд посвящен важной и интересной теме – истории вооружения, воинского снаряжения, доспеха и метательного вооружения юго-западных земель Волжской Булгарии. Новизна и самостоятельность работ по изучению вооружения любого другого памятника и локального региона Булгарии была бы нивелирована предыдущими трудами, в которых эта тема была раскрыта достаточно полно и практически исчерпывающе. Однако данная работа представляет

собой исключение, поскольку основывается на многочисленном, новом и оригинальном материале. Во-первых, новизну представляет комплексное изучение большого пласта материала, который дает новые интересные факты к оценке всего военного дела Волжской Булгарии. Во-вторых, сам этот материал представляет собой выдающееся и из всякого ряда вон выходящее военно-историческое и археологическое явление.

Оба эти обстоятельства делают данную работу важным шагом в осмыслении военного дела Волжской Булгарии в целом и событий военной истории 20-30-х гг. XIII в. в частности.

Особое значение изучаемые материалы привлекают в связи с тем, что комплекс вооружения, собранный на болгарских памятниках Посурья и Примокшанья не является однородным и гомогенным, сформировавшимся в рамках военной культуры Волжской Булгарии. Значительную часть вооружения и воинского снаряжения, которое было обнаружено в окрестностях Золотаревского городища в Верхнем Посурье имеет центральноазиатское и сибирско-дальневосточное происхождение.

В количественном отношении процент этого комплекса вооружения среди других предметов оружия является уникальным и резко выделяется по количеству и качеству среди всех поселенческих археологических объектов Восточной Европы. Количественное и процентное соотношение целого и дорогого вооружения, включавшего предметы оружия и снаряжения с золотой аппликацией, просто не могло образоваться в обычных условиях.

После многих лет изучений и длительных обсуждений удалось выяснить, что мы имеем дело с уникальным и сложным археологическим явлением, объяснить которое нельзя иначе, как результат катастрофического характера, что заставило одну сторону бежать, теряя оружие и снаряжение, которое в обычных условиях никогда не было бы потеряно. Объяснение этому явлению может быть только одно: окрестности Золотаревского городища – это реальная географическая точка, то самое место, где монгольские войска, включавшие в себя контингенты кыргызов, чжурчжэней и монголов, потерпели сокрушительное поражение. Булгарское войско, собрав значительную часть трофеев, вернулось домой, распространив его, очевидно, на другие территории Булгарии. Однако

монгольские потери были настолько значительные, что болгарские воины, собрав основную часть трофеев, оказались не в состоянии найти все брошенное по полю боя вооружение. В дальнейшем, сравнительно немногочисленное местное население, обитавшее на городище, собирало эти трофеи и использовало их в боевой практике, что и объясняет наличие этого типа оружия на поселении в момент катастрофической и окончательной гибели городища.

Уникальность этого исторического события и его археологический контекст делает анализ предметов вооружения с территории юго-западной Булгарии важным и актуальным как для истории вооружения Восточной Европы, так и всей Евразии.

Сразу следует подчеркнуть, что в целом работа выдержана в классических традициях трудов по вооружению по структуре, по полноте сбора материала и по системности анализа. Действуя в пределах типологий, предложенных в свое время отечественным оружиеведением, авторы стремились их развить и дополнить. Основой методики являлось стремление сделать данную работу комплексной, выходя на анализ всех данных о военной археологии данного региона.

Важной стороной работы является попытка реконструкции на основе комплексного изучения материала самих событий военной истории и военной археологии. Основной особенностью и самой сложной проблемой изучения данного комплекса вооружения Золоторевского городища и его окрестностей является то, что в его составе четко выделяется комплекс вооружения и воинского (дружинного) снаряжения центральноазиатского облика. При этом сам этот комплекс не представляет собой единства, которое можно было бы свести просто к существованию на Золоторевском городище некоей «кыргызской» дружины. Значительная часть материала выходит далеко за рамки «аскизского» комплекса и прямо связывается с чжурчжэнями и монголами Забайкалья.

Иными словами, анализ материала показывает не одномерность военно-политического события – борьба болгар и кызызов с монголами, а более сложный и многослойный их характер.

Анализ всего вооружения и доспеха позволил реконструировать комплекс вооружения данного региона. Авторы попытались

сопоставить этот региональный комплекс болгарского вооружения с общеполитарским, как он был реконструирован в трудах предшественников, что позволило выявить общее и особенное в эволюции вооружения в Посурье и остальной части Булгарии, а также на этой основе более выпукло представить центрально-азиатский комплекс вооружения.

Очевидно, что работа в определенной степени может стать этапным явлением и раскрыть новые страницы военной истории Восточной Европы. Источниковедческая база исследования включает в себя археологические материалы раскопок, которые в основной массе сосредоточены в музеях Пензы и Пензенской области: Пензенского областного краеведческого музея, Музейно-выставочного центра г. Заречного, археологического музея ПГУ, музея-заповедника «Золотаревское городище» в д. Золотаревка, школьных музеев, а также частных коллекций. Кроме того, к работе привлечены отчеты и дневники археологических исследований памятников Верхнего Посурья и Примокшанья.

Археологические материалы дополняют результаты экспериментов и реконструкций, а также изобразительные и письменные источники, содержащие сведения о военном искусстве.

Авторы уверены, что данное исследование будет небезынтересно людям, занимающимся практическим изучением вооружения и доспехов методами археологического эксперимента.

В заключение авторы выражают искреннюю благодарность своим друзьям и коллегам, благодаря которым данная работа смогла состояться. В первую очередь это наши учителя и старшие товарищи – А.Х. Халиков и М.Р. Полесских, которые обратили наше внимание на эти памятники и провели первые серьезные исследования на них. За постоянную помощь в работе и предоставление археологических материалов авторы благодарят О.В. Зеленцову, А.Н. Кирпичникова. За ценные критические замечания и помощь в работе мы искренне благодарим своих коллег из Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Ф.Ш. Хузина, Е.П. Казакова, а и в первую очередь директора института А.Г. Ситдикова, который своей настойчивостью и активностью заставил авторов довести данную монографию до логического завершения. Особую

благодарность мы выражаем целой плеяде школьников Пензенской области и студентов Пензенского университета, которые участвовали долгие годы в археологических раскопках на Золотаревском городище и других памятниках, и чьи усилия позволили нам приоткрыть многие тайны прошлого Посурья и Примокшанья.

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ВОЕННОГО ДЕЛА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЛЯХ

До настоящего времени изучению вооружения и военного дела в Верхнем Посурье и Примокшанье в работах исследователей отводилась второстепенная роль. Зачастую предметы вооружения и снаряжения, фортификация и т.д. рассматривались в рамках исследований социально-экономической и военно-политической истории региона, а военная археология рассматривалась локально и несистемно. Между тем, из археологических памятников Верхнего Посурья и Примокшанья накоплен обширный материал для обобщения доступных сведений по военному делу региона и выделению его характерных

черт по сравнению с другими окружающими регионами.

Понимание особенностей становления комплекса вооружения данного региона и формирование его особенностей складывалось по мере археологического изучения этого региона и выявления нового массива предметов и объектов военной археологии. Для реконструкции полной картины формирования этого комплекса материалов есть один путь – проанализировать последовательность их накопления и изучить все имеющиеся на данный момент в распоряжении науки сведения, предложить комплексную методику его рассмотрения.

§1. История изучения военной археологии в западных землях Волжской Булгарии

Основная масса работ по изучению военного дела на территории Верхнего Посурья и части Примокшанья, причисляемой к юго-западным землям Волжской Булгарии, вышла в период с 90-х годов XX века по настоящее время, что, на наш взгляд, связано с резким увеличением количества археологических исследований на территории Пензенской области. Это не должно преуменьшать того факта, что впервые некоторые аспекты военной истории и археологии в данном регионе получили освещение в исследованиях предшественников.

На начальном этапе археологического изучения Пензенского края исследователями XIX – начала XX веков П.С. Палласом, Ф.Ф. Чекалиным, Г.П. Петерсоном, А.А. Кротковым были открыты и описаны некоторые средневековые городища, собраны некоторые предметы вооружения (Паллас, 1809; Чекалин 1892; Чекалин, 1897, Петерсон, 1882; Кротков, 1913). Однако эти памятники исследователи зачастую связывали с остатками засечной черты XVII века, поэтому их воен-

но-исторический статус не был в полной мере осознан. Точно также происходило с найденными случайно или в процессе земляных работ предметами вооружения – они считались более поздними и им не придавалось должного внимания. Долгое время это были археологические раритеты имевшие лишь музейное, коллекционное значение.

В советское время археологическое изучение и описание памятников средневековья Пензенской области продолжилось и было расширено. Первые профессиональные археологи, проводившие обследование памятников Пензенской области, Н.И. Спрыгина, А.А. Спицин, П.С. Рыков смогли сопоставить их с материалами из других регионов и даже попытались уточнить их датировки, сместившиеся с XVII века на золотоордынский период XIII–XV веков (Рыков, 1928; Рыков, 1929). Это было движением в правильном направлении, но очень незначительным в силу многих обстоятельств, в первую очередь в связи с отсутствием кадров местных археологов и превалированием в археологической

практике начала XX века рекогносцировочных осмотров памятников в ущерб их раскопок.

Качественный поворот в археологическом изучении Пензенской области произошел в 50–70 годах XX века, когда здесь начал широкие полевые исследования М.Р. Полесских, который первым начал систематически обращаться к теме военного дела древнего населения Посурья и Примокшанья.

Специально изучая в своих работах систему фортификации городищ с красной круговой керамикой, которые он приписывал «обульгаризированным буртасам», М.Р. Полесских впервые описывал технологию их строительства и устройство оборонительных укреплений, что позволило ему выявить как общебульгарские черты, так и местные их особенности (Полесских, 1956, с. 81–86). При исследовании уже известного в то время Золотаревского поселения археологом было обнаружено ряд предметов вооружения и следов сражения, произошедшего на городище. Собранный материал позволил автору датировать поселение XI–XIII веками и при всех оговорках в целом правильно отнести памятники с красной круговой гончарной посудой к бульгарской культуре (Полесских, 1960). Хотя главным объектом его внимания оставались погребальные памятники местного населения более ранних периодов, он продолжал исследования Золотаревского городища и других подобных памятников вплоть до 1977 года (Белорыбкин, 2001, с. 4).

М.Р. Полесских впервые поставил вопрос о прекращении жизни на этих памятниках, что привело его к мысли о тесной связи гибели этих городищ, как и других поселений с коричнево-красной гончарной посудой (ККГП), с событиями военно-политической истории, в первую очередь с монголо-татарским нашествием 1236–1237 годов (Полесских, 1977, с. 73). Тогда же он обратил внимание, что практически все эти памятники являются однослойными, без каких-либо следов поздних золотоордынских напластований. Этот вывод оказался очень важным для понимания места этих памятников в истории Среднего Поволжья, причин их появления и гибели.

Систематические археологические исследования этого региона возобновились в 1980-х годах Г.Н. Белорыбкиным, которому удалось значительно (до 69) расширить круг

памятников с коричнево-красной гончарной посудой и локализовать их в Посурье и Примокшанье, и практически все их изучить археологическими методами, включая раскопки. Результатом его исследования материальной культуры этих памятников стала диссертация «Домонгольские памятники Бульгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья (на пути из Булгара в Киев)», защищенная в 1990 году в Институте археологии АН УССР в Киеве. Обобщение данного материала позволило автору поставить вопросы о закономерности становления этих памятников, их несомненная связь с остальными памятниками средневековой Бульгарии, а также на новом комплексном материале была подтверждена мысль о катастрофической гибели этих поселений в результате монгольского нашествия (Белорыбкин, 1988, с. 82–87).

Началось изучение оборонительных сооружений (валов и рвов), технологии их строительства и устройства, что позволило выявить как общебульгарские черты так и местные особенности. Так, им были выделены Сурская и Вадинская группы памятников, которые имели определенные конструктивные особенности в устройстве валов и рвов. Вопросам фортификации и военного зодчества уделялось значительное внимание в ходе полевых археологических исследований, что позволило ему объединить городища IX–X вв. и XI–XIII вв., на которых использовались сходные технологические приемы строительства земляных насыпей, а также выявить особенности местной фортификации. (Белорыбкин, 1995; Белорыбкин, 1995(а), с. 108–109; Белорыбкин, 2000). Одновременно им был проанализирован комплекс предметов вооружения, доспеха и снаряжения коня юго-западных земель Волжской Бульгарии (Белорыбкин, 1990, с. 104–114).

Находки предметов вооружения из раскопок и сборов различных лет на территории Верхнего Посурья и Примокшанья закономерно привлекли внимание оружейников, изучавших вооружение и военное дело Волжской Бульгарии в целом. Впервые все известные на тот момент предметы вооружения были проанализированы в работе «Вооружение и военное дело населения Волжской Бульгарии X – начала XIII в.» (Измайлов, 1997). Автор рассмотрел различные предметы наступательного и оборонительного вооружения со всей территории Волжской Бульгарии,

включая Посурье. На основе оригинальной типологии различных предметов вооружения (сабли и их детали, топоры, копья, кистени, копья) автор выявил динамику их развития, реконструировал комплекс боевого снаряжения войска, структуру военной организации, а также стратегии и тактики военных действий.

Особо им были подчеркнуты некоторые специфические сложности, которые возникли при исследовании вооружения волжских болгар, что было связано с прекращением функционирования языческих могильников в связи с внедрением мусульманской погребальной обрядности, из-за чего вооружение из погребений исчезает, а основной материал по военной археологии происходит из слоев поселений. Это накладывает серьезные методические ограничения на реконструкцию всего комплекса и заставляет использовать различные методы датировки и группировки материала, для восстановления динамики развития различных предметов вооружения.

На основе комплексного изучения археологических и источниковедческих материалов была представлена картина развития вооружения, присущего болгарским воинам, выявлен комплекс вооружения профессиональных воинов, выявлен состав и род войск и определена его тактика на поле боя. Автором было выделено, что общей тенденцией, характеризующей развитие комплекса болгарского вооружения, было постепенное его утяжеление и профессионализация, что особенно ярко проявлялось на примере элитной части войска. Определено, что два этапа возникновения и становления военной организации X–XI вв. и XII – первой трети XIII в. в целом соответствуют социально-политической эволюции болгарского общества в целом.

Изучение эволюции болгарского оружия позволило выявить типологическую и культурно-хронологическую близость арсенала Волжской Булгарии и Древней Руси и его отличие от вооружения финно-угорских народов и кочевников юга Восточной Европы и Приуралья.

На основе анализа русских летописей и арабо-персидских историко-географических исследований была дана характеристика военной тактике и стратегии болгар. В целом, она была характерна для большинства средневековых государств Евразии. Основой наступательной стратегии Булгарии была концентрация сил для захвата территории или

нанесения внезапного удара по противнику и быстрый отход для оборонительных действий. В оборонительных кампаниях болгары предпочитали опираться на хорошо укрепленные города, которые были способны защищаться от набегов врага до подхода основных сил, которые предпочитали маневренную тактику «непрямых действий» на коммуникациях противника. В таких условиях война, как правило, носила краткосрочный характер, а ограниченность в численности войск не позволяла болгарам вести длительную войну на истощение (Измайлов, 1997, с. 149–151). Тактика ведения боя была сходна с тактикой войск многих народов Евразии.

Новые открытия на самом Золотаревском городище и его окрестностях, сделанные Г.Н. Белорыбкиным (2001), заставили задуматься о самом характере этих находок и обстоятельствах образования этого уникального археологического комплекса. Впервые вывод о том, что окрестности Золотаревского городища являются археологическими остатками исторической битвы болгар с наступающими монголами в 1223 г. И.Л. Измайлов высказал еще в 2004 году на международной конференции «Средневековые кочевники»/«Medieval Nomads» в 2004 году (Izmailov, 2004, p. 10). Именно с этим событием он связывал основные находки предметов центральноазиатского происхождения в окрестностях этого городища.

В книге «Защитники стены Искандера» (Измайлов, 2008) многие эти положения получили дальнейшее развитие. Статистика по количественному и качественному составу комплекса вооружения дополнилась новыми находками, сделанными за прошедшее между изданиями время. Так, исследование дополнено материалами по дистанционному вооружению (лук и стрелы), предполагается наличие у болгар метательной артиллерии. Также в данной работе приведены сведения по использованию речного флота болгарскими, который носил вспомогательный, транспортный характер и не применялся для ведения сражений на воде.

В работе представлено и новое направление, связанное с военным делом и являющееся его неотъемлемой частью – дипломатия и взаимоотношения с соседями, основанное на анализе письменных источников. Кроме этого, появился раздел, посвященный противостоянию Волжской Булгарии монгольско-

му нашествию. В нем, в частности, уделяется внимание истории гибели Золотаревского городища в юго-западных землях Волжской Булгарии, объясняющей обилие и характер военно-археологических находок на данном памятнике. Здесь же он продолжил доказывать свою гипотезу о двух битвах, произошедших близ Золотаревского городища. Первая произошла в 1223 году, когда болгары заманили монгольские войска в засаду и нанесли жестокое поражение, практически их уничтожив, что выразилось в обильной потере различных предметов вооружения центральноазиатского происхождения. Вторая случилась уже в 1237 году, когда монгольские войска, завоевав Булгарию, осадили эту крепость и, взяв ее штурмом, полностью уничтожили его защитников и разрушили само поселение.

К материалам памятников Верхнего Посурья обращался также казанский археолог, специалист по средневековой фортификации А.М. Губайдуллин, включив описание трех городищ Верхнего Посурья (Юловское, Садовское II, Неклюдовское) в свою монографию «Фортификация городищ Волжской Булгарии», которые он относит к числу других крепостей на территории Волжской Булгарии, выявив целый ряд общих конструктивных элементов и тенденций их развития (Губайдуллин, 2002, с. 57–60).

В данной работе автор проанализировал 143 памятника оборонительных сооружений Волжской Булгарии, по которым имелись наиболее полные топографические исследования, и разделил их на 4 типа в зависимости от особенностей окружающего рельефа при выборе местности согласно наиболее авторитетной типологии городищ Восточной Европы, разработанной ленинградским археологом П.А. Раппопортом. Также исследователь выделил несколько локальных регионов внутри Волжской Булгарии, описав наиболее характерные типы городищ для этой местности, в т. ч. два памятника в Пензенской области (Юловское и Неклюдовское городища). Проведена попытка социальной классификации памятников на основе их размера, в результате чего А.М. Губайдуллин выделил 6 типов памятников по их площади. Первые два типа (до 6 га) соотносятся им с феодальными усадьбами-замками, следующие 3 типа (7–50 га) составляют группу малых и средних по размерам городов – административных центров или столиц отдельных феодальных

владений, 6 тип (свыше 50 га) – крупные города, столицы отдельных княжеств. Исходя из этой типологии, большинство городищ Верхнего Посурья относится к первому типу и несколько могут считаться средними по размеру городами. В работе рассмотрены основные характерные особенности планировки, системы укреплений и других построек.

В ходе исследования автор приходит к выводам о широком применении булгарами различных навыков фортификации, отвечающих требованиям своего времени. Развитие военного зодчества происходило на местной основе с использованием заимствований из Средней Азии и Причерноморья. Также автор отмечает высокий уровень военно-инженерного дела у волжских болгар.

В 2003 году исследователь посвятил свою статью «Крепостные сооружения средневековых городищ Пензенского края (к вопросу о реконструкции)» (Губайдуллин, 2003) городищам пензенской группы. В этой работе он предложил свой вариант реконструкции наземных оборонительных сооружений Юловского, Неклюдовского I и Золотаревского городищ (Губайдуллин, 2003, с. 488–494).

Эта же тема болгарской фортификации на материалах исследований предшественников была рассмотрена в монографии К.А. Руденко (2007). Отмечая, что данная тема довольно хорошо изучена, автор более подробно останавливается на некоторых частных вопросах – строительстве внутривальных конструкций и способах укрепления внешней стороны вала. При этом следует подчеркнуть, что автор, в силу плохого знания материалов новых археологических исследований памятников Посурья и Примокшанья, не считал, что они относятся к территории Волжской Булгарии, а являются лишь памятниками местного населения, чья культура являлась подражанием болгарской. Впрочем, позиция этого автора об отношении этих памятников к той или иной средневековой культуре или государственной территории была неустойчивой и колебалась от признания ее частью Булгарской земли до активного отрицания этого факта.

Материалы с территории западных земель Волжской Булгарии частично использовались в работах исследователей, занимавшихся историей вооружения в целом, хотя процент использования данных материалов был довольно незначителен. Так, к материа-

лам Верхнего Посурья и Примокшанья в своих исследованиях обращались С.В. Святкин и О.В. Седышев (Святкин, 2001, 2012; Седышев, 2017), которые изучали вооружение древне-мордовских племен. Главный вывод, который можно сделать при детальном рассмотрении материала этих исследований заключается в том, что вооружение и, соответственно, военное дело финно-угорского населения в XI–XIII веках переживает глубокий упадок, что выражается в отсутствии специализированного профессионального оружия и снаряжения, фактического отсутствия защитного доспеха. Это особенно заметно на фоне бурного развития этого комплекса в сопредельных территориях юго-западной части Булгарии.

Наличие подобных обобщающих работ, включающих в себя материалы памятников Верхнего Посурья и Примокшанья в контексте их общности с основной территорией Волжской Булгарии, является важным шагом в понимании места региона в истории средневековой Восточной Европы. Однако для качественно нового понимания историко-археологической ситуации требовалось произвести значительные археологические изыскания на большинстве этих памятников и проанализировать найденный материал, включая предметы вооружения.

Новый этап в изучении военного дела региона начался с возобновлением исследования Золотаревского поселения экспедицией под руководством Г.Н. Белорыбкина в 1998–2000 годах, когда вокруг городища было выявлено три селища и дополнительная система укреплений городища в виде ловчих ям с напольной стороны, а также собрано большое количество фактического материала. Обобщением всех этих материалов работы стала монография, посвященная Золотаревскому поселению (Белорыбкин, 2001).

В работе значительный объем посвящен материальной культуре поселения, связанной с военным делом и вооружением, а также затронуты вопросы создания и гибели поселения. В научный оборот введено большое количество находок с этого памятника, которые доказали несомненное сходство материалов Золотаревского поселения с находками из других памятников Волжской Булгарии, а также выявлена большая группа уникальных артефактов. Гибель Золотаревского городища он связывал с монголо-татарским нашествием на Волжскую Булгарию в 1237 году.

Тогда же автором было обращено внимание на то, что характерной особенностью памятника является огромное количество и разнообразие находок, связанных с военным делом. Автор впервые привлек внимание к тому факту, что на территории памятника и его окрестностях было выявлено большое количество изделий, связанных с аскизскими древностями. Объяснялось это, по его мнению, присутствием на городище и его окрестностях военных отрядов, использующих оружие и воинское снаряжение аскизского вида, как среди защитников крепости, так и среди нападавших из состава монгольского войска.

Исследования памятника продолжились и позднее. Особо следует отметить планомерное исследование памятника экспедициями под руководством О.В. Зеленцовой и Г.Н. Белорыбкина в первое десятилетие XXI века (Отчет..., 2005; Отчет..., 2010), которые значительно расширили круг материалов и позволило составить более полное представление о памятнике, его культурном слое и системе укреплений.

Нельзя обойти стороной развитие взглядов на некоторые уникальные находки из Золотаревского городища. По мере его исследования Г.Н. Белорыбкин впервые привлек внимание коллег к тому факту, что на памятнике и его окрестностях было выявлено большое количество изделий, связанных с аскизскими древностями (Белорыбкин, 2000, с. 128–149). Первоначально он объяснял это присутствием на городище и его окрестностях городища военного отряда, использующего оружие и воинское снаряжение аскизского типа, возможно кыргызов по происхождению (Белорыбкин, 2000, с. 137–138). На основании этой гипотезы, а также с привлечением целого ряда ни стилистически, ни хронологически не связанных с этим комплексом предметов поясной гарнитуры и конского снаряжения, К.А. Руденко сделал выводы о регулярных контактах Булгарии с населением Минусинской котловины и постоянном притоке в Поволжье мастеров и воинских контингентов со специфическим снаряжением (Руденко, 2000, с. 47–127; Руденко, 2001). Однако железная поясная гарнитура и конское снаряжение, которая появились в болгарских памятниках около середины X века гораздо раньше, чем сформировался «классический» аскизский комплекс воинского снаряжения имеет, скорее

всего, иное происхождение и связан с миграцией какой-то группы кыпчаков из Центральной Азии в Восточную Европу и влиянием их моды на мастеров Минусинской котловины. Предметы типично аскизского культурного круга (как правило, железные накладки с золотой плакировкой) хронологически и географически локализируются в основном вокруг Золотаревского городища и на болгарских памятниках, подвергшихся монгольскому завоеванию или существовавшими в начальный период становления Улуса Джучи (Золотой Орды).

Тем не менее, вопрос о массовом характере находок на Золотаревском городище и его окрестностях требует самостоятельного и комплексного изучения. По мнению, высказанному еще в 2004 году И.Л. Измайловым, этот беспрецедентный комплекс находок, включающий в массу изделия аскизского круга – снаряжения знатных воинов, мог возникнуть только в результате разгрома монгольских войск булгарами осенью 1223 года, когда эти предметы оказались разбросанными на значительной площади (Izmailov, 2004). Позднее этот вывод был изложен в монографии по военному делу средневековых болгар (Измайлов, 2008). В настоящее время с теми или иными оговорками к этому выводу склоняются практически все исследователи.

Наибольший интерес в сфере военного дела в этот период проявлен к изучению и классификации наконечников стрел как наиболее массового материала. Ряд исследователей интересовали наконечники стрел IX–XIII веков. А.В. Павлихин, основываясь на типологии А.Ф. Медведева, выделяет 59 типов наконечников стрел в Армиевском курганно-грунтовом могильнике. Среди них 2 типа, не встречающихся в материалах других памятников, он считает местными (Павлихин, 2001, с. 70–89). В 2001 году В.В. Яньковым и Г. Н. Белорыбкиным произведена классификация наконечников стрел из Золотаревского поселения, вошедшая в книгу «Золотаревское поселение». Автором учтен 441 наконечник и выделено 73 типа (по типологии А.Ф. Медведева). Из них 18 типов автор связывает с монгольским нашествием. Также рассмотрены наконечники стрел Фелицатовского поселения (Яньков, 2003, с. 56–58). Д.О. Ефремов в 2004 году произвел классификацию наконечников стрел с поселений Верхнего Посурья, также основанную на типологии Медведева

(Ефремов, 2004). Исследователем выделено 28 типов наконечников, из них к вооружению монгол автор относит только 4. Д.О. Ефремов в своей работе отметил важное обстоятельство – большая концентрация монгольских наконечников на Золотаревском городище при относительно скудных их находках на других памятниках Верхнего Посурья, что, по мнению автора, говорит о локальности боевых действий против монголов в этом регионе.

Исследованием вооружения раннесредневекового периода истории Посурья и Примокшанья, которые в XI–XIII входили в состав Волжской Булгарии, занимался А.В. Павлихин. В ряде статей (Павлихин, 2001, с. 67–69; Павлихин, 2001(а), с. 70–89; Павлихин, 2003, с. 392–409; Павлихин, 2008, с. 138–187; Павлихин, 2008(а), с. 188–219) автором рассмотрен комплекс вооружения Посурья и Примокшанья III–XI веков. Данные работы важны тем, что они дают возможность проследить развитие комплекса вооружения населения на этой конкретной территории, позволяют, сопоставив комплексы вооружения разных эпох и народов, сделать вывод о коренной смене комплекса вооружения и доспеха на рубеже X–XI веков после завоевания региона Верхнего Посурья и Примокшанья волжскими булгарами, после которого военное дело на данной территории в начале II тыс. н. э. стало развиваться совершенно в новых условиях и в другом направлении.

В 2001 году В.В. Яньков исследовал предметы вооружения Чемадановского селища (Яньков, 2001, с. 129–139). Рассмотрев имеющийся материал, автор пришел к выводу, что все артефакты относятся к домонгольскому периоду. По мнению исследователя, отсутствие монгольского вооружения на памятнике говорит о том, что сражения между местными жителями и захватчиками не было, т. к. к моменту нашествия поселение было покинуто после получения известий о появлении войска захватчиков.

В 2008 году опубликована совместная работа В.А. Винничека и П.И. Сафронова, посвященная уникальным наконечникам стрел с поселений региона (Винничек, Сафронов, 2008, с. 180–199). В работе вводится в научный оборот и описывается большое количество редких материалов. Также авторы произвели типологию исследуемого материала.

Предметы вооружения из городищ юго-западной части Волжской Булгарии привлекли внимание исследователей вооружения финно-угорского населения Сурско-Окского междуречья. В ряде исследований авторами зафиксирован факт присутствия в мордовских памятниках предметов вооружения и конского снаряжения, преимущественно XI–XIII веков (сабли, топоры, копья, стрелы), характерных для волжских булгар (Святкин, 2001; Святкин, Власенко, 2012; Седышев, 2017). Однако парадоксальным образом С.В. Святкин в своей работе не связывал данные предметы с влиянием на мордовские племена Волжской Булгарии, хотя и не исключал такую возможность (Святкин, 2001, с. 118).

Пензенские находки клинкового оружия привлекли внимание И.Л. Кызласова. Сабли и их детали XI–XIII веков, сконцентрированные на территории Верхнего Посурья и Примокшанья, исследователь связывает с аскизским наследием и считает их продуктом древне-хакасских мастеров, основываясь на сопоставлении характерных черт, присущих клинковому вооружению упомянутых регионов (Кызласов, 2003, с. 456–472; Кызласов, 2008, с. 72–99). При этом вопрос о причинах и условиях появления этих сабель в Посурье автор оставил без ответа.

Отдельные сведения о вооружении встречаются также в исследованиях, посвященных отдельным памятникам Посурья и Примокшанья (Винничек, 2001; Винничек, 2003; Винничек, Сафронов, 2007; Белорыбкин, 2007; Винничек, 2010; Васин, 2010). Также вводятся в научный оборот предметы, находящиеся в частных коллекциях. Так, например, в 2003 году была описана одна сабля из Золотаревского поселения (Погорелов, 2003, с. 473–476). В целом все эти авторы были согласны с тем, что предметы вооружения с памятников Верхнего Посурья являлись частью вооружения средневековой Булгарии.

Значительным шагом в обобщении всего накопленного материала стала диссертационная работа В.А. Гусынина (2012). В ней автор собрал и по единой системе проанализировал весь известный к тому времени материал, а также сделал выводы о состоянии военного дела этого региона Волжской Булгарии. Важным достижением автора стало выявление целого ряда предметов вооружения, которое имело дальневосточное и южносибирское происхождение (Гусынин, 2011, с. 206–210;

Кулешов, Гусынин, 2012, с. 33–50), что позволило ему сделать предположение о связи этих наборов вооружения и снаряжения с различными воинскими контингентами, входившими в состав монгольских войск. При этом автор особо подчеркивал тезис, что события гибели Золотаревского городища и выявленного в его окрестностях комплекса вооружения связаны со штурмом этой крепости монгольскими войсками в 1237 году (Гусынин, с. 19).

В заключение следует отметить, что в настоящее время военное дело в юго-западных землях Волжской Булгарии, изучено недостаточно, хотя накопленный в результате археологических изысканий последних десятилетий значительный и разнообразный материал предоставляет большое количество информации по различным аспектам развития военного искусства в регионе.

При этом остается дискуссионным вопрос о самом характере комплекса вооружения этого региона. Пока не обобщен и не изучен весь военно-археологический материал, трудно сопоставить его как с оружием окружающих территорий, так и с остальной территорией Волжской Булгарии. Кроме того, требует особого изучения проблема накопления и археологизации самого этого материала. Произошло оно в результате последовательного и самостоятельного развития или явилось результатом наложения различных факторов и насколько комплекс вооружения, найденный в этом регионе, представляет единство, а какие его элементы является результатом случайного и механического объединения в результате катастрофических событий. Наконец, насколько все явления военной археологии из Верхнего Посурья и Примокшанья имеют своеобразный характер, а какие развивались в русле общеволжских военно-исторических тенденций. Все эти вопросы в той или иной степени были уже поставлены в историко-археологической литературе, но их решение требует нового последовательного обобщения всех материалов военной археологии этого региона.

При этом при наличии большого комплекса находок предметов вооружения, доспеха и воинского снаряжения, а также материалов по средневековой фортификации не появилось специализированных работ по военной археологии юго-западного региона Волжской Булгарии. Большинство упоминаемых о вооружении и доспехе мы находим в

работах, посвященных исследованию отдельных памятников, которые не носят обобщающего характера. Если самый массовый источник по военному делу – наконечники стрел – изучен достаточно неплохо и периодически публикуется, то огромный пласт остальных видов вооружения, и в особенности доспеха, остается практически неизученным. При

этом выявилась необходимость выполнить это обобщение по единой методике и общим подходом к материалу. Только при таком подходе возможен комплексный анализ и выявление комплекса вооружения юго-западной части Булгарии, который позволит поставить и решить другие военно-исторические проблемы.

§2. Источники по вооружению и военному делу Волжской Булгарии в юго-западных землях

Военное дело, как одна из самых главных сфер в жизни средневековых обществ, требует всестороннего изучения и комплексного подхода. При этом следует применять как можно большее число доступных источников, помимо самого распространенного и доступного – археологического материала. В распоряжении исследователей военной истории средних веков имеются изобразительные и письменные источники, которые в сочетании с вещественными свидетельствами зачастую позволяют взглянуть на вооружение комплексно, представить, каким образом оно использовалось и выглядело в древности. Немыслимо военно-историческое исследование без изучения всех доступных сведений письменных источников, которые предоставляют много уникальных данных по военно-политической истории, тактике и стратегии ведения боевых действий, без знания которых невозможно применять комплексный подход к изучению военного искусства.

Новым для современного отечественного оружиеведения являются изучение характера повреждений, наносимых средневековым оружием, следы которых остаются на остеологическом материале, элементах доспеха и т. д., и предоставляют неопределимую информацию по применению того или иного вооружения. Кроме того, очень часто само вооружение несет на себе следы его использования в виде неизбежных повреждений, следов частых заточек и пр. Стремительно набирает вес в изучении бытовой истории древних обществ археологический эксперимент, который начал свое развитие с исследования технологий каменного века, а в последнее время нередко применяется и для изучения материальной культуры средних веков.

Кроме того, само изучение вещественных источников не стоит на месте. На смену формально-описательному подходу к публикации предметов вооружения, подходящего только для составления наиболее общих классификаций, датировок и определения культурной принадлежности, приходит подход, при котором любой даже незначительный предмет изучается и описывается достаточно скрупулезно, начиная от технологических приемов изготовления, заканчивая особенностями внешнего оформления и орнаментации, что позволяет намного точнее разрабатывать хронологию, типологию и выявлять культурно-этническую принадлежность.

Источником материальной базы исследования являются фонды музеев Пензенской области, на территории которой в основной своей массе и сосредоточены памятники юго-западных земель Волжской Булгарии.

Самый массовый материальный источник по военной истории, как военного дела средневековья в целом, так и региона в частности – наконечники стрел. Их по предварительным данным насчитывается более 10 000 экз. Большинство происходит с территории Золотаревского городища и его окрестностей и это количество многократно превосходит как материалы из Волжской Булгарии, так соседних и других регионов. Учитывая сравнительно небольшую площадь территории юго-западного пограничья Булгарии в Верхнем Посурье и Примокшанье, это представляется уникальным явлением, требующим специального изучения. В настоящем издании приведена типология наконечников стрел из Золотаревского городища, которая дает представление об их наиболее типичных типах и формах. В приложении также даны типологии стрел одного из представитель-

ных комплексов из Чемодановского селища, а также выборка уникальных и редких наконечников стрел из памятников юго-западной Булгарии для понимания формирования комплекса метательного вооружения и его особенностей. В целом, они прямо указывают, что наконечники стрел имели, как общие с остальной Булгарией типы, так и включают целый ряд типов, имеющих по мнению специалистов центральноазиатский характер (Медведев, 1966).

Следующим по массовости вещественным источником являются все остальные предметы наступательного и оборонительного вооружения, которое довольно широко представлено на памятниках западных земель Волжской Булгарии.

Наступательное вооружение можно разделить на оружие дистанционного боя (лук и стрелы, метательные копья) и оружие ближнего боя, которое в свою очередь делится на несколько видов по характеру их применения и травм, которые они призваны наносить.

Клинковое оружие ближнего боя на памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья представлено саблями. На данный момент в регионе обнаружено 9 целых сабель и 10 фрагментов от 9 сабельных клинков, среди них обломки с рукояткой и обломки с острием клинка. Кроме того, в средневековом мордовском могильнике Татарская Лака II конца XII – XIII века в одном из погребений сохранился отпечаток сабли в грунте. Клинок, по всей видимости, был извлечен из захоронения в ходе грабительских раскопок, неоднократно отмеченных на памятнике.

Кроме того, в большом количестве представлены находки деталей сабельной фурнитуры, а также деталей ножен сабель отдельно от клинков. Это 45 сабельных перекрестий, одно из которых является подъемным материалом, обнаруженным в Татарской Лаке II, остальные – на Золотаревском поселении; 10 обоймиц сабельного клинка; 4 железных навершия рукояток и 7 наконечников ножен, не сохранившихся в составе клинков, а найденных отдельно; 60 обойм от ножен, которые использовались для подвешивания на портупею или пояс, при этом только одна из них была в комплекте с саблей. Основная часть этих находок относятся к подъемному материалу из поселений. Клинковое оружие ближнего боя также представлено наход-

кой на Юловском городище обоюдоострого кинжала.

Одна из самых многочисленных групп вооружения, характерных для Восточной Европы в эпоху Средневековья – копья, представленные наконечниками метательных копий-сулиц (3 экз.) и гарпунов (2 экз.), наконечниками копий (20 экз.) и их фрагментов (10 экз.), а также копейными втоками (2 экз.). В исследуемом регионе встречаются архаичные типы наконечников, однако основная масса находок – специализированные копья-пики и наконечники, характерные для XII–XIII веков.

Особую группу находок составляют ножи со втульчатой рукояткой, также именуемые «пальмы», помимо исследуемого региона обнаруженные только в Центральной Азии, прежде всего в Монголии. Всего на Золотаревском поселении найдено 6 подобных экземпляров.

Утрачивающие к XII веку свое значение боевые топоры-чеканы также обнаружены на Золотаревском поселении в количестве трех экземпляров.

Еще одну большую группу вооружения средних веков – оружие ударно-дробящего действия – представляют 3 железные навершия булавы, 5 бронзовых и одна железная гирька кистеня.

Детали доспеха представлены обрывками кольчужных полотен (15 экз.), фрагментами кольчужного плетения (4 экз.) и отдельными кольцами (3 экз.), клепаными, сварными и штампованными; также обнаружен 171 экземпляр пластинок и крупных фрагментов (без учета незначительных обломков) от ламеллярных и чешуйчатых доспехов, в т. ч. одной уникальной бронзовой пластины. Из них выделяются 5 комплектов, состоящих из пластинок одного типа, и один большой комплекс из 53 крупных фрагментов пластин двух типов, которые, по всей видимости, составляли один доспех.

Кроме того, из Золотаревского поселения происходят две детали от шлема: воронковидное навершие с тремя отверстиями под клепки и фигурная пластина-козырек.

Еще одним крайне важным для истории военного дела вещественным источником являются остатки оборонительных сооружений, позволяющие проследить традиции фортификации и определить уровень развития строительной инженерии древних народов.

В западных землях Волжской Булгарии имеется ряд крепостей разных типов, предоставляющих информацию о состоянии фортификационного мастерства в регионе, существовавших в период с XI–XIII вв. до момента их гибели во время монголо-татарского нашествия. К ним относятся Неклюдовское I и II городище, Сундровское городище (XI – начало XIII века), Юловское городище (XI – начало XIII века), Золотаревское городище (XI – начало XIII века), Садовское II городище (XI – начало XIII века).

Помимо того, что Золотаревское городище является наиболее представительным памятником по количеству вооружения и доспеха, оно предоставляет неоценимые сведения о средневековой фортификации, огромный пласт информации о дополнительных оборонительных сооружениях, которые не использовались постоянно, а были созданы непосредственно перед обороной: волчьи ямы, чесноки (11 экз.), т. к. поселение катастрофически прекратило свое существование после его осады и штурма монгольскими войсками. Здесь также сохранились следы применения осадной техники: снаряды от камнеметных осадных орудий и наконечники снарядов стрелометных орудий (3 экз.), и в этом отношении Золотаревское городище является уникальным памятником на всей территории Восточной Европы. Данное обстоятельство позволяет сделать определенные выводы об использовании различных защитных и осадных приемов, а также дополнить письменные данные по тактике и стратегии осады и обороны на территории Европы в Средние века.

Золотаревское городище предоставляет еще один источник по военному делу Средневековья – находки оружия со следами боевых повреждений. Характер этих повреждений, несомненно, нанесенных оружием противника, позволяет выяснить способы применения вооружения и его эффективность. К сожалению, подобных экземпляров пока не так много, хотя каждый из них по-своему уникален. Для отдельного описания их недостаточно, однако сведения о всех боевых повреждениях включены в соответствующие разделы. Наибольшие сведения о повреждениях несет на себе защитное вооружение, прежде всего несколько деформированных и поврежденных пластин и кольчужных колец, составлявших воинский доспех.

Несомненно, важными источниками по истории военного искусства булгар и монголов эпохи завоеваний Восточной Европы являются письменные свидетельства современников и летописцев. Здесь необходимо отметить сведения католических монахов Юлиана, Дж. дель Пано Карпини, Гильома де Рубрука о монголах (татарах) и событиях первой половины XIII века в Восточной Европе и Азии, собранных ими во время путешествий. Для нас наиболее интересны данные о военных действиях монголов на территории Волжской Булгарии, а также информация по тактике и стратегии монгольских войск. Не менее интересно в этом отношении сочинение государственного деятеля и придворного историка Ильханидов (Хулагуидов) Рашид ад-Дина. Также немаловажные сведения мы узнаем из древнерусских летописных сводов, которые описывали военные походы монголов, упоминая при этом и события, которые происходили в этот период на западных окраинах болгарского государства. Хотя все эти сведения требуют определенного критического анализа, сведения их уникальны и бесценны, поскольку содержат сведения, без которых данные археологии не могут быть правильно поняты и интерпретированы.

Большим подспорьем в понимании конструкции и способов применения некоторых видов вооружения дают этнографические описания, зафиксировавшие описание оружия у различных народов, сохранивших свои ранние традиции вплоть до современности.

Еще одним источником, получившим распространение в последние десятилетия, является археологический эксперимент. В рамках него производится реконструкция ремесел с использованием архаичных технологий и инструментов, результатом которой являются предметы, аналогичные по своим характеристикам древним. Археологический эксперимент позволяет выявить особенности изготовления и применения тех или иных средневековых предметов. В нашей работе также будут использованы результаты таких работ, которые позволили не только восстановить предполагаемый первоначальный внешний облик некоторых изделий и комплекса вооружения в целом, но и помогли с определенной долей уверенности атрибутировать назначение целого ряда находок – ножей с втульчатой рукояткой.

Вооружение, доспех, фортификация и прочие явления военной археологии служат главным материальным отражением реально функционирующей системы военного дела. Для того чтобы выяснить место конкретного предмета в истории вооружения, необходимо установить временные рамки его бытования, культурную и социальную принадлежность, функциональное назначение. Анализ материальных источников позволяет выявить общность вооружения во всех регионах Волжской Булгарии, а также выделить местные особенности. Также необходимо установить место военного дела региона в системе военного дела Волго-Уральского региона и Восточной Европы. Основная масса археологического материала происходит из поселений, что затрудняет его датировку и выяснение культурной принадлежности. Например, предметы вооружения болгарского или древнерусского типа довольно часто встречаются

в мордовских могильниках региона. При этом есть определенные трудности в выявлении местных и региональных особенностей, общих закономерностях развития оружия и местных вариантов – все эти теоретические вопросы военной археологии требуют единого подхода, который можно сформулировать как типологический. Суть его в выявлении общих особенностей комплекса вооружения определенной археологической реальности, на основе которой можно в дальнейшем путем сопоставления и анализа выявлять общие закономерности и тенденции развития, связи с соседними и дальними регионами, выявить местные и заимствованные предметы вооружения. Основные системные элементы этой методики изложены в ряде теоретических статей по военной археологии (Измайлов, 2012, с. 66–85; Измайлов, 2016, с. 59–63; Измайлов, 2017, с. 16–22).

Таким образом, можно выделить несколько этапов в изучении истории военного искусства на территории западных земель Волжской Булгарии, которые различаются как объемом накопленного археологического материала, так и теоретическим его осмыслением.

На первом этапе в конце XIX – середине XX века появились первые упоминания о городищах, которые в настоящее время рассматриваются в нашем исследовании, а также появились отрывочные сведения о находках предметов вооружения.

Второй этап связан с работами М.Р. Полесских в 1950–1970-е годы, когда были заложены основы знаний об исследуемой территории: определена общая датировка городищ, определена этнокультурная принадлежность археологических материалов, выдвинуты гипотезы по военно-политической истории края.

Третий этап связан с работами экспедиций под руководством Г.Н. Белорыбкина в 1980–1990-х годах, которые резко интенсифицировали раскопки памятников, особенно городищ, а также провели последовательное обследование территории Верхнего Посурья

и Примокшанья, выявив целый ряд новых памятников. По мере накопления данных археологии были сделаны первые обобщения материала, относящегося к военной археологии, что послужило основой для выдвижения новых концепций, объясняющих обстоятельства военной истории региона.

На четвертом этапе произошел качественный скачок в изучении всего материала. Наибольших успехов достигло как изучение военного дела Волжской Булгарии в целом, так и отдельных регионов. Это, очевидно, было связано с увеличением количества полевых исследований, общим ростом интереса к военной истории в целом и болгарской в частности. Появились крупные комплексные работы по разным аспектам военной истории Волго-Уральского региона. В ходе исследований было наглядно показано, что военная организация болгарского войска соответствовала высокому развитию социально-политического строя Волжской Булгарии, а болгарский комплекс вооружения, а также состояние военного зодчества отвечали требованиям времени и являлись неотъемлемой частью системы военного искусства Европы. Целым рядом исследований было доказано, что

различные аспекты военного дела Волжской Булгарии имели много общих черт по динамике развития с Древней Русью и мусульманским Востоком. Материалы, полученные путем анализа памятников Верхнего Посурья и Примокшанья, в этих исследованиях играли важную роль, дополняя и развивая общую картину военного дела Волго-Уральского региона. В результате исследований наиболее изученными аспектами истории военного дела в регионе оказались фортификация и

дистанционное оружие (лук и стрелы), в то время как остальные составляющие проблемы практически не затрагивались.

В целом, можно сказать, что сам комплекс вооружения, в том виде, как он представлен в археологических памятниках, требует системного и единообразного изучения, поскольку именно этот анализ позволит сделать необходимые выводы об истоках и тенденциях его развития и его культурно-исторических связях с материалами других регионов.

ГЛАВА II

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ

В Средневековье применялось огромное количество видов наступательного вооружения: оружие дистанционного боя (лук и стрелы, метательные копья), оружие ближнего боя (топоры, копья, мечи и т. д.)

По мере развития наступательного вооружения необходимость защиты от него заставляла мастеров изготавливать все более надежные и более технологически сложные в изготовлении доспехи. Для этого периода наиболее характерно применение кольчужных и пластинчатых (ламеллярных и чешуйчатых) доспехов, сложных по конструкции шлемов.

В период, предшествующий колонизации Верхнего Посурья и Примокшанья волжскими булгарами, эти земли занимали мордовские племена, которые по большей части использовали универсальное по своему назначению вооружение: наконечники копий и стрел, топоры, пригодные как для охоты, так и для сражений. Иногда использовали и

специализированное военное вооружение: кавалерийские пики и боевые топоры-кичканы, которые они заимствовали у соседей кочевников. Мордве практически неизвестны доспехи.

К моменту освоения исследуемой территории Волжской Булгарией в XI–XIII веках это государство достигает своего наивысшего развития как в экономическом, хозяйственном и социальном, так и военно-политическом аспектах. Все передовые достижения военного искусства того времени широко использовались булгарами, не уступая в этом своему соседу и конкуренту в Восточной Европе – Древней Руси.

Данный факт отчетливо проявился и на юго-западной окраине их государства, поскольку данный регион имел важное стратегическое значение для Волжской Булгарии. В период с XI по XIII век мы видим резкий скачок в развитии военного дела в регионе.

§1. Наступательное вооружение

К таковому относится несколько типов вооружения: клинковое, к которому относятся разного рода мечи, сабли, палаши, кинжалы, боевые ножи и прочее, древковое оружие, начиная с предметов сельского хозяйства, приспособленных для сражений (косы, вилы и т. д.) и охоты, и заканчивая узкоспециализированными копьями элитных войск тяжелой кавалерии, топоры как хозяйственные,

так и предназначенные специально для битв, оружие ударно-дробящего действия (кистени, булавы, дубины и т. д.), которое использовалось исключительно для военных целей и зачастую, перейдя в измененном виде из более древних эпох, было символами власти и достатка. В изучаемом регионе представлены все виды описанного наступательного вооружения.

1.1. Клинковое оружие

1.1.1 Сабли и их детали

Мечи и сабли являлись одними из самых престижных видов вооружения в Средневековье. Производство клинкового оружия требует больших материальных затрат и большего мастерства нежели изготовление других,

более массовых, видов средневекового вооружения ближнего боя, таких как топоры и копья. Они использовались только военной верхушкой. Поэтому мечи и сабли находят гораздо реже других видов оружия.

В настоящее время на территории юго-западных земель Волжской Булгарии XI–XIII вв. не найдено средневековых мечей, в то время как сабли представлены достаточно широко.

Сохранились как целые экземпляры, так и многочисленные элементы фурнитуры сабли и ножен. Исследуемый регион выделяется среди аналогичных ему количеством находок средневекового вооружения. Так, около 70 сабель и их деталей найдено на территории всей Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, с. 11) и в два с лишним раза больше (150 экз.) на территории Древней Руси (Кирпичников, 1966, с. 62). Практически все сабли в исследуемом регионе однотипны и различаются только деталями.

Распространенные в Верхнем Посурье и Примокшанье сабли аналогичны синхронным находкам из поселений Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 2: 1–2) и мордовских могильников (Святкин, 2001, рис. 21, 22). Однако для более ранних сабель характерен меньший изгиб клинка (Измайлов, 1997, с. 19), но подобные экземпляры неизвестны в юго-западных землях Волжской Булгарии. Классифицируются они по типу смонтированного на них перекрестия (7 экз., типология перекрестий описана ниже).

Для сабельного клинка характерны следующие элементы (рис. 3):

- а) рабочая поверхность;
- б) острие;
- в) обоюдоострая заточка на конце;
- г) обух – сторона противоположная рабочей поверхности;
- д) дол – углубление, служащее для облегчения клинка;

е) рукоятка, на ней обычно 2 отверстия, в некоторых присутствуют элементы крепления (клепки, гвозди) несохранившихся обкладок (вероятно деревянных). Клепками, видимо, крепились обкладки при первоначальном монтаже, гвоздями же чинили поврежденные рукоятки. Их просто вставляли в отверстия и загибали.

Для облегчения описания необходимо дать название двум сторонам-граням сабли. Так, грань справа при взгляде на обух со стороны рукоятки – лицевая, т. к. обращена к стороннему наблюдателю, когда висит в ножнах на поясе слева. Грань противоположная ей – тыльная.

Всего в регионе найдено 9 целых сабель, большая часть которых (6 экз.) происходит из района Золотаревского поселения, две найдены в Примокшанье и место находки еще одной не установлено.

Одна из сабель на территории Примокшанья найдена в Серго-Поливановском могильнике. О ней известно достаточно мало ввиду отсутствия самого предмета и его изображения. Из отчета А.Х. Халикова известно, что она имеет общую длину 110 см, длину рукояти 19 см, на которой сохранились следы костяной обкладки. Это единственная сабля с костяными обкладками рукоятки на территории Пензенской области. В настоящее время произвести датировку затруднительно, также сложно определить ее этническую принадлежность. Поэтому эта находка будет учтена только в контексте общего числа находок сабель на территории западных земель Волжской Булгарии.

На территории Примокшанья в могильнике Татарская Лака II найден еще один целый экземпляр сабли с перекрестием типа IB2 (рис. 4: 1). Общая длина 950 мм, длина клинка 850 мм, ширина клинка 30 мм. Длина обоюдоострой заточки, кривизна клинка 30 мм. С лицевой стороны клинка имеется 2 узких параллельных дола, что в клинковом производстве встречается чрезвычайно редко. На лицевой стороне рукоятки сделан широкий дол. На клинок смонтирована обоймица. Сабля имеет очень близкий аналог из могильника Шизе IV XII – начала XIII веков вблизи станицы Эриванской на Северном Кавказе (Успенский, 2009, с. 377–388, рис. 1: 1–3). Помимо метрических характеристик у обеих сабель перекрестия типа I, долы на рукоятках. Однако на экземпляре с Северного Кавказа отсутствуют долы на клинке.

Сабля, хранящаяся в фондах Пензенского краеведческого музея без инвентарного номера (рис. 4: 2). Сохранился только клинок и часть рукоятки без отверстий для крепления, перекрестие и обойма отсутствуют, клинок подвержен сильной коррозии, долы не прослеживаются. Общая длина 1065 мм, длина клинка 985 мм, ширина клинка 32 мм, толщина 7 мм. Длина обоюдоострой заточки 260 мм (сечение линзовидное), кривизна клика 30 мм, ширина рукоятки у перекрестия 25 мм.

Остальные сабли происходят из района Золотаревского поселения. И найдены либо

непосредственно на городище или селищах, либо недалеко от них на территории, где происходило сражение.

У первой сабли с перекрестием типа III (рис. 4: 3) не сохранилась рукоятка, поэтому общую длину установить сложно, однако, учитывая размеры рукояток других сабель (около 10 см), можно примерно вычислить ее размер: общая длина 1040 мм, длина клинка 940 мм, ширина клинка 30 мм. Длина обоюдоострого конца 195 мм, кривизна клинка составляет 34 мм.

Вторая сабля (рис. 4: 4) с перекрестием типа II2 найдена на дне оврага, имеет общую длину клинка 885 мм, длину клинка 785 мм, ширину клинка 32 мм, толщину клинка 7 мм. Сабля также имеет обоюдоострый конец, длину которого сложно установить точно из-за сильной коррозии клинка, кривизна клинка составляет 32 мм, при этом на сабле отсутствуют долы, но имеется ребро. На рукоятке два отверстия, в одном из которых сохранился гвоздь.

Третья сабля (рис. 4: 5) с перекрестием типа IIIБ2 общей длиной 998 мм, длиной клинка 906 мм, шириной 30 мм, толщиной клинка 6 мм. Длина обоюдоострого конца клинка 242 мм, кривизна клинка на середине длины 30 мм. Долы имеются с обеих сторон и смещены к обуху клинка.

Четвертая сабля (рис. 5: 1) с перекрестием типа IVA2 общей длиной 1035 мм, длиной клинка 925 мм, шириной 30 мм, толщиной клинка 9 мм. Длина обоюдоострого конца клинка 230 мм, кривизна клинка на середине длины 35 мм. На сабле сделано три дола: два на лицевой стороне и один на тыльной. На рукоятки сохранилось два отверстия для крепления, в одном из которых сохранился гвоздь. Судя по этому гвоздю, толщина рукоятки была 16 мм.

Пятая сабля (рис. 5: 2) с перекрестием типа IVA3 общей длиной 958 мм, длиной клинка 870 мм, шириной 31 мм, толщиной 7 мм. Длина обоюдоострой заточки 243 мм, кривизна клинка составляет 2 мм. На обеих сторонах имеет дол шириной 8 мм, смещенный к обуху клинка. В центре на клинке была надета широкая обойма от ножен (Белорыбкин, 2003, с. 415).

Шестая сабля (рис. 5: 3) из района Золотаревского городища с перекрестием типа IVБ на данный момент храниться в частной коллекции (Погорелов, 2003, с. 473). Общая

длина сабли 1073 мм, длина клинка 978 мм, ширина клинка с учетом обоймицы 39 мм, толщина клинка 6 мм. Аналогично остальным саблям данный экземпляр имеет обоюдоострую заточку на острие клинка, кривизна клинка 36 мм. В рукоятке клинка сохранилось два гвоздя для крепления деревянных обкладок рукоятки.

К кругу болгарских сабель можно отнести 5 экземпляров из мордовских могильников Мордовские парки и Черемисы (Святкин 2001, с. 52–54, рис. 21–23). С.В. Святкин датирует их XII веком и относит к наследию мордвы, хотя по ряду параметров они отличаются от вышеописанных сабель (меньший изгиб клинка, отсутствие обоймиц у перекрестья). По всей видимости, эти сабли являются более ранними вариантами экземпляров, обнаруженных в районе Золотаревского поселения, однако в Волжской Булгарии они присутствуют (Измайлов, 1997, рис. 2: 1). Сабли с меньшим изгибом (20–25 мм) клинка предшествуют саблям с более изогнутым (до 35 мм) клинком (Измайлов, 1997, с. 22).

Одна сабля из Черемисского могильника по своим параметрам и конструкции сходна с вышеописанными саблями с территории Пензенской области (Святкин, 2001, с. 53, рис. 21: 2)

Две сабли из могильника Мордовские парки также конструктивно сходны с Пензенскими, однако имеют меньший изгиб клинка (Святкин, 2001, с. 52, рис. 22: 1–3). Как отмечает С.В. Святкин захоронения 5, 60 этого могильника, в которых и были обнаружены эти сабли, совершены не ранее начала XII в. (Святкин, 2001, с. 53).

Все сабли, происходящие с территории расселения мордвы, видимо, попали туда в результате тесных контактов с Волжской Булгарией. А наличие в мордовских могильниках сабель с незначительным изгибом говорит о том, что такого рода связи между народами были еще до основания булгарами колонии в Верхнем Посурье и Примокшанье.

Помимо целых сабель земля сохранила фрагменты сабельных клинков, основная масса их относится к остриям сабель.

К фрагментам сабельных клинков относятся 2 фрагмента острия (рис. 6: 1–2) шириной 30–31 мм, толщиной 7–8 мм. На одном из них на лицевой стороне клинка ближе к обуху имеется дол шириной 7 мм (рис. 6: 1; рис. 36: 1).

Также обнаружены 5 фрагментов обоюдоострой заточки острия клинка (рис. 6: 5–8; рис. 36: 2), 2 из них, по всей видимости, принадлежат одной сабле. Ширина фрагментов колеблется от 21 мм до 25 мм, толщина 5–8 мм (Белорыбкин, 2003, рис. 10). Один фрагмент, подвергшийся сильной коррозии, происходит из Степановского I селища (Винничек, 2010, с. 168, рис. VII: 32).

Найдены и два фрагмента клинка без острия с рукояткой. Одна находка происходит из Татарской Лаки II, вторая находка из Золотаревского поселения. Обе находки без перекрестий.

Фрагмент из Золотаревского поселения (рис. 6: 3; рис. 36: 3) согнут и не имеет обоймицы. Длина 380 мм, ширина 30 мм, толщина 7,5 мм, сечение пятиугольное. В рукоятке сохранилось 2 отверстия диаметром 4 мм. По всей видимости, клинок был согнут в древности.

Фрагмент из Татарской Лаки II (рис. 6: 4) имеет трехгранное сечение и обоймицу. Длина всего фрагмента 572 мм, длина рукоятки 84 мм, ширина клинка 32 мм, толщина 6 мм.

Кроме того, в могильнике Татарская Лака II сохранился отпечаток сабли из погребения 14 (рис. 4: 6). Сабля была изъята из погребения в ходе грабительских раскопок. Параметры отпечатка аналогичны остальным саблям региона.

Все фрагменты по своим параметрам аналогичны целым саблям, и поэтому с некоторой долей уверенности можно говорить о наличии еще 9 сабель X–XIII веков. Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать наличие в юго-западных землях Волжской Булгарии материальных свидетельств о 18 саблях. Учитывая факт практически полного отсутствия данного вида вооружения в регионе в предшествующие эпохи, за исключением двух палашей в Армиевском I могильнике (Халиков, 1983), можно говорить о довольно внезапном появлении здесь воинов, использующих издавна это клинковое оружие, в данном случае о волжских булгарах.

На данный момент основные находки средневековых сабель сосредоточены в обоих районах юго-западных земель Волжской Булгарии. При этом есть некоторая особенность: сабли Примокшанья происходят из захоронений, что позволяет определить время распространения этого оружия, в то время как

сабли Верхнего Посурья были найдены на месте поселений, поэтому довольно сложно определить, когда они использовались.

Из района Верхнего Посурья происходят 6 целых сабель, 8 фрагментов клинка, среди которых преобладают обломки концов сабли, что составляет 78% от общего числа находок сабель; в Примокшанье сосредоточены 12% находок сабель: 2 целых экземпляра, 1 фрагмент и 1 отпечаток в грунте.

Общая длина сабель колеблется от 880 мм до 1100 мм, ширина от 28 мм до 39 мм (следует отметить, что измерения сабли с наибольшей шириной клинка производились с учетом обоймицы), толщина 6–9 мм, кривизна сабель довольно большая 20–36 мм.

Два экземпляра имеют пятиугольное сечение клинка. Пятиугольное сечение имеет палаш из Тувы, наиболее близкий по своим особенностям к верхнесурским саблям (Худяков, 1980, табл. VI: 2), кроме того, он согнут аналогично пятиугольному фрагменту из Золотаревского поселения.

Практически все сабли имеют обоюдоострую заточку конца клинка (за исключением фрагментов, на которых концы не сохранились). Обоюдоострую заточку имеют также найденные обломки концов клинка сабель. Угловое отклонение рукоятки относительно клинка в измерении находок не учитывается, т. к. имеет незначительную величину – около 2–4°, кроме того, точно определить данный параметр затруднительно, но при этом неточности в измерении могут приводить к неверным оценкам. Так, например, С.В. Святкин при измерении сабель из мордовских могильников получил значение для данного параметра 4°, в то время как для аналогичных им сабель Верхнего Посурья и Примокшанья Г.Н. Белорыбкин определяет этот параметр в 2°. Данное обстоятельство может привести к неверному пониманию различия описанных экземпляров.

Из сохранившихся экземпляров, по состоянию которых можно судить о наличии дола, на пяти он присутствует, что составляет 42% таких находок. Две сабли имеют пятиугольное сечение клинка. Дола встречены на саблях из Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 2: 2; рис. 3: 2–3), а также в погребениях черных клобуков (Кирпичников, 1993, рис. 3: 1). Однако аналогий трехдольным саблям нами не найдено.

В ходе археологических работ на Золотаревском поселении ежегодно извлекается из земли огромное количество сабельной фурнитуры, деталей крепления и украшения ножен сабли. Число извлеченной фурнитуры несоизмеримо больше количества самих сабель, для которых она предназначена. Такой обширный фактический материал позволяет проследить технологические особенности и приемы изготовления фурнитуры.

Перекрестия сабель являются основой для типологизации сабель по аналогии с типологиями мечей эпохи викингов Я. Петерсена (Петерсен, 2005) и А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966), т. к. практически все клинки являются однотипными по своим параметрам и не всегда содержат иную фурнитуру, тогда как перекрестие является обязательным элементом.

На настоящий момент найдено 52 экземпляра железных перекрестий, 7 из них в составе сабель. Основная масса происходит из Золотаревского поселения.

Каждое перекрестие условно можно разделить на три составные части (рис. 3):

- а) тело перекрестия;
- б) плечи;
- в) перегородка с посадочным отверстием.

Вариации форм тела и плеч достаточно разнообразны, на основании чего можно выделить основные типы перекрестий.

Все перекрестия можно разделить на несколько типов. В основе типологии лежит форма плечиков и тела перекрестия. Перекрестия при взгляде сверху бывают трех основных форм (рис. 7), что в купе с другими признаками (наличие выступов, ребер и пр.) служит основой для выделения вариантов типа:

- А) овальные;
- Б) лодковидные;
- В) ромбовидные.

Кроме того, посадочные отверстия имеют несколько основных форм:

- а) подпрямоугольная;
- б) подтреугольная;
- в) овальная (линзовидная).

Это, видимо, зависело от формы рукоятки, на которую насаживалось перекрестие. Однако овальная форма, скорее всего, была наиболее простым и универсальным видом, т. к. наиболее проста в производстве.

Одно из перекрестий сохранило следы изготовления посадочного отверстия (рис. 41: 2). На меньшей стороне подтреугольного по форме отверстия имеется засечка, которая говорит о том, что при изготовлении сначала прорубалась центральная прямая линия, которая затем расширялась.

Следует отметить, что есть 2 находки перегородок отдельно от перекрестий (Белорыбкин, 2001, рис. 84: 16–17).

Большое количество материала дает возможность судить о конструкции перекрестий. К таким признакам можно отнести: необработанные стыковые швы между технологическими частями перекрестий, зарубки от зубил на теле перекрестия, служившие для закрепления перегородки на теле.

На данный момент можно проследить несколько вариантов изготовления тела и плеч перекрестий.

1. Перекрестия, состоящие из двух частей. Сначала изготавливались две симметричные половинки, включающие в себя тело и оба плеча, затем они стыковались, и плечи между собой соединялись методом кузнечной сварки. О таком способе крепления нам красноречиво говорят необработанные швы вдоль плеч, указывающие на стык между деталями (рис. 50: 1). Наиболее выразительно это прослеживается на перекрестии типа IVA (рис. 44: 2), сохранившем на одной из сторон плеча «ступеньку», образовавшуюся из-за неточного соединения частей заготовки. К ним, видимо, относятся перекрестия типов I, V, часть перекрестий IV типа.

2. Перекрестия, состоящие из четырех частей. Так же как и в предыдущем способе, сначала изготавливались две симметричные половинки, затем между плечиками противоположных половинок вставлялись дополнительные клинья. Это наглядно можно увидеть на сломанном или недоделанном перекрестии IV типа (рис. 40: 1), где одно из плечиков половинки не скреплено с клином.

Довольно сложно судить о том, в какой момент на перекрестие монтировалась перегородка (в процессе соединения половинок, вкладываясь между сваривающимися частями или после соединения), но можно выделить несколько способов ее закрепления внутри:

1. Самым простым был вариант удержания за счет силы трения, т.е. перегородка плотно подгонялась по телу перекрестия, затем вставлялась и, скорее всего, дополни-

тельно проковывалась, что фиксировало перегородку на перекрестии. Но такой способ, видимо, не был надежным, о чем свидетельствует 16 перекрестий с утраченной перегородкой, что составляет 30% от общего числа находок. Интересно в этом отношении перекрестие, где перегородка неплотно подогнана под тело перекрестия и соприкасается с ним только в нескольких точках (рис. 43: 2). Вполне возможно, что данное перекрестие попало в землю на стадии производства и еще не было закончено.

2. Для удержания перегородки торцы плечиков в месте примыкания к телу перекрестия делались скошенными, образуя платформу, на которую укладывалась перегородка, затем зубилом внутренняя часть плечиков подрубалась, образуя заусенцы, которые прижимали перегородку к платформе, тем самым фиксируя ее. Такой способ отчетливо заметен на уже упомянутом перекрестии (рис. 40: 1).

3. Упрощенным вариантом предыдущего можно считать способ, при котором заусенцы изготавливались с обеих сторон, зажимая перегородку между собой. Иногда такие заусенцы дополнительно проковывались, чтобы скрыть следы их наличия. Разновидностью этого способа можно считать случаи, когда перегородка удерживается с помощью зажима, отогнутого от боковой стенки тела перекрестия (рис. 41: 2).

4. В одном случае между телом перекрестия и перегородкой зафиксирована тонкая полоска оксидов меди, которая не выходит за границы расположения перегородки (рис. 49: 1). Есть вероятность, что в данном случае перегородка была зафиксирована с помощью медесодержащего припоя. Такой способ фиксации был известен в Средневековье, в частности в Древней Руси. Так, на древнерусских шлемах типа Черная Могила (X–XI вв.) отмечается соединение деталей наверший с помощью пайки медесодержащим сплавом (Барышев, Коровкин, 2009, с. 65).

Наиболее разработанная типология болгарским саблям приведена в предыдущей работе И.Л. Измайлова (Измайлов, 1997), поэтому в скобках указан тип по этой типологии.

Тип I (Тип I) (5 экз.).

Перекрестия с окончаниями в виде различных геометрических форм. Данный тип перекрестий бытовал в X–XI вв. у широ-

кого круга кочевых народов: венгров (The Ancient..., 1996, p. 67, fig. 1–5, p. 87, fig. 10), алан (Михеев, 1985, рис.10: 1, рис. 12: 19), ранних болгар (Казаков, 2007, рис. 20: 21), кочевников Южного Урала (Мажитов, 1981, рис. 66: 1) и Юной Сибири (Худяков, 1986, рис. 2: 3), а также в Древней Руси (Кирпичников, 1966, табл. XXXIV: 1). Широко представлен в Дунайской Болгарии (Iotov, 2008, figure 3, 10) и продолжал бытовать в XI–XIII веках в Волжской Болгарии (Измайлов, 1997, рис. 7: 1–2) и Северном Кавказе (Крым..., 2003, табл. 99: 41).

Подтип А (1 экз.). Перекрестие без плечиков, шаровидные окончания крепятся непосредственно к телу.

Один экземпляр этого подтипа происходит из Юловского городища (рис. 9: 1). Перекрестие частично повреждено и деформировано. Вероятно, первоначально оно имело овальную форму. На середине длины тела перекрестия сохранился клиновидный выступ. Длина перекрестия 82 мм, высота с учетом повреждений 20 мм. Аналогичное перекрестие смонтировано на палаш из Тувы (Худяков, 1980, табл. VI: 2), однако Ю.С. Худяков отмечает, что подобные перекрестия в Сибири являются импортом (Худяков, 1980, с. 39).

Подтип Б (1 экз.). Овальное перекрестие с прямым телом и слабо отогнутыми округлыми плечиками.

Имеется аналогия среди аскизских древностей (Кызласов, 1983, XVIII: 17) и в кимакском погребении XII века (Плотников, 1981, с. 166).

Плечики золотаревского овального перекрестия (рис. 1: 2, рис. 37: 1) имеют овальную же форму, а окончания линзовидную в сечении форму. Длина 70 мм, ширина 21 мм, высота 10 мм. Ширина посадочного отверстия 8 мм. Толщина перегородки 2 мм.

Подтип В (3 экз.). Перекрестия с телом подтреугольной формы.

Вариант 1 (1 экз.).

Перекрестие с плоскими плечиками и цилиндрическими окончаниями из Золотаревского городища (рис. 9: 3; рис. 37: 2), предположительно, изначально ромбовидное. Длина 78 мм, ширина в современном состоянии (в настоящее время стенки деформированы) 12 мм, высота 18 мм.

Вариант 2 (2 экз.).

Овальное перекрестие с круглыми плечиками и шаровидными окончаниями из Золотаревского поселения (рис. 9: 4). Одно из плечиков перекрестия надломано. Длина 87 мм, ширина 21 мм, высота 17 мм. Посадочное отверстие 21×6 мм.

Овальное перекрестие с круглыми плечиками и шаровидными окончаниями (Святкин, 2001, рис. 23: 4) смонтировано на саблю из Татарской Лаки II (рис. 4: 1). Длина 83 мм, ширина 25 мм, высота 15 мм.

Тип II (2 экз.).

Перекрестия, формой тела в сочетании с плечиками напоминающие прямоугольник. Характерен только для экземпляров, смонтированных на сабле.

Вариант 1 (1 экз.). Лодковидное перекрестие (рис. 9: 5) длиной 75 мм, шириной 21 мм, высотой 12 мм. Перекрестие смонтировано на саблю с отломанной рукояткой (рис. 4: 3).

Вариант 2 (1 экз.). Овальное перекрестие с усеченными плечиками и ребром на середине тела (рис. 9: 6). Смонтировано на саблю, найденную на дне оврага (рис. 4: 4). Длина 79 мм, ширина 24 мм, высота 16 мм.

Тип III (7 экз.).

Перекрестия, формой тела в сочетании с плечиками напоминающие вытянутый ромб с усеченными концами.

Подтип А (2 экз.). Овальное перекрестие из Золотаревского поселения с усеченными плечиками (рис. 10: 1; рис. 38: 1). Длина 62 мм, ширина 19 мм, высота 14 мм. Внутренняя (со стороны перегородки) часть плечиков имеет скос, формируя площадку для установки перегородки. Здесь же заметны следы засечек от зубила.

Овальное перекрестие с усеченными плечиками из Степановского I селища (Винничек, 2010, рис. VII: 28). Длина 73 мм, ширина 19 мм, высота 10 мм. Посадочное отверстие 3×19 мм.

Подтип Б (Тип III) (4 экз.). Лодковидные перекрестия с прямоугольными или клиновидными выступами на середине их длины.

Вариант 1 (2 экз.). Перекрестия с прямоугольными или клиновидными выступами на середине их длины.

1. Перекрестие с выступами подпрямоугольной формы (рис. 38: 2). Длина 72 мм, ширина 21 мм, высота 17 мм. Посадочное отверстие 26×9 мм. Толщина перегородки 2,5

мм. Перегородка закреплена на перекрестии засечками, сделанными зубилом на теле перекрестия с обеих сторон.

2. Перекрестие с выступами клиновидной формы (рис. 10: 2; рис. 39: 1). Длина 68 мм, ширина 19 мм, высота 15 мм.

Вариант 2 (2 экз.). Перекрестие с клиновидными выступами и ребром на середине их длины.

1. Перекрестие с небольшими клиновидными выступами и ребрами на середине длины. Длина 63 мм, ширина 14 мм, высота 14 мм. Смонтировано на саблю (рис. 4: 5).

2. Аналогичное перекрестие (рис. 10: 3; рис. 39: 2). Длина 82 мм, ширина 23 мм, высота 15 мм. Посадочное отверстие: 26×7. Толщина перегородки 1,5–2 мм. Различаются ребра в 1 мм.

Тип IV (тип II) (27 экз.).

Перекрестия с ромбическим расширением на середине тела. Иногда расширения смещены от центра или расположены несимметрично относительно друг друга, что свидетельствует о плохой подгонке деталей будущего перекрестия друг к другу. Самый многочисленный тип перекрестий как в юго-западных землях и на основной территории Волжской Булгарии, так и у кочевников Восточной Европы и Центральной Азии, а также в Древней Руси (Измайлов, 1997, с. 28; Кирпичников, Медведев, 1985, с. 308). Все перекрестия на саблях из мордовских могильников, кроме экземпляра из Татарской Лаки II, относятся к этому типу (Святкин, 2001, рис. 21: 1–2; 22). Близкие аналогии данным перекрестиям на саблях XII–XIII веков черных клобуков (Плетнева, 1973, рис. 14–16).

Подтип А. Перекрестия с прямыми плечиками (18 экз.).

Вариант 1 (1 экз.). Прямое лодковидное перекрестие (рис. 10: 4). Перекрестие длиной 75 мм, шириной 21 мм, высотой 22 мм. Встречается на памятниках ранних булгар (Генинг, Халиков, 1964, рис. 16: 1).

Вариант 2 (15 экз.). Прямое ромбовидное перекрестие с усеченными плечиками.

1. Перекрестие с поперечным ребром на обеих сторонах на середине длины (рис. 40: 1). Длина 88 мм, первоначальная ширина неопределима, высота 19 мм. Посадочное отверстие: 28×7 мм. Толщина перегородки 1 мм. Перекрестие было сломано или недоделано в древности, о чем свидетельствует разрыв между деталями одного из плеч.

2. Перекрестие с несимметричными по длине плечиками (рис. 40: 2). Длина 82 мм, ширина 21, высота 13 мм. Посадочное отверстие: 25×7 мм. Перегородка изогнута, видимо, в процессе эксплуатации. На теле перекрестия заметны следы засечек зубилом.

3. Данное перекрестие также имеет несимметричные по длине плечики (рис. 10: 5). Длина 79 мм, ширина 22 мм, высота 19 мм.

4. Плечики этого перекрестия (рис. 41: 1) с внутренней стороны имеют скос, образуя платформу для удержания перегородки, и следы засечек зубилом. Длина 98 мм, ширина 21 мм, высота 16 мм.

5. Перекрестие (рис. 41: 2) длиной 81 мм, шириной 21 мм, высотой 21 мм. Посадочное отверстие: 21×5 мм. Толщина перегородки 2,5 мм. Посадочное отверстие подтреугольной формы сохранило следы изготовления (зарубка на меньшей стороне). Перегородка удерживается зажимом, отогнутым от боковой стенки тела перекрестия.

6. Перекрестие с несимметричными по длине плечиками (рис. 10: 6; рис. 42: 1). Длина 98 мм, ширина 22 мм, высота 19 мм. Посадочное отверстие: 32×8 мм. Толщина перегородки 2 мм. На теле перекрестия заметны слабые следы засечек.

7. Перекрестие (рис. 42: 2). Длина 82 мм, ширина 21 мм, высота 21 мм. Посадочное отверстие: 25×7 мм. Толщина перегородки 1,5 мм.

8. Перекрестие (рис. 11: 1; рис. 43: 1). Длина 98 мм, ширина 39 мм, высота 11 мм. Заметны следы завальцовки. На перекрестии ярко выражена платформа, образованная скосами плечиков, и следы засечек, которые, видимо, были выломаны при использовании перекрестия.

9. Перекрестие с несимметричными по размеру плечиками (рис. 43: 2). Длина 113 мм, ширина 25 мм, высота 25 мм. Толщина перегородки 2 мм. Посадочное отверстие: 28×8 мм. Перегородка толщиной 2 мм плохо подогнана под тело перекрестия, в результате чего соприкасается с ним лишь частично.

10. Перекрестие (рис. 44: 1). Длина 77 мм, ширина 20 мм, высота 16 мм. Посадочное отверстие: 25×7 мм. Толщина перегородки 2 мм.

11. Перекрестие с несимметричными плечиками и слабовыраженными ромбовидными выступами (рис. 11: 2; рис. 44: 2). Длина 93 мм, ширина 20 мм, высота 15 мм.

На плечиках четко видны места соединения половинок, из которых сваривалось изделие. На одной из сторон даже заметна «ступенька», образовавшаяся из-за неточного соединения частей заготовки.

12. Перекрестие с несимметричными по длине плечиками (рис. 45: 1). Длина 89 мм, ширина 20 мм, высота 18 мм. Посадочное отверстие: 25×7,5 мм. Толщина перегородки 2 мм. Перегородка закреплена с помощью заусенцев и зажимов, отогнутых от стенок тела перекрестия.

13. Перекрестие длиной 80 мм, шириной 22 мм, высотой 19 мм. Смонтировано на саблю (рис. 5: 1).

14. Фрагмент перекрестия (рис. 45: 2) длиной 42 мм, шириной 21 мм, высотой 11 мм.

15. Фрагмент перекрестия (Белорыбкин, 2001, рис. 84: 10). Высота 17 мм.

Вариант 3 (тип III) (3 экз). Овальные перекрестия с прямыми усеченными плечиками.

1. Перекрестие с несимметричными по длине плечиками (рис. 11: 3). Длина 93 мм, ширина 23 мм, высота 19 мм. Перегородка отсутствует, однако четко видны следы зарубок для ее закрепления.

2. Перекрестие (рис. 46: 1). Длина 94 мм, ширина 19 мм, высота 15 мм. Одно плечико скруглено, на перекрестии сохранилась часть перегородки толщиной 2 мм.

3. Перекрестие длиной 75 мм, шириной 23 мм, высотой 21 мм. Смонтировано на саблю (рис. 5: 2).

Встречаются различные по пропорциям экземпляры данного типа, вытянутые и более короткие, что впоследствии также может быть выделено в качестве отдельного типологического признака, однако на данный момент это не представляется возможным.

Аналогии удлиненным перекрестиям встречены в Новгороде Великом (Медведев, 1959, рис. 1: 8).

Подтип Б (тип IIА) (8 экз.). Перекрестия с плечиками, немного отогнутыми в сторону клинка таким образом, что стороны плечиков, прилежащие к клинку, располагаются на одной прямой. Все перекрестия подтипа представлены одним вариантом: прямое ромбовидное перекрестие с усеченными плечиками.

1. Перекрестие (рис. 11: 4). Длина 71 мм, ширина 18 мм, высота 16 мм. Посадочное отверстие 17×6 мм.

2. Перекрестие (Белорыбкин, 2001, рис. 84: 11). Длина 76 мм, ширина 22 мм, высота 21 мм. Посадочное отверстие 27×7 мм. Одно плечико загнуто чуть больше второго.

3. Перекрестие (рис. 11: 5, рис. 46: 2). Длина 86 мм, ширина 20 мм, высота 19 мм. Треугольные выступы меньших размеров по сравнению с основной массой перекрестий этого типа. На середине длины с обеих сторон декоративные ребра.

4. Перекрестие (рис. 47: 1). Длина 72 мм, ширина 19 мм, высота 15 мм. Посадочное отверстие: 25×6 мм. Толщина перегородки 2 мм.

5. Перекрестие (рис. 47: 2). Длина 77 мм, ширина 22 мм, высота 19 мм. Посадочное отверстие: 27×7 мм. Толщина перегородки 2 мм. На теле перекрестия заметны слабые следы засечек.

6. Перекрестие, смонтированное на саблю из частной коллекции (рис. 5: 3), длиной 103 мм.

7. Перекрестие (рис. 49, 1), подвергшееся сильной коррозии, в настоящее время сохранилось в виде двух фрагментов. Длина 65 мм, ширина 20 мм, высота 15 мм. Перегородка сохранилась частично, ее ширина 1,5 мм. Между перегородкой и перекрестием присутствуют окислы меди, возможно, следы пайки медным сплавом.

8. В этом подтипе выделяется особое перекрестие (рис. 11: 6; рис. 48). Выступы на тыльной стороне, как и других перекрестий данного типа, в виде треугольных мысов, а выступы на лицевой стороне в виде трезубцев. Плечики немного опущены в сторону клинка. Сторона, обращенная к рукоятке, и грани, к ней прилегающие, а также концы перекрестия имеют декоративные насечки. Кроме того, плечики несимметричны, что отразилось и на орнаментации: на одном плечике меньше насечек. Длина 100 мм, ширина 24 мм, высота 22 мм. Размер посадочного отверстия 20×5 мм, толщина перегородки 1,5 мм. Богатая орнаментация перекрестия позволяет выделить данное перекрестие как отдельный особый вариант данного подтипа (Тип IVБ особый).

Подтип В (1 экз.). Ромбовидное перекрестие с усеченными плечиками, сильно отогнутыми в сторону клинка. Перекрестия подтипа также представлены одним вариантом.

Прямое ромбовидное перекрестие с усеченными плечиками (рис. 12: 1; рис. 49: 2). Длина 67 мм, ширина 19 мм, высота 19 мм.

Посадочное отверстие: 24×7 мм. Толщина перегородки 2,5 мм. Одно плечико чуть шире другого. Аналогичное перекрестие смонтировано на саблю из Черемисского могильника (Святкин, 2001, рис. 21: 2).

Подтипы Б и В не имеют вариативности форм на изучаемой территории, но вполне вероятно, что подобные формы существовали. Так, в Новгороде Великом найдено перекрестие овальной формы с плечиками, отогнутыми в сторону клинка (Медведев, 1959, рис. 1: 9, рис. 3: 8).

Тип V (9 экз.).

Исключительно овальные перекрестия с круглыми в сечении плечиками. Зачастую плечики имеют коническую форму, и их диаметр увеличивается к концам. Данные экземпляры, по всей видимости, представляют особую традицию изготовления перекрестий. Деление на подтипы осуществляется по форме тела, а на варианты – по наличию или отсутствию дополнительных элементов. Аналогичные по форме перекрестия встречаются в салтово-маяцкой культуре (Винников, рис. 77: а).

Подтип А (2 экз.). Перекрестия с прямым телом. Подтип представлен двумя вариантами.

Вариант 1 (1 экз.). Прямое перекрестие без дополнительных деталей (рис. 12: 2). Длина 94 мм, ширина 25 мм, высота 11 мм. Плечики цилиндрические.

Вариант 2 (тип ПБ) (1 экз.). Прямое перекрестие с клиновидными выступами на середине длины (рис. 12: 3; рис. 50: 1). Длина 84 мм, ширина 25 мм, высота 14 мм, клиновидные выступы (один из которых отломан) с лицевой стороны и ребро на середине длины. На этой же стороне место соединения тела перекрестия с плечиками оформлено в виде клинов, остриями обращенных друг к другу. Плечики имеют коническую форму. На плечиках заметны швы от кузнечной сварки.

Подтип Б (7 экз.). Перекрестия с ромбовидным расширением на середине их длины. Такое оформление, видимо, роднит данный тип с типом IV. Также представлен двумя вариантами.

Вариант 1 (6 экз.). Объединяет перекрестия без дополнительных деталей.

1. Перекрестие с коническими плечиками (рис. 12: 4). Длина 83 мм, ширина 20, высота 13 мм. Посадочное отверстие шириной 5 мм.

2. Перекрестие с цилиндрическими плечиками (рис. 50: 2). Длина 102 мм, ширина 27 мм, высота 19 мм.

3. Перекрестие с коническими плечиками (рис. 51: 1). Длина 94 мм, ширина 23 мм, высота 14 мм.

4. Перекрестие с коническими плечиками (рис. 51: 2). Длина 83 мм, ширина 24 мм, высота 12 мм. Посадочное отверстие 20×6 мм. Толщина перегородки 2 мм. На перекрестии видны следы завальцовки для закрепления перегородки.

5. Фрагменты одного перекрестия (3 детали) (рис. 52: 1) с плечиками конической формы. Высота 13 мм. Посадочное отверстие 28×6 мм. Толщина перегородки 1 мм.

6. Перекрестие с коническими плечиками из Степановского I селища (рис. 52: 2). Украшено клиновидными ступеньками. Длина 84 мм, ширина 21 мм, высота 15 мм.

Вариант 2 (1 экз.). Перекрестие с дополнительными деталями на концах плечиков (рис. 12: 5; рис. 53: 1). Длина 84 мм, ширина 20 мм, высота 16 мм. Плечики цилиндрические, на конце одного из них сохранились наваренные ушки. Из-за плохой сохранности достаточно сложно определить их функциональное назначение, возможно, они предназначались для крепления между ними украшения.

Предположительно, к перекрестиям относится фрагмент изделия с плоскими в вертикальной плоскости плечиками (рис. 12: 6; рис. 53: 2). Длина фрагмента 72 мм, ширина 29 мм, высота 11 мм. На данный момент аналогов подобной форме не обнаружено.

Кроме того, в Татарской Лаке II найден фрагмент перекрестия (Белорыбкин, 2007, с. 229). Еще один фрагмент перекрестия происходит из Степановского I селища (Винничек, 2010, рис. VII: 29).

В исследуемом регионе совершенно неизвестен тип IV (по И.Л. Измайлову), представленный на основной территории Волжской Булгарии единственным экземпляром из Билярского городища (Измайлов, 1997, с. 31).

Самым распространенным перекрестием, как указывалось выше, является тип IV, который также был наиболее используемым типом перекрестий в Восточной Европе. Три сабли из семи, сохранивших перекрестие в своем составе, относятся к этому типу.

Помимо перекрестий практически обязательным элементом сабли были **обоймицы клинка** с удлинненным вдоль рубящей кром-

ки язычком, огибающие клинок у основания, которые отсутствуют только у двух сабель (одна из которых совсем не имеет фурнитуры) и у согнутого фрагмента клинка из Золотаревского поселения. Однако, как и другие детали сабельной фурнитуры, обоймицы находят и отдельно от клинков, таких находок на настоящий момент семь. Следует отметить, что эти элементы довольно редко встречаются на клинках Восточной Европы X–XII вв. (Корзухина, 1950, с. 74–87).

Все обнаруженные обоймицы можно разделить на два типа:

1. с фигурными краями язычка и противоположной перекрестию стороны тела;
2. без такого украшения.

Однако на некоторых обоймицах даже без фигурных краев иногда присутствуют чеканные (вдавленные) продольные полосы (желобки), проходящие по телу и язычку вдоль обуха и рубящей части клинка (рис. 13: 7).

Для облегчения описания необходимо выделить конструктивные части детали. К таким следует отнести: тело (Б1–Б7), язычок (А1–А3) (рис. 13: 1). Пунктиром на схеме указаны условные границы частей обоймицы, сплошной линией фактические края и сгибы. Кроме того, ряд экземпляров несимметричны – одна сторона может отличаться от другой формами, размером и наличием украшений, поэтому условно будем называть правую сторону обоймицы (при взгляде на клинок сверху) лицевой (рис. 13: 3, 7), а левую тыльной (рис. 13: 2, 4–6, 8).

Обоймицы с фигурными краями (4 экз.). Фигурные края представляют собой чередование полукруглых или тупоугольных выступов с клиновидными (остроугольными) выступами на язычке и клиновидный вырез на середине тела обоймицы.

1. Фрагмент обоймицы (рис. 13: 2; рис. 54: 1). Сохранилась только лицевая сторона язычка (А1) и часть тела (Б1–Б4). Общая длина фрагмента 70 мм, ширина 37 мм, толщина у обуха 11 мм. Толщина пластины 1 мм. Язычок орнаментирован по всей сохранившейся длине, кончик язычка обломан. Рисунок представляет собой чередование двух клиновидных и одного тупоугольного выступа. Тело не орнаментировано.

2. Обоймица, сохранившаяся полностью, смонтированная на саблю (рис. 13: 5). Общая длина 110 мм, ширина 32 мм, толщина

9 мм. Отчетливо заметный шов располагается у обуха клинка с тыльной стороны (деталь Б7 перекрывает деталь Б1). Такое расположение шва является наиболее эстетичным, так как менее всего бросается в глаза. Орнамент на язычке симметричный, с обеих сторон, доходит до середины и представляет собой чередование клиновидных и полукруглых выступов, кончик заостряется по дуге. Орнамент на теле обоймицы в виде клиновидного выреза посередине.

3. Обоймица, украшение на которой представлено одним клиновидным выступом на язычке в месте перехода его к телу обоймицы (рис. 13: 3). Общая длина 113 мм, ширина 31 мм, толщина 9 мм.

4. Обоймица на фрагменте клинка из Татарской Лаки II (рис. 6: 4). Орнамент на язычке симметричный с обеих сторон и представляет собой чередование трех полукруглых выступов, кончик заостряется по дуге. Орнамент на теле обоймицы в виде клиновидного выреза посередине.

Подобные обоймицы найдены на сабле из Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 2: 2), а также на палаше из кургана № 9 близ станции Минусинск (Николаев, 1972, рис. 7: 1).

Неорнаментированные обоймицы (12 экз.). Язычки таких обоймиц зачастую сужаются от основания к концу, реже бывают равномерной ширины по всей длине.

1. Обоймица, подвергшаяся сильной коррозии, в настоящий момент сломана и состоит из двух частей (рис. 13: 4; рис. 54: 2). Однако по аналогии с обоймицами подобной конструкции можно предположить, что при отсутствии детали Б7, деталь А3–Б6 перекрывает деталь Б1. Общая длина 69 мм, ширина 36 мм, толщина 10 мм. Толщина пластины 1 мм. С обеих сторон связка язычок-тело имеют форму гиперболы. Кончик язычка тупой, закругленный.

2. Обоймица (рис. 13: 5; рис. 55: 1). Общая длина 70 мм, ширина 35 мм, толщина 10 мм. Толщина пластины 1 мм. Шов с тыльной стороны еле заметен, с неравномерным краем (проковывался), что свидетельствует о кузнечной сварке (деталь Б7 отсутствует, деталь А3–Б6 перекрывает деталь Б1). На лицевой стороне два декоративных желоба вдоль обуха и рубящей поверхности клинка, а связка язычок-тело имеют форму гиперболы, на тыльной стороне они расположены

под прямым углом друг к другу. Кроме того, язычок на лицевой стороне шире, чем на тыльной стороне. Кончик язычка обломан.

3. Аналогичную конструкцию имеет и другая обоймица (рис. 13: 6; рис. 55: 2) длиной 55 мм, шириной 34 мм, толщиной 11 мм. Толщина пластины 1,5 мм. На данном экземпляре ширина язычка на лицевой стороне также больше, чем на тыльной. Шов с тыльной стороны (деталь Б7 отсутствует, деталь А3–Б6 перекрывает деталь Б1). Кончик заострен.

4. Обоймица (рис. 55: 3) длиной 56 мм, шириной 33 мм, толщиной 9 мм. Толщина пластины 1,5 мм. Шов с тыльной стороны (деталь Б7 отсутствует, деталь А3–Б6 перекрывает деталь Б1). Кончик язычка обломан.

5. Обоймица (рис. 13: 7; рис. 56: 1). Общая длина 98 мм, ширина 39 мм, толщина 11 мм. Толщина пластины 1,5 мм. Шов с тыльной стороны (деталь Б7 отсутствует, деталь А3–Б6 перекрывает деталь Б1). На лицевой стороне два декоративных желоба вдоль обуха и рубящей поверхности клинка. Язычок имеет равномерную ширину по всей длине, однако на тыльной стороне он уже, чем на лицевой. Кончик язычка обломан. Внешний край тела обоймицы вырезан по дуге, обращенной внутрь.

6. Обоймица, подвергшаяся сильной коррозии (рис. 56: 2). Общая длина 92 мм, ширина 34 мм, толщина 11 мм. Из-за плохого состояния изделия шов не прослеживается. У язычка, сужающегося к концу, кончик заострен по дуге. Подобно предыдущей обоймице, внешний край тела вырезан по дуге, обращенной внутрь.

7. Фрагмент обоймицы (рис. 13: 8) длиной 43 мм, шириной 31 мм, толщиной 10 мм. Толщина пластины 1,5 мм. Сохранилась только лицевая сторона язычка (А1) и часть тела (Б1–Б4). Язычок имеет равномерную ширину по всей длине, кончик обломан.

8. Обоймица, сохранившаяся полностью, смонтирована на саблю (рис. 5: 1). Предполагаемая длина 123 мм, ширина 37 мм, толщина 11 мм. Шов практически незаметен, возможно, ввиду сильной коррозии экземпляра. Язычок сужается, кончик тупой, закругленный.

9. Обоймица, смонтированная на саблю из частной коллекции (рис. 5: 3). Общая длина 87 мм, ширина 40 мм, толщина 11 мм. Прослеживается шов на тыльной стороне (деталь

Б7 отсутствует, деталь А3–Б6 перекрывает деталь Б1).

10. Обоймица, смонтированная на саблю (рис. 5: 2). Общая длина 97 мм, ширина 34 мм. Ввиду сильной коррозии сложно установить наличие шва. Язычок имеет равномерную ширину по всей длине, кончик тупой, закругленный.

11. Обоймица, смонтированная на саблю (рис. 4: 4), подверглась сильной коррозии, в силу чего достаточно сложно определить ее первоначальные размеры и конструкцию. Длина около 110 мм, ширина около 35 мм. Однако на лицевой стороне обоймицы заметны следы украшения ее золотом в виде тонкой ниточки золота на язычке. Возможно, золотой фрагмент является остатком инкрустации или золочения. Отделкой золотом подвергались разнообразным предметам, обнаруженным на памятнике (Белорыбкин, 2001, с. 160–172).

12. Обоймица, смонтированная на саблю из могильника Татарская Лака II (рис. 5: 2).

Обоймицы изготавливались из одного листа со швом на тыльной стороне клинка, края обоймицы соединялись внахлест, за исключением экземпляров, подвергшихся сильной коррозии, у которых способ изготовления проследить невозможно, но наиболее вероятно, что они также изготавливались из одного листа. Иногда шов отчетливо просматривается, и, по всей видимости, в таких случаях не закреплялся. В других случаях швы практически незаметны, здесь следует говорить о технологиях скрепления металла, например, о кузнечной сварке (волнистые края швов также свидетельствуют о том, что деталь сильно проковывалась).

Тело во всех случаях имеет четкую треугольную, повторяющую сечение клинка, или подтреугольную форму с выпуклыми боковыми сторонами. Возможно, такая конструкция характерна для обоймиц, смонтированных на клинки с пятиугольным сечением, в таком случае они не повторяли форму клинка полностью.

Все украшения – на лицевой части обоймицы, за исключением обоймицы на сабле, где украшены обе стороны (рис. 13: 5), а на тыльной части всех предметов располагается шов от соединения краев листа, из которого изготавливалась обоймица.

В целом, можно говорить о наличии на памятнике разнообразных по качеству и степени отделки обоймиц, как смонтирован-

ных на сабли, так и отдельно от них. При этом более качественно изготовлены орнаментированные обоймицы.

Однако до настоящего времени достоверно неизвестно, для чего служила эта деталь сабельной фурнитуры. Мы имеем лишь одну исторически достоверную аналогию, для которой известно точное назначение – фиксация в ножнах. Такое назначение было у аналогичных обойм японского холодного оружия под названием хабаки (Носов, 2001, с. 144). Хотя в Японии обоймицы не имеют язычка.

В минусинской котловине обнаружены ряд палашей с обоймами ножен, изготовленными из бронзы (Худяков, 1980, с. 36). Сабли с подобными обоймицами XII–XIII веков встречаются повсеместно: в Древней Руси (Кирпичников, 1966, табл. XXXV: 5), Сибири, Волжской Булгарии, Кавказе и пр.

Реже встречаются **навершия рукояток и наконечники ножен**, составляющие отдельную группу сабельной фурнитуры, кроме того, ни одного экземпляра нет в составе сабли.

Они изготовлены с использованием идентичных технологий и приемов, имеют похожие формы, а иногда сделаны в едином стиле, и скорее всего, являются частями одного комплекта, поэтому будут рассматриваться совместно.

Все экземпляры изготовлены из железа и зачастую без применения сложных технологий (кузнечная сварка, литье и т. п.). Навершия и наконечники по форме представляют собой цилиндры (рис. 14: 3–4, 8, 9; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 2, 5, 7) или усеченные конусы (рис. 14: 1, 5–7; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 6), свернутые из одного листа железа, с отдельно изготовленными и закрепленными на них крышками-донцами или без таковых (возможно не сохранились). В сечении все экземпляры имеют форму овала.

Зачастую довольно сложно определить, к чему относится тот или иной предмет – разница в размерах невелика. Однозначно к навершиям рукояток можно отнести экземпляры с петлями для подвешивания темляка или отверстиями в тулье для их закрепления. Так, три экземпляра (рис. 14: 3, 7, 9) малых размеров с отверстиями для закрепления клепки петли, в составе одного из них сохранилась клепка с кольцом, один фрагмент (рис. 14: 6) малого размера с декоративным выступом, без сомнения являются навершиями.

Навершия рукояток. Особый интерес представляет навершие с сохранившейся в его составе клепкой-петлей для темляка (рис. 14: 9; рис. 57). Цилиндрическое навершие длиной 25 мм, шириной 32 мм, толщиной 21 мм (без учета клепки). Крышка отсутствует, следов завальцовки на тулье нет. Клепка-петля изготовлена из стержня диаметром 4 мм, петля загнута из кончика, соединяется со стержнем встык. Кольцо для темляка прямоугольное в сечении 3×3,5 мм, возможно, клепаное (просматривается утолщение, но из-за сильной коррозии определить сложно), внутренний диаметр 8–9 мм. Тулья свернута из листа толщиной 1,5–2 мм и соединена внахлест, возможно, с помощью кузнечной сварки. Дополнительно пересечение краев закреплено петлей-клепкой, проходящей через оба конца. Со стороны петли в тулье сделан подпрямоугольный вырез по размерам петли. Сама петля выступает за границы тульи только на 2 мм. Видимо, такое расположение петли сделано намеренно, с целью максимально скрыть петлю, чтобы она не мешала руке при использовании.

Аналогичный вырез есть и на другом навершии (рис. 13: 3; рис. 58). Цилиндрическое навершие свернуто из одного листа внахлест. Длина 32 мм, ширина 29 мм, толщина 15 мм, толщина листа 1–1,6 мм. С одной стороны имеется фигурный куполообразный вырез, с другой стороны – отверстие.

Еще один экземпляр (рис. 14: 7; рис. 60: 1) имеет только следы отверстий для установки клепки-петли. Он представляет собой навершие конической формы длиной 36 мм, шириной 31 мм, толщиной 16 мм. Тулья свернута из листа толщиной 1,5–2 мм, соединенного внахлест. Нижняя часть тульи имеет два обломанных выступа, изначально имевших отверстия диаметром около 4 мм, в которых, видимо, вставлялась клепка-петля для темляка.

Подобный выступ имеет фрагмент навершия (рис. 14: 6; рис. 60: 2), который, однако, не содержит отверстия. Длина фрагмента с учетом декоративного выступа 43 мм, предполагаемая ширина около 30 мм. Выступ имеет форму трапеции.

Остальные экземпляры, скорее всего, следует отнести к наконечникам ножен (рис. 14: 4, 5, 8; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 5–6).

Наконечники без крышек (3 экз.).

1. Цилиндрический наконечник (рис. 14: 8). Длина 32 мм, ширина 37 мм, толщина 16 мм. Свернут из одного листа.

2. Цилиндрический наконечник (рис. 61: 1). Длина 52, ширина 34 мм, толщина 15 мм. Толщина стенок 2 мм. Свернут из одного листа.

3. Цилиндрический наконечник (Белорыбкин, 2001, рис. 85: 2). Длина 39, ширина 31 мм, толщина 19 мм. Толщина стенок 2–2,5 мм. Свернут из одного листа.

Наконечник с крышками (4 экз.).

1. Наконечник конической формы (Белорыбкин, 2001, рис. 85: 6). Длина 42 мм, ширина 34 мм, толщина 19 мм. Толщина стенок 1,5–2 мм.

2. Цилиндрический наконечник (Белорыбкин, 2001, рис. 85: 5). Длина 42 мм, ширина 28 мм, толщина 12 мм. Толщина стенок 2 мм. Содержит 2 гвоздя в крышке.

3. Наконечник конической формы (рис. 14: 5; рис. 61: 2). Длина 25 мм, ширина 31 мм, толщина 25 мм. Толщина стенок 1,5 мм. Содержит 2 гвоздя в крышке.

4. Цилиндрический наконечник (рис. 14: 4; рис. 59). Длина 38 мм, ширина 33 мм, толщина 20 мм. Толщина листа с учетом коррозии 2,5 мм. С одной стороны имеется фигурный куполообразный вырез.

Крышки на навершиях рукояток и стаканах для ножен закреплены несколькими способами:

1. Вставлены враспор, после чего края тульи завальцованы, тем самым, удерживают крышку от выпадения (Белорыбкин, 2001, рис. 85: 6), фрагмент (рис. 14: 6) не содержит крышки, однако тулья имеет завальцованные края.

2. Закреплены гвоздями, проходящими через крышку и вбитыми в деревянные ножны (рис. 14: 5; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 5).

3. Закреплены усиками, вырезанными на тулье навершия. Такой способ крепления сохранился у навершия рукоятки и стакана ножен (рис. 14: 3–4), которые, по всей видимости, являются деталями одного комплекта, т. к. помимо способа крепления крышки имеют схожие форму и декор в виде куполообразного выреза в нижней части тульи (рис. 14: 1–2).

На сегодняшний день можно говорить о наличии на памятнике четырех навершиях рукояток и семи наконечниками ножен, по кото-

рым удалось проследить основные формы, приемы и технологии изготовления сабельной фурнитуры этого типа. По всей видимости, экземпляры, содержащие декоративные украшения или петлю для темляка, имели лицевую (обращенную к стороннему наблюдателю) сторону и тыльную (обращенную к телу носителя, в силу чего незаметную). Так, наиболее вероятно, что весь декор был на лицевой стороне, а так как сабля носилась с левой стороны у бедра, лицевой стороной должна быть правая часть клинка при взгляде сверху со сторону рукоятки. Темляк на саблях по традиции располагался справа от руки, то есть тоже с лицевой стороны.

Аналогичные наконечники встречаются на памятниках аскизской культуры (Кызласов, 1983, табл. XXXIII: 18). В древностях черных клубуков XII–XIII веков зачастую использовались стаканы и наверхия, свернутые из листа (Плетнева, 1973, с. 18, рис. 14–16).

Широко представлены на памятниках юго-западных земель Волжской Булгарии **обоймы** от ножен, служившие для подвеса сабель. Все экземпляры изготовлены из железа и состоят из трех деталей: хомутов, которые охватывают ножны, плечиков-фиксаторов, удерживающих обоймы от разбалтывания на ножнах, петель с кольцами, в которые вставляются портупейные ремни.

В отношении обоек также можно говорить о наличии лицевой и тыльной стороны. Наиболее вероятно, что петля находилась с тыльной стороны, при переноске обращенной к воину, так как на обойме (рис. 15; рис. 62), найденной вместе с саблей (рис. 5: 2), петля располагается именно так.

Хомуты зачастую неравномерных размеров по всей длине. Переход обычно расположен снизу детали, а лицевая сторона шире и тоньше тыльной стороны.

Обоймы различаются по формам плечиков и хомутов. Плечики имеют плоскую головку в центре, к которой крепятся обоймы с помощью петель-клепок с кольцами. Выделяются длинные узкие плечики трехгранного или полукруглого сечения и широкие короткие листовидные плечики, изогнутые по форме сабельных ножен. Из общей массы выделяется обойма, одно плечико которой длинное узкое, а второе плечико листовидное (обломано) (рис. 15: 13). Плечики еще одной обоймы изготовлены без головки и фиксиру-

ются хомутом на ножнах только за счет силы трения (рис. 15: 14).

Встречаются и несколько вариантов головок: простые (плоские), изготовленные заодно с плечиками, и сложные (объемные), в некоторых случаях совсем без плечиков. Объемные изготовлены из трех тонких пластинок (двух стенок) и соединяющей их полосы. Таких экземпляров немного (рис. 15: 18; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 8; Белорыбкин, 2003, рис. 11: 6), аналогичную форму и конструкцию имеет предмет, интерпретированный в качестве железного наверхия аскизского кинжала (Кызласов, 1983, табл. XVIII: 20), хотя вполне вероятно, что это деталь обоек. Обычно головки имеют полукруглую форму (рис. 15: 2, 6, 13–14; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 12–13, 18–19, 20, 24–26). Иногда они представлены более сложными формами:

1. Головка в виде полукруглого купола со ступеньками по краям. Можно выделить несколько вариантов данного типа: с двумя ступеньками по краям (рис. 15: 18; рис. 63; Белорыбкин, 2003, рис. 11: 7), с небольшим выступом на куполе и двумя ступенями по краям (Белорыбкин, 2001, рис. 85: 8, 9), с одной ступенькой (Белорыбкин, 2001, рис. 85: 10).

2. Головка подпрямоугольной формы зафиксирована на одной обойме, которая была смонтирована на ножны сабли (рис. 15: 1; рис. 62).

3. Две полукруглые головки зафиксированы на обоймах с двумя хомутами (рис. 15: 8; рис. 64: 1–2).

4. Головка неопределенной формы (рис. 65: 1) ввиду фрагментарности, на которую, видимо, крепилось два хомута, один из которых не сохранился.

Выделяются несколько устойчивых форм плечиков.

1. Узкие длинные, ланцетовидные плечики (рис. 15: 1, 6; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 9–10, 12–13, 19–20, 23–25; Белорыбкин, 2003, рис. 11: 6–7).

2. Широкие и короткие, листовидные плечики, изогнутые в продольной плоскости так, что повторяют форму ножен (рис. 15: 2; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 18, 26).

3. Вероятно, экземпляр (рис. 65: 1) представляет собой вариант с короткими, еле заметными плечиками.

Концы некоторых плечиков загнуты вниз (рис. 15: 6, 13; рис. 65: 2) и, как можно предположить, забивались в ножны.

Петли-клепки изготавливались из одного стержня, когда один из его концов загибался, формируя петлю, после чего другой конец заклепывался, скрепляя детали обоймы (рис. 66: 1). В одном случае стержень складывался пополам, формируя петлю, после чего оба конца заклепывались, крепя детали обоймы (рис. 15: 4; рис. 66: 2).

Португея крепилась к кольцу, вставленному в петлю-клепку. Встречаются кольца квадратного, прямоугольного или круглого сечения. Зафиксированы как сведенные кольца, так и кольца, скрепленные кузнечной сваркой.

Также можно выделить несколько устойчивых форм хомутов:

1. Хомут с лицевой и тыльной стороны одинаковой ширины (рис. 15: 9).

2. Широкая плоская, подтреугольная или полукруглая в сечении полоса с одной стороны, узкая полоса с другой стороны. Обе стороны изготовлены в разнообразных комбинациях форм (плоская, подтреугольная или полукруглая), закономерностей не прослеживается. Также не обнаруживается зависимости в расположении той или иной части хомута на лицевой или тыльной стороне обоймы, отмечены оба варианта. На одном из хомутов область вокруг заклепки украшена радиально расположенными насечками (Белорыбкин, 2001, рис. 85: 17).

3. На обойме, смонтированной на саблю (рис. 15: 1; рис. 62), широкая плоская полоса (аналогичная остальным типам) с тыльной стороны и очень широкая (ширина превосходит высоту) плоская полоса — с лицевой стороны.

4. Широкая часть одного из хомутов имеет форму стрелы с двумя шипами (рис. 15: 3).

5. Отдельную группу хомутов представляют предметы, с лицевой стороны украшенные орнаментированным щитком (рис. 15: 17–19; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 13; Белорыбкин, 2003, рис. 11: 6). В четырех случаях щитки представляют собой ромб с крестообразно расположенными внутри него четырьмя отверстиями (рис. 15, 17–18; рис. 67: 3; рис. 63). В одном случае щиток в виде кольца с двумя группами из трех декоративных ребер на противоположных сторонах (рис. 2: 19;

рис. 67: 2). Хомут данного экземпляра имеет подтреугольное сечение равномерной ширины по всей длине. Соединение между щитком и хомутом оформлено в виде декоративной клиновидной ступеньки. Интерес представляет бронзовый фрагмент ромбовидного щитка, происходящий из Никольского селища (рис. 15: 20; рис. 67: 1). На его противоположных сторонах остались «пеньки» от обломанных пластинок, возможно, фрагмент также являлся частью подвеса ножен.

Хомуты, обхватывая плотно ножны, повторяли их форму, которую в некоторых случаях можно проследить. К сожалению, часть хомутов деформирована или обломана и первоначальный облик восстановить не представляется возможным (рис. 15: 3, 7, 8, 10, 13, 15, 17, 19, 22; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 9–10, 13–16, 18; Белорыбкин, 2003, рис. 11: 6–7). Прослеживается несколько основных форм: овальный обхват (рис. 15: 1–2, 4–6, 9, 11–12, 14, 21; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 11–12, 17, 24–26), форма выпуклой линзы, где одна сторона прямая (зачастую тыльная), а другая выпуклая (рис. 15: 16; Белорыбкин, 2001, рис. 85: 19, 21–23). Подпрямоугольная форма зафиксирована на одной обойме со щитком (рис. 15: 18; рис. 63).

Исходя из размеров хомутов, сохранившихся в первозданном виде, можно судить о размерах ножен. Наиболее распространены размеры ширины ножен 40–50 мм, толщины 15–18 мм. Если принять во внимание ширину сабель 30–32 мм и толщину 6–9 мм, то толщина стенок ножен в среднем составляет 5–10 мм. Размеры единственной обоймы, найденной вместе с саблей, 40×13 мм, а сабли — 31×7 мм, значит, толщина стенок ножен была примерно 3–5 мм. Одна обойма со щитком (размерами 6×31 мм) и формой обхвата (подпрямоугольная), видимо, свидетельствует о том, что деталь размещалась не на сабельных ножнах, а на ножнах другого предмета, возможно, кинжала, который был оформлен аналогично саблям и составлял с ними единый комплект.

Аналогичные детали сабельной фурнитуры на саблях XII–XIII веков черных клобуков (Плетнева, 1973, табл. 1: 1, 8; табл. 17: 13).

На настоящий момент обнаружено 60 целых обойм ножен и их фрагментов различных форм и конструкций. Кроме Золотаревского поселения, 4 экземпляра найдено в могильнике Татарская Лака II. Каких-либо

зависимостей комбинирования деталей обоймы выделить не представляется возможным ввиду широкого разнообразия вариантов, поэтому типология данных предметов затруднительна. Можно лишь говорить о ряде устойчивых форм отдельных деталей предмета.

Обширный по количеству материал дает возможность проследить разнообразие вариантов форм, приемов и технологий изготовления сабельной фурнитуры, которые широко представлены на материалах из района Золотаревского поселения. Здесь мы видим, как простые по форме и способам изготовления экземпляры, так и вещи, изготовленные с большим искусством. Разнообразие также говорит об отсутствии устоявшихся традиций в декорировании либо, что более вероятно, о смешении различных традиций декорирования на небольшой территории. Это, видимо, связано с торговой направленностью Золотаревского поселения, служившего перевалочным пунктом на пути из Киева в Булгар. Общим для всех деталей сабельного убранства можно считать лишь выделение лицевой (более украшенной) и тыльной (зачастую содержащей технологические элементы

конструкции) сторон, однако на возможном прототипе сабель, находимых в регионе (палаше VIII–X вв. из Хакассии (Николаев, 1972, рис. 7: 1)), крепление находится с лицевой стороны (хотя, возможно, носилась с левой стороны).

Большое количество престижного вооружения, несомненно, указывает на особое положение Золотаревского поселения и всего региона в целом.

Также стоит отметить несравнимо большее наличие на памятнике сабельной фурнитуры нежели самих сабель, что на наш взгляд, может объясняться либо тем, что, забирая сабли в качестве трофеев, победители снимали всю фурнитуру, оставляя лишь самое дорогое – клинки, либо, наиболее вероятно, что в этих землях занимались изготовлением вооружения и его деталей. Хотя есть факт в поддержку аскизского происхождения сабель в регионе – обычай погребения только с ножнами без клинка (Степи Евразии..., 1981, с. 204). Вполне можно себе представить, что вместе с погибшим оставлялись ножны, которые символизировали клинок, но при этом забирали ценную саблю.

1.1.2. Кинжал

Колюще-режущее клинковое оружие может иметь как обоюдоострую, так и одностороннюю заточку. Фурнитура рукоятки также не является обязательным элементом.

Единственным видом клинкового оружия, кроме сабель, найденном на территории западных земель Волжской Булгарии, является обоюдоострый кинжал. Происходит он из Юловского городища (Белорыбкин, 1990, рис. 89: 1). Общая длина экземпляра 325 мм, длина линзовидного в сечении клинка 217 мм, его ширина 27 мм (Белорыбкин, 1990). Аналогичный кинжал найден на Вальнском городище на основной территории Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 29: 1), одна-

ко кинжалы не являются распространенным видом вооружения (Измайлов, 1997, с. 56). Также такому виду кинжалов находят аналогии и на территории Древней Руси, например, в слое X века Новгорода Великого (Медведев, 1959, рис. 4: 14). К тому же кинжалы не характерны для финно-угорских народов, которые были основным населением данного региона. Однолезвийные кинжалы салтовского типа можно встретить в могильниках средневековой мордвы и других финно-угорских народов (Материалы..., 1988, табл. 2: 5). Видимо, кинжал попал в исследуемый регион, как и сабли, с приходом сюда булгар.

1.2 Копья и сулицы

Копье – колюще-рубящее оружие ближнего боя, состоящее из наконечника, древка, иногда металлического втока, защищающе-

го противоположную наконечнику сторону древка. Оно является одним из самых распространенных и популярных видов вооружения

на протяжении всей истории человечества. Копья использовали как колющий или колюще-режущий инструмент для охоты и как боевое оружие, зачастую наконечники выступали в качестве универсального инструмента. Однако имелись и узкоспециализированные наконечники – пики, предназначенные для поражения противника в доспехе, и скорее всего, являлись элементом вооружения всадника.

В Верхнем Посурье и Примокшанье копья также были одним из самых используемых видов оружия ближнего боя с древности (Белорыбкин, 2003, с. 124–131; Павлихин, 2001, с. 67). В XI–XIII веках с приходом в регион волжских болгар копьё не утрачивает своего значения в военном деле. Основная масса исследуемого материала (37 экз.) происходит из поселений с ККГП. Ещё одним памятником, задействованным в работе, является могильник XII–XIII веков Татарская Лака II.

Конструктивно в наконечнике можно выделить несколько элементов (рис. 3):

А) боевая часть (клинок или перо), иногда перо, подобно клинковому оружию, снабжено долами, в некоторых случаях ребрами жесткости;

Б) плечики – основание пера;

В) шейка – переход от боевой части к узлу крепления на древке;

Г) узел крепления к древку – втулка или черешок в зависимости от типа и назначения наконечника;

Д) крепежное отверстие, в которое забивался гвоздь или шип, удерживающий наконечник на древке.

Иногда на наконечниках копий встречаются другие конструктивные элементы: упоры в виде двух лопастей на втулке, предотвращающие глубокое проникновение оружия в цель, воротнички на шейке и пр.

В основном типы различаются формой пера и втулки, а также соотношением их длины. Учитывается также сечение пера и втулки (по большей части круглое или овальное, однако встречается и многогранное).

Типология наконечников копий, характерных для Волжской Булгарии X–XIII веков, была ранее разработана И.Л. Измайловым (Измайлов, 1997, с. 56–76; рис. 30), включая часть наконечников, найденных на поселениях с ККГП в Верхнем Посурье и Примокшанье. Им учтено более 80 экземпляров данного

оружия и выделено 6 типов. В нашей работе описание наконечников будет представлено в соответствии с этой типологией с некоторыми дополнениями.

Тип I. Пики (7 экз.). Пики являлись специализированным кавалерийским древковым оружием, предназначенным для поражения противника в доспехе. Очевидно, что данный тип наконечников проник в Европу из центральноазиатских степей в эпоху переселения народов, а позднее распространился на обширной территории Евразии (Измайлов, 1997, с. 58). Пики использовались булгарами еще в раннебулгарский период, но наибольшее распространение получили в XII–XIII веках (Измайлов, 1997, с. 58–62). Аналогичная ситуация с данным типом наконечников складывалась и в Древней Руси (Кирпичников, 1966, с. 16). У мордовских племен пики получают распространение в X–XIII веках (Святкин, 2001, с. 31) в период активной экспансии в их земли Древней Руси и Волжской Булгарии. На территории Верхнего Посурья добулгарского периода единственная пика отмечена в Армиевском курганно-грунтовом могильнике (КГМ) (Халиков, 1983, табл. XVІІа: 15).

Подтип А (4 экз.). Пики с относительно коротким четырехгранным пером.

Подтип представлен тремя экземплярами ранних вариантов, датируемых X–XI веками и одним экземпляром XII–XIII веков. Аналогичные наконечники встречаются на основной территории Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 31: 1–4, рис. 32: 1–2, рис. 34: 2–3), в материалах Древней Руси (Кирпичников, 1966, табл. IX: 9; Сорокин, 1959, рис. 3: 1, 5–6), мордовских могильниках (Циркин, 1987, рис. 2, 4; Иванов, 1962, табл. XXXV; Святкин, 2001, рис. 12: 9), на Южном Урале (Мажитов, 1981, рис. 61: 16), на Северном Кавказе (Михеев, 1985, рис. 8: 26).

Две пики с крестообразным сечением пера из Золотаревского поселения имеют аналог в Армиевском КГМ (Халиков, 1983, табл. XVІІа: 15):

1. Четырехгранная пика квадратного сечения (рис. 16: 1), на каждой из граней которой сделаны клиновидные долы, в результате чего сечение клинка представляет собой крест с заостренными концами. Общая длина наконечника 240 мм, длина пера 127 мм. Сечение крестообразное 19×19 мм. Диаметр втулки 35 мм, толщина стенки втулки 2 мм. Крепеж-

ное отверстие отсутствует, возможно, ввиду того, что втулка частично обломана.

2. Четырехгранная пика квадратного сечения (рис. 16: 2; рис. 68: 1), на каждой из граней которой сделаны клиновидные доли, в результате чего сечение клинка представляет собой крест с заостренными концами. Длина пера 125 мм, сечение 17×17 мм. Втулка обломана.

Фрагмент пики (перо и шейка) (рис. 16: 3). Длина сохранившейся части 160 мм, длина пера (кончик обломан) 137 мм. Сечение пера ромбовидное 13×15 мм. Аналогии известны в кочевых древностях салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, с. 160), тюркских воинов конца I тысячелетия н. э. (Худяков, 1997, с. 70).

К более позднему варианту (XII–XIII века) следует отнести наконечник с узкой пирамидальной формой пера и широкой втулкой из селища Круталатка с обломанной втулкой (Винничек, 2001, рис. 15: 19), аналогии которому известны в Биляре (Измайлов, 1997, рис. 32: 1), в городах Древней Руси (Гончаров, 1950, табл. XII: 5-7; Гуревич, 1981, рис. 54: 12; Никольская, 1981, рис. 62: 17). Общая длина наконечника с учетом повреждений 170 мм, длина пера 110 мм, перо ромбовидного сечения 8×13 мм.

Подтип Б (3 экз.). Длинные шпильевидные наконечники. Широко представлены на основной территории Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 32: 3; рис. 33: 1–5; рис. 35: 1; рис. 36), встречаются в мордовских могильниках XII–XIII веков (Святкин, 2001, рис. 12: 17), в Древней Руси (Гончаров, 1950, табл. XII: 2; Кирпичников, 1978, рис. 1.), в памятниках Черных Клобуков (Плетнева, табл. 28: 12).

Все три экземпляра (два на Золотаревском поселении и один в могильнике Татарская Лака II) имеют сходные метрические характеристики, характерные для наконечников XII–XIII веков, например, пики данного типа не имеют шейки – широкая втулка начинается сразу после пера (Измайлов, 1997, с. 62–63).

Первая пика (рис. 16: 4; рис. 68: 2) общей длиной 273 мм, длиной пера 200 мм имеет ромбическое сечение 9×14 мм. Диаметр втулки 26 мм, толщина стенки втулки 2 мм. Втулка обломана, поэтому крепежное отверстие не сохранилось.

Вторая пика (рис. 16: 5; рис. 68: 3) общей длиной 225 мм, длиной пера 156 мм имеет необычное сечение в виде параллелограмма 6×9 мм, что, скорее всего, явилось результатом некачественной работы кузнеца. Диаметр втулки 28 мм, толщина стенки втулки 2 мм, диаметр круглого крепежного отверстия 6 мм. Заметен шов, видимо, оставленный кузнечной сваркой.

Третья пика из могильника Татарская Лака II (рис. 16: 6). Острие пера и втулка обломаны. С учетом повреждений ее длина составляет 277 мм, длина пера 180 мм. Перо имеет квадратное сечение 11×11 мм. Толщина стенок втулки 2,5 мм.

Тип II (9 экз.). Копья с удлинено-треугольным пером, с четко выраженными плечиками и длинной, расширяющейся книзу втулкой. Данный тип наконечников является одним из самых распространенных в Европе IX–XIII веков (Кирпичников, 1966, с. 12). В Волжской Булгарии они стали популярны уже с IX века (Измайлов, 1997, с. 64).

Подтип А (1 экз.). Наконечники с коротким и широким пером.

Наибольшее распространение подтип получил в IX–XI веках и широко представлен на памятниках Древней Руси (Кирпичников, 1966, с. 13–14) и финно-угорских племен Поволжья (Шитов, 1977, с. 117).

В юго-западных землях Волжской Булгарии подтип представлен одним наконечником из Среднелиповского городища (рис. 17: 1). Общая длина 280, длина пера 150, ширина пера 65 мм, диаметр втулки 50 мм.

Подтип Б (7 экз.). Наконечники с нешироким пером удлинено-треугольной формы в IX–XI веках были широко распространены по всей Восточной Европе (Арциховский, 1948, рис. 17: 2; Кирпичников, 1966, табл. VIII: 8–9; Плетнева, 1963, рис. 16: 1), в XII–XIII веках перо наконечников этого типа сузилось, а втулка стала шире и короче (Кирпичников, 1966, с. 66).

К ранним типам (IX–XI века) относятся 3 наконечника из Золотаревского поселения, могильника Татарская Лака II и Чемодановского селища.

Копье (рис. 17: 2; рис. 69) из Золотаревского поселения. Общая длина 265 мм, кончик обломан, длина пера 145 мм, ширина клинка 34 мм, толщина от 10 до 5 мм, диаметр втулки 25 мм, толщина стенки втулки 2,5 мм, отверстие прямоугольное 4×7 мм. Шов отчетливо

заметен, он изготовлен без нахлеста, встык. Пламевидность говорит о неоднократной заточке.

Наконечник из Татарской Лаки II (рис. 17: 3). Общая длина 303 мм, длина пера 142 мм, ширина пера 36 мм, толщина пера 10 мм. Внутренний диаметр втулки 33 мм, толщина стенок втулки 3 мм. Круглое отверстие для крепления на древке имеет диаметр 4,5 мм.

К этому же типу относится наконечник из Чемодановского селища (рис. 17: 4; рис. 70: 1). Длина 195 мм, длина пера 120 мм, ширина 33 мм, толщина 9 мм.

Развитием подтипа в XII–XIII веках стала прогрессирующая скошенность края лезвия, приведшая к появлению узколистных, почти пиковидных наконечников (Кирпичников, 1966, с. 14).

Копье (рис. 17: 5; рис. 71) из Золотаревского поселения. Общая длина 276 мм, кончик обломан, длина пера 169 мм, ширина клинка 31 мм, толщина от 11 до 3 мм, диаметр втулки 26 мм, толщина стенки втулки 3 мм, отверстие ромбовидное с диагональю 6 мм. Заметен шов, видимо, оставлен кузнечной сваркой. Втулка имеет неправильную коническую форму. Во втулке сохранился гвоздь квадратного сечения с прямоугольной шляпкой, который своим концом доходит до противоположной стенки втулки.

Копье из Коповского селища (рис. 17: 6). Общая длина наконечника 380 мм, длина пера 275 мм, его ширина 30 мм. Втулка изготовлена довольно небрежно – соединительный шов неровный (у шейки втулка разомкнута, ближе к краю концы листа, образующего втулку, пересекаются), ее диаметр 35 мм (Белорыбкин, 1990, рис. 90: 3).

Копье с воротничком на шейке из могильника Татарская Лака II (рис. 17: 7; рис. 70: 2). Копье имеет неравномерное сечение пера, три четверти которого крестовидной формы из-за вогнутых граней, кончик пера имеет ромбовидную форму. Длина 340 мм, длина пера 230 мм, ширина 32 мм, толщина 17 мм, ширина воротничка 12 мм. Внутренний диаметр втулки 29 мм, толщина стенки 2 мм. Отверстие на втулке подпрямоугольной формы размерами 2×9 мм расположено горизонтально. Имеет аналогию в сечении пера с наконечником Сроткинской культуры на юге Западной Сибири (Горбунов В.В., 2005, рис. 1: 14).

Вероятно, особым вариантом данного типа является массивное копьё с шестигранной втулкой из Татарской Лаки II (рис. 17: 8; рис. 72: 2). Длина 520 мм, длина пера 370 мм, ширина 53 мм, толщина 13 мм. Внутренний диаметр шестигранной втулки 34 мм, толщина 3 мм. На шейке имеются два небольших выступа. На плечиках прослеживаются остатки золочения (рис. 72: 1), которое выполнено методом плакировки на предварительно нанесенные параллельные насечки. Кроме того, следы золочения отмечены и на самом пере (рис. 120: 16). Лавролистный наконечник рогатины из Новгорода Великого также имеет украшение пера, только исполнено оно в технике инкрустации (Медведев, 1959, с. 128, рис. 4: 1). Аналогичные по размерам копьё А.Н. Кирпичников связывает с упоминаемыми в письменных источниках рогатинами (Кирпичников, 1966, с. 15, табл. IX: 5–6). Он также указывает на специфическое применение этих копий: «судя по украшениям, рогатина являлась тем видом древкового колющего оружия, который с XIII века использовался и во время парадных церемоний» (Кирпичников, 1976, с. 19). Данный экземпляр, вероятно, следует рассматривать в качестве древнерусского импорта.

Подтип В (1 экз.). Наконечники с узким пером, покатыми плечиками и длинной, расширяющейся книзу втулкой. Наконечники этого подтипа датируются XI–XIII веками (Измайлов, 1997, с. 66–67).

Копье из Золотаревского городища (рис. 17: 9) общей длиной 240 мм, длиной пера 125 мм, шириной 20 мм.

Тип III (3 экз.). Копья с пером ромбической формы характерны преимущественно для финно-угорских и салтово-маяцких древностей IX–XI веков (Кирпичников, 1966, с. 12; Белорыбкин, 1990, с. 105; Михеев, 1985, рис. 9: 18; рис. 10: 12; рис. 11: 2).

Подтип А (1 экз.). Копья с ромбическим пером.

Массивное копьё из Васильевского селища (рис. 18: 1; рис. 73: 1). Длина 255 мм, длина пера 135 мм, ширина 53 мм, толщина 9 мм. Внутренний диаметр втулки 29 мм, толщина стенок 3 мм. Прямоугольное отверстие для закрепления на древке размером 3×13 мм.

Подтип Б (2 экз.). Наконечники с асимметрично-ромбическим пером и выступающим ребром посередине.

Характерен больше всего для финно-угорских племен (Белорыбкин, 1990, с. 105), встречается в салтово-маяцкой культуре. Есть экземпляры и в Волжской Булгарии (Хузин, 1985, табл. LX: 8), в салтово-маяцких древностях (Аксенов, 2005, рис. 4: 1; Михеев, 1985, рис. 9: 18; рис. 10: 12; рис. 11: 2). Представлен одним наконечником из Сундровского городища (рис. 18: 2). Общая длина 360 мм, длина пера 195 мм, ширина пера 75 мм, диаметр практически цилиндрической несомкнутой втулки 30 мм, толщина стенки втулки 2,5. Во втулке имеется овальное отверстие для закрепления на древке.

Тип IV (1 экз.). Копья с вытянуто-листовидным пером. Наконечники этого типа занимали значительное место среди копий, используемых волжскими булгарами в X–XIII веках (Измайлов, 1997, с. 72), хотя использовались и ранее (Генинг, 1964, рис. 15: 3; Казаков, 1971, табл. VII: 18; Erdélyi, 1977, pl. XXXVII: 23). Встречаются в мордовских древностях (Альбом..., 1941, табл. XXVIII: 20; Гришаков, 1988, табл. X: 2; Шитов, 1988, табл. VI: 1), на Руси появляются в XII веке (Кирпичников, 1966 (2), с. 15; табл. II: 7; табл. IX: 3–4).

Наконечник с листовидным пером из Татарской Лаки II (рис. 18: 3). Общей длиной (с учетом обломанного кончика) 307 мм, длиной пера 195 мм, шириной пера 35 мм. Перо имеет линзовидное сечение толщиной 9 мм. Втулка диаметром 33 мм, толщина стенок втулки 2,5 мм. Сам памятник датируется XII–XIII веками, поэтому следует относить его к данному периоду.

Тип V. Гарпуны (2 экз.). Находки гарпунов для XI–XIII веков довольно редки, они наиболее характерны для VIII–X веков (Кирпичников, 1966, с. 17). Для мордовского населения описываемого периода подобные наконечники вообще неизвестны (Святкин, 2001, с. 33.), хотя были довольно распространены в период I тысячелетия н. э. (Шитов, 1977, с. 116; Гришаков, 1988, табл. X: 2; табл. XI: 2; Материальная..., 1969, табл. 6: 1; табл. 11: 6; табл. 21: 8; Святкин, 2001, табл. XXIII: 9–13). В Волжской Булгарии такие наконечники встречаются довольно редко (Измайлов, 1997, рис. 43: 1–5).

Втульчатый, предположительно, двушипный наконечник гарпуна из Татарской Лаки II (рис. 18: 4), острие пера и втулка обломаны. С учетом повреждений общая длина наконечника 150 мм. Линзовидное

перо толщиной 4 мм. По всей видимости, втульчатый гарпун в мордовском могильнике XII–XIII веков является анахронизмом.

Предположительно двушипный (т. к. наконечник обломан и один предполагаемый шип не сохранился), черешковый наконечник гарпуна (рис. 18: 5) общей длиной 120 мм, толщиной 6 мм имеет линзовидное сечение пера и прямоугольное сечение черешка. Переход от черешка к перу не имеет уступа.

Тип VI (3 экз.). Наконечники сулиц.

В составе русского оружия черешковые копия случайны и после XI столетия, по-видимому, выходят из употребления (Кирпичников, 1966, с. 17). В XI–XIII веках для мордовских племен наконечники сулиц, так же как и гарпуны, не характерны, хотя в VIII–X веках встречаются в их могильниках (Альбом, 1941, табл. XX: 5; Материальная..., 1969, табл. 23: 1). В Волжской Булгарии находки наконечников сулиц малочисленны (Измайлов, 1997, рис. 43: 5).

Наконечник черешковой сулицы (рис. 18: 6) с листовидной формой пера, плоский черешок, развернутый перпендикулярно плоскости пера, имеет каплевидную форму, подпрямоугольное сечение. Общая длина 107 мм. Ширина 25 мм, толщина 4 мм.

Наконечник черешковой сулицы (рис. 18: 7). Общая длина 130 мм, ширина 33 мм. Перо имеет форму односторонне выпуклой линзы, толщиной 4 мм.

Наконечник сулицы из Татарской Лаки II (рис. 18: 8). Общая длина 178 мм, ширина линзовидного в сечении пера 40 мм, толщина пера 3,5 мм. Конец черешка немного загнут. Возможно, первоначально имел крючок для закрепления в древке.

Фрагменты пера и втулки (10 экз.). Помимо целых наконечников копий в регионе найдены их фрагменты, к которым относятся обломки пера и втулки.

Находки из Золотаревского поселения представлены тремя экземплярами линзовидного (1 экз.) и ромбовидного сечения (2 экз.) толщиной 4 мм (рис. 19: 1–3).

Фрагмент пики из Чемодановского селища (Яньков, 2001, рис. 4: 6). Сечение 10×16 мм.

Еще один фрагмент ромбовидного сечения 6×10 мм найден на селище Васьянсад (рис. 19: 4).

Три фрагмента копий происходят из Степановского I селища.

Первый фрагмент (Винничек, 2010, рис. VII: 24) сечением пера 9×18 мм.

Второй фрагмент (Винничек, 2010, рис. VII: 25) сечением пера 9×14 мм.

Третий фрагмент, видимо, принадлежал типу ИБ (Винничек, 2010, рис. VII: 30) сечением 10×12 мм.

Все найденные втулки (3 экз.) происходят из Золотаревского поселения.

Первая втулка с отходящим вниз щитком подпрямоугольной формы и прямоугольным отверстием (рис. 19: 5, рис. 73: 2) имеет аналогию с втулкой пики из Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 31: 3), в захоронениях салтовского времени (Аксенов, 2005, рис. 1: 6), на Алтае в IX–X веках (Худяков, 1981, рис. 2: 3). Внутренний диаметр 22. На краю втулки имеется бортик подтреугольного сечения. Отверстие для крепления на древке размером 4×4 мм.

Вторая втулка с шейкой и частью пера (рис. 19: 6). Общая длина фрагмента 115 мм, диаметр втулки 27 мм, край оформлен кольцом, образованным отгибанием края втулки наружу. Отчетливо заметен шов встык.

Третья втулка (рис. 19: 7; рис. 73: 3). Внутренний диаметр 29 мм. Край оформлен кольцом, образованным отгибанием края втулки наружу, его ширина 20 мм.

Втоки

Втульчатые наконечники для нижнего конца древка копья (втоки) (2 экз.), назначением которых было втыкать копьё в землю, что давало немалые преимущества в обращении с оружием (Медведев, 1959, с. 130), известны на территории Древней Руси (Медведев, 1959, рис. 4: 12–13) и Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 35: 4–5). Датируются они X–XIII веками (Измайлов, 1997, с. 76).

В исследуемом регионе найдено 2 втока, которые происходят из Золотаревского поселения.

Первый вток (рис. 19, 8; Рис. 74, 1–2). Длина 125 мм. Острие имеет прямоугольное сечение 7×12 мм. Внутренний диаметр 19 мм, толщина стенки 3,5 мм.

Второй вток с обломанным острием (рис. 19: 9; рис. 74: 3). Длина 111 мм, внутренний диаметр 31 мм, толщина стенки 1,8 мм. В изделии сохранился четырехгранный гвоздь с овальной шляпкой длиной 13 мм.

Интересным фактом представляется наличие в регионе парадного древнерусского оружия – рогатины, которая оказалась в

составе погребального инвентаря мордовского воина, жившего на границе с Рязанским княжеством. Такое могло произойти по двум причинам: либо в результате торговли, либо в результате военных конфликтов в качестве трофея. В любом случае это свидетельствует об усилении мордовского населения и активное приобщение его к передовым достижениям военного искусства Средневековья, что, вероятно, связано с включением исследуемых земель в XI–XIII веках в состав Волжской Булгарии.

Следует упомянуть о качестве изделий, представленных в регионе. Значительным визуальным показателем качества изготовления наконечника может служить качество изготовления втулки. Так, зачастую на копьях отчетливо заметен шов между краями пластины, из которой сворачивалась втулка. В одном случае ярко заметна асимметрия у граней пера пики, что также говорит о довольно небрежном отношении к изготовлению вооружения, которое, видимо, носило массовый характер.

Нет единства в форме крепежных отверстий, встречаются круглые, овальные (как вертикально, так и горизонтально расположенные), квадратные, прямоугольные и ромбовидные. Только в двух случаях зафиксирован металлический крепеж из железного гвоздя (копье, вток). Возможно, что большинство крепежных элементов изготавливались из недолговечных материалов (дерево).

Наибольшее количество наконечников – 13 экземпляров, что составляет 68% от общего числа, – относится к наконечникам XII–XIII веков, использовавшимся в том числе в среде мордовского населения. Большое распространение по сравнению с предыдущим периодом приобретают пики – специализированное оружие всадников. Это говорит об увеличении роли конницы в военном деле региона в XI–XIII веках, что, несомненно, связано с начавшейся в XI веке экспансии в Верхнее Посурье и Примокшанье волжских булгар, костяком войска которых в этот период была кавалерия (Измайлов, 1997, с. 134). При этом имеется некоторое количество экземпляров архаичных типов (IIIА, V, VI), которые, видимо, были в обиходе у местного мордовского населения.

Ножи со втульчатой рукояткой («пальмы»)

За годы исследования Золотаревского поселения на памятнике обнаружено 6 пред-

метов с клинком бытового ножа и несомкнутой втулкой (рис. 20). Они были интерпретированы в качестве пальм – разновидности древкового оружия (Белорыбкин, 2001, с. 145; Белорыбкин, 2003, с. 414).

Аналогичные предметы описывал Ю.С. Худяков (Худяков, 1991, рис. 75), называя их «ножи с втульчатой рукояткой» или также «пальмы». Название данным ножам Ю.С. Худяков дает ввиду их внешнего сходства с оружием таежных охотников Сибири, известным из этнографических материалов. Все экземпляры происходят из Забайкалья, Прибайкалья и Монголии (Худяков, 1991, с. 136–137). Кроме того, встречаются среди аскизских древностей (Кызласов, 1983, табл. XVIII: 8–9).

Первый экземпляр с обломанным клинком (рис. 20: 1). Длина втулки 145 мм, ширина клинка 15 мм, толщина клинка 4 мм. Края втулки немного загнуты внутрь. Край втулки, противоположный клинку, отогнут наружу.

Второй экземпляр (рис. 20: 2) общей длиной 228 мм, длиной клинка 127 мм, шириной клинка 12 мм, толщиной клинка 3,5 мм.

Третий экземпляр (рис. 20: 3) имеет широкий дол на одной стороне клинка. Общая длина находки 235 мм, длина клинка 115 мм. Ввиду длительного использования и заточки клинок имеет незначительную ширину, равную 9–10 мм, толщина клинка 3 мм. Край втулки, противоположный клинку, отогнут наружу.

Четвертый экземпляр (рис. 20: 4; рис. 75: 1) общей длиной 172 мм, длиной клинка 85 мм, шириной клинка 11 мм, толщиной клинка 3 мм. Край втулки, противоположный клинку, отогнут наружу.

Пятый экземпляр с клинком, расположенным под углом к втулке (рис. 20: 5). Общая длина (учитывая изгиб) 135 мм, длина клинка 77,5 мм, ширина клинка 9 мм, толщина клинка 2,5 мм. На клинке отчетливо заметны следы неоднократной заточки. Клинок отогнут в сторону разъединения втулки, по всей видимости, такой вид инструмент имел изначально и предназначался для выполнения определенного вида работы.

Шестой экземпляр (рис. 20: 6; рис. 75: 2) общей длиной 225 мм, длиной клинка 127 мм, шириной клинка 13 мм, имеет значительную толщину клинка, равную 5 мм.

Характерным для всех экземпляров является то, что втулка не сомкнута с правой

стороны изделия при взгляде сверху на обух со стороны втулки. А также в двух случаях отмечен отогнутый край втулки, противоположный остирию.

До настоящего времени достоверно неизвестна область применения данных предметов. Одни считают их разновидностью древкового оружия наподобие копий, распространенного у коренного населения Сибири под названием пальма, которое используется ими в качестве вспомогательного инструмента в хозяйстве аналогично мачете в Америке. Однако, некоторые характеристики (малый размер, малонадежная несомкнутая втулка, отсутствие отверстий для закрепления на древке) у нас вызывают сомнение в возможности использования предмета в качестве наконечника древкового оружия, а также в надежности такого применения.

Кроме того, пальмы в виде короткой рукоятки с длинным черешковым ножом, зафиксированные в этнографии (Серошевский, 1993, рис. 86) и описываемые как «большой, тяжелый нож, как правило, с односторонней заточкой на деревянной рукояти, мало уступающей по длине копыю» (Соловьев, 2003, с. 195), характерны и для периода Средневековья, причем имеют точно такой же вид (Мандырка, 2005, рис. 1: 26). При этом они не имеют ничего общего с исследуемыми экземплярами.

Для проверки предположения был проведен опыт. Для этого С. Кадетовым (кузнецом) была изготовлена копия экземпляра (рис. 75: 3) с соблюдением метрических характеристик оригинала. После этого копия была заточена и насажена на древко диаметром 15 мм и длиной 1,5 м. При этом часть древка внутри втулки получилась размером 5×11 мм.

Затем был проведен ряд испытаний. Первоначально оружием наносились колющие удары в дощатые мишени и мишени из сена. Во время первых ударов наконечник удерживался на древке, однако затем все чаще стал слетать с древка. Видимо, сказывалось отсутствие отверстия для закрепления наконечника на древке и незначительные размеры втулки, равно как и то, что она практически не сомкнута, что уменьшает сцепление наконечника с древком. Отсутствие крепления наконечников характерно для метательных копий и гарпунов, для которых это скорее более выгодно. Однако довольно сложно классифицировать «пальмы» в качестве наконечников

метательного оружия, т. к. перо имеет треугольное сечение, присущее ножам. К тому же часть экземпляров имеет следы неоднократной заточки, что позволяет предположить их использование в качестве режущего инструмента, тогда как для метательного оружия достаточно иметь острый кончик.

Незначительная длина пера подобных наконечников крайне затрудняет их использование для нанесения режущих ударов с применением древка, т. к. очень сложно попасть по цели при увеличенной амплитуде движений, которая неизбежна при использовании длинной рукоятки, что и подтвердила серия проведенных режущих ударов.

Кроме того, один экземпляр имеет перо, расположенное под углом к втулке. Характер узла соединения пера и втулки говорит о том, что такой угол был придан изделию при ковке, а не в результате деформации при использовании. Такая характерная особенность предмета еще больше затрудняет его использование в качестве наконечника.

Нам представляется, что вышеописанные предметы являются бытовыми ножами с рукояткой, откованной заодно с лезвием, что повышает прочность и долговечность изделия в сравнении с черешковыми ножами и насаженными на них деревянными или костяными рукоятками. Данное утверждение справедливо, если нож используется для работ с повышенной нагрузкой на инструмент. Этим может объясняться и изгиб у экземпляра (рис. 20: 5),

который, вероятно, обусловлен использованием инструмента для особого вида работ.

Кроме того, незначительные размеры втулки предполагают незначительные же размеры древка (в особенности той его части, на которую насажен наконечник), которое легко повредить или сломать при использовании.

В связи с вышеизложенным нам представляется наиболее правомерным использовать для данных инструментов термин «ножи с втульчатой рукояткой».

Однако нельзя полностью отвергать возможность использования данного предмета на древке. Так современная тувинская этнография описывает бытовые ножи, прикрепленные к древку, которые используются в качестве вспомогательных средств при охоте (Даржа, 2009, с. 85). Возможно, что ножи с втульчатой рукояткой были адаптированы для аналогичного универсального использования.

Являясь несомненным маркером присутствия монгольских войск, помимо Прибайкалья, Забайкалья и Монголии данные предметы встречены только в Верхнем Посурье. Это, видимо, связано с прекращением существования в результате монгольского нашествия многих памятников исследуемого региона, которые надежно сохранили в земле свидетельства присутствия завоевателей. В большей степени это относится к Золотаревскому поселению, где на данный момент найдено наибольшее число артефактов данного рода.

1.3 Боевые топоры

Топор – рубящее оружие ближнего боя, состоящее из боевой части (собственно топора) и рукоятки (топорища). Иногда топорища дополнительно усиливались металлическими или кожаными деталями для большей прочности и износостойкости (Финно-угры, 1987, табл. СХ: 1, 8).

На протяжении многих веков они наряду с копьями были излюбленным видом универсального инструмента, пригодного для хозяйственных работ, охоты и сражений. Уже в каменном веке появляются специализированные боевые формы топоров. Видоизменяясь, они продолжают существовать вплоть до XX века, где широко применялись в Первую

мировую войну в качестве окопного оружия. Но какие именно топоры, характерные для Средневековья, следует считать боевыми? Безоговорочно предназначенными исключительно для военного использования можно признать незначительные по размерам топоры-чеканы (Кирпичников, 1966 (2), с. 29; Измайлов, 1997, с. 76), имеющие удлинённый обух, зачастую не имеющие аналогий по формам с рабочими топорами, и в меньшей степени миниатюрные аналоги рабочих топоров (Кирпичников, 1966(2), с. 29), в силу своих характеристик неудобных для использования в быту, но довольно удобных для применения в бою.

Конструктивно в боевых топорах можно выделить следующие детали (рис. 3):

А) боевая часть (иногда снабжена отверстием, возможно, для крепления топора на поясе, португее и пр.), иногда боевая часть ассиметрично удлинена вниз, напоминая бороду, так и называется бородой;

Б) втулка для крепления на топориче, может быть снабжена щекавицами – удлиненными отростками, предохраняющими топор от разбалтывания на древке во время использования;

В) обух, в случае с чеканами сильно удлиненный. Иногда на конце обуха имеется увеличенная в отношении к нему пяточка, чаще всего повторяющая сечение обуха.

На исследуемой территории зафиксировано всего три топора-чекана (все происходят из Золотаревского поселения).

Первый топорик-чекан (рис. 21: 1; рис. 76: 1) общей длиной 220 мм, шириной рубящей кромки 49 мм на боевой части имеет подтреугольное отверстие 7×13 мм. Обух шестигранного сечения 7×20 мм, шейка также шестигранная, овальная втулка размерами 21×28 мм. Заточка у данного топора похожа на заточку зубила, то есть заточен под большим углом. Ближайшую аналогию мы находим в материалах удмуртов (Семенов, 1980, табл. XVIII: 9).

Второй чекан (рис. 21: 2; рис. 76: 2) общей длиной 172 мм, шириной рубящей кромки 43 мм. Обух четырехгранного сечения 9×23 мм, на обухе имеется прямоугольный боек размерами 16×31 мм. Овальная втулка имеет размеры 17×25 мм.

Фрагмент топорика-чекана с отломанным обухом и частью втулки (рис. 21: 3; рис. 76: 3) общей длиной 138 мм, шириной рубящей кромки 58 мм. Боевая часть в виде трапеции. Шейка имеет шестигранное сечение, ближняя к втулке половина украшена поперечными насечками только с одной стороны. Овальная втулка также сохранила следы поперечных насечек.

Все топоры, представленные на памятнике, имеют широкие аналогии в древностях Восточной Европы: Северного Кавказа (Кочкаров, 2006, табл. I: 3; табл. V: 38, табл. VI: 42), Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 45: 1), в мордовских могильниках (Липатов, 2003, рис. 1: 1–2; рис. 3: 1), в Древней Руси (Кирпичников, 1966 (2), табл. XII: 6, табл. XVIII: 1, 3), в странах Балтии (Финно-угры... 1987, табл. CX: 34, 45) – и датируются IX–XI веками, но в XII веке они утрачивают свое значение. Небольшое их количество для памятника XII–XIII веков можно признать анахронизмом, который использовало местное население, либо свидетельствами эпохи, предшествующей болгарской колонизации, в которую топор-чекан был довольно распространенным специализированным видом оружия. Так, их активно использовали мордовские племена (Липатов, 2003, с. 314), а также буртасы, чему есть письменное подтверждение восточных авторов. Абу Саид Абд-ал-Хайя б. Зохах Гардизи так описывает вооружение буртас: «Их оружие – два дротика, топор и лук, панциря и кольчуги у них нет...» (Бартольд, 1897, с. 120–121).

1.4 Оружие ударно-дробящего действия

К оружию ударно-дробящего действия относятся **кистени** и **булавы**.

В Верхнем Посурье и Примокшанье обнаружены все типы данного вида средневекового вооружения. На данный момент известны 3 железные булавы (Золотаревское городище); 5 бронзовых кистеней (Золотаревское городище, Татарская Лака II, Канаевское селище, Мордовскоишимское селище, селище Васканысад) и один железный (Золотаревское городище).

Типология болгарских булав и кистеней была разработана И.Л. Измайловым, поэто-

му малочисленные находки, происходящие из юго-западных земель Волжской Булгарии, будут описаны в соответствии с ней с некоторыми дополнениями.

Булава – оружие ударно-дробящего действия, состоящее из металлического, костяного, деревянного или каменного навершия и рукоятки, на которую оно насажено.

На территории юго-западных земель Волжской Булгарии найдено 2 типа этого вида оружия, представленных тремя экземплярами. Все находки происходят из Золотаревского поселения.

Тип I. Железная булава в форме куба с четырьмя крестообразно расположенными шипами (рис. 22: 1; рис. 77: 1), изготовленная, видимо, в технике тонкостенного стального литья. В древности была заполнена свинцово-оловянным сплавом (данный способ скорее характерен для бронзовых изделий). Это говорит о высокоразвитой металлургии ее изготовителей.

Ширина изделия (по вершинам шипов) 70 мм, (по граням основания) 56 мм, высота 39 мм. С одной стороны втулка круглая диаметром 28 мм, с другой стороны овальная 28×35 мм. Это связано, по всей видимости, с тем, что круглое в сечении древко вставлялось и расклинивалось, принимая овальную форму.

По замечанию А.Н. Кирпичникова, булавы этого типа чаще бывают железными, нежели бронзовыми (Кирпичников, 1966, с. 48), однако в подобной технике исполнения нами встречена еще только одна булава данного типа из с. Добрин в Болгарии (Парушев, 1998, обр. 11). Кроме того, из Дунайской Болгарии происходят другие железные булавы, изготовленные в технике тонкостенного стального литья, только другого типа – шаровидные навершия с неглубокими желобками, образующими на теле булавы ромбическую сетку (Парушев, 1998, с. 68; обр. 4–6). Все болгарские экземпляры датируются XII–XIII веками (Парушев, 1998, с. 68–70).

Основная масса булав этого типа происходит из Восточного Средиземноморья и кочевого Юго-Востока, Византии и Хазарского каганата, Волжской Булгарии (Кирпичников, 1966, с. 48; Измайлов, 1997, с. 97).

Датируется этот тип IX–XI вв. Однако описанная булава, скорее всего, относится к более позднему периоду XII–XIII вв. ввиду того, что побывала в огне пожара при штурме Золотаревского городища (т. к. свинцово-оловянное заполнение при пожаре расплавилось и вытекло), относимом к первой половине XIII в. (Белорыбкин, 2001, с. 181–182). Об этом же, возможно, свидетельствует и высокотехнологичный способ ее производства.

Тип IIБ. Две железные шестигранные булавы практически идентичных размеров найдены на Золотаревском городище (рис. 22: 2–3). Подобные булавы встречаются в Древней Руси XII–XIII веков (Седова М.В., 1978, табл. 16: 2; Никольская, 1981, рис. 95: 8), однако являются довольно редким типом этого вида оружия (Белорыбкин, 2001, с. 145).

Первая булава (рис. 22: 2) длиной между углами 58 мм, высотой 33 мм, диаметром круглой втулки 23 мм.

Вторая булава (рис. 22: 3) содержала во втулке железный гвоздь (рис. 22: 4; рис. 77: 2) (видимо, в качестве клина) длиной 70 мм. Длина между углами навершия 51 мм, высота 31 мм. Диаметр круглой втулки 23 мм. Крепление, аналогичное золотаревской булаве, только с двумя гвоздями, есть на новгородской булаве конца XIII века из Троицкого IX раскопа, у которой полностью сохранилась рукоятка длиной 642 мм и диаметром 28 мм (Артемьев, Гайдуков, 1995, с. 202; рис. 2).

Кистень – оружие ударно-дробящего действия в виде металлической, костяной, деревянной или каменной гирьки, подвешенной на гибкий ремень, который, вероятно, в некоторых случаях прикреплялся к рукоятке.

Гирька может быть составной (это характерно для каменных, деревянных и костяных) или цельной (металлические). Составные гирьки включают в себя (рис. 3):

А) клепку-петлю, проходящую сквозь тело и расклепанную с обратной стороны;

Б) тело гирьки.

Внешний облик цельных кистеней зачастую имитирует составные. Так, для них характерна имитация клепки-петли в виде отдельных деталей: петли и расклепанной клепки с противоположной стороны.

В западных землях Волжской Булгарии на данный момент известно 6 кистеней трех типов, представленных исключительно металлическими гирьками.

Наиболее распространенным в регионе типом кистеней является Тип IV, датируемый XII–XIII веками (Кирпичников, 1966, с. 63), который представлен четырьмя бронзовыми гирьками кистеней, изготовленными из оловянистой бронзы, в виде шара с горошковидными выпуклостями. С территории Волжской Булгарии известны 4 экземпляра этого типа. Одна из них происходит из Золотаревского поселения (рис. 23: 1). Высота экземпляра 63 мм, диаметр с учетом полусферических шипиков 42 мм. На вертикальной оси гирьки отчетливо виден литейный шов. Петля украшена семью заостренными шипами.

Вторая гирька происходит из Мордовскоишимского селища (рис. 23: 2). Высота 62 мм, диаметр 33 мм. Петлю, оформленную насечками, охватывают стилизованные лепестки.

Третья найдена на Канаевском селище (рис. 23: 3; рис. 78: 1). Высота экземпляра 54 мм, диаметр 36 мм. Гирька имеет литейный брак в виде углубления на теле неправильной формы. Петля представляет собой пятиугольник.

Четвертая, самая маленькая, из могильника Татарская Лака II (рис. 23: 4). Высота 52 мм, диаметр 25 мм. Петля украшена только одним цилиндрическим шипом.

На всех экземплярах отчетливо заметен вертикальный литейный шов, образовавшийся вследствие изготовления изделия (возможно макета) в двусоставной разъемной форме.

Определенное распространение получили подобные кистени также в Древней Руси (Кирпичников, 1966, с. 62).

Не встречается аналогий в материалах Волжской Булгарии железной гирьке кистеня бипирамидальной формы со «срезанными» гранями и каплевидной петлей из Золотаревского поселения (рис. 23: 5; рис. 78: 2) высотой 60 мм, шириной 32 мм. Аналогичный кистень происходит из Княжей горы на территории Древней Руси (Кирпичников, 1966, рис. 45: 1).

А.Н. Кирпичников относит его к разновидности типа II (по Кирпичникову), который датируется X–XI веками и довольно широко распространен как в Древней Руси, так и в Волжской Булгарии (10 экз.) (Измайлов, 1997, с. 106).

Тенденция к огранке округлых форм кистеней прослеживается и на других типах. Так, например, железный сферический кистень из Алексеевского городища (Измайлов, 1997, рис. 71: 5) приобретает 11 выступающих граней валиков. К тому же выделяется отдельный тип граненых кистеней (тип VII по И.Л. Измайлову), исходной формой для которых стали округлые гирьки (Измайлов, 1997, с. 109).

Связана подобная тенденция, видимо, с желанием увеличить количество боевых граней и сторон (Измайлов, 1997, с. 109).

Еще одним экземпляром, не имеющим близких аналогий, как в Древней Руси, так и в Волжской Булгарии, является гирька кистеня из селища Васьканьсад (Винничек, 2007, с. 239–242) (рис. 23: 6; рис. 78: 3). Бронзовая гирька кистеня, изготовленная из 3-х частей (две полусферы и соединительный стержень с петлей). Высота 55 мм, ширина 32 мм, толщина стенок 1–2 мм. Тело кистеня оформлено овалами, окруженными кантом, и покрыто позолотой. Аналогичная форма зафиксирована на кистене из Сухогомольшанского могильника (Михеев, 1985, рис. 7: 12). В древности тело гирьки было заполнено свинцово-оловянным сплавом.

Возможно, данный экземпляр следует отнести к типу ПА, для которого характерно наличие свинцовой заливки (Измайлов, 1997, с. 106).

Оружие ударно-дробящего действия не характерно для финно-угорского населения Посурья в период раннего Средневековья, излюбленным оружием которых были лук и стрелы, топоры и копья (Святкин, 2001, с. 117). Появление нового вида вооружения, определенно, связано с включением территории Посурья в состав Волжской Булгарией в XI–XIII веков и развитием на этой территории комплекса профессионального вооружения, характерного для конных латников. В определенной степени о формировании своих ремесленных центров, специализировавшихся на изготовлении подобных элитарных предметов оружия ближнего боя, свидетельствует обнаружение в этом регионе предметов вооружения, нетипичных для Волжской Булгарии.

§2. Защитное вооружение

Доспех был одним из наиболее дорогостоящих элементов вооружения средневековых воинов и зачастую доступен только народам, находящимся на довольно высоком уровне развития, так как требовал наличия высокотехнологичного производства и умелых мастеров, способных применять

подобные технологии. Коренное население региона практически не было знакомо с кольчатыми доспехами и совершенно незнакомо с пластинчатыми доспехами. Судя по письменным данным, буртасы также не использовали какой-либо доспех: «...панциря и кольчуги у них нет» (Бартольд, 1897, с. 120–121). В то же

время волжские булгары активно применяли все перечисленные виды защитного вооружения (Измайлов, 1997, с. 111).

На настоящий момент большинство находок элементов доспеха рассматриваемого региона происходят из Золотаревского горо-

дища. Лишь отдельные доспешные пластины происходят из других памятников региона. Комплекс доспеха широко представлен доспешными пластинами, фрагментами кольчужных полотен и отдельных колец, а также деталями шлема.

2.1. Кольчуга

Кольчуга – разновидность металлического доспеха, состоящая из сплетенных особым образом колец.

В Средневековье кольчуги были распространены повсеместно в Восточной Европе (Кирпичников, 1977, с. 11). На территории Волжской Булгарии было найдено несколько целых кольчуг и 15 фрагментов. В юго-западных землях Волжской Булгарии пока не найдено целых или относительно крупных фрагментов этого доспеха, но имеется множество свидетельств его использования.

Кольчуги представлены лишь небольшими фрагментами полотен, несколькими скрепленными между собой звеньями и отдельными кольцами. К сожалению, ввиду отсутствия крупных фрагментов и целых кольчатых доспехов не представляется возможным определить целостный облик изделия, однако имеющиеся фрагменты дают много информации по технологии изготовления полотен.

По способу изготовления кольца можно разделить на:

а) клепаные (кольцо согнуто из проволоки, концы соединены клепкой);

б) цельные (кольцо высечено из металлического листа);

Если клепаные кольца легко определить визуально, то в отношении сварных и штампованных колец это зачастую затруднительно и окончательный ответ может дать только металлографическая экспертиза.

Типы сечения колец (рис. 3):

I – Линзовидное

II – Овальное

III – Круглое

IV – Прямоугольное

Кольчужные полотна (16 экз.).

1. Два фрагмента одного полотна (рис. 24: 1–2; рис. 79: 1). Состоят из 2-х типов колец.

Плоские кольца прямоугольного сечения 1×2,5 мм. Следов соединения не установлено.

Кольца линзовидного сечения 2–2,5×3 мм. Кольца сведены внахлест, стык очень плотный. Внутренний диаметр всех колец 7–8 мм.

2. Фрагмент кольчужного полотна (рис. 79: 2). Состоит из колец одного типа. Кольца уплощенные 1×1,5 мм. Внутренний диаметр 5,5 мм. Следов соединения не прослеживается.

3. Фрагмент кольчужного полотна (рис. 80: 1). Состоит из колец одного типа. Кольца имеют линзовидное сечение 2×2,5 мм. Внутренний диаметр колец 8 мм.

4. Фрагмент кольчужного полотна (рис. 80: 2). Часть колец имеет утолщения, характерные для клепанных колец, но из-за сильной коррозии выявить способ соединения невозможно. Кольца круглые в сечении. Внутренний диаметр 5 мм. Диаметр проволоки 1,2 мм.

5. Фрагмент полотна, подвергшегося сильной коррозии (рис. 81: 1). Кольца в сечении овальные 1,5×2,5 мм. Следов соединения не прослеживается из-за коррозии. Внутренний диаметр колец 8 мм.

6. Фрагмент спекшегося кольчужного полотна (рис. 81: 2), из-за чего следы соединения не прослеживаются. Проволока круглого сечения диаметром 1,5 мм. Внутренний диаметр 5,5–6 мм.

7. Фрагмент (рис. 82: 1) состоит из круглых в сечении колец диаметром 1,5 мм. Внутренний диаметр колец 6 мм. На кольцах не заметно раскованных концов, однако на нескольких кольцах отчетливо заметна клепка. Возможно, первоначально концы колец расплющивались, а после склепывания кольца выравнивались на оправке.

8. Фрагмент (рис. 82: 2) состоит из уплощенных колец 1,2×1,8 мм. Внутрен-

ний диаметр колец 5,5 мм. Визуально следов соединения не прослеживается.

9. Фрагмент (рис. 83: 1) состоит из колец круглого сечения диаметром 1,5 мм. Внутренний диаметр колец 5–7 мм. Часть колец проклепаны, на остальных визуально не выявлено способа соединения.

10. Фрагмент (рис 24: 3), состоящий из двух типов колец. Клепанные кольца линзовидного сечения 1,5×2,5 мм. Круглые в сечении кольца диаметром 1,5 мм без следов соединения. Внутренний диаметр всех колец 8 мм.

11. Фрагмент (рис. 24: 4) состоит из колец круглого сечения диаметром 1–1,5 мм. Следов соединения визуально не прослеживается. Внутренний диаметр колец 5 мм.

12. Фрагмент (рис. 24: 5) состоит из колец круглого сечения диаметром 1,5 мм. В плетении присутствуют клепаные и целые кольца без визуальных следов соединения. Часть клепаных колец без клепки и с порванными отверстиями. Внутренний диаметр клепаных колец 11 мм, замкнутых 9 мм.

13. Фрагмент (рис. 24: 6) состоит из колец круглого сечения диаметром 1,5 мм. Следов соединения не выявлено. Внутренний диаметр колец 8 мм. Часть колец деформирована и имеет овальную форму.

14. Фрагмент (рис. 24: 7) состоит из колец круглого сечения диаметром 1–1,5 мм. Следов соединения визуально не выявлено. Внутренний диаметр колец 6 мм. Часть колец деформированы.

15. Полотно (рис. 24: 8), целиком состоящее из клепанных колец, овального сечения 1,5×2,5 мм. Внутренний диаметр колец 6 мм.

Фрагменты кольчужного плетения (4 экз.) представляют собой несколько соединенных колец, малое количество которых не позволяет отнести их к разряду полотен.

1. Фрагмент (рис. 83: 2) представляет собой цепочку из пяти колец трех разных типов:

а) кольца, изготовленные из проволоки линзовидного сечения (3шт.), 1,8×2,2 мм. Внутренний диаметр 5 мм и 8 мм. Концы проволоки сведены внахлест и немного расплющены;

б) плоское кольцо, прямоугольного сечения 3 мм×1,2 мм. Внутренний диаметр 10 мм. Кольцо цельное, без стыков и швов;

в) кольцо круглого сечения, диаметр 1,3 мм. Внутренний диаметр кольца 6,5 мм. Следы соединения отсутствуют.

Цельные кольца в цепочке соединены сведенными. Маленькое сведенное кольцо подцеплено к аналогичному большому. Возможно, фрагмент представляет собой пробный образец при изготовлении кольчуги. Так, сведенные кольца напоминают кольца, скрепленные кузнечной сваркой, но без последующей обработки шва. Аналогичные цепочки из разных колец находили в Новгороде Великом, предположительно, в мастерской оружейника и интерпретируются в качестве ремонтных наборов для кольчуг¹. Кольца собирались в цепочки, чтобы не потерять. Данный факт может свидетельствовать о возможности изготовления или починки доспехов на Золотаревском поселении, либо, возможно, данный ремонтный комплект был потерян здесь наступающими силами.

2. Фрагмент плетения (рис. 84: 1), три замкнутых кольца соединены одним клепанным. Замкнутые кольца плоские 1×2 мм. Клепаное кольцо из проволоки диаметром 1,5 мм. Внутренний диаметр колец 5 мм.

3. Фрагмент плетения (рис. 24: 9), два замкнутых кольца соединены одним клепанным. Клепаное кольцо изготовлено из круглой проволоки диаметром 1,5 мм. Замкнутые кольца имеют прямоугольное сечение 1×2,5 мм. Внутренний диаметр колец 7 мм.

4. Фрагмент плетения (рис. 24: 10), три замкнутых и два клепаных кольца чередуются таким образом, что клепаные кольца соединяют два замкнутых. Клепаные кольца изготовлены из проволоки круглого сечения диаметром 1 мм. Замкнутые кольца имеют квадратное сечение со стороной 1 мм, следов соединения не выявлено. Внутренний диаметр колец 5 мм.

Отдельные кольца (3 экз.).

Представлены тремя клепанными кольцами.

1. Клепаное кольцо (рис. 84: 2) изготовлено из проволоки линзовидного сечения 2×2,5 мм. Внутренний диаметр кольца 8–9 мм. Шляпка клепки имеет полусферическую форму.

2. Кольцо (рис. 23: 11; рис. 84: 3) изготовлено из проволоки прямоугольного сечения 1,5×2,5 мм. Внутренний диаметр кольца 9

¹ На основе устной консультации С.Ю. Каинова

мм. Шляпка клепки имеет полусферическую форму.

3. Плоское кольцо с бороздками (рис. 24: 12). Плоское кольцо 0,8×3 мм, по всей длине которого проходит бороздка. Видимо, изначально кольцо было изготовлено из проволоки, а затем специальной оправкой расплющено и изготовлена бороздка. Кольцо деформировано и установить внутренний диаметр затруднительно. В одном из отверстий сохранился шип с полусферической шляпкой. Кольца имеют аналогии в Древней Руси (Лыково, Княжья гора, Городище) (Кирпичников, 1971, с. 14) и на территории Волжской Булгарии в Измерском I селище (Измайлов, 1997, рис. 75: 8). Подобные кольца входили в состав кольчужной бармицы шлема из кургана Таганча

(Gawrysiak-Leszczynska, Musianowicz, 2002, rys. 3).

Для всех фрагментов и полотен характерно плетение, при котором четыре кольца соединяются одним (4 в 1).

Все находки фрагментов кольчужной брони происходят из Золотаревского поселения и, по всей видимости, являются следами развернувшейся здесь битвы, в которой непосредственно участвовали хорошо одошенные воины. Больше нигде в регионе не зафиксировано использование кольчуг. Часть колец деформированы, что свидетельствует о повреждении, нанесенном доспеху оружием. Это выражается в изменении формы колец с круглой на овальную, а также разрыв колец.

2.2. Пластинчатый доспех

Пластинчатый доспех изготавливался из отдельных металлических пластин, закрепленных на основу или связанных между собой.

В ряде работ, посвященных Золотаревскому поселению, было введено в научный оборот большое количество материала, однако описание ограничивалось лишь характеристикой внешнего вида элементов доспеха (Белорыбкин, 2001, с. 135) или просто констатацией факта их находки (Белорыбкин, 2003, с. 414). В то же время была разработана типология панцирных пластин, где за основу бралась форма пластин, однако такая типология оказалась не очень эффективной, так как зачастую форма не влияет на конструкцию панциря в целом. Факторами, влияющими на конструктивные особенности, являются характер и расположение отверстий, позволяющие определить принципы и особенности сборки доспеха из того или иного типа пластин. Именно характер расположения отверстий на доспешных пластинках положен в основу новой типологии. Критерием для выделения подтипов служат некоторые отличия в характере расположения отверстий, не влияющие на основной принцип крепления пластин в доспехе. Деление на варианты произведено на основании различий в количестве отверстий или отличий в форме самих пластин.

Исходя из этого, все известные на данный момент пластины можно разделить на 10 типов (рис. 25).

Для удобства описания нами были условно выделены вертикальная и горизонтальная плоскости изгиба пластин, а также пластины разделены на трети или четверти. Верхние и нижние части пластин в описании соответствуют пространственному расположению пластин на картинках.

Всего на памятниках Верхнего Посурья обнаружено 179 фрагментов от пластинчатого доспеха.

Тип I (1 экз.) (рис. 26: 1, рис. 85). Квадратные пластины с отверстиями по углам.

Представлен сильноизогнутой (прокованной) пластиной подквадратной формы (Отдел А по Г.Н. Белорыбкину), размером примерно 50×50 мм, толщиной 1 мм. Отверстия диаметром 2,5 мм имеют деформированные края (оттянуты внутрь). Аналогии данному типу пластин мы находим в Новгороде (Кирпичников, 1971, рис. 4: 6), а также в мастерской оружейника из городища Алчедар в Молдавии (Медведев, 1959, рис. 1: 9).

Тип II (43 экз.) (рис. 26: 2–13; рис. 30: 3–5). Пластины с отверстием в центре. Имеют широкие аналогии в кочевом мире (Макушников, Лупиненко, 2003, с. 215).

Вариант 1 (2 экз.) (рис. 26: 2). Пластины с вертикально расположенными парными

отверстиями в верхней части по центральной оси пластины, парными отверстиями вдоль длинных сторон в середине пластины и горизонтальными парными отверстиями в нижней части.

Комплект из двух пластин, изогнутых в обеих плоскостях (рис. 26: 2). Длина 53–54 мм, ширина 19–20 мм, толщина 1 мм. Диаметр отверстий 2 мм. Плавно расширяются от низа кверху, верхняя часть скруглена. Одна пластина не изогнута, вторая имеет сильный изгиб в горизонтальной и слабый изгиб в вертикальной плоскостях.

Вариант 2 (4 экз.) (рис. 26: 3; рис. 30: 4). Пластины с вертикально расположенными парными отверстиями в верхней части по центральной оси пластины, параллельными комплексами из двух отверстий вдоль длинных сторон в первой трети пластины и двумя параллельными комплексами по три отверстия вдоль длинных сторон в нижней части.

Комплект из двух пластин (рис. 27: 3; рис. 86: 1). Длина 79 мм, ширина 20 мм, толщина 1,5 мм. Диаметр отверстий 2,5–3 мм. Пластины равномерно сужаются от нижней части к верхней, верхняя часть скруглена. Одна пластина не изогнута, вторая имеет слабый изгиб в горизонтальной плоскости.

Комплект пластин без изгиба из комплекса (2 экз.) (рис. 30: 4). Длина 67 мм, 17 мм, толщина 1 мм. Диаметр отверстий 1,5 мм.

Вариант 3 (27 экз.). Пластины с вертикально расположенными парными отверстиями в верхней части по центральной оси пластины, двумя параллельными комплексами по два отверстия вдоль длинных сторон в нижней части и в первой трети пластины и одиночным отверстием в нижней части пластины по ее центральной оси.

Сильноизогнутая в горизонтальной плоскости пластина (рис. 26: 4) шириной 24 мм, толщиной 2 мм. Диаметр отверстий 3–3,5 мм.

Пластина без изгибов (рис. 26: 5; рис. 86: 2) длиной 73 мм, шириной 20 мм, толщиной 2 мм. Диаметр отверстий 2–3 мм. Верхняя часть скруглена.

Комплект слабоизогнутых в горизонтальной плоскости пластин из комплекса (18 экз.) (рис. 30: 3). Длина 72 мм, ширина 21 мм, 0,7–1 мм. Диаметр отверстий 2–3 мм.

Комплект пластин из комплекса без изгиба (7 экз.) (рис. 30: 5). Длина 56 мм, ширина

14 мм, толщина 0,8 мм. Диаметр отверстий 1–2 мм.

Вариант 4 (1 экз.) (рис. 26: 6, рис. 86: 3). Пластина с одинарным отверстием у малой стороны пластины.

Сохранившийся фрагмент имеет ширину 20 мм, толщину 1 мм, диаметр отверстий 2 мм. Углы пластины срезаны под углом в 45°. В силу фрагментарности экземпляра, более точных описаний варианта сделать невозможно.

Неопределенные (7 экз.) (рис. 26: 7–13). Также к этому типу относится ряд фрагментов из Золотаревского поселения, по состоянию которых невозможно определить, к какому варианту они относятся.

Кроме того, фрагмент пластины этого типа найден на Чемодановском селище (Яньков, 2001, рис. 4: 7). Ширина фрагмента 32 мм, толщина 0,6 мм, диаметр отверстий 3 мм.

Тип III (1 экз.) (Белорыбкин, 2003, рис. 8: 10).

Пластина с двумя параллельными комплексами из двух отверстий вдоль длинных сторон в первой третьей трети пластины, двумя вертикально расположенными отверстиями на центральной оси в нижней части и одним отверстием на центральной оси в верхней части. Имеются аналогии в Древней Руси (Медведев, 1959, рис. 1: 1–2), а также близкие не только по расположению отверстий, но и по форме на обширной территории от Восточной Европы до чжурчжэней и Китая (Соловьев, 1987, с. 50).

Тип IV (3 экз.) (рис. 26: 14–15). Пластины с шестью парами отверстий вдоль длинных сторон (по 3 с каждой стороны), расположенными в первой трети, середине и нижней части пластины.

Вариант 1. Пластина с одним отверстием на центральной оси в верхней части пластины.

Пластина с изгибом в первой трети по горизонтальной оси (1 экз.) (рис. 26: 14; рис. 87: 1) длиной 83 мм, шириной 29 мм, толщиной 0,8–1,1 мм. Диаметр отверстий 3–3,5 мм, диаметр одиночного отверстия вверху пластины 1,5 мм. В центре отверстия изготовлен умбон высотой относительно плоскости пластины 2 мм, выполнявший декоративную функцию, а также функцию ребра жесткости.

Близкие пластины найдены в Древней Руси и кочевнических захоронениях (Медве-

дев, 1959, рис. 2: 1–2). Тиснение встречается на пластинках в Древней Руси и кочевом мире (Лупиненко, 2007, с. 332–333).

Вариант 2 (2 экз.) (рис. 26: 15; рис. 87: 2). Пластины с двумя вертикально расположенными отверстиями на центральной оси в верхней части пластины.

Комплект из двух пластин, скрепленных двумя клепками с плоскими шляпками. Слабоизогнутые в горизонтальной плоскости пластины длиной 64 мм, шириной 16 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 2–2,5 мм. Одна из длинных сторон оформлена тремя клиновидными выступами. Пластины скреплены друг с другом таким образом, что исключают возможность использования других смежных отверстий для скрепления пластин. Скорее всего, крепление с помощью клепок не является характерным для таких пластин и является следами починки доспеха. Либо есть вероятность, что элементы, принимаемые за клепки, являются остатками органических шнурков, скреплявших пластины между собой, за время нахождения в земле замещенные оксидами железа. Близкие аналогии декорирования обнаруживаются в кочевнических погребениях Западной Сибири (Соловьев, 1987, табл. XI: 3–4).

Тип V (31 экз.) (рис. 27). Пластины с комплексами из четырех отверстий, расположенных в виде квадрата. Аналогичные пластины с четырьмя комплексами отверстий встречены в Гомие (Макушников, Лупиненко, 2003, рис. 2: 4).

Подтип А (20 экз.) (рис. 27: 1–11). Пластины с двумя отверстиями в нижней части пластины вдоль длинных сторон. Слабоизогнутые пластины с двумя парами отверстий, расположенных в виде квадрата в центре пластины ближе к одной из сторон и в «нижней» части, комплексом отверстий в верхней части пластины. Подобные пластины встречаются также у чжурчженей (Шавкунов, 1993, рис. 44: 8).

Вариант 1 (16 экз.) (рис. 27: 1–10).

К этому варианту относятся 2 комплекта пластин из трех и четырех штук.

Комплект из 4 пластин (рис. 27: 1; рис. 88: 1). Слабоизогнутые в горизонтальной плоскости бочонковидные пластины длиной 74 мм, шириной 19 мм, толщиной 1–1,5 мм. Диаметр отверстий 1,5–2 мм.

Комплект из 3 пластин (рис. 27: 2; рис. 88: 2). Слабоизогнутые в горизонтальной

плоскости пятигранные пластины длиной 63 мм, шириной 15–16 мм, толщиной 1–1,4 мм. Диаметр отверстий 1–2 мм.

Комплект из двух пластин (рис. 27: 3). Пластины без изгиба шириной 15 мм, толщиной 1 мм, диаметр отверстий 1–1,5 мм.

Слабоизогнутая в горизонтальной плоскости пятигранная пластина (рис. 29: 4) шириной 15 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 2 мм.

Пластина без изгиба (рис. 27: 5) длиной 65 мм, шириной 16 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 1–2 мм.

Также к этому варианту, вероятно, относится ряд фрагментов (5 экз.) (рис. 27: 6–10).

Слабоизогнутая в горизонтальной плоскости пятигранная пластина (рис. 27: 6) шириной 19 мм, толщиной 1 мм. Диаметр отверстий 2 мм.

Сильноизогнутая в вертикальной плоскости пластина (рис. 27: 7) шириной 16 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 1,5 мм.

Сильноизогнутая в горизонтальной плоскости пятигранная пластина (рис. 27: 8) шириной 19 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 1–1,5 мм.

Фрагмент без изгиба (рис. 27: 9) шириной 16 мм и диаметром отверстий 1,5 мм.

Фрагмент пластины без изгиба (рис. 27: 10; рис. 90) шириной 15 мм, толщиной 1 мм. Диаметр отверстий 1,5 мм. Вероятно, пластина была трапецевидной формы. На пластине есть подтреугольное отверстие, вокруг которого, в отличие от технологических отверстий крепления, металл деформирован. По всей видимости, данное отверстие является следом от попадания трехгранной стрелы.

Вариант 2 (1 экз.) (рис. 27: 11). Пластина с двумя параллельными комплексами отверстий в виде квадрата вдоль длинных сторон в центре и в нижней части пластины, а также двумя комплексами из трех горизонтально расположенных отверстий вдоль короткой стороны в верхней части пластины.

Сильноизогнутая в вертикальной плоскости пластина (рис. 27: 11; рис. 89) длиной 61 мм, шириной 35 мм, толщиной 2 мм. Диаметр отверстий 1 мм. По центральной оси пластины проходит ребро жесткости линзовидной формы, не достигающее до краев, что, видимо, связано с необходимостью придать большую жесткость экземпляру со значительной шириной. Несомненно, сходство расположения

отверстий данной пластины с другими экземплярами данного типа, однако, расположение отверстий вдоль обеих длинных сторон наводит на мысль об особом положении пластины в доспехе. Вполне вероятно, что данный экземпляр являлся центральным и от него в разные стороны расходились пластины с отверстиями, расположенными только вдоль одной стороны.

Аналогичная пластина находится в коллекции предметов Хакасского научно-исследовательского института, найденных на берегу Енисея (Сунчугашев, 1977, рис. 1: 5).

Вариант 3 (3 экз.) (рис. 27: 16; рис. 91: 1). Пластины с двумя комплексами отверстий в виде квадрата вдоль длинной стороны в центре, в нижней части пластины и комплексом из шести отверстий в верхней части пластины. Аналогичный экземпляр, только с тиснением в виде умбовидных выступов, обнаружен в Гомие (Лупиненко, 2007, рис. 1: 3).

Комплект из двух целых пластин и фрагмента с комплексом из шести отверстий. Пластины без изгиба (одна деформирована). Длина 63 мм, ширина 18 мм, толщина 1 мм. Диаметр отверстий 2 мм. Один из углов пластин срезан.

Подтип Б (4 экз.). Пластины с двумя или тремя комплексами отверстий в виде квадрата, расположенных вдоль одной из длинных сторон.

Вариант 1 (3 экз.) (рис. 27: 12–14). Пластины с двумя комплексами отверстий в виде квадрата вдоль длинной стороны в центре и в нижней части пластины.

Сильноизогнутая трапециевидная пластина (рис. 27: 12) длиной 56 мм, шириной 17 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 1 мм. Верхняя часть пластины скруглена.

Слабоизогнутая пластина (рис. 27: 13) длиной 66 мм, шириной 20 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 1,5 мм. Одина из длинных сторон оформлена четырьмя (один отломан) клиновидными (в центре) и овальными выступами (по краям).

Слабоизогнутая пластина (рис. 27: 14) длиной 71 мм, шириной 18 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 1,5 мм. Одина из длинных сторон оформлена четырьмя клиновидными (в центре) и овальными выступами (по краям).

Вариант 2 (1 экз.) (рис. 27: 15). Пластины с тремя комплексами отверстий в виде

квадрата вдоль длинной стороны у краев и в центре пластины. Аналогичные пластины, только дополненные умбончиками, находят в Древней Руси (Медведев, 1959, рис. 1: 11).

Сильноизогнутая трапециевидная пластина длиной 55 мм, шириной 14 мм, толщиной 1,5 мм, диаметр отверстий 1–2 мм. На пластине остались фрагменты органики, замещенные оксидами железа.

Неопределенные фрагменты (6 экз.). К этому же типу, видимо, следует относить и фрагмент крупной пластины (рис. 27: 18).

Возможно, к этому же типу относятся фрагменты пластин с комплексом отверстий в виде квадрата (рис. 27: 19–21).

Вероятно, к этому же типу относится слабоизогнутая пластина из комплекса (рис. 30: 6). Ширина фрагмента 19 мм, толщина 0,9 мм. Диаметр отверстий 1,5–2 мм.

Уникальным является фрагмент бронзовой пластины без изгиба (рис. 27: 17; рис. 91: 2). Длина фрагмента 63 мм, ширина 19 мм, толщина 0,8 мм. Диаметр отверстий 2 мм. Аналогичная бронзовая пластина обнаружена в Гомийской оружейной мастерской (Макушников, 2003, с. 217).

Тип VI (2 экз.) (рис. 28: 1–2).

Пластины с двумя параллельными комплексами из трех вертикально расположенных отверстий вдоль длинных сторон и одним отверстием на центральной оси в верхней части пластины.

Фрагмент слабоизогнутой в горизонтальной плоскости пятиугольной пластины (рис. 28: 1) толщиной 1 мм. Диаметр отверстий 2 мм.

Прямоугольная пластина сложного профиля (рис. 28: 2) длиной 46 мм, шириной 18 мм, толщиной 1 мм. Аналогичный «s-образный» профиль имеют чжурчжэньские пластины (Бобров, 2003, табл. 4: 19а), которые, по предположению Н.Г. Артемьевой, относятся к верхнему ряду бармицы (Артемьева, 1999, с. 39).

Тип VII (1 экз.) (рис. 28: 3). Пластина с отверстиями в верхней и нижней части на центральной оси. В большом количестве найдены в Гомийской мастерской (Лупиненко, 2007, рис. 1: 5–22). Ю.М. Лупиненко считает пластинки этого типа принадлежащими к чешуйчатому доспеху (Лупиненко, 2008, с. 141).

Фрагмент пластины без изгиба шириной 15 мм, толщиной 1 мм. Диаметр отверстий

2–2,5 мм. Широкие аналогии, иногда дополненные одиночным отверстием на середине длинной стороны, находятся в Древней Руси (Медведев, 1959, рис. 2: 5–6, рис. 3: 8–11). Датируются они XII–XIV веками.

Тип VIII (1 экз.) (рис. 28: 4). Пластины с двумя парами отверстий вдоль длинных сторон в нижней части пластины и одной парой отверстий на центральной оси пластины в верхней части.

Сильноизогнутая в горизонтальной плоскости пластина (рис. 28: 4) длиной 53 мм, шириной 10 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 1,5 мм.

Тип IX (27 экз.). Пластины с комплексами вертикально расположенных вдоль длинных сторон отверстий.

Подтип А (3 экз.) (рис. 28: 5). Пластина с парными комплексами из четырех вертикально расположенных вдоль длинных сторон отверстий в нижней части пластины и двумя парными комплексами из двух вертикально расположенных вдоль длинных сторон отверстий в центре пластины и в верхней ее части.

Подтип представлен изогнутой в горизонтальной плоскости пластиной (рис. 28: 5) длиной 62 мм, шириной 15 мм, толщиной 1,5 мм. Диаметр отверстий 1,5–2 мм.

Две пластины, аналогичные предыдущей, происходят из селища Балабанов Родник (Винничек, рис. 3: 13–14). Длина 67 мм, ширина 13 мм, толщина 1 мм, диаметр отверстий 1,5 мм.

Подтип Б (24 экз.) (рис. 30: 1–2). Пластины с парными комплексами из трех вертикально расположенных вдоль длинных сторон отверстий в нижней части пластины и парными комплексами из пяти вертикально расположенных вдоль длинных сторон отверстий в верхней части пластины.

Все пластины подтипа происходят из одного комплекса. Большое количество аналогичных пластин происходят из памятников чжурчжэней (Деревяно, табл. XXV; Шавкунов, 1993, рис. 43: 1, 3–6; рис. 44: 3–7). Такие же пластины обнаружены в так называемой мастерской оружейника из Гомия (Макушников, 1993, рис. 3: 1). Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков называют такие пластины «чжурчжэньским типом» и отмечают их специфику – универсальное расположение в составе доспеха. В большинстве случаев верхним являлся край с меньшим количеством отверстий, в случае необходимости повышения легкости

и гибкости доспеха верхними становились концы с пятью парами отверстий (Бобров, 2003, с. 91–92).

Вариант 1 (1 экз.) (рис. 30: 1; рис. 94). Широкая орнаментированная пластина. Длина 65 мм, ширина 34 мм, толщина 1,5 мм. Диаметр отверстий 2–2,5 мм. Пластина слабо изогнута в горизонтальной плоскости. По периметру пластины выгравирована рамка для расположенного внутри растительного орнамента.

Вариант 2 (23 экз.) (рис. 30: 2). Комплект узких изогнутых в горизонтальной плоскости пластин. Длина 65 мм, ширина 22 мм, толщина 1,5 мм. Диаметр отверстий 2–2,5 мм.

Тип X (2 экз.). Полукруглая пластина с подпрямоугольными отверстиями.

Тип представлен двумя пластинами, одна из которых происходит из комплекса (рис. 30: 7). Экземпляр представляет собой крупную полукруглую пластину длиной 86 мм, шириной 43 мм, толщиной 2 мм. В центральной части расположено крупное подпрямоугольное отверстие 8×16 мм, под ним расположено меньшее по размерам (3,5–5,5 мм) подпрямоугольное отверстие. Еще ниже на расстоянии в 15 мм друг от друга проделаны два круглых отверстия диаметром 2 мм. Еще два таких же отверстия расположены в углах пластины.

Вторая пластина из Золотаревского поселения (рис. 29: 11; рис. 92: 1) длиной 67 мм, шириной 41 мм, толщиной 2 мм. Подпрямоугольное отверстие 7×16 мм. Два круглых отверстия диаметром 1,5 мм располагаются в углах пластины.

Пластины с неустановленным типом и фрагменты (66 экз.).

Пластины с отогнутыми краями (2 экз.) (рис. 28: 6, 8; рис. 92: 2). Два фрагмента шириной 16 мм и 13 мм, толщиной 1 мм и диаметром отверстий 1,5–2 мм.

Также сложно установить тип некоторых пластин в силу их фрагментарности (рис. 28: 7, 9–18; рис. 29: 1–10).

Фрагмент пластины из селища Балабанов родник (Винничек, рис. 3: 15), а также фрагмент из Степановского I селища (Винничек, 2010, рис. VII: 27).

Возможно аналогии одной нетипологизированной пластины (рис. 28: 12) приводит Ю.С. Худяков (Бобров, 2001, рис. 1: 3). Он относит их к элементам доспеха енисейских кыргызов и датирует VI–VIII веками.

Дополняют общее количество находок 42 неопределенных фрагмента пластин из комплекса.

Комплекс пластин (95 экз.) (рис. 30; рис. 93).

Комплекс из 95 ламеллярных пластин и их фрагментов, а также одной железной пряжки (рис. 30: 8). Однако только 53 из них достаточно крупные для того, чтобы определить их тип. Комплекс найден на склоне ловчей ямы, пластины лежали беспорядочно, их положение, видимо, было нарушено в ходе современных хозяйственных работ. Кроме того, непосредственно через скопление пророс куст орешника (лещины), и большинство пластинок найдено в его корнях.

Интересная закономерность прослеживается между широкой орнаментированной пластиной и узкими пластинами типа IXБ. Ширина состыкованных вместе узких пластин полностью соответствует ширине орнаментированной пластины (рис. 31). Видимо, пластины с орнаментом использовались в качестве декоративного элемента в доспехе, и наиболее вероятно, что таким образом декорировался край доспеха, именно в таком случае задействованы все отверстия пластины, тогда как центральное расположение широкой пластины (рис. 31: 1) оставляло бы незадействованной часть отверстий.

Еще одна пластина содержит подтреугольное отверстие (рис. 90), причем края отверстия деформированы, в отличие от технологических крепежных отверстий. Характер деформации говорит о том, что пластина была пробита снаружи предметом

треугольной формы в сечении. Такого рода сечение имеет большое количество стрел, найденных на месте сражения. Небольшие размеры отверстия говорят о том, что стрела хоть и пробила пластину, однако не проникла глубоко и не нанесла рану воину, носившему это доспех, что свидетельствует о высокой эффективности пластинчатого доспеха.

В оформлении пластин можно выделить несколько характерных элементов. Наибольшее количество пластин имеет скругленные углы, что предотвращает от повреждения одежды, носимой под доспехом. При этом некоторые экземпляры несут следы более простого приема – углы на них просто срезаны по прямой линии (срезаны один или 2 угла). У части пластин скруглена целиком одна из меньших сторон. Кроме того, пластины типа VB1 оформлены чередующимися клиновидными или полукруглыми выступами. Ряд пластин имеют нижнюю часть, скошенную под углом.

На ряде пластин, в особенности на пластинах из комплекса, прослеживаются следы крепежных ремешков и органической подкладки, которые были замещены окислами металла, благодаря чему и сохранились. Остатки ремешков концентрируются в районе крепежных отверстий (по краям). Следует отметить, что подобные случаи не единичны (Соловьев, 1987, с. 51).

Пластинчатые доспехи распространены по региону чуть шире кольчужной брони, однако основная масса находок также происходит из Золотаревского поселения.

2.3. Шлем

Шлем – элемент защитного снаряжения, защищающий голову и шею воина.

Детали шлема (рис. 3):

А) Тулово – металлическое цельнокотанное или собранное из нескольких частей. Обычно выделяются две основные формы: сферическая и коническая;

Б) Навершие. Характерно для шлемов «восточного» типа. В некоторых случаях к навершию крепился плюмаж;

В) Наносник, маска, козырек. Эти детали выполняли функцию защиты лица;

Г) Бармица. Представляла собой гибкое кольчужное или пластинчатое полотно, подвешенное к краю шлема, которое защищало шею носителя.

Присутствие последних трех элементов не обязательно, но довольно часто встречается.

На Золотаревском поселении не найдено ни одного целого шлема. Однако имеется две

детали, которые, вероятно, использовались на шлемах одного типа: навершие и пластина-козырек.

Навершие (рис. 32: 1; рис. 95: 1) в виде воронки с тремя отверстиями на основании для крепления к шлему. Высота 115 мм, диаметр основания 7 мм, диаметр трубочки 10–15 мм.

Крупная фигурная налобная пластина-козырек с тремя клепками, изогнутая в обеих плоскостях (рис. 32: 3; рис. 95: 2) длиной 110 мм, шириной 77 мм, толщиной 2,5 мм. Края пластины отогнуты в сторону, противоположную изгибу. В сохранившихся отверстиях вставлены клепки с полусферической шляпкой.

Обе детали были найдены по отдельности, но, вполне вероятно, что могут являться деталями от шлемов одного типа. Шлем, имеющий в своем составе две аналогичные детали (Горелик, 2010(а), рис. 2: 1), обнаружен в Пятигорье вместе с набором пластин (возможно, от бармицы) и саблей. Тулья

кавказского шлема цельнокованая, а козырек орнаментирован. М.В. Горелик, датируя находку 3-й четвертью XIV века, отмечает, что наличие козырька достаточно характерный признак для монгольских шлемов, однако, такие налобные пластины редки и известны только по изображениям (Горелик, 2010 (а), с. 254–255).

Аналогичную конструкцию имеет также цельнокованный шлем с пятиугольным козырьком из Ак-келя в Кыргызстане (Худяков, 2001, рис. I, II), который датирован поздним Средневековьем (Худяков, 2001, с. 238). Хотя козырек этого шлема несколько отличается по форме от золотаревского и пятигорского, однако, несомненно, сходен с ними по радиусу изгиба и углу наклона относительно тульи шлема.

Находки козырька и навершия на Золотаревском городище, наиболее вероятно, связаны с битвой, уничтожившей поселение, и позволяют датировать данный тип шлемов началом XIII века.

§ 3. Метательное вооружение*

На территории Золотаревского поселения встречено большое количество предметов метательного вооружения либо местного производства, либо привнесенного со стороны. Обычно к числу предметов, характеризующих средневековое оружие дистанционного боя народов Среднего Поволжья, относятся различные детали луков, стрел и стрелкового (колчаны и налучья) снаряжения. К сожалению, в силу ряда обстоятельств из всего этого набора на памятниках юго-западной Булгарии выявлены находки только наконечники стрел. В настоящее время из различных памятников известно несколько тысяч экземпляров. Для настоящей работы важно дать общее представление о наборе метательного вооружения и разнообразии наконечников стрел, представленных на памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья. Самый большой и представительный комплекс наконечников стрел происходит, разумеется, из Золотаревского городища и его окрестностей.

На этом памятнике выделяются два хронологических комплекса наконечников

стрел – VIII-X и XI-XIII веков. Первая связана с периодом возникновения городища и начальным этапом его развития, но большая часть предметов метательного оружия относится к началу XIII века, что, очевидно, связано со штурмом Золотаревского поселения.

Наконечники стрел из Золотаревского поселения стали уже предметом детального изучения Г.Н. Белорыбкина и В.В. Янькова (Белорыбкин, 2001), а материалы из других памятников изучены в трудах В.А. Винничева, П.И. Сафронова, В.В. Янькова и др. (Винничек, Сафронов, 2010. с. 180-199; Яньков, 2001. с. 129-139; Яньков, 2003. с. 56-58). Все эти исследования позволяют сделать вывод о разнообразном характере наконечников стрел, найденных на памятниках юго-западной Булгарии.

Наконечники стрел (441 экз.) представляют одну из самых больших групп предметов на поселении и включают самые разные типы. Для определения основных параметров была проведена систематизация, в основу которой положена типология наконечников стрел, разработанная А.Ф. Медве-

* Написанов в соавторстве с В.В. Яньковым

девым (Медведев, 1966). Наконечники стрел по форме насада на древко делятся на 2 отдела: 1) Черешковые, 2) Втульчатые. По форме сечения пера они подразделяются на 3 основные группы: а) Трехлопастные, б) Плоские, в) Граненые (броневойные). По форме пера каждая из указанных групп подразделяется на подгруппы и типы, соответствующие их функциональному назначению. Внутри некоторых типов выделены варианты, небольшие отличия которых имеют зачастую хронологическое значение. Номера типов наконечников по А.Ф. Медведеву указываются в скобках.

Отдел *Черешковые*.

Группа *Трехлопастные*.

I подгруппа Шипастые.

Тип I-1 (12). Шипастые трехлопастные (1 экз.) (рис. 1, 1). Общая длина равна 42 мм, длина пера – 22 мм, ширина пера – 12 мм. Пропорции пера 1 : 2. Наконечники этого типа были широко распространены в Прикамье с конца I тысячелетия до н.э. и до VIII века н.э. На поселениях и в погребениях VIII и последующих веков не встречаются (Медведев, 1966. С. 58).

II подгруппа Треугольные.

Тип II-1 (13). Треугольные трехлопастные (3 экз.) (рис. 1, 2, 3). Общая длина более 47 мм и более 54 мм (черешки наконечников обломаны), длина пера – 37-40 мм, ширина пера – 13-17 мм, пропорции пера 1 : 2,4 – 1 : 2,8. Стороны и плечики прямые. Отличительной особенностью двух наконечников (рис. 1, 2) от других известных трехлопастных треугольных наконечников является отсутствие упора для древка. Треугольные трехлопастные наконечники с упором для древка были широко распространены в Восточной Европе, Приуралье и на Кавказе с конца I тысячелетия до н.э. и до IX века включительно (Медведев, 1966. С. 59). Вариант же наконечников без упора обнаружен впервые и можно лишь предположить, что время их бытования находится в указанном выше диапазоне.

Тип II-2 (24). Трехлопастные в виде маленького треугольника с длинной шейкой (1 экз.) (рис. 1, 5). Общая длина равна 120 мм, длина головки – 26 мм, ширина – 12 мм. Аналогичные наконечники были обнаружены исключительно на древнерусских городищах, разрушенных монголами в XIII веке. По мнению А.Ф. Медведева, их следует считать русскими, а дата их употребления ограничивается XII и первой половиной XIII века

(Медведев, 1966. С. 61). Необходимо отметить прекрасную отделку и сохранность описываемого наконечника.

III подгруппа Килевидные.

Тип III-1 (15). Килевидные трехлопастные с плечиками.

Вариант 1. С упором, иногда ромбовидных очертаний (9 экз.) (рис. 1, 6). Длина этих наконечников стрел равна 66-103 мм, длина пера – 33-69 мм, ширина пера – 9-21 мм, пропорции пера 1 : 2,7 – 1 : 3,8. Наконечники этого варианта в археологических памятниках Восточной Европы встречаются достаточно редко. Были отдельные находки на территории Древней Руси и Поволжья в памятниках VII – первой половины X века (Медведев, 1966. С. 59; Культура Биляра, 1985. С. 145). Наконечники этого варианта с длиной пера менее 40 мм и шириной пера менее 12 мм ранее не описывались.

Вариант 2. Без упора (3 экз.) (рис. 1, 7). Общая длина равна 71 мм и более 73 мм (у экземпляра с обломанным черешком), длина пера – 46-50 мм, ширина пера – 19-21 мм, пропорции пера 1 : 2,4. Плечики наконечников вогнуты и отсутствует упор для древка, в сечении черешок одного наконечника круглый, а других – квадратный. Подобные наконечники обнаружены впервые и аналоги им не известны.

Тип III-2 (16). Килевидные с отверстиями в лопастях (2 экз.) (рис. 1, 8). Общая длина равна 63-97 мм, длина пера – 36-59 мм, ширина пера – 12-16 мм, пропорции пера 1 : 3 – 1 : 3,7. Отверстия в лопастях одного наконечника сделаны несимметрично, а у другого имеются два отверстия только в одной лопасти (рис. 1, 4). Плечики одного наконечника (рис. 1, 8) прямые, под углом к черешку, что резко отличает его от известных ранее наконечников с высокими вогнутыми и прямыми, почти горизонтальными плечиками. Наконечники стрел этого типа с пропорциями пера более 1 : 3 ранее не описывались. Наконечники стрел указанного типа имели распространение в Восточной Европе в VIII и IX веках (Медведев, 1966. С. 59, 60) и, видимо, продолжали существовать и в X веке, например в Южной Сибири (Культура Биляра, 1985. с. 145).

Тип III-3. Килевидные узкие с сужением в средней трети. Подобный тип ранее не был известен. Можно выделить 2 варианта этого типа.

Вариант 1. С пропорциями пера 1:5 (1 экз.) (рис. 1, 10). Общая длина более 66 мм (черешок наконечника обломан), длина пера – 53 мм, ширина пера – 11 мм, пропорции пера 1 : 4,8. Наконечники этого варианта, возможно, как и другие трехлопастные наконечники, выходят из употребления в X веке.

Вариант 2. С пропорциями пера 1 : 4 и с бронебойным острием (1 экз.) (рис. 1, 11). Общая длина более 70 мм (черешок наконечника обломан), длина пера – 49 мм, ширина пера – 12 мм. Верхняя граница распространения наконечников этого варианта, вероятно, не ограничивается X веком, так как бронебойное острие было способно пробить защитные доспехи, широко распространившиеся к X веку.

IV подгруппа Листовидные.

Тип IV-1. Листовидный полый с уступами пера (1 экз.) (рис. 1, 12). Часть острия и плечиков наконечника разрушены коррозией (утрачены при расчистке). Общая длина его равна 104 мм, длина пера – 60 мм, ширина пера – 35 мм, пропорции пера 1 : 1,7. Отличительной особенностью данного типа является наличие полости внутри корпуса наконечника, на поверхности которого имеется отверстие. Такая конструкция наконечника позволяла стреле при полете издавать свист. Подобный наконечник найден впервые, аналоги ему не известны. В литературе имеются ссылки на то, что на юге России изредка встречаются занесенные монголами из Сибири крупные трехлопастные наконечники стрел, которые употреблялись там для борьбы с конницей и в связи с развитием охоты на крупных животных (Медведев, 1966. С. 58).

Группа Плоские.

I подгруппа Килевидные.

Тип I-1 (38). Собственно килевидные (3 экз.) (рис. 1, 13). Длина полностью сохранившихся наконечников равна 70-92 мм, длина пера – 48-63 мм, ширина пера – 12-17 мм, пропорции пера 1 : 3,1 – 1 : 3,7. Наконечники этого типа были широко распространены в XIII-XIV веках и, возможно, во второй половине XII века на Кубани. Подобные наконечники были также обнаружены на древнерусских городищах, разрушенных монголами в 1237-1241 годах (Медведев, 1966. С. 64). Наконечники этого типа обнаружены и на болгарских памятниках (Руденко, 2000а. С. 57; Культура Биляра, 1985. С. 148).

Тип I-2 (34). Килевидные с наибольшим расширением в нижней половине длины пера (3 экз.) (рис. 1, 14). Общая длина полностью сохранившегося наконечника равна 90 мм, длина пера – 46-56 мм, ширина пера – 13-16 мм. Пропорции пера (1 : 3,5 и 1 : 3,3) отличаются их от известных ранее экземпляров с пропорциями пера 1 : 3 из Деменковского и Танкеевского могильников, Архангельского и Новотроицкого городищ, датируемых VIII-IX веками; известны единичные находки на Семеновском острове, в Суздале и в Суваре (Медведев, 1966. С. 63; Руденко, 2000а. С. 57; Данилов, 1991. С. 79. Рис. 1, 5, 6) и 1 : 4 (из Билярского городища), датируемых первой половиной X века (Культура Биляра, 1985. С. 148).

Тип I-3 (33). Килевидные вытянутые с наибольшим расширением в средней трети длины пера (32 экз.) (рис. 1, 15). Пропорции пера 1 : 3 – 1 : 5,7. Наконечники, сохранившиеся полностью, имеют общую длину 70-123 мм, длину пера 42-71 мм, ширину пера 11-20 мм. Ранее наконечники стрел этого типа с пропорциями пера менее 1 : 4 не описывались. Наконечники данного варианта были широко распространены на Руси и в Волжской Булгарии в XII – первой половине XIII века (Медведев, 1966. С. 63; Культура Биляра, 1985. С. 148; Руденко, 2000а. С. 57).

Тип I-4. Килевидные вытянутые с наибольшим расширением в верхней половине длины пера и пропорциями пера 1 : 2 – 1 : 4,5 (9 экз.) (рис. 1, 17). Общая длина равна 68-15 мм, длина пера – 43-68 мм, ширина пера – 11-19 мм. Подобные наконечники описаны в классификации А.Ф. Медведева в типе 52 – ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера, вариант 4 – с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками. Несответствия в названиях типа и варианта сразу бросаются в глаза, поэтому предлагаю данное название типа как более соответствующее действительности. Подобные наконечники были распространены в Восточной Европе только в VIII-X веках (Медведев, 1966. С. 69, 70).

Тип I-5 (32). Килевидные с боковыми выступами.

Вариант 1. С расширением в средней трети длины пера (4 экз.) (рис. 1, 18; 77, 18). Общая длина равна 83-114 мм, длина пера – 42-68 мм, ширина пера – 16-18 мм. Осно-

вание пера одного наконечника имеет в сечении вид многогранника. Перо другого украшено с двух сторон продольными линиями. Такой орнамент встречен впервые. Подобные наконечники были широко распространены на Руси с середины XII века до монгольского нашествия. Известны единичные находки таких наконечников на болгарских памятниках (Медведев, 1966. С. 62; Культура Биляра, 1985. С. 148; Руденко, 2000а. С. 57).

Вариант 2. С расширением в верхней трети пера (1 экз.) (рис. 1, 19). Общая длина равна 103 мм, длина пера – 64 мм, ширина пера – 16 мм. Острие пера скошено и остро заточено. Основание пера имеет в сечении вид многогранника, нижняя часть пера прямоугольного, а верхняя – линзовидного сечения, черешок круглого сечения. Такой наконечник найден впервые.

II подгруппа Клиновидные.

Тип II-1. С прямыми сторонами и прямыми плечиками, с пропорциями пера 1 : 2,5 (1 экз.) (рис. 2, 1). Общая длина более 67 мм (черешок сохранился фрагментарно), длина пера – 54 мм, ширина пера – 21 мм. Наконечники подобного типа (с пропорциями пера 1 : 2) были распространены в IX–XI веках (найлены в Лядинском могильнике, в Саркеле – Белой Веже, в могильнике у д. Дырпа, в Суваре, в Суздале) (Данилов, 1991. С. 79. Рис. 1, 15, 16; Медведев, 1966. С. 67).

Тип II-2. С прямыми сторонами и вогнутыми плечиками (4 экз.) (рис. 2, 2). Общая длина целиком сохранившихся экземпляров составляет 81–91 мм, длина пера – 40–68 мм, ширина пера – 18–23 мм. Пропорции пера 1 : 2,2 – 1 : 3,7. Наконечники с пропорциями пера 1 : 2,2 ранее не были известны. Подобные наконечники были обнаружены на археологических памятниках Восточной Европы IX–XIV веков (Медведев, 1966. С. 67; Руденко, 2000. с. 57, 58).

III Подгруппа Ромбические.

Тип III-1 (47). Ромбические без упора (1 экз.) (рис. 2, 3). Общая длина равна 63 мм, длина пера – 41 мм, ширина пера – 15 мм, пропорции пера 1 : 2,7. Подобные наконечники были распространены в Восточной Европе с VIII до середины XI века (Медведев, 1966. С. 68).

Тип III-2 (48). Ромбические с упором (3 экз.) (рис. 2, 4). Общая длина равна 51–92 мм, длина пера – 33–57 мм, ширина пера – 15–20 мм, пропорции пера 1 : 2 – 1 : 3,8. Такие

наконечники с пропорциями пера 1 : 2 – 1 : 3 были распространены в Восточной Европе с IX по XIV век. Ранее подобные наконечники с пропорциями пера, близкими к пропорции 1 : 4, не были известны, и такое соотношение характерно только для ромбических наконечников без упора, бытовавших с VIII до середины XI века (Медведев, 1966. с. 68).

IV подгруппа Ромбовидные.

Тип IV-1 (39). Ромбовидные вытянутые (1 экз.) (рис. 2, 5). Общая длина более 86 мм, длина пера (острие обломано) более 60 мм, ширина пера – 16 мм, пропорции пера приблизительно 1 : 4. Подобные наконечники с пропорциями пера 1 : 5 – 1 : 6 найдены на памятниках Восточной Европы VIII–IX веков (Медведев, 1966. С. 64).

Тип IV-2. Ромбовидные с расширением в нижней трети длины пера.

Вариант 1 (40). С пропорциями пера 1 : 3,7 – 1 : 4,6 (6 экз.) (рис. 2, 6). Общая длина равна 87–115 мм, длина пера – 56–76 мм, ширина пера – 15–19 мм. Наконечники с пропорциями пера 1 : 4 были распространены в Восточной Европе в X–XIV веках (Медведев, 1966. С. 64, 65). Наконечники стрел с пропорциями пера 1 : 4,6 найдены впервые.

Вариант 2 (41). С пропорциями пера 1 : 2 – 1 : 3 (19 экз.) (рис. 2, 7, 8). Общая длина равна 54–116 мм, длина пера – 31–64 мм, ширина пера – 13–27 мм. Данные наконечники были широко распространены в Восточной Европе в VIII–XIV веках (Медведев, 1966. С. 65). Наконечники с шириной пера 13 и 14 мм обнаружены впервые.

Тип IV-3. Ромбовидные с расширением в середине длины пера.

Вариант 1 (42). С пропорциями пера 1 : 2 (4 экз.) (рис. 2, 9, 19). Общая длина равна 66 мм (у полностью сохранившегося экземпляра), длина пера – 40–51 мм, ширина пера – 18–22 мм. Стороны пера слегка выпуклые, а плечики вогнутые, с упором. На одном наконечнике в центре пера имеется крестовидное отверстие. Подобные наконечники с пропорциями пера 1 : 2 широко встречаются на археологических памятниках Восточной Европы IX–X веков (Медведев, 1966. С. 66).

Вариант 2. С пропорциями пера 1 : 2 – 1 : 2,5 (16 экз.) (рис. 2, 10). Общая длина составляет 48–68 мм, длина пера – 28–45 мм, ширина пера – 12–19 мм. Стороны пера слегка выпуклые, а плечики вогнутые, с упором. Данный вариант наконечников стрел отдельно выде-

лен впервые, хотя и очень похож на предыдущий, но отличается от него более мелкими размерами и пропорциями пера. К сожалению, в работах многих авторов, анализирующих наконечники стрел, нет промеров исследуемых экземпляров, поэтому нельзя точно сказать, где подобные наконечники встречены еще.

Вариант 3 (43). С пропорциями пера 1 : 3 – 1 : 4 (14 экз.) (рис. 2, 11). Общая длина равна 60-110 мм, длина пера – 36-70 мм, ширина пера – 12-25 мм. Подобные наконечники употреблялись в Восточной Европе повсеместно начиная с IX века и вплоть до монгольского нашествия. Были особо распространены в XII и первой половине XIII века. Они найдены в слоях указанного времени многих древнерусских памятников (Медведев, 1966. С. 66, 67), в памятниках домонгольской Волжской Булгарии и ее соседей (Культура Биляра, 1985. с. 150; Руденко, 2000а. С. 57).

Вариант 4 (45). С пропорциями пера 1 : 2 – 1 : 3, с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками (9 экз.) (рис. 2, 12). Общая длина составляет 78-102 мм, длина пера – 36-66 мм, ширина пера – 15-27 мм. Они были распространены в Восточной Европе в IX-XI веках (Медведев, 1966. С. 67). Наконечники стрел этого варианта с длиной пера менее 42 мм ранее не описывались.

Вариант 5. Со скошенным острием (1 экз.) (рис. 2, 13). Общая длина равна 95 мм, длина пера – 60 мм, ширина пера – 16 мм, пропорции пера 1 : 3,8. Стороны пера прямые, плечики вогнутые. В верхней половине перо имеет ромбическое сечение, в средней трети оно уплощено и в нижней трети переходит в граненую шейку. Черешок круглого сечения. Аналоги данному наконечнику не известны.

Тип IV-4. Ромбовидные с расширением в верхней половине длины пера (пропорции пера 1 : 2 – 1 : 3,5).

Вариант 1 (51, 52-2). С прямыми сторонами и вогнутыми плечиками (11 экз.) (рис. 2, 14, 15). Общая длина равна 66-80 мм, длина пера – 36-57 мм, ширина пера – 11-22 мм. В классификации наконечников стрел А.Ф. Медведева отдельно рассматриваются 2 разновидности стрел: тип 51 – ромбовидные с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера и тип 52 – ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины

пера (вариант 2 – с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками), имеющие лишь незначительные отличия друг от друга. Наконечники типа 51 имеют общую длину 55–115 мм, длину пера 36-62 мм, ширину пера 13-30 мм, а типа 52 – соответственно 48–85 мм, 27–55 мм и 12-25 мм. То есть наконечники общей длиной 48-85 мм, длиной пера 36-55 мм и шириной пера 13-25 мм могут быть, согласно А.Ф. Медведеву, отнесены как к одному, так и к другому типу. Поэтому представляется наиболее целесообразным объединить их в один вариант. Подобные наконечники стрел бытовали в Восточной Европе и Сибири в VII-XIV веках (Медведев, 1966. с. 69; Культура Биляра, 1985. С. 153).

Вариант 2 (52-1). С прямыми сторонами и плечиками (7 экз.) (рис. 2, 16). Общая длина от 61 и более 92 мм (у наибольшего наконечника черешок обломан), длина пера – 36-68 мм, ширина пера – 13-26 мм. Подобные наконечники широко бытовали во всей Восточной Европе (включая Венгрию и Чехословакию), в Сибири с VIII по XIII век включительно (Медведев, 1966. С. 69, 70).

Вариант 3 (52-3). Со слегка выпуклыми сторонами и прямыми или слегка вогнутыми плечиками (10 экз.) (рис. 2, 17). Общая длина равна 47–69 мм, длина пера – 29–47 мм, ширина пера – 12–18 мм. Такие наконечники также широко бытовали во всей Восточной Европе (включая Венгрию и Чехословакию), в Сибири с VIII по XIII век включительно (Медведев, 1966. С. 69, 70).

Вариант 4 (52-4). С выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками (1 экз.) (рис. 2, 18). Общая длина более 43 мм (обломан черешок), длина пера – 37 мм, ширина пера – 16 мм. Такие наконечники были распространены в Восточной Европе в VIII-X веках (Медведев, 1966. С. 69, 70).

Тип IV-5 (46). Ромбовидные без упора (3 экз.) (рис. 3, 1). Общая длина составляет 76-122 мм, длина пера – 45–80 мм, ширина пера – 18-35 мм. Такие наконечники характерны для северной полосы Восточной Европы. Появились они в Прикамье на рубеже нашей эры и употреблялись преимущественно до конца XIII века. Известны они и в районах Поволжья и Сибири, а также встречаются на раннебулгарских и домонгольских памятниках Волжской Булгарии, найдены в Суздале в слое конца XI века, в мордовских древностях XIV века (Медведев, 1966. с. 67, 68; Данилов,

1991. С. 80. Рис. 1, 22; Культура Биляра, 1985. С. 151, 152; Руденко, 2000. С. 58).

Тип IV-6. Ромбовидные с расширением в верхней половине длины пера (пропорции пера 1 : 4).

Вариант 1. С прямыми сторонами и плечиками (1 экз.) (рис. 3, 2). Черешок обломан. Длина пера – 38 мм, ширина пера – 10 мм. Перо в сечении ромбовидное, а черешок квадратного сечения. Аналогов данному экземпляру обнаружить не удалось.

Вариант 2. С прямыми сторонами и вогнутыми плечиками (1 экз.) (рис. 3, 3). Общая длина более 44 мм (черешок обломан), длина пера – 39 мм, ширина пера – 10 мм. Перо в верхней половине линзовидного, а в нижней – прямоугольного сечения, черешок в сечении круглый. Аналогов данному экземпляру обнаружить не удалось.

Тип IV-7 (53). Ромбовидные с широким острием (3 экз.) (рис. 3, 4). Общая длина более 53 мм и более 78 мм (обломаны черешки), длина пера – 41-52 мм, ширина пера – 20-26 мм, пропорции пера 1 : 2. Наконечники такой формы употреблялись народами степной и лесостепной полосы Восточной Европы начиная с IX века и вплоть до монголо-татарского нашествия. Особое распространение они получили у кочевников в IX-XI веках, а позже встречаются очень редко (Медведев, 1966. С. 70).

V подгруппа Срезни.

Тип V-1. Срезни в виде узкой вытянутой лопаточки с расширяющимся острием.

Вариант 1 (67). С дугообразным или тупоугольным острием (разновидности с пропорциями пера 1 : 2,5 – 1 : 3 и 1 : 4 – 1 : 6) (45 экз.) (рис. 3, 5, 6, 7). Общая длина равна 60-119 мм, длина пера – 37-90 мм, ширина пера – 14-24 мм. Наконечники такой формы с пропорциями пера 1 : 2,5 (рис. 3, 7) обнаружены впервые.

Хотя среди наконечников можно выделить разновидности с тупоугольным, почти прямым или слегка выпуклым острием, хронологических различий между ними не наблюдается. Существует два мнения о принадлежности этих наконечников. По сведениям А.Ф. Медведева, до монгольского нашествия на Руси и вообще в Восточной Европе такие наконечники не были известны, появились они вместе с ордами Батые в первой половине XIII века. Также по мнению А.Ф. Медведева, наконечники с пропорциями пера 1 : 3 наиболее

характерны для XIV века (Медведев, 1966. С. 75), что представляется в данном случае довольно спорным, так как из указанных 45 наконечников 24 имеют пропорции пера 1 : 3 и все они найдены на поселении, которое люди покинули после его разорения в начале XIII века. А по утверждению И.Л. Кызласова, такие наконечники встречаются на всей территории обитания кипчаков или в районах боевых действий и связаны с их погребениями (Культура Биляра, 1985. С. 155).

Вариант 2. С уплощенным острием (17 экз.) (рис. 3, 8, 9, 10). Общая длина от 50 мм и более 114 мм (черешок данного экземпляра обломан), длина пера – 31-68 мм, ширина пера – 7-19 мм. Пропорции пера 1 : 2,2 – 1 : 8,4. Данный вариант отдельно выделен и описывается впервые, хотя отдаленно похож на тип 58 (по классификации А.Ф. Медведева) – срезни в виде расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка, но все описываемые наконечники имеют хорошо выраженный упор для древка. Один из наконечников (рис. 76, 10) имеет на конце острия небольшую выемку (хорошая сохранность наконечника позволяет увидеть, что это не след от удара или коррозии металла, хотя вполне возможно, что это производственный дефект). Все наконечники прямоугольного сечения, черешки квадратного или круглого сечения. Аналогов данным наконечникам не обнаружено. Похожий наконечник, но без упора для древка, обнаружен в Булгаре в слоях конца XIII – XIV веков (Савченкова, 1996. С. 72, 76. Рис. 33, 13).

Вариант 3. С шейкой и секторовидным острием. Можно выделить две основные разновидности:

1) С дугообразным острием (2 экз.) (рис. 3, 11, 12). Общая длина равна 72 мм и более 78 мм (черешок наконечника обломан), длина пера – 55 и 66 мм, ширина пера – 17 и 15 мм, пропорции пера 1 : 3,2 и 1 : 4,4. Перо одного наконечника ромбовидного, а другого – прямоугольного сечения. Оба наконечника имеют шейку (круглого сечения у одного и прямоугольного сечения у другого), черешки квадратного сечения.

2) С полукруглым острием (1 экз.) (рис. 3, 13). Общая длина составляет 66 мм, длина пера – 33 мм, ширина пера – 16 мм, пропорции пера 1 : 2. Данный вариант отдельно выделен и описывается впервые.

Тип V-2. Срезни в виде широкой лопаточки с тупоугольным острием (1 экз.) (рис. 3, 14). Общая длина равна 72 мм, длина пера – 42 мм, ширина пера – 24 мм, пропорции пера 1 : 1,6. Перо слегка расширяется к острию, имеет утолщение в верхней и нижней трети. Шейка слабо выражена, округлой формы. Черешок в сечении округлый. Данный тип выделен и описывается впервые, отдаленно похож на тип 56 (по классификации А.Ф. Медведева) – срезни в виде широких фигурных и прорезных лопаточек, которые были распространены в VIII-IX веках и, возможно, в X веке (Медведев, 1966. С. 71).

Тип V-3 (55). Секторовидные срезни (2 экз.) (рис. 4, 1). Общая длина равна 49-70 мм, длина пера – 28-34 мм, ширина пера – 19-26 мм, пропорции пера 1 : 1,3 и 1 : 1,5. Подобные срезни были распространены только на юго-западе Древней Руси с IX до XI века (Медведев, 1966. С. 71).

Тип V-4. Секторовидные крупные срезни.

Вариант 1 (68). С пропорциями пера 1 : 2 (4 экз.) (рис. 4, 2). Общая длина составляет 85-95 мм, длина пера – 46-63 мм, ширина пера – 23-34 мм. В домонгольское время в Восточной Европе не известны. Занесены монголо-татарами в первой половине XIII века и бытовали в XIII-XIV веках. Применялись для стрельбы по незащищенному доспехами противнику и по коням врага. Подобные наконечники обнаружены в Монголии, Сибири, на разрушенных монголами русских поселениях, в Суваре, Биляре, на Лаишевском селище (Медведев, 1966. С. 76; Культура Биляра, 1985. С. 155).

Вариант 2. Без упора, с пропорциями пера 1 : 1,5 (1 экз.) (рис. 4, 3). Общая длина более 90 мм (частично разрушены острие и черешок наконечника), длина пера приблизительно 60 мм, ширина пера около 43 мм. По своим параметрам данный тип подобен типу 69 (по классификации А.Ф. Медведева) – срезни джучидские, которые были занесены в Восточную Европу во время монголо-татарского нашествия и распространены в XIII-XIV веках, но у упоминаемых наконечников не описываются варианты без упора. Возможно, это особый вариант джучидских наконечников.

Тип V-5 (60). Двурогие срезни.

Вариант 1. С выпуклыми боковыми и режущими сторонами (1 экз.) (рис. 4, 4).

Общая длина равна 83 мм, длина пера – 45 мм, ширина развилки – 30 мм. Подобные наконечники характерны для памятников Восточной Европы конца IX и X веков (Медведев, 1966. С. 72).

Вариант 2. С выступами на боковых сторонах (1 экз.) (рис. 4, 7). Сохранился один слабовыраженный выступ на боковой стороне. Общая длина равна 103 мм, длина пера – 52 мм, ширина развилки – 28 мм. Подобные наконечники бытовали преимущественно во второй половине XII – первой половине XIII века (до монгольского нашествия). Они были найдены на территории Руси и Волжской Булгарии (Медведев, 1966. С. 72).

Рассматриваемые двурогие срезни считаются охотничьими и, судя по этнографическим данным, употреблялись для охоты на птиц и мелкую дичь, но они могли использоваться и при боевых действиях (Культура Биляра, 1985. С. 154).

VI подгруппа Веслообразные.

Тип VI-1 (66). Веслообразные с пропорциями пера 1 : 3,5 – 1 : 5 (6 экз.) (рис. 4, 5, 6). Общая длина более 58 мм (наконечник сохранился фрагментарно) – 104 мм, длина пера более 49 мм – 59 мм, ширина пера – 12-16 мм. Наконечники этого типа с пропорциями пера 1 : 3,5 ранее не описывались. Для вооружения народов Восточной Европы данные наконечники не характерны, занесены монголо-татарами в первой половине XIII века. Аналоги обнаружены в Суваре, Биляре, Булгаре, в древнерусских городах, разрушенных во время монгольского нашествия (Данилов, 1991. С. 80. Рис. 2, 11; Медведев, 1966. с. 75; Культура Биляра, 1985. с. 155).

VII подгруппа Листовидные.

Тип VII-1 (61). Остролистные (6 экз.) (рис. 4, 8, 9). Общая длина целиком сохранившихся экземпляров составляет 76-115 мм, длина пера – 41-80 мм, ширина пера – 11-35 мм. В Восточной Европе наконечники с пропорциями пера 1 : 3 были распространены в VIII-XI веках, а наконечники с пропорциями пера 1 : 4 – 1 : 5 бытовали в X-XIII веках. Остролистные наконечники с пропорциями пера 1 : 2,5 и шириной пера более 28 мм ранее не были известны. К этому же типу относится наконечник без упора (рис. 4, 15) с круглым в сечении черешком. Подобные наконечники получили распространение начиная с X века (Медведев, 1966. С. 73).

Тип VII-2 (62). Ланцетовидные (1 экз.) (рис. 4, 10). Общая длина более 79 мм (наконечник сохранился фрагментарно), длина пера более 60 мм, ширина пера – 10 мм, пропорции пера приблизительно 1 : 6. Наконечник имеет шейку круглого сечения, перо наконечника линзовидного сечения, а черешок округлый в сечении. Подобные ланцетовидные наконечники с упором для древка известны в памятниках IX-XI веков Восточной Европы (средневековые города Северной и Северо-Западной Руси), в раннебулгарских памятниках и у финно-угорских соседей волжских болгар (Медведев, 1966. С. 73, 74; Культура Биляра, 1985. С. 154).

Тип VII-3 (63). Лавролистные (18 экз.) (рис. 4, 11). Общая длина составляет 64-111 мм, длина пера – 40-74 мм, ширина пера – 10-21 мм, пропорции пера 1 : 2 – 1 : 4,6. 17 наконечников с упором, у двух из них хорошо выражена шейка. Такие наконечники были распространены у народов Восточной Европы с конца I тысячелетия н.э. и до позднего средневековья. Один наконечник (рис. 4, 16) без упора. Наконечники без упора наиболее характерны для I тысячелетия н.э. Аналогичные наконечникам найдены в древнерусских городах, салтово-маяцких древностях, раннебулгарских памятниках и у финских народностей Поволжья (Медведев, 1966. С. 74; Культура Биляра, 1985. С. 154).

Тип VII-4 (65). Листовидные с наибольшим расширением у острия. Можно выделить два варианта наконечников:

Вариант 1. С пропорциями пера 1 : 2 – 1 : 3 (3 экз.) (рис. 4, 12). Общая длина целиком сохранившихся экземпляров 67-74 мм, длина пера – 40-46 мм, ширина пера – 12-15 мм. Такие наконечники были распространены в Восточной Европе в VIII – первой половине XI века (Медведев, 1966. С. 75).

Вариант 2. С пропорциями пера 1 : 4 – 1 : 5 (2 экз.) (рис. 4, 13). Общая длина более 70 мм (черешок наконечника обломан) и 96 мм, длина пера – 52 мм, ширина пера – 10-16 мм. По мнению А.Ф. Медведева, наконечники такой формы являются вариантом монгольских наконечников и относятся к XIII веку. Подобные наконечники найдены на городищах Киевщины, разрушенных монголами (Медведев, 1966. С. 75).

Тип VII-5. Округлолистные (1 экз.) (рис. 4, 17). Наконечник почти правильной округлой формы. Общая длина более 94 мм (черешок обломан), длина пера – 69 мм, ширина пера – 42 мм. Аналогичные данному наконечнику не известны.

Тип VIII-1. С плоским острием (1 экз.) (рис. 4, 14). Общая длина равна 106 мм, длина пера – 68 мм, ширина пера – 12 мм, пропорции пера 1 : 5,7. Перо наконечника имеет шейку прямоугольного сечения с расширением в средней трети. Сечение пера выше середины линзовидное. Перо несколько сужается к острию, в виде узенькой лопаточки. Черешок квадратного сечения. Аналогичные этому наконечнику не известны.

Тип VIII-2. С прямоугольным острием (1 экз.) (рис. 5, 1). Общая длина равна 115 мм, длина пера – 62 мм, ширина пера – 15 мм, пропорции пера 1 : 4. Перо наконечника в верхней половине линзовидного, а в нижней – прямоугольного сечения, черешок квадратного сечения. Расширение в средней трети пера. Острие образовано сторонами пера, сходящимися под прямым углом. Данный наконечник по своей форме очень похож на наконечники типа 35 (по классификации А.Ф. Медведева) – шестиугольные, широко применявшиеся у финно-угорских племен Прикамья и Среднего Поволжья в VIII-IX веках (Медведев, 1966. С. 63). Но у известных экземпляров типа 35 две стороны пера параллельны друг другу, а у рассматриваемого экземпляра нет, к тому же наконечники типа 35 общей длиной более 90 мм не известны. Не исключается возможность, что это своеобразный вариант сравниваемого типа.

Тип IX-1 (71-2). С наибольшим расширением в верхней или средней трети длины пера (7 экз.) (рис. 5, 2, 3). Общая длина составляет 53-101 мм, длина пера – 41-69 мм, ширина пера – 14-23 мм, пропорции пера 1 : 2 – 1 : 3,5. Все наконечники имеют расширение пера в верхней или средней трети. У одного экземпляра (рис. 5, 3) возле места крепления черешка сохранился металлический свистунок с одним отверстием. Своеобразной разновидностью данного типа является наконечник без упора (рис. 5, 4). Такие наконечники были занесены в Восточную Европу в XIII веке монголо-татарами и бытовали непродолжительное время (Медведев, 1966. С. 77).

Тип IX-2. С наибольшим расширением в верхней или средней трети длины пера (7 экз.) (рис. 5, 2, 3). Общая длина составляет 53-101 мм, длина пера – 41-69 мм, ширина пера – 14-23 мм, пропорции пера 1 : 2 – 1 : 3,5. Все наконечники имеют расширение пера в верхней или средней трети. У одного экземпляра (рис. 5, 3) возле места крепления черешка сохранился металлический свистунок с одним отверстием. Своеобразной разновидностью данного типа является наконечник без упора (рис. 5, 4). Такие наконечники были занесены в Восточную Европу в XIII веке монголо-татарами и бытовали непродолжительное время (Медведев, 1966. С. 77).

Тип X-1. Треугольные.

Тип X-2. Треугольные.

Тип X-3. Треугольные.

Тип X-1 (37). С пропорциями пера 1 : 2 (1 экз.) (рис. 5, 5). Общая длина равна 65 мм, длина пера – 35 мм, ширина пера – 20 мм. Были распространены в памятниках Восточной Европы VIII-XIV веков (Медведев, 1966. С. 63, 64).

XI подгруппа Двушипные.

Тип XI-1 (31). С короткими шипами (1 экз.) (рис. 5, 6). Общая длина более 60 мм (черешок обломан), длина пера – 58 мм, ширина пера – 19 мм. Такие наконечники были распространены на Руси во второй половине XII – первой половине XIII века до монгольского нашествия (Медведев, 1966. С. 62). Известны их единичные находки на болгарских памятниках (Руденко, 2000а. С. 56. Рис. 10, 6, 7).

Группа Граненые (Бронебойные).

I подгруппа Ланцетовидные.

Тип I-1 (78). Ромбического сечения (7 экз.) (рис. 5, 7). Общая длина полностью сохранившихся наконечников составляет 56-90 мм, длина головки – 31-55 мм, ширина головки – 7-10 мм, пропорции пера 1 : 4 – 1 : 8. Подобные наконечники с пропорциями головки 1 : 4 – 1 : 6 были распространены в Восточной Европе в период с XI по XIV век, а наконечники с пропорциями головки 1 : 7 – 1 : 8 были распространены в IX-X веках (Медведев, 1966. С. 79, 80). Наконечники с длиной боевой головки менее 35 мм и шириной головки более 9 мм ранее не были известны.

Тип I-2. Ромбического сечения со скошенным острием (1 экз.) (рис. 5, 8). Черешок наконечника обломан, длина головки – 61 мм, ширина головки – 9 мм. Наибольшее расширение головки в верхней половине. Сечение головки ромбическое. В нижней трети головки имеется короткая шейка круглого сечения. Острие головки скошено. Аналоги данному наконечнику не известны.

Тип I-3. Ромбического сечения с желобками на гранях боевой головки (2 экз.) (рис. 5, 9, 10). Один наконечник (рис. 78, 9) сохранился фрагментарно (обломан черешок и основание головки), а у другого обломан черешок и его длина (рис. 78, 10) более 53 мм, длина головки более 44 мм и 45 мм, ширина головки – 9-11 мм, пропорции головки приблизительно 1 : 4 и 1 : 5. В верхней и средней трети головка в сечении крестовидная, а в нижней трети имеется выраженная шейка округлого сечения. Аналоги данным наконечникам не известны.

Тип I-4 (77). Квадратного сечения (3 экз.) (рис. 5, 11). Общая длина более 42 мм (обломаны черешки) – 121 мм, длина головки – 35-78 мм, ширина головки – 6-10 мм, пропорции пера 1 : 4,5 – 1 : 8,8. Сечение головки двух наконечников в верхней половине крестовидное (имеются желобки на гранях боевой головки). Шейка относительно длинная, квадратного сечения. Подобные наконечники с упором с пропорциями головки 1 : 5 – 1 : 7 характерны для XII-XIV веков и были найдены на городище Хутор Половецкий, на Девич-горе, на городище Слободка, на городище Гурковице, в могильнике на горе Шах-Тау, в кургане 13 у с. Харьковки. Наконечники же с пропорциями головки 1 : 8 – 1 : 14 употреблялись в Восточной Европе в X и, возможно, в самом начале XI века. Подобный наконечник был найден на Армиевском селище (Медведев, 1966. С. 79).

II подгруппа Килевидные.

Тип II-1 (81). Сплюснутые (1 экз.) (рис. 5, 12). Общая длина равна 68 мм, длина головки – 33 мм, ширина пера – 9 мм, пропорции головки близки к 1 : 4. Подобные наконечники были распространены в Восточной Европе (и в Карраской группе) с X по XIV век (Медведев, 1966. С. 80). Подобные наконечники с длиной головки менее 35 мм ранее не были известны.

Тип II-2 (82). Сплюснутые с шейкой круглого и квадратного сечения (6 экз.) (рис. 5, 13, 14). Общая длина целиком сохранившихся экземпляров составляет 71-81 мм, длина головки – 39-52 мм, ширина головки – 7-12 мм, пропорции головки в пределах 1 : 4 – 1 : 6. Наибольшее расширение головки в верхней и средней трети. Такие наконечники были сравнительно широко распространены в Восточной Европе в X веке (Медведев, 1966. С. 81). Наконечники с шириной головки менее 8 мм ранее не описывались.

III подгруппа Бронебойные с пирамидальной головкой.

Тип III-1 (76). С головкой треугольного сечения.

Вариант 1. С короткой головкой до 35 мм (1 экз.) (рис. 5, 15). Общая длина равна 67 мм, длина головки – 26 мм, ширина грани – 9 мм. Головка имеет перехват у черешка. Подобные наконечники были распространены со второй половины XI и до XIV века включительно на территории Руси, Волжской Булгарии. Известны находки подобных наконечников в

Монголии, а также они использовались арабами (Медведев, 1966. С. 79).

Тип III-2 (84). С короткой головкой ромбического или квадратного сечения и длинной шейкой.

Вариант 1. С коротким острием и длинной шейкой круглого сечения (1 экз.) (рис. 5, 16). Общая длина (черешок наконечника обломан) более 71 мм, длина боевой головки с шейкой – 63 мм, ширина головки – 8 мм. Такие наконечники были распространены на территории Руси в X и, возможно, в начале XI века. По одному подобному наконечнику также найдено в г. Биляре и на Армиевском селище (Медведев, 1966. с. 81, 82; Культура Биляра, 1985. С. 156, 158).

Вариант 2. С массивной головкой килевидной формы ромбического сечения и более короткой шейкой (3 экз.) (рис. 5, 17). Общая длина равна 57-74 мм, длина головки с шейкой – 34-43 мм, ширина – 7-10 мм. Шейки наконечников восьми- и шестигранного, а также квадратного сечения. Такие наконечники наиболее характерны для XI-XIII веков, они найдены на территории Руси, Волжской Булгарии, в Пермской области (Медведев, 1966. С. 81, 82; Культура Биляра, 1985. с. 156, 158; Руденко, 2000а. С. 60, 61).

Тип III-3. С головкой ромбического или квадратного сечения и с круглой шейкой.

Вариант 1 (87). С плоскими сторонами (3 экз.) (рис. 5, 18). Общая длина полностью сохранившегося экземпляра 46 мм, длина головки с шейкой – 28-39 мм, ширина грани – 5-6 мм. Такие наконечники были распространены на Руси и у народов Поволжья и Северного Кавказа в XII-XIV веках (Медведев, 1966. С. 82), а в Сибири в XII-XIII веках (Культура Биляра, 1985. с. 158). Наконечники с шириной грани менее 6 мм ранее не были известны.

Вариант 2. С желобками на гранях (2 экз.) (рис. 5, 19). Общая длина более 25 мм (черешок обломан) и 44 мм, длина головки с шейкой – 24-29 мм, ширина грани – 5-6 мм. Грани пера слегка вогнуты. Шейка округлого сечения. Аналоги данным наконечникам не известны.

Тип III-4. С головкой и шейкой ромбического сечения, с желобками на гранях головки (1 экз.) (рис. 6, 1). Общая длина приблизительно 49 мм, длина головки с шейкой (острие разрушено) примерно 28 мм, ширина грани –

6 мм. Черешок квадратного сечения. Аналоги данному наконечнику не известны.

Тип III-5 (88). С головкой квадратного сечения, с желобками на гранях (8 экз.) (рис. 6, 2, 3). Общая длина целиком сохранившихся экземпляров 56-74 мм, длина головки – 28-40 мм, ширина грани – 5-8 мм. Подобные наконечники были обнаружены в слое X-XI веков Старой Ладogi и на Вакинском селище. Бытовали они в X-XIV веках (Медведев, 1966. С. 82). Известны находки единичных экземпляров на болгарских памятниках (Руденко, 2000а. С. 61; Культура Биляра, 1985. С. 158). Наконечники с шириной грани менее 7 мм и с длиной боевой головки более 35 мм ранее не были известны.

Тип III-6 (91). С массивной короткой боевой головкой квадратного или ромбического сечения и с перехватом у короткого черешка (4 экз.) (рис. 6, 4). Общая длина целиком сохранившегося экземпляра 53 мм, а черешки остальных наконечников обломаны, длина головки – 31-39 мм, ширина грани – 5 мм. Такие наконечники были широко распространены по всей Восточной Европе в X-XIII веках (Медведев, 1966. С. 83). Особенно большое их количество найдено в древнерусских городах, в Волжской Булгарии, у их финно-угорских соседей (Культура Биляра, 1985. С. 158; Руденко, 2000а. С. 61).

Тип III-7. С короткой головкой ромбического сечения с простым упором (2 экз.) (рис. 6, 5). Общая длина полностью сохранившегося экземпляра 38 мм, длина боевой головки – 18-20 мм, ширина грани – 5 мм. Головка ромбического, а черешок – квадратного сечения. Такие наконечники встречены впервые и аналоги им не известны. Лишь отдаленно похожие наконечники с более длинной головкой (35-39 мм) найдены в Биляре в культурном слое XI-XII веков (Культура Биляра, 1985. с. 162. Табл. LV, 29, 42). Они могли использоваться не позже первой половины XIII века.

IV подгруппа Шиловидные.

Тип IV-1 (90). Квадратного сечения с простым упором (3 экз.) (рис. 6, 6). Общая длина составляет 52-58 мм, длина головки – 25-37 мм, ширина головки – 6-7 мм. Такие наконечники были в употреблении у многих народов Восточной Европы с рубежа нашей эры до XIV века включительно (Медведев, 1966. С. 83).

Тип IV-2 (94). Ромбического сечения с простым упором (2 экз.) (рис. 6, 7). Общая

длина равна 54-66 мм, длина головки – 42-44 мм, ширина головки – 5-8 мм. Такие наконечники найдены на Княжей горе, в Старой Рязани, в Колодяжине, в Биляре. Наконечники этого типа характерны для XII – первой половины XIII века. Однако в ранних памятниках они также встречаются (Медведев, 1966. С. 84; Культура Биляра, 1985. С. 160).

Тип IV-3. Ромбического сечения с круглой шейкой (1 экз.) (рис. 6, 8). Общая длина равна 105 мм, длина головки с шейкой – 62 мм (длина шейки – 10 мм), ширина головки – 10 мм. Черешок в сечении круглый. Аналоги данному наконечнику не известны. Вероятно, такие наконечники появились не позже первой половины XIII века.

Тип IV-4 (93). Квадратного и ромбического сечения без упора (3 экз.) (рис. 6, 9). Общая длина равна 70 мм и более 83 мм, длина головки – 35-64 мм, ширина головки – 8-10 мм. Подобные наконечники были распространены во всей Восточной Европе с X по XIV век включительно (Медведев, 1966. С. 84).

Тип IV-5. Прямоугольного сечения.

Вариант 1. С упором и перехватом у черешка (1 экз.) (рис. 6, 10). Общая длина равна 74 мм, длина пера – 49 мм, ширина грани – 5 и 7 мм. Такой наконечник встречен впервые.

Вариант 2. Без упора (1 экз.) (рис. 79, 11). Наконечник сохранился фрагментарно (черешок обломан), длина головки – 40 мм, ширина головки – 7 мм. Головка имеет небольшое расширение в нижней трети. Черешок в сечении круглый. Аналоги данному наконечнику не известны.

Тип IV-6. Квадратного сечения с желобками на гранях боевой головки (1 экз.) (рис. 6, 12). Общая длина составляет 91 мм, длина пера – 45 мм, ширина грани – 7 мм. Имеется перехват у основания черешка, круглый в сечении. Черешок круглого сечения. Аналоги данному наконечнику не известны, но он отдаленно похож на тип III-4 (бронебойные с пирамидальной головкой квадратного сечения, с желобками на гранях).

V подгруппа Бронебойные с короткой массивной боевой головкой квадратного или ромбического сечения.

Тип V-1. Сплюснутые с перехватом круглого сечения у короткого черешка (1 экз.) (рис. 6, 13). Общая длина равна 65 мм, длина боевой головки – 34 мм, ширина головки – 9 мм. Головка ромбического, а черешок и пере-

хват – круглого сечения. Плечики головки слегка вогнуты. Аналоги этому наконечнику не известны.

Тип V-2. С перехватом ромбического сечения у короткого черешка (1 экз.) (рис. 6, 14). Общая длина равна 51 мм, длина боевой головки – 26 мм, ширина головки – 8 мм. Головка и перехват ромбического, а черешок круглого сечения. Плечики головки вогнуты. Аналоги этому наконечнику не известны.

VI подгруппа Бронебойные узкие шиловидные или пирамидальные с перехватом у черешка.

Тип VI-1 (95). Узкие шиловидные ромбического сечения (2 экз.) (рис. 6, 15). Общая длина полностью сохранившегося экземпляра 79 мм, длина боевой головки – 42-57 мм, ширина головки – 5-7 мм. Это типичный противокольчужный наконечник. Наконечники данного типа были очень широко распространены в Древней Руси, Волжской Булгарии и у соседних народов Восточной Европы. Бытовали они в X-XIV веках (Медведев, 1966. С. 84).

VII подгруппа Бронебойные в виде кинжалчиков ромбического сечения с перехватом (97).

Тип VII-1. С круглой шейкой (4 экз.) (рис. 6, 16). Общая длина полностью сохранившегося наконечника 69 мм, длина головки – 42-57 мм, ширина головки – 8-14 мм. Такие наконечники характерны для IX-X веков. Найдены они в Поломском могильнике, на городище Екимавцы (Медведев, 1966. С. 85), на многих болгарских памятниках (Руденко, 2000а. С. 61).

Тип VII-2. Сплюснутые у черешка с квадратным в сечении перехватом (1 экз.) (рис. 6, 17). Общая длина равна 83 мм, длина головки – 52 мм, ширина головки – 10 мм. Такие наконечники характерны для второй половины XI-XII веков. Они найдены в Вышгороде, во Вщиже, в Новгороде (Медведев, 1966. С. 85), на болгарских памятниках (Руденко, 2000а. С. 62). Ранее подобные наконечники общей длиной более 80 мм не были известны.

Тип VII-3. С вогнутыми плечиками и цилиндрическим основанием пера (3 экз.) (рис. 6, 18). Общая длина полностью сохранившегося наконечника 62 мм, длина головки – 34-44 мм, ширина головки – 8-12 мм. Данные наконечники отличаются от всех других известных наконечников этого типа очень малыми размерами, ранее был известен

только один экземпляр общей длиной менее 80 мм и длиной пера менее 50 мм, обнаруженный на Лайшевском селище (Руденко, 2000а. С. 62). По мнению А.Ф. Медведева, подобные наконечники широко распространились после монгольского нашествия в XIII и XIV веках почти исключительно в Поволжье и на Кубани. Такие наконечники обнаружены в Каракуме в слоях XIII-XIV веков (Медведев, 1966. С. 85).

Тип VII-4. С ромбическим в сечении перехватом (2 экз.) (рис. 6, 19). Оба наконечника сохранились фрагментарно (обломаны черешки), длина головки – 38-46 мм, ширина головки – 8-9 мм. Черешок круглый в сечении. Подобные наконечники с ромбическим в сечении перехватом ранее не были известны.

Тип VII-5. С пером остролистной формы (1 экз.) (рис. 6, 20). Общая длина равна 58 мм, длина головки – 44 мм, ширина головки – 10 мм. Подобные наконечники распространились после монгольского нашествия и их отдельные экземпляры были найдены на Кубани (Медведев, 1966. С. 85).

VIII подгруппа Долотовидные.

Тип VIII-1 (100). Собственно долотовидные (39 экз.). Общая длина составляет 58-130 мм, длина боевой головки – 32-91 мм, ширина головки – 6-12 мм. Можно выделить 2 основные разновидности:

1) С наибольшим утолщением и перехватом у черешка (рис. 6, 21).

2) С утолщением в верхней половине длины острия без перехвата у черешка (рис. 6, 22).

Подобные наконечники были широко распространены с середины XI до первой половины XIII века (до монгольского нашествия) на Руси и в Волжской Булгарии (Медведев, 1966. С. 86). Ранее подобные наконечники с длиной боевой головки более 87 мм не были известны. Такие наконечники являются наиболее характерным типом оружия домонгольских болгар. Обе разновидности наконечников обнаружены практически на всех болгарских поселениях второй половины домонгольского периода и в соседних областях (Культура Биляра, 1985. С. 162).

Тип VIII-2. С равномерным сужением к острию (8 экз.) (рис. 6, 23). Общая длина целиком сохранившихся экземпляров 96-110 мм, длина головки – 45-72 мм, ширина головки – 7-9 мм. Данные наконечники имеют равномерное сужение к острию. У некото-

рых наконечников боевая головка в нижней половине квадратного, а в верхней половине прямоугольного сечения. У остальных головка на всем протяжении прямоугольного сечения. Черешки этих наконечников квадратного и круглого сечения. Аналоги этим наконечникам не известны.

Тип VIII-3 (98). С боевой головкой круглого сечения (3 экз.) (рис. 6, 24). Общая длина составляет 51-113 мм, длина пера – 19-81 мм, ширина пера – 6-8 мм. Подобные наконечники были распространены на территории Древней Руси и Волжской Булгарии, они характерны для X – начала XI века (Медведев, 1966. С. 85; Культура Биляра, 1985. С. 160).

IX подгруппа Бронебойные с головкой листовидной формы.

Тип IX-1 (101). С массивной головкой лавролистной формы ромбического сечения (2 экз.) (рис. 6, 25). Общая длина более 43 мм и более 46 мм (черешки наконечников обломаны), длина головки – 38-42 мм, ширина головки – 14-15 мм. Шейка ромбического сечения. Подобные наконечники найдены в Новгороде в слое первой половины и середины XIV века, но эти наконечники имеют граненую шейку и меньшее расширение головки (Медведев, 1966. С. 86). Наконечники шириной головки более 12 мм ранее не были известны. Учитывая место находки, можно утверждать, что данные наконечники попали на Золотаревское поселение не позже первой половины XIII века.

X подгруппа Бронебойные с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний.

Тип X-1 (83). С головкой ромбического сечения, с шейкой (1 экз.) (рис. 6, 26). Общая длина равна 78 мм, длина головки – 39 мм, ширина – 10 мм. Наконечники этого типа были широко распространены в XI веке по всей территории Древней Руси, в Волжской Булгарии, у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, в Прибалтике (Медведев, 1966. С. 81; Культура Биляра, 1985. С. 156).

Группа Арбалетные.

I подгруппа Арбалетные с головкой пирамидальной формы.

Тип I-1. Со скошенными углами основания головки и с длинным черешком (4 экз.) (рис. 6, 27). Общая длина целых экземпляров 120 мм и более 126 мм, длина головки – 35-37 мм, ширина грани – 11-13 мм. Головка квадратного, а черешок круглого сечения. Аналогичный наконечник обнаружен в Сува-

ре (Руденко, 2000а. С. 93. Рис. 15, 32). Подобные арбалетные наконечники использовались в XII–XIV веках (Медведев, 1966. С. 93).

Отдел *Втульчатые*.

Группа *Плоские*.

Тип I-1 (4). Остролистные втульчатые (1 экз.) (рис. 6, 28). Общая длина более 68 мм (втулка разрушена), длина пера приблизительно 60 мм, ширина пера – 14 мм. Такие наконечники были распространены у финских племен Северо-Востока и вдоль западной границы Руси, а в Прикамье наконечники этого типа появились в I тысячелетии до н.э. и употреблялись до XI века включительно (Медведев, 1966. С. 57).

Вероятно, что все 3 селища, как и расположенное рядом городище, перестали существовать в начале XIII века после штурма монголами, о чем свидетельствуют результаты археологических исследований Золотаревского городища (Полесских, 1977, Белорыбкин, 2001). В пользу этого говорит также тот факт, что на поселении обнаружены 120 наконечников стрел, которые вышли из употребления после нашествия монголов, 70 типично монгольских наконечников стрел, а также 102 наконечника, которые употреблялись как до, так и после XIII века. Остальные хорошо датированные наконечники, судя по аналогам, обнаруженным на других археологических памятниках, вышли из употребления до XII века (Древняя Русь, 1985).

Очень многие типы наконечников употреблялись в строго определенные периоды времени и поэтому являются вполне надежным датированным материалом. Практически каждый тип наконечников был в обиходе не менее четырех–пяти веков. На протяжении этого времени каждый тип претерпевал изменения в размерах, в отделке и т. п. Отдельные типы наконечников имели свое функциональное назначение и появлялись только в тех случаях, когда в них возникала необходимость. Так, появление у народов Восточной Европы в IX–X веках кольчуг, пластинчатых панцирей, щитов, шлемов и т. п. вызвало распространение железных и стальных на-

конечников стрел, способных пробивать любые металлические доспехи. Для пробивания кольчуг использовались наконечники с узкой массивной шиловидной головкой, для пробивания пластинчатых доспехов, шлемов и щитов – узкие массивные долотовидные наконечники и бронебойные с граненой шейкой. Долотовидные наконечники были особенно эффективны при стрельбе по защищенному шлемом и щитом противнику. Такие наконечники легко раскалывали деревянный щит, обтянутый кожей и иногда усиленный железным умбоном (Древняя Русь, 1985. С. 315).

Таким образом, можно отметить, что из окрестностей Золотаревского городища происходит во многом уникальный набор наконечников стрел. Его разнообразие и состав не оставляет сомнений в том, что он в основных чертах практически идентичен метательному вооружению с основной территории Булгарии. Набор стрел также показательно отличается от наконечников стрел соседей Булгарии – финно-угорских народов Сурско-Свияжского междуречья и кочевых общин степей Подонья и Предволжья.

В первую очередь это касается наконечников стрел конца XII – первой трети XIII века, которые характеризуются наличием разнообразных типов бронебойных и узколезвийных наконечников стрел. Наличие этого набора является ярким свидетельством использования сложносоставных луков с боковыми центральными накладками – мощными и не столь скорострельными, но имеющими убийную силу на средней дистанции по сравнению с другими типами. Они прекрасно подходили для стрельбы по отдельным целям, защищенным доспехом. Иными словами, это стрелковый набор конных латников, которые сражались с такими же тяжеловооруженными всадниками, которых на полях сражений было сравнительно немного. Таким составом войска в Восточной Европе обладали только русские земли и Булгария. Все остальные войска таких латников практически не имели и не могли быть серьезными противниками для этих стран.

Подводя итог, можно констатировать, что с появлением волжских булгар в регионе начинает бытовать ранее не известный комплекс доспеха и вооружения. Хотя основ-

ная масса находок предметов вооружения доспеха сосредоточена на Золотаревском поселении, причиной чему, несомненно, является масштабное сражение с монгольскими

войсками, можно предположить, что данный комплекс был характерен для всей территории юго-западных земель Волжской Булгарии.

На памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья известны различные типы и формы клинкового оружия, различные типы копий и топоров, а также профессиональное оружие – булавы и кистени. Разнообразны типы доспехов (пластинчатый доспех и кольчуга, шлем и т.д.). Это же подтверждается изучением набора наконечников стрел, которые также имеют две составляющие – набор близкий к общебулгарскому и центральноазиатский.

Сравнение этого вооружения показывает его принципиальную близость к древнерусскому и отличие от оружия народов Сурско-Окского междуречья и кочевых племен Подонья и Северного Кавказа.

Таким образом, основой и главным системообразующим элементом этого вооружения на этой территории Булгарии в XII – XIII вв. стала тяжеловооруженная профессиональная конница, которая имела на своем вооружении пики, сабли, булавы и была защищена комбинацией кольчужного и пластинчатого доспеха, на голове носился шлем. Все передовое и престижное вооружение, видимо, следует связывать именно с этой категорией болгарского войска, а также с верхушкой местного населения. Остальные виды оружия, а также неаккуратно изготовленное оружие, вероятнее всего, использовалось менее престижными войсками (легкая конница и пехота), а также местным ополчением.

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЛЯХ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

§ 1. Комплексы вооружения из памятников юго-западной Булгарии

В историческом плане территория Посурья и Примокшанья в X – XIII вв. являлась частью государства Волжская Булгария. Этим объясняется ее близость к болгарскому комплексу вооружения. Вместе с тем, пограничное положение региона и некоторые особенности его культурно-языкового окружения, а также близость к миру кочевых степей и вовлеченность в военно-дипломатическую борьбу финно-угорских соседей с русскими княжествами, делали его, в определенной степени, отличающимся от общеполитического контекста вооружения и воинского снаряжения. Особая военно-политическая обстановка и прямое участие в военных событиях, связанных с монгольскими походами в Восточную Европу, обуславливали самобытность военного дела этих земель.

Анализ всего комплекса вооружения заставляет считать, что, что комплекс вооружения юго-западной Булгарии обладал целым рядом характерных черт, которые подчеркивали их самобытность. Вместе с тем, эту самобытность нельзя переоценивать. Во многом представления об этих особенностях были вызваны наличием комплекса вооружения, который не имеет местного происхождения. Этот набор характерных предметов вооружения имеет центральноазиатское происхождение и оказался в районе Посурья в основном в результате событий связанных с монгольскими походами и завоеванием Восточной Европы. В данном регионе найдены и археологически изучены не просто отдельные находки предметов вооружения, как правило, наконечники стрел или детали сложносоставных луков, но цельный комплекс вооружения,

принесенный сюда воинами из армии Чингизхана. Уникальность ситуации в том, что этот цельный и яркий комплекс является единственным во всей Евразии настолько представительным и выразительным свидетельством особенностей вооружения и комплектования монгольских войск.

В результате изучения найденных в ходе археологических изысканий предметов доспеха и вооружения можно довольно четко выделить комплексы вооружения и доспеха, которые имели место в юго-западных землях Волжской Булгарии и хронологически сменяли друг друга. Можно констатировать наличие двух основных комплексов, один из которых делится на две составляющие:

1. Восточноевропейский комплекс, который имеет две составляющие:

- местный архаичный комплекс, который, по всей видимости, использовался эндемичным населением региона в IX–XI веках, до болгарской экспансии. Хотя элементы этого комплекса продолжали использоваться и в период болгарского владычества.

- комплекс, типичный для Древней Руси и Волжской Булгарии XI–XIII веков, который внезапно появился в регионе в XI веке и затем развивался параллельно комплексам вышеозначенных государств. Его появление, вероятно, связано с экспансией волжских болгар в Верхнее Посурье и Примокшанье в XI–XIII веках.

2. Сибирско-дальневосточный комплекс, принесенный в регион монгольским войском в ходе западного похода на Волжскую Булгарию и Древнюю Русь.

1.1. Булгарский комплекс вооружения и защитного доспеха

Местный комплекс довольно скудный, к нему можно отнести ряд архаичных образцов наконечников копий: ранние наконечники типов I, II, типы III, IV, V, VI, а также несколько топориков-чеканов, бытование которых в регионе распространилось на XI–XIII века, хотя уже к XI веку они повсеместно утрачивают свое былое значение. И несомненно, также основным видом вооружения был лук со стрелами, что подтверждается наличием наконечников стрел.

С распространением на регион болгарского влияния комплекс доспеха и вооружения резко изменяется. Наибольшее распространение приобретают шиловидные наконечники пик с широкой втулкой, тип IB, а также развитые варианты II типа. Кроме того, широкое распространение получает металлическое оружие ударно-дробящего действия (кистени, булавы), совершенно неизвестное для региона ранее.

Новшеством для региона в XII–XIII веках становятся сабли. Одной из основных проблем изучения клинкового вооружения региона в XI–XIII веках является разнородность материала. На данный момент довольно сложно выделить происхождение находимых в изобилии сабель и их деталей. Следы ведут в разные концы Евразии, определенные черты сходства обнаруживаются с экземплярами, находимыми в Древней Руси (Кирпичников, Медведев, 1985, табл. 123: 5) у южнорусских кочевников (Кирпичников, Медведев, 1985, табл. 123: 2, 4, 6, 8; Федоров-Давыдов, 1966, рис. 3: 1), в Сибири (Кызласов, 2008, с. 72–99), Приуралье (Иванов, 1987, с. 187). Большое количество близких по типу сабель найдено на Северном Кавказе (Успенский, 2009, рис. 1: 1–3; Горелик, 2003, рис. 3: 1–5; Крым..., 2003, табл. 97: 39, табл. 99: 33–45).

И.Л. Кызласов считает все сабли Сурской группы памятников наследием аскизской культуры (Кызласов, 2008, с. 72–99), однако собственно аскизские памятники практически не содержат сабель, только прямые мечи-палаша (Степи Евразии, 1981, с. 204). Здесь не обнаруживается перекрестий, характерных для этих палашей. Хотя определенное сходство отвергать нельзя, кроме того, обнаруженный согнутым фрагмент сабли роднит этот экземпляр с алтайскими палашами,

подвергшимися культовой порче. Кроме того, на них нет долов, которые характерны для сабель Волжской Булгарии. Хотя есть вероятность, что за палаша XI–XII веков приняты сабли, аналогичные верхнесурским, т. к. сложно определить их изгиб, поскольку они ритуально испорчены. Аналогичные согнутые сабли известны с территории Северного Кавказа (Горелик, 2003, рис. 3: 4–5). При этом Ю.С. Худяков считает, что сабли для киргизов не являются типичным оружием, их начали использовать под влиянием военного искусства Центральной и Средней Азии (Худяков, 1980, с. 45).

Помимо всего прочего, на данный момент практически нет подробных исследований различных особенностей в оформлении и конструкции сабель, которые позволили бы выявить культурные параллели.

Подводя предварительные итоги, можно прийти к выводу, что сабли XII–XIII веков имели множество сходных черт из-за тесного соприкосновения носителей технологий, которое вело к взаимопроникновению приемов и способов. И сабли Верхнего Посурья и Примокшанья, вероятнее всего, не являются продуктом одной традиции, а относятся к разным традициям изготовления клинкового холодного оружия. Однако общим для части сабель, находимых на основной территории Волжской Булгарии и в ее юго-западных землях, является наличие долов на клинке, что говорит о единстве оружейной культуры регионов.

Несомненным новшеством для комплекса доспеха и вооружения в Верхнем Посурье и Примокшанье является изобилие различных видов доспехов. В большом количестве находимые фрагменты кольчужных полотен, в том числе ремкомплектов, а также фрагментов и отдельных частей пластинчатых доспехов выделяют изучаемую эпоху в истории военного дела региона. Здесь встречаются как широко известные типы доспешных пластин, так и ранее неизвестные. В целом комплекс доспеха региона в XI–XIII веках идентичен комплексу, сложившемуся в этот период на обширной территории Восточной Европы и Сибири.

Следует также выделить чисто древнерусскую составляющую Восточноевропейского комплекса. Например, украшенные рогати-

ны хорошо известны на памятниках Древней Руси и отсутствуют в комплексе вооружения болгарских воинов. Однако подобные находки происходят с территорий, которые непосредственно граничили с древнерусским государством, и их наличие здесь вполне объяснимо тесными связями.

Самые близкие аналогии комплексу доспеха и вооружения в исследуемом регионе мы наблюдаем на основной территории Волжской Булгарии, что не удивительно, принимая во внимание факт вхождения Верхнего Посурья и Примокшанья в состав болгарского государства в период XI–XIII веков.

Предыдущими исследованиями было установлено, что «ведущее положение в военной организации Волжской Булгарии в X–XIII веках занимает конная дружина, которая имеет на вооружении специализированное кавалерийское оружие: сабли, пики; а доспех достигает наивысшего развития, сравнимого с рыцарским облачением. Именно тяжело-вооруженные воины-копейщики составляли ядро болгарского войска» (Измайлов, 1997, с. 134). В XI веке, обосновавшись на землях Верхнего Посурья и Примокшанья, болгары принесли на эти земли свои достижения. Начиная с этого периода, здесь мы находим все виды наступательного и защитного вооружения, характерного для основной территории государства. В целом комплекс вооружения и доспеха волжских болгар не отличался от используемого кочевниками Евразии этого периода. Показательным примером для этого может служить серебряное блюдо из Средней Азии VII–X веков, на котором изображен сюжет из книги Иисуса Навина – осада крепости. На изделии можно увидеть несколько всадников, на вооружении у которых мы можем увидеть луки, сабли, топоры, копья со знаменами, булавы, защищены они шлемами и доспехами (Даркевич, 1976, табл. 24: 1–3).

Хотя мы не обладаем изобразительными источниками, иллюстрирующими комплекс доспеха и вооружения болгарского воина XI–XIII веков, с некоторой долей уверенности можно говорить о неизменности общего вида доспеха и основного набора видов вооружения кочевников на протяжении VIII–XIII веков, при этом мы имеем ряд изображений VIII–X веков. Сравнивая разновременные комплексы, мы находим много общего в конструкции доспехов. Так, на реконструкциях доспеха из Балык-Соок VIII–IX веков (Кубарев, 2002,

рис. 11: 7) и доспеха из могилы-кенотафа в Южном Приуралье XIII века (Горелик, 2002, с. 69, рис. 13) мы видим пластинчатый доспех, состоящий из кирасы, защищающей грудь и спину, а также подвешенных к ней элементов защиты ног и плеч. Это самый популярный покрой панциря в эпоху Средневековья (Горбунов, 1998, с. 105–106).

Такой же тип панциря изображен на серебряном блюде с территории Волжской Булгарии (Федорова, 2003, рис. 7), на котором зрителю предстает тяжеловооруженный воин-всадник. И хотя его доспех изображен достаточно условно, с определенной долей уверенности можно интерпретировать полукруглые насечки в качестве кольчужного полотна, а вертикальные насечки в качестве имитации рядов пластинчатого доспеха. Если это действительно так, то помимо кольчужной бармицы на шлеме, кольчатый доспехом защищены плечи до локтевого сустава воина, тогда как все остальное тело и ноги закрыты пластинчатой броней, что, скорее всего, свидетельствует как раз о ношении пластинчатого доспеха поверх кольчатой брони.

Самым распространенным видом оружия на Золотаревском поселении были лук и стрелы.

Наиболее вероятно, что болгарские воины использовали сложный лук, характерный для кочевников. Налучье от такого лука изображено на упомянутом выше серебряном блюде из Зауралья.

Образ болгарского воина дополняет характерное копьё с наконечником-пикой, увенчанное знаменем в виде прямоугольного полотнища с двумя фестонами. Знамена играли важную сигнальную функцию на поле боя, и имеется довольно много изображений, иллюстрирующих воинов-кочевников со знаменами в виде прямоугольника с треугольными фестонами (Советова, 2005, рис. IV: 1, 3–5).

И, наконец, последним элементом вооружения в реконструируемом комплексе является сабля. Находки сабель и их деталей в регионе достаточно многочисленны, что позволяет предположить их широкое распространение среди воинов Верхнего Посурья и Примокшанья. Для конкретной реконструкции выбор определенной сабли не обязателен, т. к. по основным параметрам все клинки с городища сходны, и на окончательном варианте сабля будет в ножнах у пояса.

Таким образом, в общем виде восточноевропейский комплекс вооружения и доспеха представлен на рис. 33: 1. На рисунке изображен тяжеловооруженный всадник,

облаченный в комбинированный кольчужно-пластинчатый доспех. В правой руке пика с прикрепленным к ней знаменем. На поясе сабля и сложный лук.

1.2. Центрально-Азиатский и Дальневосточный комплексы вооружения

К сибирско-дальневосточному комплексу, в первую очередь, относятся многочисленные наконечники стрел, находимые на памятниках с ККГП в Верхнем Посурье и Примокшанье – монгольские срезни (Янъков, 2001, с. 134).

Еще одним наиболее характерным предметом вооружения данного комплекса являются ножи со втульчатой рукояткой, которые найдены пока исключительно на Золотаревском поселении.

Пока в регионе не удалось зафиксировать клинкового вооружения, относящегося к дальневосточному комплексу, для которого характерны слабоизогнутые клинки, что, видимо, отражает военные традиции населенного ими региона (Худяков, 1997, с. 130).

Наиболее интересными для науки представляются детали дальневосточного доспеха, найденные в регионе, т. к. часть предметов при том, что имеют явные аналогии на Дальнем Востоке, уникальны даже для этого региона. Так, украшение гравировкой доспешной пластины из чжурчжэньского доспеха, найденного на Золотаревском городище, не имеет аналогий для этого периода.

Особый интерес представляет комплекс пластинок. Аналогии всем экземплярам из этого комплекса имеются на Дальнем Востоке. А пластинки типа IXB практически исключительно принадлежали чжурчжэням. Вероятно, что все эти пластинки входили в состав единого доспеха. В некоторых случаях чжурчжэньские пластинки зафиксированы в составе пластинчатых бармиц монгольских шлемов XII–XIII веков, найденных на Красноярском городище (Бобров, 2008, рис. 2: 3–4). Бармицу на одном из этих шлемов реконструировал М.В. Горелик (Горелик, 2010, рис. 8: 1а) Бармицу из аналогичных пластин имеет и пластинчатый шлем из Корсаковского могильника IX–XI веков недалеко от Хабаровска (Медведев, 1981, с. 174; рис. 3: 2–17), который аналогичен чжурчжэньскому шлему (Медведев,

1981, с. 180; рис. 4: 1). Таким образом, налицо традиционное использование подобных пластин для изготовления бармиц.

Наличие чжурчжэньских элементов доспеха не случайно. По мнению Ю.С. Худякова и Л.А. Боброва, многие элементы вооружения, считавшиеся на протяжении многих лет «типично монгольскими», имеют чжурчжэньские (точнее «цзиньские») корни (Бобров, 2003, с. 123).

Помимо доспехов к комплексу монгольских воинов, несомненно, относятся детали шлема, обнаруженные по отдельности, хотя они вполне могли оказаться на шлеме одного типа. Совмещение козырька и наверхия в единый комплект подтверждается находками целых шлемов (Горелик, 2010, рис. 2: 1).

На Дальнем Востоке, по всей видимости, кольчуга не нашла широкого применения. (Худяков, 1997, с. 133), хотя и могла использоваться. Есть свидетельства о том, что кольчуги закупались у персов или алан Северного Кавказа (Медведев, 1953, с. 29).

Наиболее характерный монгольский доспех представлял собой ламеллярную корсет-кирасу в сочетании с прикрепленным к нему длинным двухчастным подолом, прикрывающим нижнюю часть тела (Горелик, 1987, с. 165).

Подобные доспехи изображены на рисунках чжурчжэньских воинов (Горелик, 2002, с. 55), внешний вид которых взят за основу графической реконструкции.

Полностью сохранившийся шлем из Пятигорья позволяет реконструировать шлем монгольского воина, принимавшего участие в осаде Золотаревской крепости. В нем сочетаются все детали шлема, найденные на месте сражения, кроме того, для подобного шлема характерна пластинчатая бармица (Горелик, 2010, рис. 6: 5).

Прямых аналогий пластинам из Пятигорья на Золотаревском поселении нет. Однако пластины типа IXB, как отмечалось выше,

зачастую использовались в качестве составных деталей бармицы шлема.

По сведениям Дж. де Плано Карпини, щиты были малоупотребительны у монгольских воинов XIII века (Шавкунов, 1993, с. 70).

Таким образом, в общем виде на изученных материалах может быть реконструиро-

ван дальневосточный комплекс вооружения и доспеха (рис. 33: 2). Воин облачен в пластинчатый доспех, на голове шлем с козырьком и пластинчатой бармицей, в руках сложный лук и характерный срезень с крестообразной прорезью.

§ 2. Формирование комплекса вооружения в юго-западных землях Волжской Булгарии: военно-политический контекст событий

Волжская Булгария с самого начала своего существования окунулась в активную политическую жизнь Восточной Европы, торгуя, заключая соглашения, ведя непрерывные войны со своим главным соседом и соперником – Древнерусским государством.

Тактику и стратегию волжских булгар в западных землях можно разделить на два периода: колонизация и освоение земель Верхнего Посурья и оборона данной территории от монголо-татарских захватчиков.

Долгое время территорию Верхнего Посурья и Примокшанья занимали мордовские и буртасские племена. Но с появлением в X веке нового феодального государства, Волжской Булгарии, и его укреплением, оно обратило свои взоры на запад в сторону своего соседа – Древнюю Русь. Для поддержания торговли посредством пути, связывающего булгар с Древнерусским государством, необходимо было обеспечить безопасность сухопутного торгового пути, проходящего от Киева через верховья Дона и Суры в Булгар (Белорыбкин, 1986, с. 92). С XI века начинается экспансия волжских булгар в регион, и местное население покидает обжитую территорию или ассимилируется с пришлым населением. Свидетельств этому в источниках практически не осталось, однако встречаются упоминания, о том, что булгары нападали на буртас и грабили их (Белорыбкин, 1992, с. 25).

Булгары расселяются преимущественно вдоль торгового пути, который и стимулировал их появление здесь (Белорыбкин, 1990, с. 117). Не всегда проникновение Волжской Булгарии происходит безболезненно, мирным путем, о чем свидетельствуют следы штурмов прежних мордовских поселений в XI веке, на месте которых впоследствии возникают поселения с красно-коричневой гончарной керамикой, характерной для обулгаризированного

местного населения. Так, на Золотаревском поселении обнаружены довольно обширные следы штурма (Белорыбкин, 2001, с. 180), наиболее вероятно, произошедшего в конце X – начале XI вв. Следы стратегии и тактики Волжской Булгарии на территории Верхнего Посурья и Примокшанья, которая в последствии войдет в состав государства булгар, обнаруживаются в XI вв., когда на поселениях местного населения обнаруживаются разнообразные наконечники стрел, не характерные для местного населения (Ефремов, 2004, с. 89–93) и сигнализирующие о военном, силовом характере экспансии булгар на изучаемую территорию. В это же время в могильниках мордвы начинают появляться предметы вооружения, не характерные для их воинов в предыдущие эпохи: сабли, широко встречающиеся на основной территории Волжской Булгарии, копья-пики, кистени и пр.

Для укрепления своего положения на стратегической территории Верхнего Посурья и Примокшанья булгарами возводится более 30 городищ (Белорыбкин, 1990, с. 19), которые располагаются двумя группами на расстоянии в 90 км друг от друга: Сурская группа и Вадинская группа.

Сурская группа памятников (рис. 2: 2), расположенных в Верхнесурском ландшафтном регионе с центром в Юловском городище, которое по размерам несопоставимо с городами Волжской Булгарии, но является несомненно самым большим в округе, поэтому его можно считать центральным в регионе (Белорыбкин, 1989, с. 25), несомненно контролировала и обороняла стратегически важный участок торгового пути, а Золотаревское городище напрямую контролировало бород через реку Сура, которая была серьезным препятствием для идущих по пути из Булгара в Киев. И неслучайно именно в месте брода на слия-

нии Суры и Узы сконцентрированы мощные укрепления (Белорыбкин, 1990, с. 117).

Вадинская группа (рис. 2: 1) находится на северо-западе примерно в 90 км от Сурской. Она, наиболее вероятно, является пограничным форпостом Волжской Булгарии на территории, граничащей со сферой влияния Древней Руси, которая, расширяя свое влияние, претендовала на мордовские земли в домонгольский период и вела постоянные войны с финно-угорским племенем (Святкин, 2001, с. 97). Кроме того, принимая во внимание то, что у двух крупных феодальных государств был активный товарообмен, нельзя забывать о напряженных взаимоотношениях между ними, которые начались еще с походов Святослава в болгарские земли и продолжались на протяжении всего домонгольского периода в жизни соседей. Самая западная окраина граничила с Рязанским княжеством, которое также простирало свои интересы на восток, ведя войны с мордовскими племенами (Святкин, 2001, с. 103–104). Отличительной особенностью данной группы памятников является кольцевое расположение – наиболее укрепленные поселения находятся с краев (Жуковское 1 с севера, Фелицатовское с юга, Вышинское 1 с запада, Скановское с востока) (Белорыбкин, 1990, с. 39–40), в то время как менее укрепленные располагаются в центре. Такое «островное» положение связано с особым статусом и состоянием данного района, который находился в определенном отдалении от основного массива болгарских поселений в Среднем Поволжье, в силу чего возникала необходимость выстраивать оборону и требовалось раннее предупреждение об опасности, которая могла грозить с любой стороны, в то время как до ближайшего крупного центра (группы городищ Верхнего Посурья) было примерно два дня конного перехода (Белорыбкин, 1990, с. 36).

Первоначально появились небольшие поселения, после чего начали строиться крупные крепости. Активная застройка на Юловском и Золотаревском городищах идет в период с XI по XIII век, в том числе строятся оборонительные сооружения, которые перекрывают культурный слой предыдущего мордовского населения VII–X веков (Белорыбкин, 1990, с. 128–130).

Затем продолжилось укрепление вдоль сухопутного пути, когда в XII веке появляются ряд поселений (Белорыбкин, 1990, с. 132), в

то время как большинство памятников Вадинской группы появляются в XII–XIII веках (Белорыбкин, 1990, с. 134) в период обострения отношений между Древней Русью и Булгарией. Обособленность двух этих регионов при их культурной общности свидетельствует о том, что они появлялись не как обычные жилые территории, а в качестве укрепленных центров военно-политического и экономического влияния. И, по всей видимости, болгары не могли просто заселить территорию, присоединив ее к своим землям, и организовали здесь небольшие колонии. Кроме того, крайне малые площади городищ, не идущие в сравнение с городами на территории Волжской Булгарии, также говорят в пользу их создания в качестве опорных пунктов военно-политического и экономического влияния.

Одной из целей основания болгарскими в исследуемом регионе колоний следует признать попытку ограничения продвижения на Восток древнерусских княжеств, кроме того, несомненно экономические цели – установление контроля над торговыми путями и их охрана. Для этого они привлекали и наемников из Центральной Азии, которые в основном сопровождали торговые караваны, идущие по Шелковому пути из Китая в Европу, а также нанимались на службу к местным князьям.

К моменту появления на арене Восточной Европы монголов между Русью и Булгарией установился относительный паритет (Измайлов, 2008, с. 153).

В 20-х годах XIII века положение государств Восточной Европы осложнилось ввиду появления на арене нового сильного соперника – монголов, которые уже провели несколько победоносных операций на Дальнем Востоке, в Средней и Центральной Азии, известия о которых, несомненно, дошли до крупнейших государств региона: Древней Руси и Волжской Булгарии.

Первая встреча с неизвестным противником произошла в 1223 году, когда небольшой монгольский отряд под предводительством полководцев Субедея и Джеббе одержали победу над объединенными силами кипчаков и русских князей на р. Калке, а затем направился к землям Волжской Булгарии. Булгары, прознав о поражении западного соседа и приближении монголов, организовали засады и сокрушили врага ударами в тыл, о чем нам сообщает Ибн ал-Асир, арабский историк,

автор труда "ал-Камиль фи-т-тарих" (Всемирная история). Об этом событии известно достаточно мало, и наибольший интерес в научной среде вызывает место, в котором была организована засада. По этому поводу существуют различные мнения, и в одном из них отмечается, что стратегия заманивания в засаду была применена волжскими булгарами в юго-западных землях Волжской Булгарии на территории Верхнего Посурья.

Предполагается, что для засады было достроено Золотаревское городище, которое действительно обладает необычной для мысовых поселений системой укреплений, где и были побеждены монгольские войска, свидетельством чему является большое количество центральноазиатского и дальневосточного вооружения и украшений, которые были оставлены здесь павшими на поле сражения. После битвы эти предметы были собраны в качестве трофеев и использовались местным населением. (Измайлов, 2008, с. 160–162).

Однако довольно сложно предположить, что знаменитые полководцы, имея к тому моменту отряд из двух туменов (20 000 человек), который за время походов должен был заметно уменьшиться, по какой-либо причине решились штурмовать серьезно укрепленное поселение, кроме того, на это нет указаний в источнике. Еще более неоднозначным является утверждение о наличии трофеев, которые могли попасть в руки населения именно в 1223 году. С тем же успехом данные предметы могли оказаться в регионе и в результате похода 1237 года, когда в рядах монгольского войска могли быть все те же выходцы из Дальнего Востока и Центральной Азии. Из письменных источников мы знаем, что монгольская армия не задержалась в этих землях и, по всей видимости, не стремилась собрать как можно больше утерянных на поле сражения предметов.

Однако несомненным остается факт, что монголы побывали на исследуемой территории и оставили уникальные материальные следы своего присутствия в виде большого количества разрушенных и сожженных поселений, сохранивших на себе следы кровопролитных сражений местного населения с монгольским войском. Беспрецедентное количество сохранившегося на Золотаревском поселении вооружения и других предметов как оборонявшейся стороны, так и восточных

завоевателей выделяет этот и другие памятники Верхнего Посурья и Примокшанья.

Из сообщений современников нам известно, что в 1236 году под предводительством Батыея, «обратившись к западу, [татары] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов. Кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов. Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил» (Аннинский, 1940, с. 86).

После завоевания центральной части Волжской Булгарии монгольские войска двинулись дальше на запад в мордовские земли, которые с севера граничили с юго-западной окраиной булгарских земель. Уничтожение одного из самых крупных соперников на арене Восточной Европы было просто необходимым для монголов, поэтому земли, входившие в его состав, были обречены, однако принять мирное соглашение от мордвы было довольно разумно, что характерно для монголо-татар, которые довольно часто щадили целые народы, включая их в состав своего войска. И уже в западном походе встречается упоминание об участии в нем финно-угорского племени (Документы и материалы..., 1940, с. 182).

Хотя для нас наибольший интерес представляет другое сообщение, согласно которому, разгромив основные города Волжской Булгарии, войска монголо-татар принялись за разорение остальных земель государства. Об этом свидетельствует Рашид ад-Дин:

«И он (Менгу-каан) пробыл там то лето, а после того, в такику-иле, то есть в год курицы, соответствующий 634 г. х. (= 4.IX.1236 – 23.VII.1237 гг.) сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угетай – каана – Кадан, внук Чагатая – Бури и сын Чингизхана – Кулькан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими. Осенью упомянутого года все находившиеся там царевичи сообща устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войной на русских» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 38).

Здесь упоминаются буртасы, как отмечалось выше, помещаемые исследователями именно в Верхнем Посурье и Примокшанье, которые были подчинены булгарами. Хотя юго-западные земли Волжской Булгарии располагались несколько обособленно от основной территории государства булгар и представляли собой скорее небольшую колонию в стратегическом месте, монголо-татары не могли обойти стороной данный участок и оставить в своем тылу сеть мощных укреплений и подчиненное булгарам население, которое было способно организовать восстание против них, да и не в правилах захватчиков было так поступать.

До этого были столкновения булгар с монголами в 1223 г., 1229 г. на Яике, где монголы разгромили небольшой отряд, но не продвинулись, а также поход на Булгарию в 1232 г. (Хузин, 2001, с. 198).

После нескольких столкновений с монголами булгары готовились к тому, что они еще вернуться, поэтому стали возводить дополнительные укрепления, о чем есть свидетельства из материалов с основной территории Волжской Булгарии (Измайлов, 2008, с. 178; Губайдуллин, 2001, с. 198–201). Однако это не уберегло население от скорого и быстротечного поражения.

О подготовке к сражению с монголами известно и из материалов Верхнего Посурья и Примокшанья. Отмечается строительство валов в XIII веке, непосредственно перед монгольским нашествием. Так, на Юловском городище внутренний вал был построен поверх культурного слоя предыдущего времени (Белорыбкин, 1990, с. 126). Дополнительные оборонительные сооружения возводились и на Золотаревской крепости. Кроме того, об этом свидетельствуют многочисленные клады, обнаруженные на Юловском и Золотаревском городищах, а также на территории, прилегающей к ним, которые зарывали местные жители в надежде достать после сражения, что говорит нам о некоторой уверенности или во всяком случае надежде населения на положительный исход сражения.

Помимо укрепления стен городище предоставляет для исследователей уникальные свидетельства по применению оборонительной стратегии, так как после разрушения они были заброшены, и все дополнительные оборонительные средства (волчьи ямы,

чесноки) дошли до наших времен неповрежденными.

На Золотаревском поселении встречены дополнительные оборонительные сооружения в виде сети волчьих ям, расположенных в шахматном порядке с напольной стороны городища перед первым валом (рис. 35), которые были призваны затруднить передвижение живой силы противника, а также сделать невозможным использование осадной техники. Кроме того, данное сооружение позволяло вести стрельбу из луков по расстроенным порядкам противника, нанося ему существенные повреждения, при этом находясь в относительной безопасности. Сеть ловчих ям раскинулась широким фронтом (около 100 м) от одного оврага до другого, кроме того, ямы зафиксированы и за оврагами. Местные жители укрепляли самую уязвимую часть своей крепости, так как с других сторон городище защищал широкий овраг, который очень сильно затруднял штурм города. Помимо этого, с напольной стороны находилось и селище, постройки которого также должны были затруднить продвижение. Хотя, видимо, учитывалась и возможность окружения крепости, вследствие чего на территории, прилегающей к ней, были разбросаны чесночки – оборонительные приспособления, состоящие из четырех шипов, расположенных в пространстве под углом друг к другу таким образом, что при падении один шип всегда будет находиться в вертикальном положении. Используется для затруднения передвижения и нанесения повреждения живой силе (коннице и пехоте) при обороне.

На данный момент нам известно о наличии 11 чесночков (рис. 34: 1–2) разных размеров, обнаруженных на городище и окружающих его селищах, чесночки встречаются повсеместно и в более позднее время (Кирпичников, 1958, рис. 12) вплоть до современности, где используются органами правопорядка для создания помех правонарушителям для движения на автотранспорте. Все представленные чесночки практически идентичны, однако имеют и ряд особенностей, прежде всего это касается метрических характеристик и формы шипов.

Длина шипов колеблется от 26 мм до 47 мм: три экземпляра малых размеров 26–30 мм, 4 экземпляра средних размеров 32–36 мм, три крупных экземпляра 39–42 мм и один экземпляр очень большой

47 мм. Сечение всех экземпляров подквадратное со сторонами (5–7 мм), кроме одного с круглым сечением диаметром 5 мм.

Судя по количеству укреплений и системе дополнительных оборонительных сооружений, которые не отмечаются на других памятниках, именно Золотаревское городище было выбрано местным полководцем для проведения решающего сражения. Кроме того, огромное количество монгольских наконечников стрел найдено на Золотаревском поселении, в то время как таковых мало на других памятниках Верхнего Посурья. Это свидетельствует о стягивании сил для одного крупного сражения в районе Золотаревской крепости (Ефремов, 2004, с. 94).

Тем более было бы недальновидно рассредоточивать силы всего региона по отдельным небольшим крепостям, так как шансов на успешную оборону в таком случае было бы гораздо меньше. К тому же монголы, скорее всего, и не планировали долговременные осады, а сразу были готовы к проведению молниеносного штурма, который не замедлил бы их продвижение на запад, поскольку Волжская Булгария с ее землями была лишь началом кампании. И об этом, скорее всего, также было известно руководителям обороны, которые могли судить о намерениях противника по стремительности, которую они проявили в борьбе с Биляром, Болгаром, Суваром и другими городами Центрального и Западного Закамья.

Хотя, возможно, решение об итоговом сражении в одном месте зависело во многом от действия монголов. Они старались не допустить того, чтобы противник смог успешно наладить оборону, для чего, используя окружение, подобное облавной охоте, защищали вражескую территорию. По мнению А.К. Кушкумбаева, такая тактика повсеместно использовалась в семилетнем западном походе 1236–1242 годов (Кушкумбаев, 2009, с. 53–54). Поэтому решение собрать все силы в одном месте могло быть вынужденным, хотя нам первая версия, учитывая археологические данные, представляется наиболее вероятной.

Как бы то ни было, а битвы нельзя было избежать, и уникальные вещественные данные, получаемые в ходе раскопок Золотаревского городища, об этом ярко свидетельствуют: огромное количество наконечников стрел, следы использования метательной артиллерии, следы масштабного пожара

удивительно перекликаются со свидетельствами способов ведения осады монголо-татарами. Плано Карпини в «Истории монгалов, именуемых нами татарами» так описывает осадную тактику монгольских войск:

«Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою» (Путешествия..., 1957, с. 53–54).

Используя обширные письменные свидетельства о тактике и стратегии проведения штурмов монголами и уникальные вещественные свидетельства сражения, мы с некоторой долей уверенности можем реконструировать ход сражения, а также тактические и стратегические приемы, которые были использованы для штурма и обороны.

Имея в своем распоряжении сведения о приближении монгольских войск, руководство местной обороны, скорее всего, начало стягивать к крепости все боеспособное насе-

ление. В других крепостях, видимо, остались небольшие гарнизоны, и одновременно велась подготовка самого городища к обороне: были укреплены уже имеющиеся сооружения и подготовлена сеть волчьих ям с напольной стороны укрепления. Также в местных мастерских были изготовлены и разбросаны вокруг крепости чесноки, которые были призваны затруднить окружение поселения.

Подойдя к крепости, монголы стремительно окружили город, закрыв пути к отступлению. Нам не известно, было ли сражение до штурма вне крепости, хотя, учитывая размеры самого городища, в нем не могло поместиться много народа, да и оборона при этом не могла вестись эффективно, т. к. находящиеся внутри крепости войска не могли принять участие в ней, при этом были в гораздо большей опасности из-за возможности попасть под обстрел, не имея возможности укрыться или передвигаться. Кроме того, на вооружении монголов был прием – выманивание гарнизона в поле для его разгрома с последующим взятием уже беззащитного города, который они довольно часто применяли (Храпачевский, 2005, с. 198). Сутью тактического действия было путем ложных отступлений выманить гарнизон обороняющейся крепости, где они менее защищены. Этим вполне может быть объяснен факт наличия следов сражения на довольно большом расстоянии от Золотаревского городища. Разделавшись с частью оборонявшихся, монголы могли продолжить штурм и завершить задуманное.

Как известно из приведенного отрывка труда Плано Карпини, монголы начинали штурм с умелого использования «орудий» и «стрел», которыми не переставали действовать ни на минуту. Действительно, на Золотаревском поселении встречено беспрецедентное количество наконечников стрел, в т. ч. монгольских срезней, и каждый новый археологический сезон приносит десятки и сотни новых экземпляров, происходящих как из самого городища, так и из его окрестностей. Вся площадь городища буквально усеяна наконечниками стрел, что говорит о ведении обстрела со всех сторон окруженной крепости. Материалы, которые были собраны в ходе исследования внешнего фронтального вала и рва, свидетельствуют о том, что вал и дно рва покрыты металлическими изделиями, в т. ч. наконечниками стрел.

Но источник говорит о применении помимо стрел «орудий», то есть осадной техники, с которой монгольские войска познакомились еще на начальном этапе своих завоеваний, после чего, начали перенимать технологии строительства осадной техники у покоренных народов и эффективно ее использовать ее в своих походах (Храпачевский, 2005, с. 238–241). Нам известно о разнообразных осадных машинах и приспособлениях, которые были на вооружении войск Чингизхана: крюки и лестницы, осадные башни, крытые галереи для защиты воинов, продвигающихся к стенам крепости, различного рода камнеты и аркбаллисты китайских и мусульманских образцов, где в качестве снарядов использовались как камни и стрелы, так и разного рода зажигательные снаряды (Храпачевский, 2005, с. 238–241).

Дополняют эти данные материалы русских летописей, сообщающих о вторжении монголов *«В субботу... начаши наряжати леси и пороки ставиши до вечера, а на ночь огородиши тыном около всего города Володимера»* (Лаврентьевская летопись); *«Татары приступиши ко граду, со все страны и начаши бита пороки по граду и внутри града, и сыпашася камение велие издалеца... яко дождь внутрь града, и множество бе людей мертвых во граде,... и выбиши стену у Золотых ворот, такоже и от Лыбеди у Орининых ворот и у Медяных такоже от Клязьмы, у Воложских врат и прочие и весь град разбиши и камением засыпаша и тако внидоша по примету во град от Златых врат»* (Никоновская летопись). Перед нами — картина штурма города одновременно с нескольких сторон, причем главную роль играла метательная артиллерия, силы которой были сосредоточены у городских ворот, хотя обстрел пороков был направлен не на ворота, а на прилегающие участки стен. Действие орудий, кроме разрушения стен, было направлено также внутрь города. (Кирпичников, 1958, с. 19).

И снова мы находим вещественные доказательства применения при штурме Золотаревской крепости осадной техники. В первую очередь, это огромное количество камней. Так, в ходе раскопок последних лет вдоль второго вала с внутренней его стороны встречаются крупные обтесанные камни, как целые, так и расколотые. Судя по их беспорядочному расположению, можно предположить, что обтесанные камни являются снаря-

дами камнеметов и оказались на территории городища во время штурма крепости. Об этом свидетельствует и тот факт, что большинство камней не имеет местных истоков – это гранитные и мраморные породы. Подобные же обтесанные камни, как целые, так и расколотые, встречаются на дне оврага, где резко выделяются среди местных опоковых пород (Отчет, 2005..., с. 10–11). Применение камнеметных машин зафиксировано и в последующих операциях войска Чингизидов на Западе, хотя таковых немного (Кирпичников, 1958, с. 30)

Свидетельством применения стрелометной осадной техники на памятнике, возможно, являются два черешковых наконечника, достаточно крупных и тяжелых, чтобы быть частью стрелы от лука или арбалета, но при этом неудобных для использования в качестве наконечника метательного копья-сулицы, т. к. силы броска рукой недостаточно для его эффективного использования в силу его пирамидальной формы. Кроме того, эти наконечники имеют довольно длинный черешок (соотношение длины пера к длине черешка 1:2), позволявший надежно закрепить наконечник в древке, что немаловажно для осадного снаряда, призванного наносить повреждение не столько живой силе противника, сколько оборонительным сооружениям.

Первый (рис. 34: 3), общей длиной 135 мм, имеет длину черенка 96 мм, квадратное сечение пера со стороной 13 мм, диаметр черенка 6 мм. Второй, длиной 135 мм, длиной пера 36 мм, также имеет квадратное сечение со стороной 13 мм, черешок изогнутый диаметром 6 мм.

При всем этом нельзя говорить о том, что Волжские Булгары не были знакомы с осадной техникой и ее применение стало неожиданностью. Они уже испытали ее действие на себе от русских войск, которые также в домонгольское время использовали различные осадные механизмы. Об осадной технике, применявшейся в Древней Руси и половцами, участвующими в конфликтах с ней, пишет А.Н. Кирпичников, отмечая, что в XII веке уже помимо простой метательной техники был известен «греческий огонь» (Кирпичников, 1958, с. 12–14).

Булгары испытали на себе мощь осадной техники, в том числе зажигательные снаряды, во время штурма 1219 г. болгарского города Ошеля. Русские применили «само-

стрелы великие, мечущие камене и огонь» (Кирпичников, 1958, с. 15), хотя о наличии осадной техники у самих булгар косвенно можно судить лишь по характеру оборонительных сооружений: многорядной системе укреплений, которая позволяла на большом расстоянии от основных укреплений начинать оборонительные действия, и наличие башен, позволяющих вести фланкированный обстрел вдоль стен (Измайлов, 2008, с. 87–88). И, безусловно, влияние новых средств борьбы на способы осады городов было невелико. (Кирпичников, 1958, с. 16).

Для преодоления дополнительных оборонительных сооружений в виде ловчих ям и рвов монголы использовали «хашар» – толпу из местного населения, которая также использовалась в качестве живого щита для артиллерии (Храпачевский, 2005, с. 241–242). Вот как описывает это китайский путешественник в своем труде «Мэн-да бэй-лу»: *«Всякий раз при наступлении на большие города [они] сперва нападают на маленькие города, захватывают [в плен] население, угоняют [его] и используют [на осадных работах]. Тогда [они] отдают приказ о том, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей [захвачено] достаточно, то каждый человек обязан [набрать] сколько-то травы или дров, земли или камней. [Татары] гонят [их] день и ночь; если [люди] отстают, то их убивают. Когда [люди] пригнаны, [они] заваливают крепостные рвы [вокруг городских стен тем, что они принесли], и немедленно заравнивают [рвы]; [некоторых] используют для обслуживания [колесниц, напоминающих] гусей, куполов для иштурма, катапультных установок и других [работ]. [При этом татары] не щадят даже десятки тысяч человек...»* (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 67).

А также *«на укрепленные замки монголы не нападают, а сначала опустошают всю страну и грабят народ. Только потом они гонят захваченных пленных осаждать собственные крепости»* (Аннинский, 1940, с. 85).

Этим же обстоятельством могут быть объяснены и следы погромов на других поселениях региона. В то время, когда булгары готовились к обороне в решающем бою, монголы прошли рейдом по соседним местам, собрав для своего войска живой щит, который должен был уstrasшить защитников и

зародить в них сомнение, так как они должны были уничтожать своих соотечественников. Это вероятно и в силу того, что ближайшие населенные места находятся достаточно далеко и для быстро продвигающейся армии невыгодно вести с собой подневольную толпу, которая замедляет продвижение.

Подойдя к стенам, монголы могли использовать различные способы, чтобы разрушить стены и ворота крепости: лестницы и крюки для вскарабкивания на стены воинов, устройство пологих входов на стены, земляные мешки, башни с перекидными лестницами, стенобитные машины (Храпачевский, 2005, с. 239). К сожалению, пока не обнаружено вещественных свидетельств использования какого-либо из этих приемов при штурме Золотаревского городища. После того, как монголы смогли попасть в уже частично разрушенную крепость, судьба оставшихся ее защитников была окончательно решена.

О действиях монголов внутри крепости можно судить по еще одному отрывку из Мэн-да бэй-лу: *«Поэтому при штурме городов и крепостей [они] все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, [татары] убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады. Всякого, кто при приближении противника не подчиняется приказу [о капитуляции], непременно казнят, пусть даже [он] оказывается знатным»* (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 67).

Скорее всего, именно так и произошло на Золотаревском поселении. Вломившись в разрушенные стены города, засыпанного снарядами от артиллерии и стрелами, осаждающие войска продолжали уничтожение оставшихся в живых защитников и жителей крепости, о чем свидетельствует множество найденных при раскопках костяков со следами насильственной смерти внутри крепости и зданий, расположенных на городище.

Так, еще в ходе исследовательских работ М.Р. Полесских на Золотаревском городище были обнаружены несколько костяков, в том числе останки четырех человек в одном из сооружений в первом секторе городища, которые, как удалось установить, были убиты каким-то дробящим оружием. В ходе работ последних лет также были обнаружены свидетельства гибели людей. В здании был обнаружен костяк, в непосредственной близости

от которого находился наконечник стрелы, наиболее вероятно, послуживший причиной гибели человека (Отчет..., 2010, с. 19).

На этом штурм крепости был закончен, и скорее всего, все оборонявшиеся, как и жители, оставшиеся в поселении, были полностью уничтожены согласно заведенному у монголов обычаю: *«Всякого, кто при приближении противника не подчиняется приказу [о капитуляции], непременно казнят, пусть даже [он] оказывается знатным»* (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 67). После главного сражения монголам было необходимо организовать карательные отряды, которые должны были довершить начатое еще до битвы и разгромить уцелевшие поселения и истребить их жителей (если таковые еще оставались). При этом часть из таких поселений совсем перестала существовать, например, Золотаревская крепость с окружающими ее селищами. Следы повсеместных пожаров в верхнем ярусе Юловского городища, в том числе уничтожение крепостной стены, а также многочисленные наконечники монгольских стрел, обращенных внутрь городища, свидетельствуют о сражении, которое также было здесь, хотя возможно, что это была либо операция, предваряющая центральное событие – штурм Золотаревского поселения, либо операция по окончательному уничтожению очагов сопротивления. Кроме того, подавляющее большинство поселений Сурской и Вадинской групп памятников несут на себе следы разрушений в ходе монгольского нашествия (Белорыбкин, 1990, с. 128–132). Однако жизнь на некоторых поселениях возобновилась после монгольского нашествия. Так, один из кладов на Юловском городище был выкопан, а поверх следов пожаров на поверхности внутреннего его вала прослеживается культурный слой (Белорыбкин, 1990, с. 115). Возможно, что какая-то часть населения смогла избежать смертельной участи и после ухода монголов вернуться на обжитые места.

Покончив с укрепленным районом, который открывал завоевателям путь на запад в Древнюю Русь, монголы должны были подвести итоги проведенной операции и наметить планы будущей.

Решение о направлении похода на Русь монголы приняли на Нузле, отождествляемой с Неклюдовским городищем на современной реке Уза в Пензенской области в районе сосредоточения крупных крепостей булгарского круга (Белорыбкин, 1995, с. 4; Измай-

лов, 2008, с. 183). Об этом же сообщается в Новгородской I летописи: *«В то лѣто придоша иноплемьници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множество беицисла, акы пружи; и первое пришедше и стаиша о Нузль, и взяша ю, и стаиша станомъ ту. И оттолъ послаша послы своя, жену чародѣицу и два мужа с нею, къ княземъ рязаньскимъ, просяче у нихъ десятины во семь: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое»*. Это вполне вероятно и в связи с тем, что до Рязанских земель здесь оставалось всего несколько дней перехода, а самим монголам уже ничего не угрожало, поскольку единственный очаг сопротивления был уничтожен.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в процессе изучения материалов военной

археологии удалось выяснить, что основой войска Волжской Булгарии в XII – XIII вв. стала тяжеловооруженная профессиональная конница, которая имела на своем вооружении пики, сабли, булавы и была защищена комбинацией кольчужного и пластинчатого доспеха, на голове носился шлем. Это подтверждается разнообразными изобразительными источниками. Все передовое и престижное вооружение, видимо, следует связывать именно с этой категорией болгарского войска, а также с верхушкой местного населения. Остальные виды оружия, а также неаккуратно изготовленное оружие, вероятнее всего, использовалось менее престижными войсками (легкая конница и пехота), а также местным ополчением.

Подводя итог, можно сказать, что появившееся в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI – XIII веках защитное и наступательное вооружение ничем не уступает передовым образцам, применяемым в тот период крупнейшими государствами Восточной Европы. Этот факт свидетельствует, что динамика

развития вооружения и доспеха населения юго-западной окраины Булгарии имела общую тенденцию модернизации, что и вся территория Волжской Булгарии. Некоторое своеобразие придавали традиционные боевые средства характерные для местного финно-угорского населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья имеется беспрецедентное количество разнообразного вооружения XI – XIII веков, наибольшее количество которого сосредоточено на одном единственном памятнике – Золотаревском городище, что связано с той ролью, которое оно сыграло в истории региона, Волжской Булгарии и Восточной Европы. Именно здесь произошло решающее сражение, завершившее монгольский поход на волжских болгар и финно-угорские народы Среднего Поволжья. Следы этого сражения предоставляют науке много информации о состоянии военного дела в домонгольский период.

Кроме Золотаревского поселения о военно-политической ситуации в регионе в XI–XIII веках можно судить и по другим поселениям и городищам, а также по вещественным материалам, находимым там.

Помимо болгарских памятников Верхнего Посурья и Примокшанья, особый интерес представляет могильник XI – XIII вв. Татарская Лака II, расположенный в мордовских землях. Здесь обнаружен набор вооружения, характерный для окружающих болгарских поселений в этот период: сабли, специализированные наконечники копий конца XII – начала XIII в., бронзовый кистень и другие находки. Особо следует подчеркнуть, что оружие из этого могильника разительно отличается по характеру вооруженности от всех других финно-угорских могильников Поочья, Повадья и Посурья. Создается полное впечатление, что это уникальный в военно-техническом отношении памятник, показывающий, что население, оставившее его, выполняло особые военно-служилые функции. Данный памятник находится в непосредственной близости от Вадинской группы поселений, располагающейся в Примокшанье, характерной особенностью которой является большой процент мордовской лепной керамики, что говорит о совместном проживании пришлого и местного населения. Нехарактерное оружие попало на мордовский погост, по всей видимости, в результате захоронения на нем воинов из среды местного населения, состоявших на службе у болгар.

Это предположение подчеркивают находки сабель с обоймицами у верхнего края лезвия и узколезвийные пики, которые могли появиться у местного населения только в результате контактов с центральноазиатским населением, которое могло произойти в результате вхождения этих земель в состав Волжской Булгарии и особенно во время победного 1223 г., когда болгарские войска вместе со своими союзниками нанесли сокрушительное поражение монгольским войскам. После походов 1237–1239 гг. местное финно-угорское население было полностью подчинено власти ханов Улуса Джучи, а характер его вооружения не имел ничего общего с комплексом вооружения могильника Татарская Лака II.

Самым массовым источником по истории вооружения здесь являются наконечники стрел, в огромном количестве находимые на памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья, свидетельствующие о масштабах военных столкновений в период болгарской экспансии в эти земли и более явно говорящие о масштабах трагедии в момент монгольского завоевания.

Но наибольший интерес, несомненно, вызывают другие нехарактерные для местного населения прошлых эпох виды наступательного и защитного вооружения, которые внезапно появляются в регионе начиная с XI века, когда начинается болгарская колонизация. Хотя продолжают бытовать и архаичные хорошо известные для мордовских племен и буртас предметы вооружения: топоры-чеканы, копья универсальных типов, пригодные как для хозяйственной деятельности, так и для сражений, архаичные виды пик, бытовавшие еще в хазарское время и перенимаемые от них финно-угорскими племенами.

К клинковому вооружению, появившемуся в Верхнем Посурье и Примокшанье вместе с булгарами, следует отнести целые сабли, их фрагменты, а также элементы фурнитуры, как самих сабель, так и их ножен.

Подобные сабли широко представлены на домонгольских памятниках Волжской Булгарии и у средневековых кочевников Евразии, а также в мордовских могильниках, куда сабли попали, по всей видимости, в результа-

те контактов с восточными соседями. Однако если в Волжской Булгарии и финно-угорских древностях есть экземпляры, датирующиеся более ранним периодом ввиду меньшего изгиба клинка, то в юго-западных землях болгарского государства все экземпляры относятся к XII – XIII векам, так как в основной массе они найдены на Золотаревском поселении и, вероятнее всего, попали в землю в ходе сражения в XIII веке, ознаменовавшего его гибель.

В еще большем объеме представлены детали сабельной фурнитуры и элементы ножен сабель. Среди них большое значение для нас имеют многочисленные находки перекрестий сабель, которые позволяют произвести типологию самих клинков. Следует отметить, что один из типов, найденный на основной территории Волжской Булгарии (правда в единичном экземпляре), не представлен на памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья, тогда как остальные находят аналогии на основной территории Волжской Булгарии. Самым массовым типом в юго-западных землях Булгарии являются перекрестия с ромбическим расширением на середине тела (тип IV), которые также широко представлены в древностях кочевников Евразии, в Древней Руси и мордовских племен XI – XIII веков.

Ввиду наличия в нашем распоряжении большого количества материала для изучения удалось выявить технологические приемы и методы изготовления перекрестий. Так, выделяются экземпляры, состоящие из трех частей (двух половинок, составляющих тело перекрестия и плечики, а также перегородки, фиксирующей перекрестие на клинке) и перекрестия, состоящие из пяти деталей (двух половинок и перегородки, как у предыдущего варианта с дополнением двух клиньев, увеличивающих ширину плечиков).

Большинство перекрестий выглядят довольно просто, но иногда они снабжены дополнительными декоративными элементами в виде различных фигурных выступов, насечек и т.п.

Еще одним элементом сабельной фурнитуры, характерным для большинства верхнесурских и примокшанских экземпляров сабель является обоймица, охватывающая клинок у рукоятки. Они отсутствуют лишь на двух целых саблях, при этом одна из них вообще лишена фурнитуры. Все обоймицы свернуты из железного листа, повторяя форму

клинка, со швом с тыльной стороны сабли и состоят из тела и удлиненного вдоль рубящей кромки язычка.

Особую группу фурнитуры представляют наконечники ножен и навершия рукоятей, которые в некоторых случаях изготавливались в качестве единого в декоративном плане комплекта. К сожалению, ни одного экземпляра не встречено в составе сабли. Все они также свернуты из железного листа в форме цилиндра или усеченного конуса, одну из сторон закрывает крышка. Выделяются несколько вариантов крепления крышки к телу изделия, но все они основаны на механическом удержании деталей (с помощью вальцевания края изделия, а также дополнительных элементов в виде усиков или гвоздей), сложные технологические приемы, такие как сварка или пайка, не зафиксированы.

Важной деталью навершия является петля-клепка с кольцом для крепления темляка, который удерживал саблю на руке. К сожалению, такой элемент зафиксирован только в единичном экземпляре, однако следы его использования в виде специальных отверстий отмечены повсеместно.

Неотъемлемой частью фурнитуры ножен сабли являются элементы, обеспечивающие крепление сабли к португее или поясу. Однако на данный момент можно говорить лишь о характерных формах изделий и приемах декорирования отдельных деталей, т.к. ввиду широкой вариативности форм и сочетаний конструктивных деталей предметов затруднительно выделить устойчивые типы. Такое разнообразие комбинаций составных частей, вероятнее всего, указывает на смешение различных традиций на исследуемой территории.

Проанализировав размеры хомутов, которые плотно охватывали ножны, повторяя их форму удалось установить примерную толщину стенок ножен, которая составила в среднем 5-7 мм. Из всех обойм ножен выделяется одна с хомутом незначительных размеров, однако оформленная аналогично остальным. Она, скорее всего, являлась креплением ножен кинжала, который составлял единый декоративный комплект с саблей.

Общим как для сабель, так и для деталей их фурнитуры является разделение на лицевую и тыльную стороны. Зачастую наиболее украшенная лицевая часть располагалась справа при взгляде на клинок сверху со

стороны рукояти. А тыльная часть, на которой располагались различные технологические элементы, крепления и стыки, была противоположной ей. Это объясняется тем, что традиционно сабля носилась у левого бедра, и при таком расположении для стороннего наблюдателя всегда была видна наиболее украшенная часть оружия.

На памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья мы видим различные по качеству и оформлению сабли, что свидетельствует о том, что хотя сабля была наиболее престижным видом вооружения, менее качественно изготовленные образцы имели повсеместное распространение среди военного контингента колонии.

Помимо этого, интересным представляется факт наличия большого количества фурнитуры отдельно от клинков, что следует связывать с тем, что в этих землях было налажено ее производство. Отчасти это доказывает и наличие составных деталей фурнитуры, а также незаконченные изделия.

На Юловском городище обнаружен кинжал с обоюдоострой заточкой (также относящийся к клинковому вооружению), в то время как в средневековых мордовских могильниках иногда встречаются кинжалы с односторонней заточкой салтовского типа.

Одним из самых древних и излюбленных видов вооружения всех народов были копья, которые также обширно представлены в западных землях Волжской Булгарии. Для периода, предшествующего булгарской колонизации, характерно использование местным населением универсальных типов наконечников, хотя встречаются экземпляры и специализированные (пики). С XI века уже резко увеличивается число прогрессивных для Восточной Европы наконечников.

Находки копий в Верхнем Посурье и Примокшанье представлены как собственно наконечниками, так и их фрагментами, а также копейными втоками. Вещи равномерно распределены по всему региону, что говорит о повсеместном их использовании в силу наибольшей универсальности и простоты владения, по сравнению с престижными видами вооружения.

Всего выделено 4 типа наконечников копий, наибольшую массу которых составляют наконечники прогрессивных форм XII – XIII веков. Часть наконечников не имеет элементов декора и изготовлена с некоторой

небрежностью (несимметричное сечение пера, разомкнутая втулка, необработанный стыковой шов на ней). Эти экземпляры, по всей вероятности, использовались рядовыми воинами. И лишь небольшая часть копий изготовлены с особым искусством и снабжены дополнительными элементами декора (фигурное или переменное сечение пера, ободки на шейке или основании втулки, граненые втулки).

Незначительную часть находок составляют наконечники черешковых метательных копий и охотничьих двушипных гарпунов (один из них втульчатый). Данный тип копий не имел большого распространения в регионе, уступая более эффективному метательному оружию – луку и стрелам.

Уникальным предметом не только для исследуемого региона, но и для Восточной Европы являются ножи с втульчатой рукояткой, характерные для Дальнего Востока и связанные с монгольским присутствием в юго-западных землях булгар в XIII веке. Проведя археологический эксперимент, нам удалось выявить некоторые характерные особенности данного предмета, не позволяющие интерпретировать его в качестве наконечника древкового оружия («пальмы»), что было характерно для предыдущих исследований.

Топоры-чеканы, найденные на Золотаревском городище, видимо, являются свидетельствами прошлых эпох существования поселения или анахронизмом для XI – XIII веков, т.к. к этому времени утрачивают то значение, которое имели в вооружении местного населения в предыдущий период. Хотя некоторые особенности данных экземпляров (многогранное сечение шейки и обуха), возможно, говорят, что данные экземпляры являются развитием уже известных типов данного оружия, повсеместно распространенных у народов Восточной Европы в VIII–X веках (рис. 96).

Оружие ударно-дробящего действия тоже впервые появилось на территории Верхнего Посурья и Примокшанья с приходом волжских булгар, которые активно его использовали даже в раннебулгарский период до образования государства. Однако данный тип вооружения был принадлежностью верхушки военного сословия, и в силу этого обстоятельства в юго-западных землях представлен незначительно (рис. 97, рис. 98).

Помимо нескольких рядовых экземпляров кистеней и булав заслуживают внимание железная булава раннего типа и бронзовая составная гирька кистеня.

В целом, как уже отмечалось, основная масса находок вооружения в регионе является прогрессивным оружием, характерным для развитых государств Восточной Европы XI–XIII веков.

Общей особенностью вооружения в регионе следует признать украшение золотом и его имитацией в виде медного покрытия, как оружия в целом, так и различных его деталей, что также характерно и для других предметов материальной культуры региона. Данное обстоятельство прослеживается не только для престижных видов вооружения, но также и для массовых, коими являются наконечники стрел (рис. 99).

В XI – XIII веках в регионе резко возрастает роль защитного вооружения, до этого представленного лишь отдельными фрагментами кольчужных полотен. Однако большинство находок происходит из разрушенного монголами Золотаревского поселения, и лишь незначительное их число - из других памятников, которые также следует связать со следами разрушения в ходе вражеского нашествия. Поэтому следует датировать все находки данного рода началом XIII века.

В материалах памятников мы находим как отдельные пластины и кольца от ламеллярных, чешуйчатых и кольчатых доспехов, так и комплекты, состоящие из однотипных пластин, и комплексы, составленные из пластин разного типа, входившие в один доспех, а также образцы кольчужного плетения и фрагменты кольчужных полотен, состоящие из колец разных типов.

Доспешные пластины разделены на 10 типов. Основная масса экземпляров имеют аналогии, распространенные на больших территориях и датирующиеся в широком диапазоне, однако, как уже отмечалось, следует относить все имеющиеся материалы к началу XIII века. К тому же, процент монгольского доспеха, вероятно, не значителен в материалах региона, т.к. молниеносность нападения и характер разрушений на памятниках свидетельствуют о незначительных потерях нападающих. А, кроме того, монголы, наверняка, погребли своих погибших, забрав с собой их вооружение. Исключение представляет уникальный комплекс доспешных пластин,

надежно связываемый с доспехом воина, входившего в состав монгольской армии.

Кольчатые доспехи представлены различными типами колец (цельные, клепаные) с плетением 4 в 1 и являются лишь обрывками целого доспеха, которые попали в землю в ходе сражения, тем самым, предоставив информацию о мощи средневекового вооружения. Так, часть сохранившихся колец деформирована или разомкнута. Кольчатые доспехи были одними из самых распространенных видов защитного вооружения у народов мира, начиная с рубежа нашей эры и заканчивая XX веком.

Благодаря недавним открытиям и исследованиям отечественных археологов удалось интерпретировать два ранее не атрибутированных предмета, которые оказались деталями шлемов, использовавшихся в армии монголов.

Судя по характеру вооружения и доспеха, контингент войск в юго-западной окраине Булгарии в целом не отличался от войска основной территории Волго-Камской Булгарии, хотя в его составе, очевидно, если судить по находкам из могильника Татарская Лака, присутствовали какие-то союзные финно-угорские воинские отряды. Нельзя исключить некоторую вероятность присутствия при защите Золотаревского городища в 1237 г. выходцев из земель Северо-Восточной Руси, которые могли в силу тех или иных обстоятельств оказаться в числе защитников крепости. Вполне возможно, что некоторые передовые боевые средства вооружения и доспеха, обнаруживаемым на Золотаревском городище, могут косвенно свидетельствовать об этом, более вероятным является факт параллельного освоения воинами Древней Руси и Волжской Булгарии новейших для своего времени боевых средств.

Основой войска Волжской Булгарии в XII – XIII вв. стала тяжеловооруженная профессиональная конница, которая имела на своем вооружении пики, сабли, булавы и была защищена комбинацией кольчужного и пластинчатого доспеха, на голове носился шлем (рис. 100). Это подтверждается разнообразными изобразительными источниками. Все передовое и престижное вооружение, видимо, следует связывать именно с этой категорией болгарского войска, а также с верхушкой местного населения. Остальные виды оружия, а также неаккуратно изготов-

ленное оружие, вероятнее всего, использовалось менее престижными войсками (легкая конница и пехота), а также местным ополчением.

Подводя итог, можно сказать, что появившееся в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIII веках защитное и наступательное оружие ничем не уступает передовым образцам, применяемым в тот период крупнейшими государствами Восточной Европы, что, вероятно, связано с преобладанием в войске региона выходцев из Волжской Булгарии. Архаичное же оружие, продолжавшее бытовать в домонгольский период, использовалось местным населением. При этом следует отметить, что здесь мы находим элементы вооружения уникальные по своим технологиям, конструкции и украшению для средневековой Европы.

Резкий всплеск в развитии комплекса вооружения и доспеха в регионе был связан с начавшейся в XI веке экспансией Волжской Булгарии, которой необходимо было обезопасить крайне важный для нее торговый путь из Булгара в Киев, а также выставить передовые посты на границе с Древней Русью, наращивающей свою экспансию на восток, при этом затрагивая интересы болгарского государства.

Основными центрами болгарских земель на юго-западе были два региона компактного расселения болгар в Верхнем Посурье (Сурская группа памятников) и Примокшанье (Вадинская группа памятников). Сурская группа расположилась вдоль торгового пути, защищая и контролируя его. Вадинская группа выстроена на границе с мордовскими племенами и Рязанским княжеством Древней Руси.

Однако взаимоотношения с Русью отошли на второй план, когда на арене Восточной Европы появились монгольские войска Чингизхана. Осенью 1223 г. тумыны Субудея и Джебе, разгромив объединенные силы древнерусских князей и кыпчаков, направились в земли Волжской Булгарии, где были завлечены в засаду и разбиты. Есть много версий расположения места, где была проведена данная операция болгарских войск. Судя по остаткам большого количества вооружения центральноазиатского и сибирско-дальневосточного происхождения, которое разбросано в окрестностях Золотаревского городища, скорее всего это было именно то место, где происходило данное событие. Именно отсюда

происходит значительное количество вооружения, которое несопоставимо по количеству ни с одним поселенческим археологическим объектом Восточной Европы. Подобное количество целого и дорогого вооружения, включавшего предметы оружия и снаряжения с золотой аппликацией, просто не могло образоваться в обычных условиях. Здесь мы имеем дело с уникальным и сложным археологическим явлением, объяснить которое иначе, как результатом катастрофического характера, которое заставило одну сторону бежать, теряя оружие и снаряжение, которое в обычных условиях никогда не было бы потеряно. Объяснение этому явлению может быть только одним – это место, где монгольские войска, включавшие в себя контингенты кыргызов, чжурчженей и монголов, потерпели ужасное поражение. Но и победители, собрав основную часть трофеев, были не в состоянии забрать все брошенное по полю боя оружие и снаряжение. В дальнейшем немногочисленное население, обитавшее на городище, собирало трофеи, что и объясняет наличие этого типа оружия на поселении в момент катастрофической и окончательной гибели городища..

Как бы то не было, но жителям изучаемого региона все же пришлось вновь встретиться с монгольскими войсками уже в 1237 г., когда те, разгромив основные города и разорив основные земли Булгарии, пришли на территорию Посурья. Именно на изучаемой территории мы имеем массу вещественных свидетельств, которые могут подтвердить письменные описания тактики и стратегии монгольской армии. Сочетая их, мы довольно детально можем восстановить, каким образом развивались события в 1237 г.

В Верхнем Посурье и Примокшанье, несомненно, шла подготовка к сражению. Так, на многих памятниках региона мы наблюдаем строительство дополнительных оборонительных сооружений, а также вспомогательных линий обороны в виде волчьих ям и разбросанных по округе чесноков (Золотаревское поселение). И руководителями обороны, скорее всего, было принято решение не рассредоточивать силы по территории колонии, а собрать все силы в одном месте и дать один решающий бой противнику. Местом сражения было выбрано наиболее укрепленное и неприступное Золотаревское городище (рис. 109, рис. 110, рис. 111, рис. 112).

Монголы же, следуя своей обычной тактике, начали опустошать окружающие земли (чему свидетельством являются многочисленные следы погромов на памятниках Посурья и Примокшанья) и сжимать кольцо вокруг центрального поселения. Покончив с разорением округа, войска захватчиков начали штурм городища. Перед этим они, вероятно, применили прием выманивания гарнизона крепости путем ложных отступлений на открытую местность перед поселением, где и состоялось сражение, следы которого в большом количестве обнаруживаются в районе вокруг крепости. Когда лишенный защиты стен обороняющийся отряд был разбит, начался штурм. Для этого монголы применили всю мощь своей осадной техники, сосредоточив ее с напольной стороны, стараясь пробить бреши в оборонительных сооружениях. Следы использования осадных машин повсеместно встречаются при раскопках городища, по большей части это каменные снаряды и следы обширных пожаров, по всей видимости, начавшихся в результате применения монголо-татарами огненных снарядов.

Очевидно, что по обычной практике того времени, после того, как были пробиты проходы, монголы послали вперед толпу подневольных из числа местного населения, захваченных в ходе опустошающих погромов окрестностей, предварявших штурм. Хашар

(так по-монгольски назывались невольники, отправленные в бой) должен был облегчить продвижение основных войск через ловчие ямы и ров перед крепостью, а также максимально ошеломить защитников крепости, заставляя их убивать своих соотечественников.

Когда основные силы монголов ворвались в город, для еще оставшихся обитателей и защитников крепости было все решено, так как завоеватели не оставляли в живых никого из тех городов, которые не сдались на милость победителю. В полной мере испытал это население Посурья. Золотаревское и Юловское городища сохранили до наших дней в своем слое пожара и разрушения останки людей, убитых насильственной смертью.

Уничтожив главный очаг сопротивления в регионе, монголо-татарам оставалось лишь покорить уцелевших жителей этого региона. Затем, по сообщению летописей, монгольские военачальники собрались на совет, где и решили продолжить поход на запад через рязанские земли, которые непосредственно граничили с землями волжских булгар на западе. На этом история юго-западных земель Волжской Булгарии завершается, и хотя часть жителей смогла вернуться на обжитые места, бывшего влияния это регион достиг только после образования здесь золотоордынского улуса Джучи с центром в городе Мохши (рис. 113).

Приложения

Таблица 1.

Распределение элементов вооружения и доспеха по памятникам Верхнего Посурья и Примокшанья

Элементы вооружения и доспеха	Сабли	Фрагменты сабель	Детали сабельной фурнитуры	Кинжалы	Копья и втки	Ножи со втульчатой рукоят.	Топоры	Булавы	Кистени	Фрагменты кольчуг	Фрагменты пласт. доспехов	Шлемы	Всего
Памятник 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Золотаревское посел.	6	8	116	-	19	6	3	3	2	23	174	2	362
Мог. Татарская Лака II	1	2	5	-	7	-	-	-	1	-	-	-	16
Юловское гор.	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Степановское сел.	-	1	3	-	3	-	-	-	-	-	1	-	8
Сел. Крутолапка	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Среднелиповское гор.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Чемодановское сел.	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	1	-	3
Коповское сел.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Васильевское сел.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Сундоровское гор.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Сел. Васьянсад	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	2
Мородовошпимское сел.	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Канаевское сел.	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Балабанов Родник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	3
Серго-Поливановский мог.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Происхождение неизв.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Всего	9	11	125	1	37	6	3	3	6	23	179	2	405

Таблица II.

Сабли X-XIII вв.

N	Место находки	Тип	Размеры, мм					Двулез- вийность, мм	Долг.,шт.	Примечание
			длина общая	длина клинка	ширина клинка	толщ. клинка	Изгиб клинка			
1	2	3	4	5	6	7	8	10	11	13
1	Татарская Лака II	IV2	950	850	30	?	30	160	2	
2	Золотаревское поселение	III	1040?	940	30	?	34	195	-	Рукоятка отломана, обоймища отсутствует.
3	Там же	III2	885	785	32	7	32	+	-	Сечение клинка пятиугольное. На клинке сохранились фрагменты подвеса ножен.
4	Там же	IIIБ2	998	960	30	6	30	242	2	В рукоятке сохранились 2 клепки.
5	Там же	IVА2	1035	925	30	9	35	230	3	В рукоятке сохранился гвоздь.
6	Там же	IVА3	958	870	31	7	20	243	2	На клинке сохранилась широкая обойма от подвеса ножен
7	Район Золотаревского поселения	IVБ	1073	978	39?	6	36	+	-	В рукоятке сохранилось два гвоздя.
8	Серго-Поливаново	?	1100	910	?	?	?	?	?	Сохранились костяные обкладки рукояти.
9	Неизвестно	?	1065	985	32	7	30	260	-	
10	Татарская Лака II	?	?	?	30-32	?	?	+	?	Отпечаток сабли на грунте.
11	Там же	?	?	?	32	6	?	?	-	Фрагмент без перекрестия.
11	Золотаревское поселение	?	?	?	30	7,5	?	-	-	Изогнутый фрагмент клинка без перекрестия и обоймицы.
13	Там же	?	?	?	30	7	?	240	-	Фрагмент остря.
14	Там же	?	?	?	31	8	?	270	1	Фрагмент остря.
15	Там же	?	?	?	23	5	?	+	?	Фрагмент обоюдоострой заточки остря.
16	Там же	?	?	?	21	8	?	+	?	Фрагмент обоюдоострой заточки остря.
17	Там же	?	?	?	25	5	?	+	?	Два фрагмента обоюдоострой заточки.
18	Степановское I селище	?	?	?	30	?	?	-	-	

Таблица III.

Сабельные перекрестия

N	Место находки	Тип	Размеры, мм						толщина перегородки	Примечание
			длина	ширина	высота	посадочное отверстие		длина		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Юловское городище	IA	82	?	20	?	?	?	Перекрестие деформировано	
2	Золотаревское поселение	IB	70	21	10	?	8	2		
3	Там же	IB1	78	?	18	?	?	?	Перекрестие деформировано	
4	Там же	IB2	87	21	17	21	6	?	Одно из плеч надломано	
5	Татарская Лака II	IB2	83	25	15	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю	
6	Там же	II	75	21	12	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю	
7	Там же	II2	79	24	16	?	?	?		
8	Там же	IIIA	62	19	14	?	?	?		
9	Степановское I селище	IIIA	73	19	10	19	3	?		
10	Золотаревское поселение	IIIB1	72	21	17	26	9	2,5		
11	Там же	IIIB1	68	19	15	?	?	?		
12	Там же	IIIB2	63	14	14	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю	
13	Там же	IIIB2	82	23	15	26	17	1,5-2		
14	Там же	IVA1	75	21	22	?	?	?		
15	Там же	IVA2	88	?	19	28	7	1	Перекрестие повреждено или недоделано	
16	Там же	IVA2	82	21	13	25	7	?	Ассиметричное перекрестие	
17	Там же	IVA2	79	22	19	?	?	?	Ассиметричное перекрестие	
18	Там же	IVA2	98	21	16	?	?	?		
19	Там же	IVA2	81	21	21	21	5	2,5		
20	Там же	IVA2	98	22	19	32	8	2		
21	Там же	IVA2	82	21	21	25	7	1,5		
22	Там же	IVA2	98	39	11	?	?	?		
23	Там же	IVA2	113	25	25	28	8	2	Ассиметричное перекрестие	
24	Там же	IVA2	77	20	16	25	7	2		

Таблица III.

Сабельные перекрестия (продолжение)

25	Там же	IVA2	93	20	15	?	?	?	?	?	?	?	Ассиметричное перекрестие
26	Там же	IVA2	89	20	18	25	7,5	2	2	2	2	2	Ассиметричное перекрестие
27	Там же	IVA2	80	22	19	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
28	Там же	IVA2	?	21	11	?	?	?	?	?	?	?	Фрагмент перекрестия
29	Там же	IVA2	?	?	17	?	?	?	?	?	?	?	Фрагмент перекрестия
30	Там же	IVA3	93	23	19	?	?	?	?	?	?	?	Ассиметричное перекрестие
31	Там же	IVA3	94	19	15	?	?	2	2	2	2	2	Ассиметричное перекрестие
32	Там же	IVA3	75	23	21	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
33	Там же	IVB	71	18	16	17	6	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
34	Там же	IVB	76	22	21	27	7	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
35	Там же	IVB	86	20	19	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
36	Там же	IVB	72	19	15	25	6	2	2	2	2	2	Перекрестие смонтировано на саблю
37	Там же	IVB	77	22	19	27	7	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
38	Там же	IVB	103	?	?	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
39	Там же	IVB	65	20	15	?	?	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	Сохранились следы медного припоя
40	Там же	IVB	100	24	22	20	5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	Разнообразно декорировано
41	Там же	IVB	67	19	19	24	7	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	Одно плечо шире другого
42	Там же	VA1	94	25	11	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
43	Там же	VA2	84	25	14	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
44	Там же	VB1	83	20	13	?	5	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
45	Там же	VB1	102	27	19	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
46	Там же	VB1	94	23	14	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
47	Там же	VB1	83	24	12	20	6	2	2	2	2	2	Перекрестие смонтировано на саблю
48	Там же	VB1	?	?	13	26	8	1	1	1	1	1	Перекрестие повреждено и состоит из 3-х фрагментов
49	Степановское I селище	VB1	84	21	15	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие украшено клиновидными выступами на в месте перехода от плеч к телу
50	Золотаревское поселение	VB2	?	29	11	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
51	Татарская Лака II	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю
52	Степановское I селище	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	Перекрестие смонтировано на саблю

Таблица IV.

Обоймицы клинка

N	Место находки	Размеры, мм				Примечание
		длина	ширина	толщ. у обуха	толщ. листа	
1	2	3	4	5	6	7
1	Золотаревское поселение	70	31	11	1	
2	Там же	110	32	9	?	Обоймица смонтирована на сабле
3	Там же	113	31	9	?	
4	Татарская Лака II	?	?	?	?	Обоймица смонтирована на фрагмент клинка
5	Там же	69	36	10	1	Обоймица повреждена
6	Там же	70	35	10	1	
7	Там же	55	34	11	1,5	
8	Там же	56	33	9	1,5	
9	Там же	98	39	11	1,5	
10	Там же	92	34	11	?	
11	Там же	43	11	10	1,5	
12	Там же	123	37	11	?	Обоймица смонтирована на сабле
13	Там же	87	40	11	?	Обоймица смонтирована на сабле
14	Там же	97	34	?	?	Обоймица смонтирована на сабле
15		110				Обоймица смонтирована на сабле. На поверхности заметны следы отделки золотом
16	Татарская Лака II	?	?	?	?	Обоймица смонтирована на сабле

Таблица V.

Навершия рукояток сабель

N	Место находки	Размеры, мм			Примечание	
		длина	ширина	толщ. лоста		
1	2	3	4	5	6	7
1	Золотаревское поселение	25	32	21	1,5-2	В экземпляре сохранилась клепка-пятля с кольцом для темляка
2	Там же	32	29	15	1-1,6	
3	Там же	36	31	16	1,5-2	
4	Там же	43	30	?	1,5	Фрагмент изделия

Таблица VI.

Наконечники сабельных ножен

N	Место находки	Размеры, мм			Примечание	
		длина	ширина	толщ. лоста		
1	2	3	4	5	6	7
1	Золотаревское поселение	32	37	16	?	Крышка отсутствует
2	Там же	52	34	15	2	Крышка отсутствует
3	Там же	39	31	19	2-2,5	Крышка отсутствует
4	Там же	42	34	19	1,5-2	
5	Там же	42	28	12	2	В крышке сохранились 2 железных гвоздя
6	Там же	25	31	25	1,5	В крышке сохранились 2 железных гвоздя
7	Там же	38	33	20	2,5	

Таблица VII.

Кинжал

N	Место находки	Размеры, мм			Примечание	
		Длина общая	Длина клинка	ширина		
1	2	3	4	5	6	
1	Юловское городище	325	217	27		Сечение клинка линзовидное

Таблица VIII.

Копья XI-XIII веков

N п/п	Место находки	Тип	Размеры, мм						толщ. стенки втулки	Примечание
			длина общая	длина пера	Ширина пера	толщ. пера	внутр. диаметр втулки	толщ. втулки		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Золотаревское поселение	IA	240	127	19	19	31	2	На каждой грани пера клиновидный дол	
2	Там же	IA	?	125	17	17	?	?	На каждой грани пера клиновидный дол	
3	Там же	IA	?	137?	15	13	?	?		
4	Крутолатка	IA	?	110	13	8	?	?		
5	Золотаревское поселение	IB	273	200	14	9	26	2		
6	Там же	IB	225	156	9	6	28	2		
7	Тагарская Лака II	IB	?	?	7	7	?	2,5	Втулка и острие пера обломаны	
8	Среднелиповское городище	IIA	280	150	65	?	45	2,5		
9	Золотаревское поселение	IIБ	265	145	34	10	25	2,5		
10	Чемодановка	IIБ	?	120	33	9	?	?	В обломанной втулке сохранился древесный тлен	
11	Тагарская Лака II	IIБ	303	142	36	10	33	3		
12	Коповка	IIБ	380	275	30	?	30	2,5		
13	Золотаревское поселение	IIБ	276	169	31	11	26	3	Во втулке сохранился гвоздь с прямоугольной шляпкой	
14	Тагарская Лака II	IIБ	340	230	32	17	29	2	Неравномерное сечение пера и воротничок на шейке	
15	Там же	IIБ	520	370	53	13	34	3	Рогатина со следами золочения на пере. Втулка шестигранного сечения	
16	Золотаревское поселение	IIВ	240	125	20	?	?	?		
17	Васильевка	IIIA	255	235	53	9	35	3		
18	Сундорово	IIIB	360	195	75	?	30	2,5		
19	Тагарская Лака II	IV	307	195	35	9	33	2,5		
20	Там же	V	?	?	?	4	?	?		
21	Золотаревское поселение	V	120	?	?	6	-	-		

Таблица VIII.

Копья XI-XIII веков (продолжение)

22	Там же	VI	107	?	25	4	-	-	
23	Там же	VI	130	?	33	4	-	-	
24	Татарская Лака II	VI	178		40	3,5	-	-	
25	Золотаревское поселение	?	?	?	?	4	?	?	Фрагмент пера
26	Там же	?	?	?	?	4	?	?	Фрагмент пера
27	Там же	?	?	?	20	7		?	Фрагмент пера
28	Там же	?	?	?	?	?	22	?	Фрагмент втулки с подпрямоугольным щитком
29	Там же	?	?	?	?	?	27	?	Фрагмент наконечника
30	Там же	?	?	?	?	?	29	?	Фрагмент втулки
31	Там же	?	?	?	?	?	19	3,5	вток
32	Там же	?	?	?	?	?	31	1,8	вток
33	Чемодановка	?	?	?	16	10	?	?	Фрагмент пера
34	Васьканьсад	?	?	?	10	6	?	?	Фрагмент пера
35	Сепановское I селище				18	9			Фрагмент пера
	Там же				14	9			Фрагмент пера
	Там же				12	10			Фрагмент пера

Таблица IX.

Ножи со втульчатой рукояткой

N п/п	Место находки	Размеры, мм						Примечания
		длина общая	Длина клинка	ширина клинка	толщ. клинка	внутр. ширина втулки	толщ. стенки втулки	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Золотаревское поселение	145?	?	15	4	?	1,5	Клинок обломан
2	Там же	228	127	12	3,5	?	1,5	
3	Там же	235	115	10	3	15	2	Клинок сильно сточен и с одной стороны имеет дол
4	Там же	172	85	11	3	12	1,5	
5	Там же	135	77,5	9	2,5	11	1,5	Клинок расположен под углом к втулке и сильно сточен
6	Там же	225	127	13	5	16	2	

Таблица X.

Топоры-чеканы

N п/п	Место находки	Размеры, мм						Примечания
		длина общая	Ширина руб. кромки	длина втулки	ширина втулки	высота обуха	толщ. обуха	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Золотаревское поселение	220	49	28	21	20	7	Имеется подтреугольное отверстие на боковой части
2	Там же	172	43	25	17	23	9	На обухе прямоугольный боек
3	Там же	?	58	?	?	?	?	Сохранилась орнаментация в виде насечек

Таблица XI.

Булавы XI-XIII веков

N	Место находки	Тип	Размеры, мм			Примечание
			ширина	высота	диам. втулки	
1	2	3	4	5	6	7
1	Золотаревское поселение	I	70	39	28	Заполнена свинцово-оловянным сплавом
2	Там же	IIA	58	33	23	
3	Там же	IIA	51	31	23	Во втулке сохранился железный гвоздь

Таблица XII.

Кистени XI-XIII веков

N	Место находки	Тип	Размеры, мм		Примечания
			высота	ширина	
1	2	3	4	5	6
1	Золотаревское поселение	II	60	32	Бипирамидальная железная
2	Васьянсад	IIA	55	32	Бронзовая составная гирька со свинцово-оловянным наполнением и позолотой
3	Золотаревское поселение	IV	63	42	
4	Мордовский Ишим	IV	62	33	
5	Канаевка	IV	54	36	На теле имеется литейный брак
6	Татарская Лака II	IV	52	25	

Таблица XIII.

Кольчуги XI-XIII веков

N	Место находки	Размеры, мм			Примечание
		Сечение проволоки		внутр. диам. кольца	
		длина	ширина		
1	2	3	4	5	6
1	Золотаревское поселение	Два фрагмента одного полотна			
a		2,5	1	7-8	Кольца прямоугольные в сечении без следов соединения
б		3	2-2,5	7-8	Кольца линзовидного сечения
2	Там же	1,5	1	5,5	Фрагмент полотна с кольцами одного типа овального сечения без следов соединения
3	Там же	2,5	2	8	Фрагмент полотна с кольцами одного типа линзовидного сечения без следов соединения
4	Там же	1,2	1,2	5	Фрагмент полотна с кольцами овального сечения. Возможно, часть колец клепаные.
5	Там же	2,5	1,5	8	Фрагмент полотна с кольцами одного типа овального сечения без следов соединения
6	Там же	1,5	1,5	5,5-6	Фрагмент спекшегося полотна с кольцами одного типа круглого сечения
7	Там же	1,5	1,5	6	Фрагмент спекшегося полотна с клепанными и цельными кольцами круглого сечения
8	Там же	1,8	1,2	5,5	Фрагмент полотна с кольцами одного типа овального сечения без следов соединения
9	Там же	1,5	1,5	5-7	Фрагмент полотна с клепанными и цельными кольцами круглого сечения
10	Там же	Фрагмент полотна			
a		2,5	1,5	8	Клепаные кольца линзовидного сечения
б		1,5	1,5	8	Круглые в сечении кольца без следов соединения
11	Там же	1-1,5	1-1,5	5	Фрагмент полотна с кольцами одного типа круглого сечения без следов соединения
12	Там же	Фрагмент полотна			
a		1,5	1,5	11	Клепаные кольца круглого сечения
б		1,5	1,5	9	Целые кольца круглого сечения без следов соединения
13	Там же	1,5	1,5	8	Фрагмент полотна с кольцами одного типа круглого сечения без следов соединения
14	Там же	1-1,5	1-1,5	6	Фрагмент полотна с кольцами одного типа круглого сечения без следов соединения
15	Там же	2,5	1,5	6	Фрагмент полотна с клепанными кольцами овального сечения
16	Там же	Фрагмент плетения			
a		2,2	1,8	5-8	Кольца линзовидного сечения. Концы сведены внахлест и расплющены
б		3	1,2	10	Целое кольцо прямоугольного сечения без следов соединения
в		1,3	1,3	6,5	Целое кольцо круглого сечения без следов соединения

Таблица XIII.

Кольчуги XI-XIII веков (продолжение)

17	Там же	Фрагмент плетения				
а		1,5	1,5	5	Клепанное кольцо круглого сечения	
б		2	1	5	Целое кольцо прямоугольного сечения без следов соединения	
18	Там же	Фрагмент плетения				
а		1,5	1,5	7	Клепанное кольцо круглого сечения	
б		2,5	1	7	Целое кольцо прямоугольного сечения без следов соединения	
19	Там же	Фрагмент плетения				
а		1	1	5	Клепанное кольцо круглого сечения	
б		1	1	5	Целое кольцо квадратного сечения без следов соединения	
20	Там же	2,5	2	8-9	Клепанное кольцо линзовидного сечения	
21	Там же	2,5	1,5	9	Клепанное кольцо прямоугольного сечения	
22	Там же	3	0,8	?	Деформированное клепанное кольцо прямоугольного сечения с бороздкой	

Таблица XIV.

Пластинчатые доспехи

N	Место находки	Тип	Размеры, мм			Колич. отвер.	Колич. пласт.	Примечание	
			длина	ширина	толщ.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Золотаревское поселение	I	50	50	1	2,5	4	1	
2	Там же	III	53-54	19-20	1	2	9	2	Комплект пластин
3	Там же	II2	79	20	1,5	2,5-3	13	2	Комплект пластин
4	Там же	II2	67	17	1	1,5	13	2	Комплект пластин из комплекса
5	Там же	II3	?	24	2	3-3,5	?	1	
6	Там же	II3	73	20	2	2-3	12	1	
7	Там же	II3	72	21	0,7-1	2-3	12	18	Комплект пластин из комплекса
8	Там же	II3	56	14	0,8	1-2	12	7	Комплект пластин из комплекса
9	Там же	II4	?	20	1	2	?	1	
10	Цемодановское селение	IIIN	?	32	0,76	3	?	1	
11	Золотаревское поселение	IIIN	?	?	?	?	?	7	
12	Там же	III	?	?	?	?	13	1	
13	Там же	IV1	83	29	0,8-1,1	3-3,5	11	1	В центре пластины умбовидный выступ
14	Там же	IV2	64	16	1,5	2-2,5	14	2	В отверстиях сохранились крепления
15	Там же	VA1	74	19	1-1,5	1,5-2	10	4	Комплект пластин
16	Там же	VA1	63	15-16	1-1,4	1-2	10	3	Комплект пластин
17	Там же	VA1	?	15	1	1-1,5	?	2	Комплект пластин
18	Там же	VA1	?	15	1,5	2	?	1	
19	Там же	VA1	65	16	1,5	1-2	10	1	
20	Там же	VA1	?	19	1	2	?	1	Фрагмент пластины
21	Там же	VA1	?	16	1,5	1,5	?	1	Фрагмент пластины
22	Там же	VA1	?	19	1,5	1-1,5	?	1	Фрагмент пластины
23	Там же	VA1	?	16	?	1,5	?	1	Фрагмент пластины
24	Там же	VA1	?	15	1	1,5	?	1	Фрагмент пластины со следами повреждения оружием
25	Там же	VA2	61	35	2	1	22	1	

Таблица XIV.

Пластинчатые доспехи (продолжение)

26	Там же	VA3	63	18	1	2	14	3	Комплект пластин
27	Там же	VB1	56	17	1,5	1	8	1	
28	Там же	VB1	66	20	1,5	1,5	8	1	
29	Там же	VB1	71	18	1,5	1,5	8	1	
30	Там же	VB2	55	14	1,5	1-2	12	1	
31	Там же	VN	?	?	?	?	?	4	
32	Там же	VN	?	19	0,9	1,5-2	?	1	Пластина из комплекса с фигурным краем
33	Там же	VN	?	19	0,8	2	?	1	Бронзовая пластина
34	Там же	V1	?	?	1	2	?	1	
35	Там же	V1	46	18	1	?	?	1	Пластина со сложным профиле
36	Там же	VII	?	15	1	2-2,5	?	1	
37	Там же	VIII	53	10	1,5	1,5	5	1	
38	Там же	IXA	62	15	1,5	1,5-2	16	1	
39	Балабанов Родник	IXA	67	13	1	1,5	16	2	Комплект пластин
40	Золотаревское поселение	IXB1	65	34	1,5	2-2,5	17	1	Орнаментированная пластина из комплекса
41	Там же	IXB2	65	22	1,5	2-2,5	16	23	Комплект пластин из комплекса
42	Там же	X	86	43	2	+	6	1	Полукруглая пластина с разными типами отверстий
43	Там же	X	67	41	2	+	3	1	Полукруглая пластина с разными типами отверстий

Таблица 1.

Распределение находок сабель и сабельной фурнитуры в Верхнем Посурье и Примокшанье

Находки	Целые сабли	Фрагменты клинков	Перекрестия	Обоймицы клинков	Навершия сукояток, наконеч. ножен	Детали подвеса сабельных ножен	Всего
Памятники							
Золотаревское поселение	6	8	40	10	11	58	133
Юловское городище	-	-	1	-	-	-	1
Степановское селище	-	1	3	-	-	-	4
Мог. Тагарская Лака II	1	2	1	-	-	4	8
Серго-Поливановский мог.	1	-	-	-	-	-	1
Происхождение неизвестно	1	-	-	-	-	-	1
Всего	9	11	45	10	11	62	148

Таблица 2.

Распределение находок наконечников копий и втоков в Верхнем Посурье и Примокшанье

Тип	IA (X-XI вв.)	IA (XII-XIII вв.)	IB	IIA	IIБ (IX-XI вв.)	IIВ (XII-XIII вв.)	III	IV	V	VI	Фрагменты	Всего
Памятники												
Золотаревское пос.	3	-	2	-	1	1	-	-	1	2	8	19
Сундоровское гор.	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Среднелиповское гор.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Коповское гор.	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Чемодановское сел.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	2
Сел. Крутолапка	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Васильевское сел.	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Степановское I сел.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3
Сел. Васьянсад	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Мог. Тагарская Лака II	-	-	1	-	1	2	-	1	1	1	-	7
Всего	3	1	3	1	3	4	2	1	2	3	13	37

Таблица 3.

Распределение находок оружия ударно-дробящего действия в Верхнем Посурье и Примкошанье

Находки	Булавы	Кистени	Всего
Памятники			
Золотаревское гор.	3	2	5
Мородовскоицимское сел.	-	1	1
Сел. Васьянсад	-	1	1
Канаевское сел.	-	1	1
Мог. Тагарская Лака II	-	1	1
Всего	3	6	9

Таблица 4.

Распределение находок защитного вооружения в Верхнем Посурье и Примкошанье

Находки	Отдельные кольца	Фрагменты кольчужного плетения	Кольчужные полотно	Отдельные пластины	Комплекты пластин	Комплексы пластин	Детали шлемов	Всего
Памятники								
Золотаревское пос.	3	4	16	29	8	1	2	63
Сел. Васьянсад	1	-	-	-	-	-	-	1
Сел. Балабанов Родник	-	-	-	1	-	-	-	1
Чемодановское сел.	-	-	-	1	-	-	-	1
Всего	4	4	16	31	8	1	2	66

Соотношение находок вооружения X-XIII веков Золотаревского и Билярского городищ (по И. Л. Измайлову и Ф. Ш. Хузину).
Таблица 5.

Памятник	Золотаревское поселение	Билярское городище
Находки		
Детали луков	-	7
Детали колчанов	2	54
Приспособления для стрельбы из лука	-	3
Наконечники стрел	441	276
Мечи и их детали	-	7
Сабли и их детали	133	32
Кинжалы	-	5
Наконечники копий	19	11
Пальмы	6	-
Боевые топоры	3	3
Булавы	3	2
Кистени	2	15
Фрагменты кольчуг	23	4
Фрагменты пластинчатых доспехов	175	10
Детали шлемов	2	-
Всего	815	453

Соотношение находок вооружения XII-XIII веков в могильнике Татарская Лака II и мордовских могильниках (по С. В. Святкину).
Таблица 6.

Памятники Находки	Сабли и их детали	Копья	Кистени	Всего
Татарская Лака II	8	3	1	12
Мордовские Парки	3	4	-	7
Черемисы	2	-	-	2
Выползово II	-	4	-	4
Выползово VI	-	2	-	2
Заречное II	-	8	-	8
Красное I	-	2	-	2
Личадеево V	-	1	-	1
Кармалейка	-	1	-	1
Кельгино	-	10	-	10
Стародевичье	-	2	-	2
Старая Сотня	-	1	-	1

Таблица 7.
Соотношение предметов вооружения восточно-европейского и центрально-азиатского комплексов на памятниках
Верхнего Посурья и Примокшанья

Комплексы	Восточноевропейский	Универсальный	Центральноазиатский
Предметы вооружения			
Наконечники стрел (число типов)	52	5	18
Детали луков и кочанов (шт.)	-	7	-
Сабли и их детали (шт.)	97	6(?) + 44	5
Наконечники копий (шт.)	37	-	-
Ножи с втульчатой рукояткой (шт.)	-	-	6
Боевые топоры (шт.)	3	-	-
Оружие ударно-дробящего действия (шт.)	9	-	-
Детали кольчужных доспехов (шт.)	51	-	-
Детали пластинчатых доспехов (шт.)	8	74	27
Детали шлемов (шт.)	-	-	2

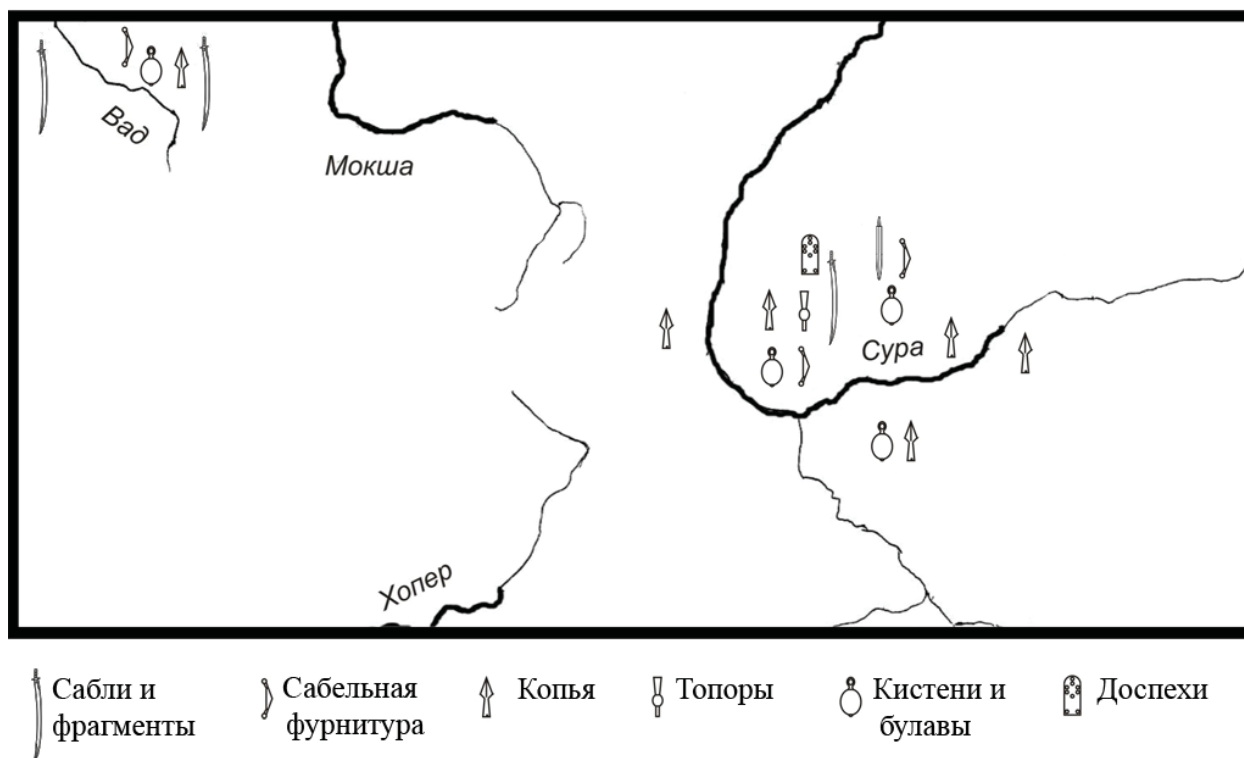

Рис. 1. Карта. Распределение находок предметов вооружения в Верхнем Посурье и Примокшанье.

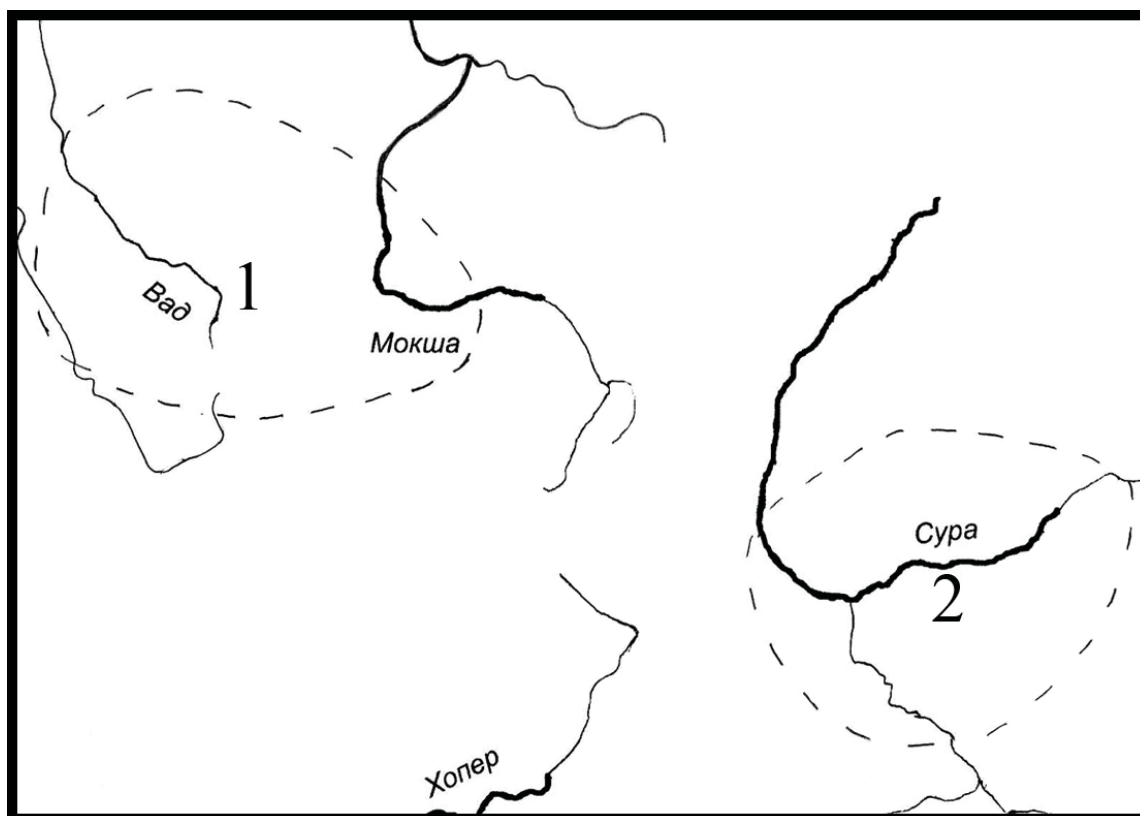

Рис. 2. Карта. Районы концентрации памятников с ККП в Верхнем Посурье и Примокшанье. 1 – Вадинская группа; 2 Сурская группа.

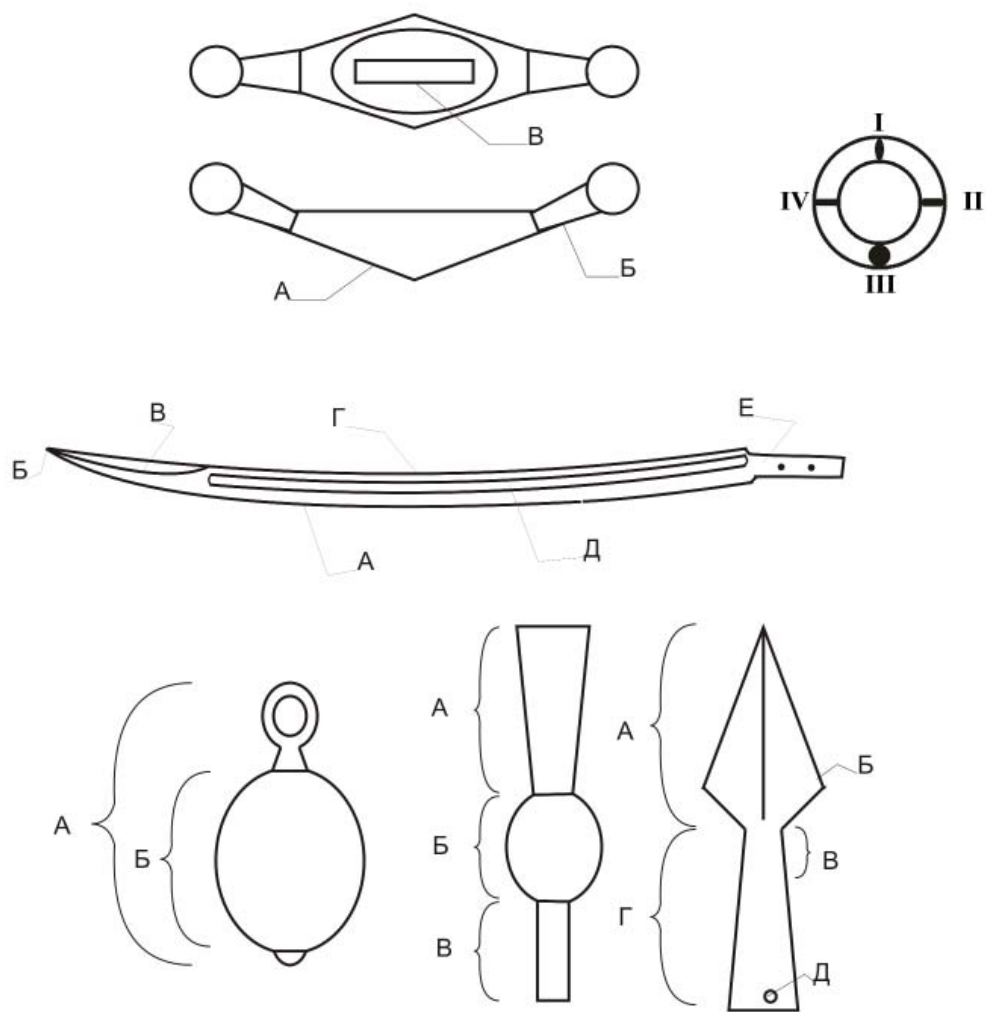

Рис. 3. Схема. Конструктивные части предметов вооружения.

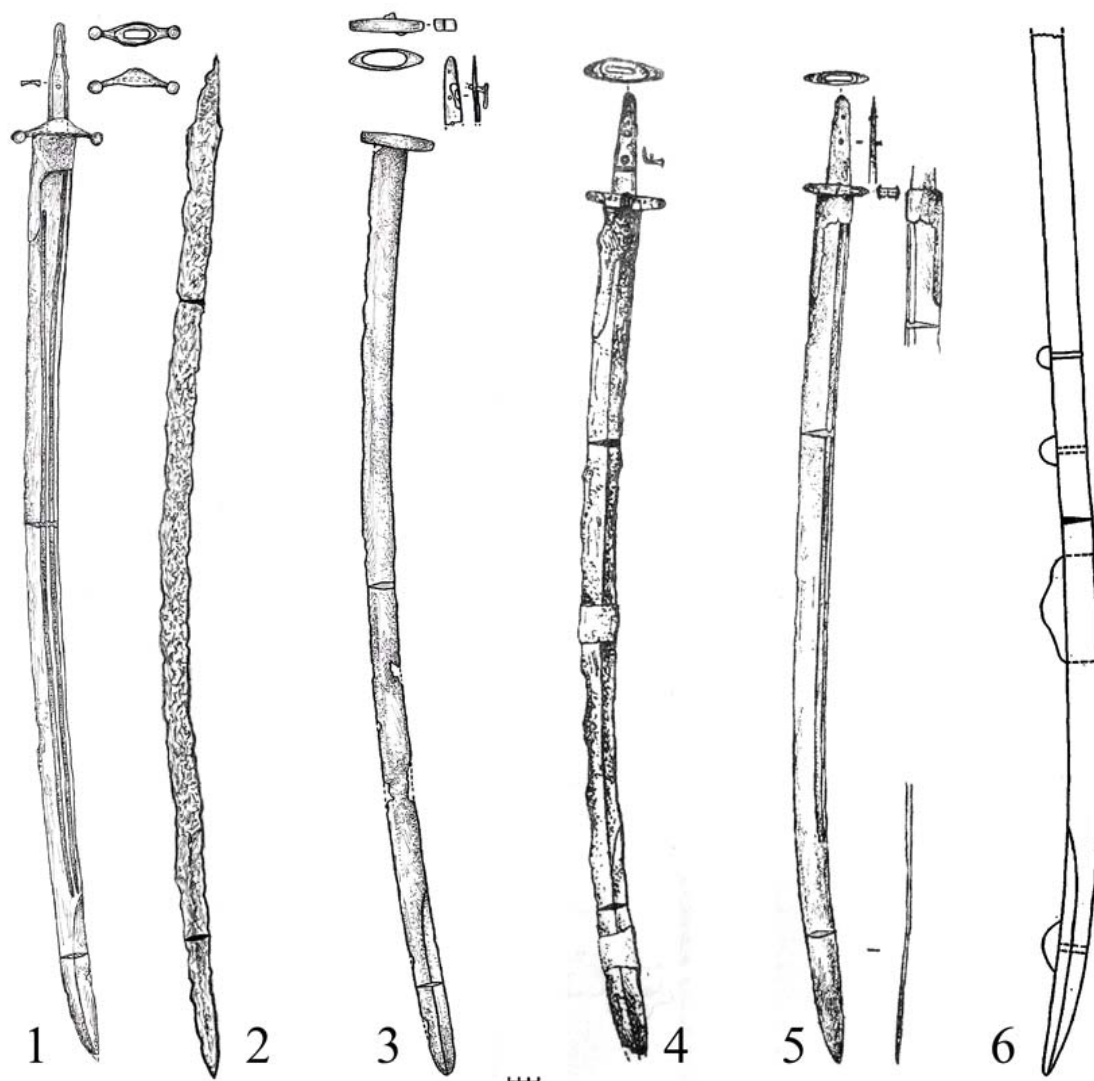

Рис. 4. Сабли.

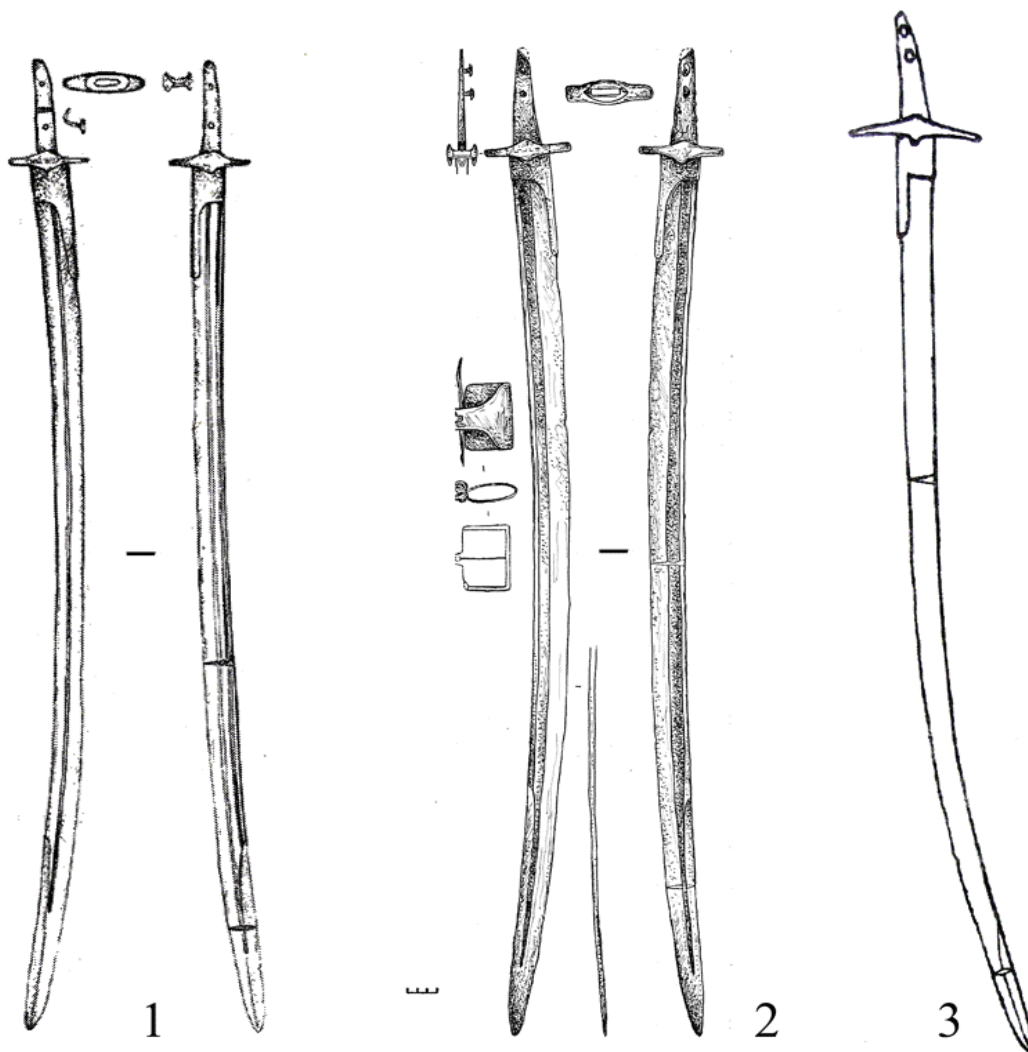

Рис. 5. Сабли.

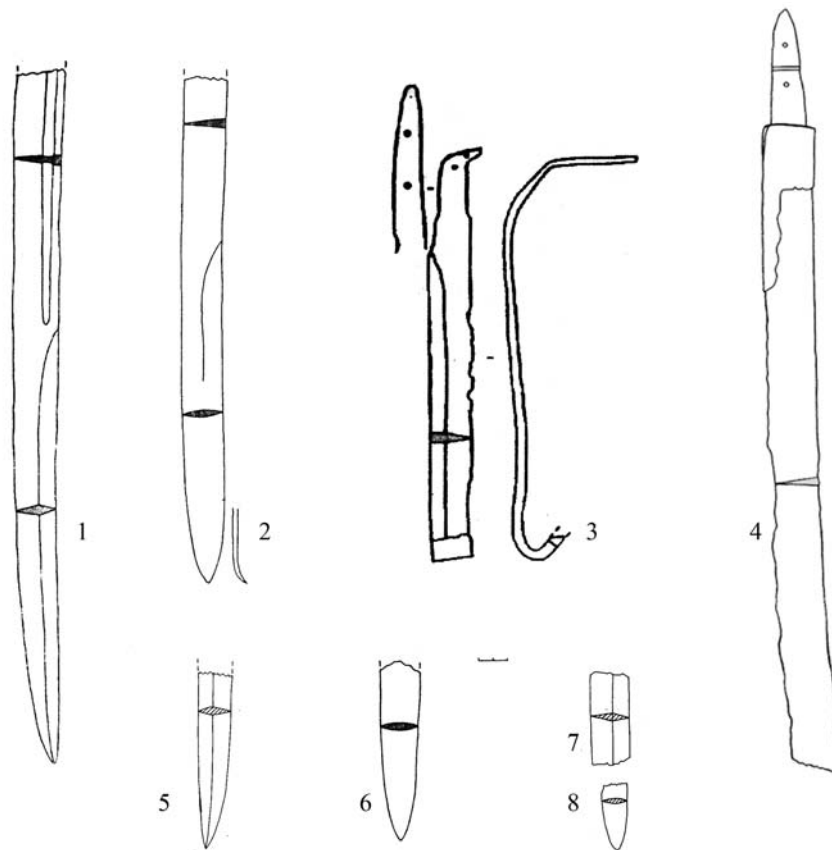

Рис. 6. Фрагменты сабель.

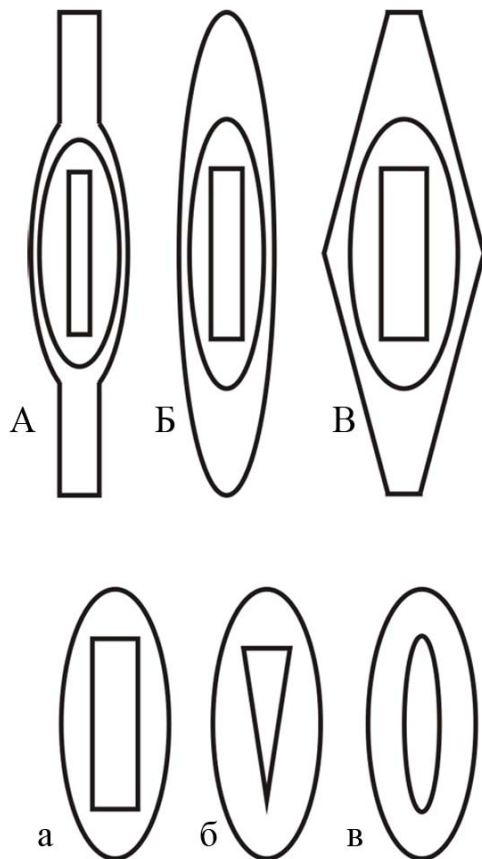

Рис. 7. Схема. Формы перекрестий и посадочных отверстий.

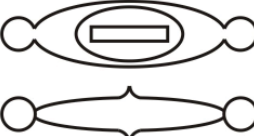
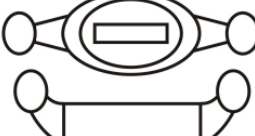
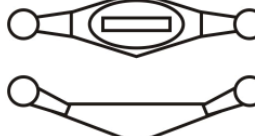
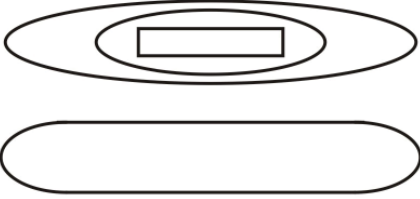
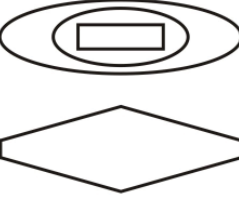
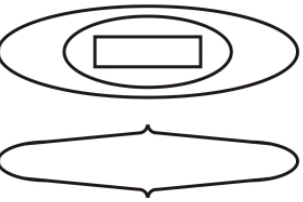
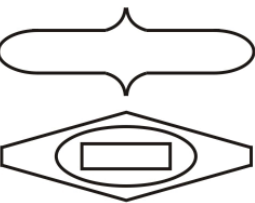
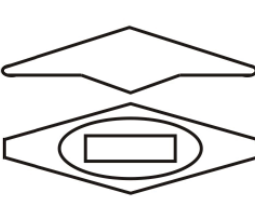
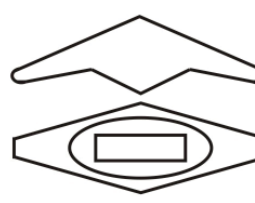
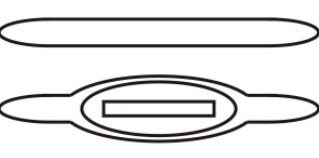
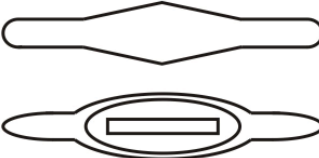
I	<p style="text-align: center;">А</p> 	<p style="text-align: center;">Б</p> 	<p style="text-align: center;">В</p>
II			
III	<p style="text-align: center;">А</p> 	<p style="text-align: center;">Б</p> 	
IV	<p style="text-align: center;">А</p> 	<p style="text-align: center;">Б</p> 	<p style="text-align: center;">В</p>
V	<p style="text-align: center;">А</p> 	<p style="text-align: center;">Б</p> 	

Рис. 8. Схема. Типология перекрестий.

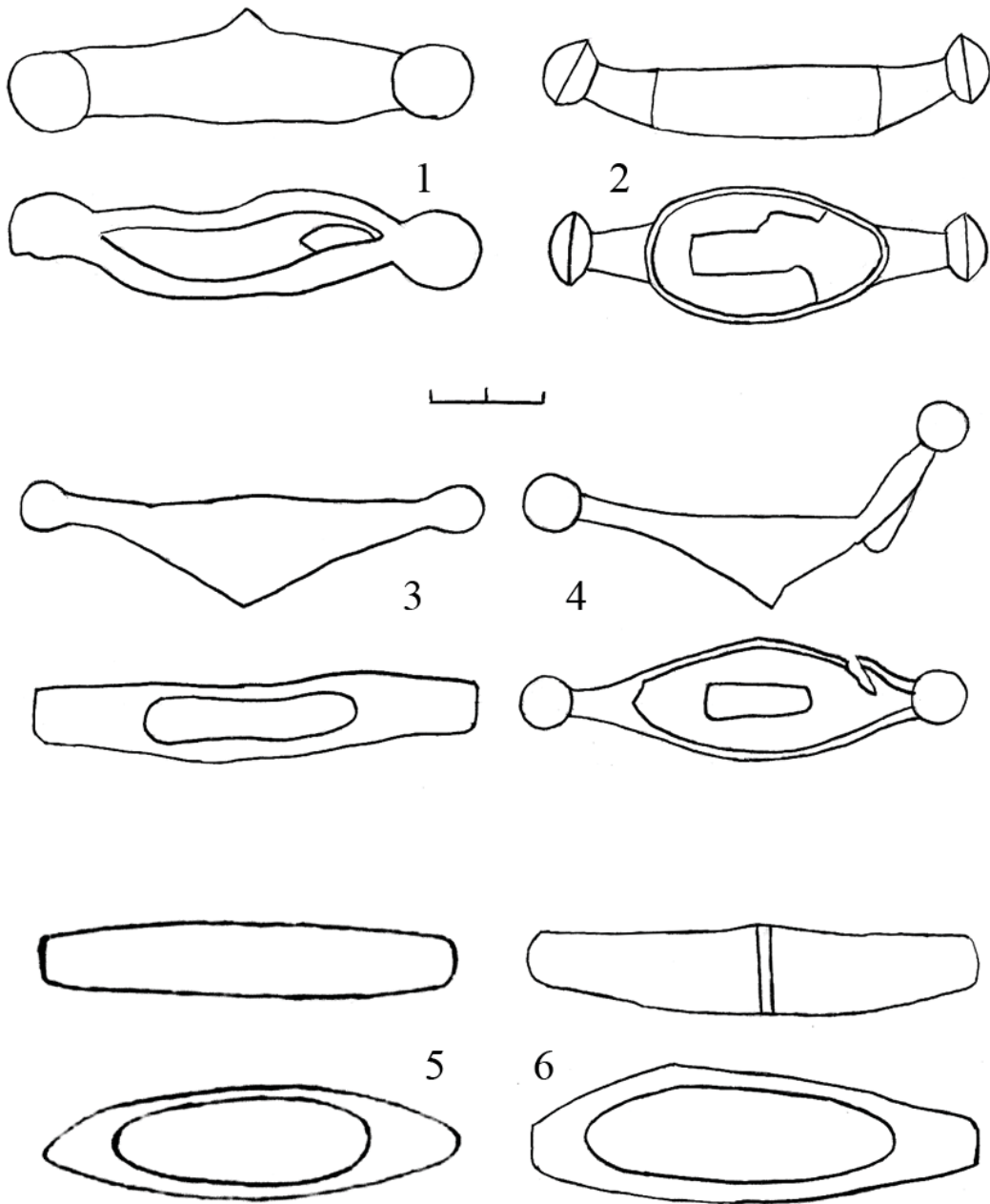

Рис. 9. Перекрестия.

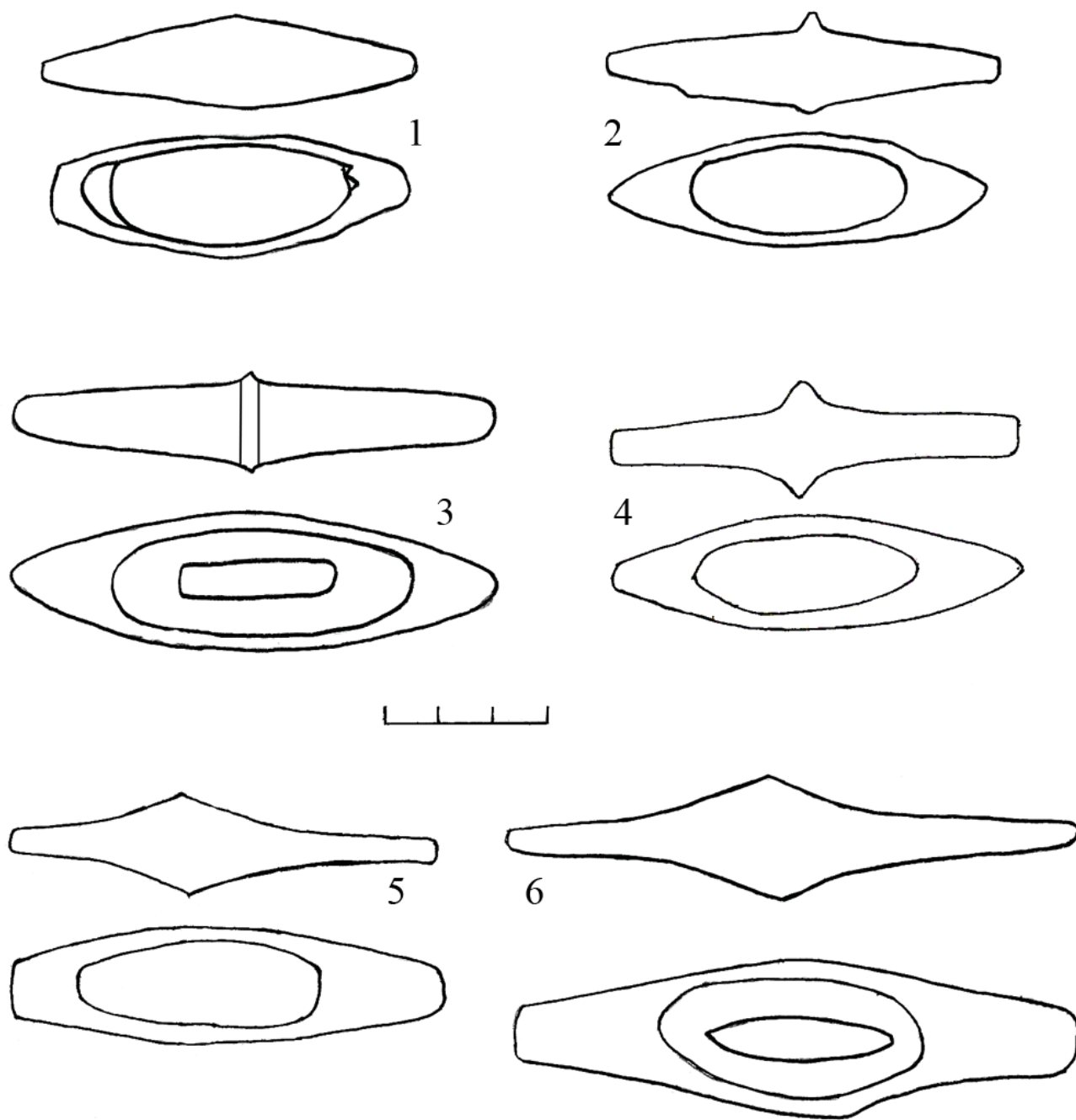

Рис. 10. Перекрестия.

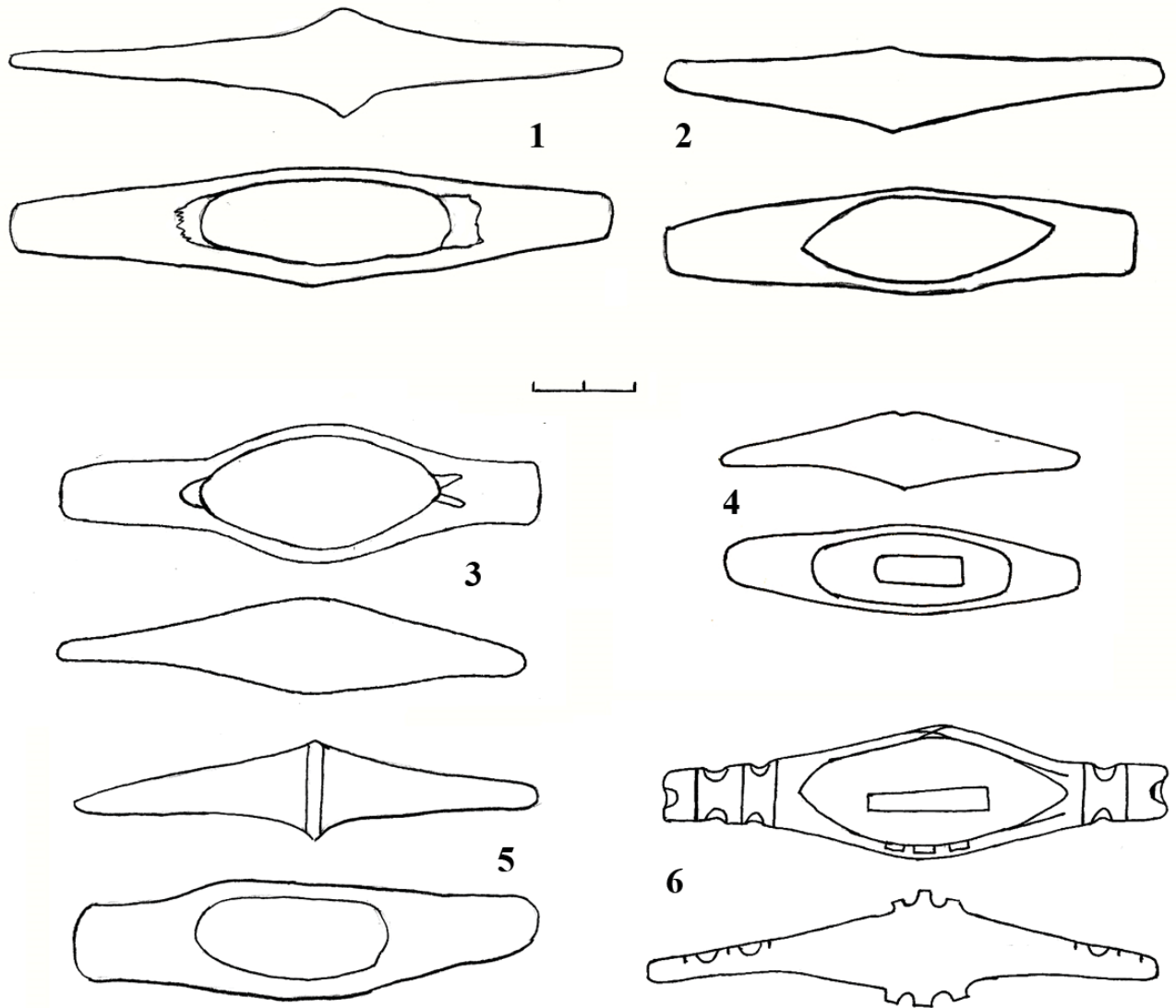

Рис. 11. Перекрестия.

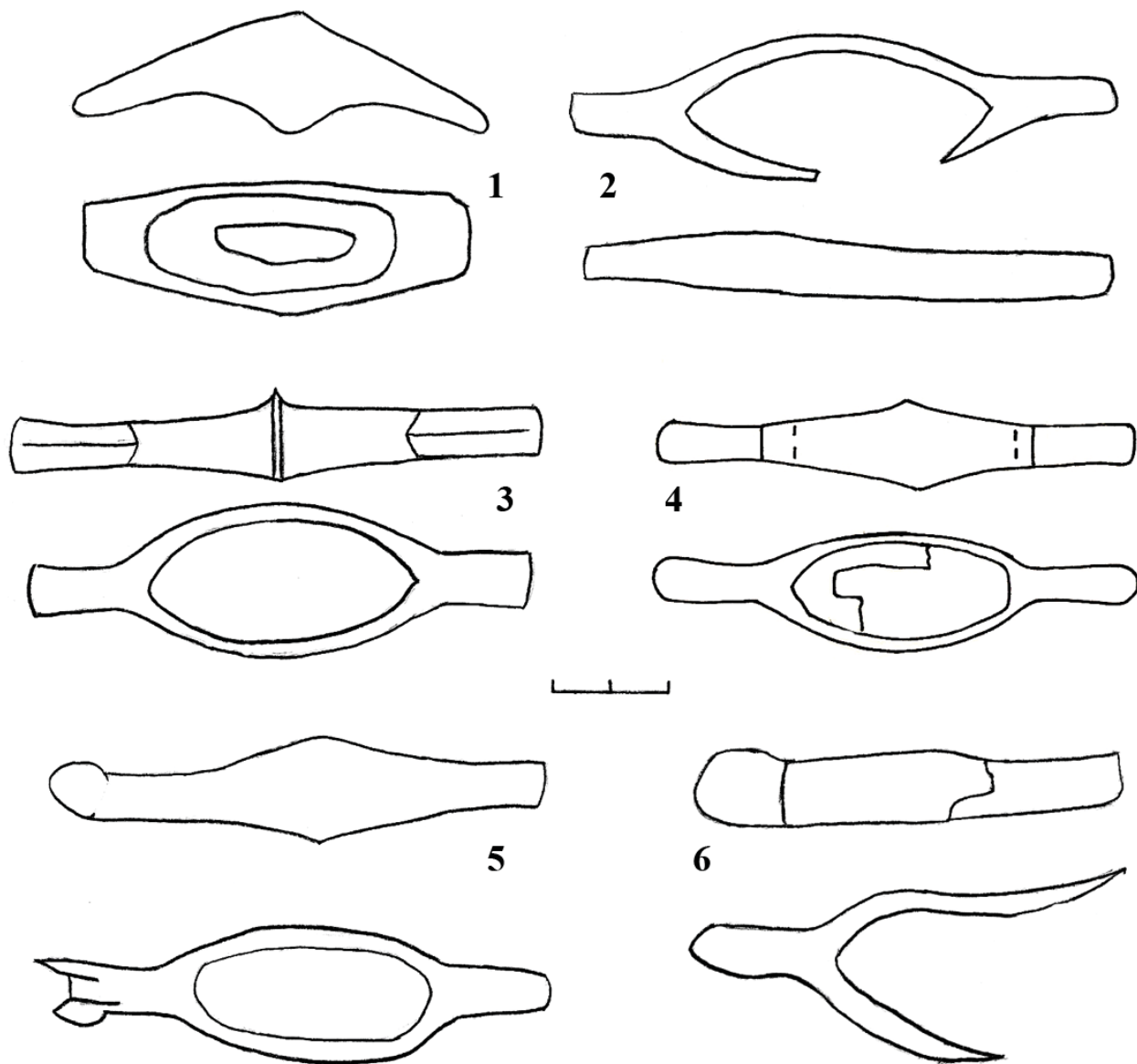

Рис. 12. Перекрестия.

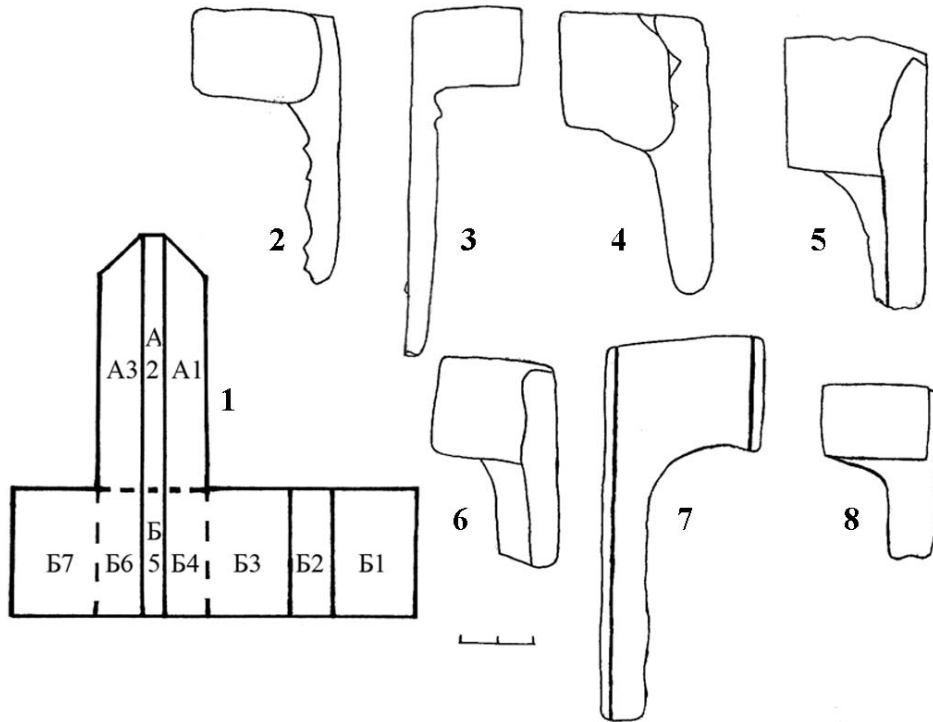

Рис. 13. Обоймицы сабельных клинков. 1 – развертка обоймицы; 2-8 – обоймицы.

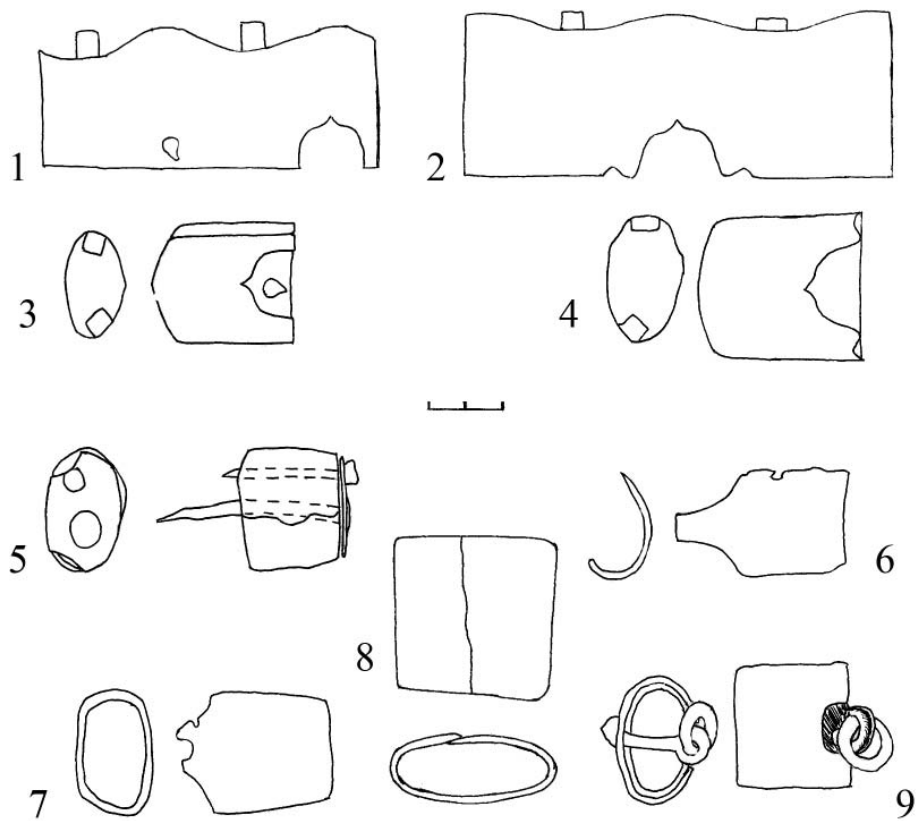

Рис. 14. Навершия рукояток сабель и наконечники ножен. 1-2 – развертки; 3, 6, 7, 9 – навершия рукояток; 4, 5, 8 – наконечники ножен.

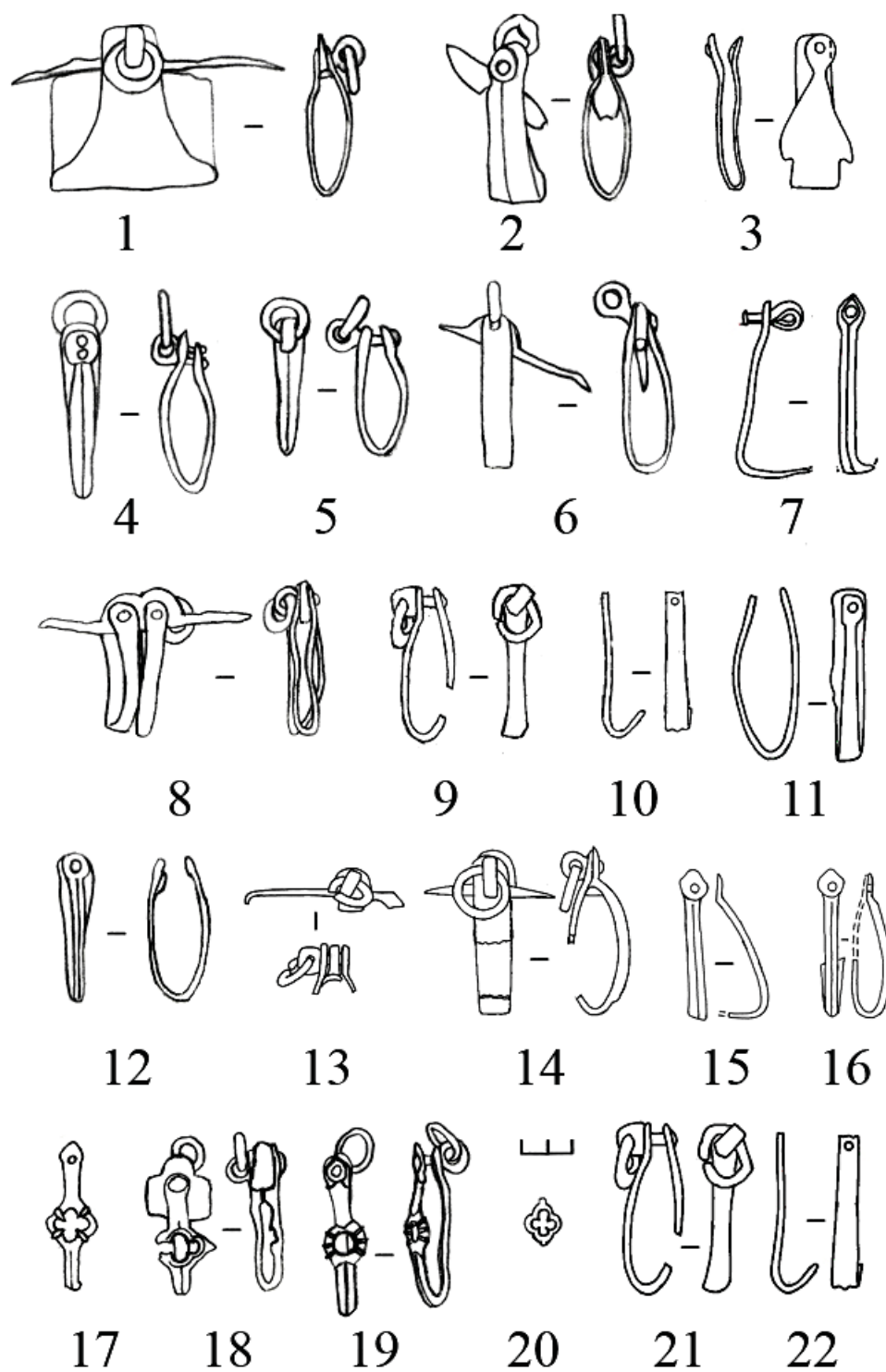

Рис. 15. Обоймы ножен.

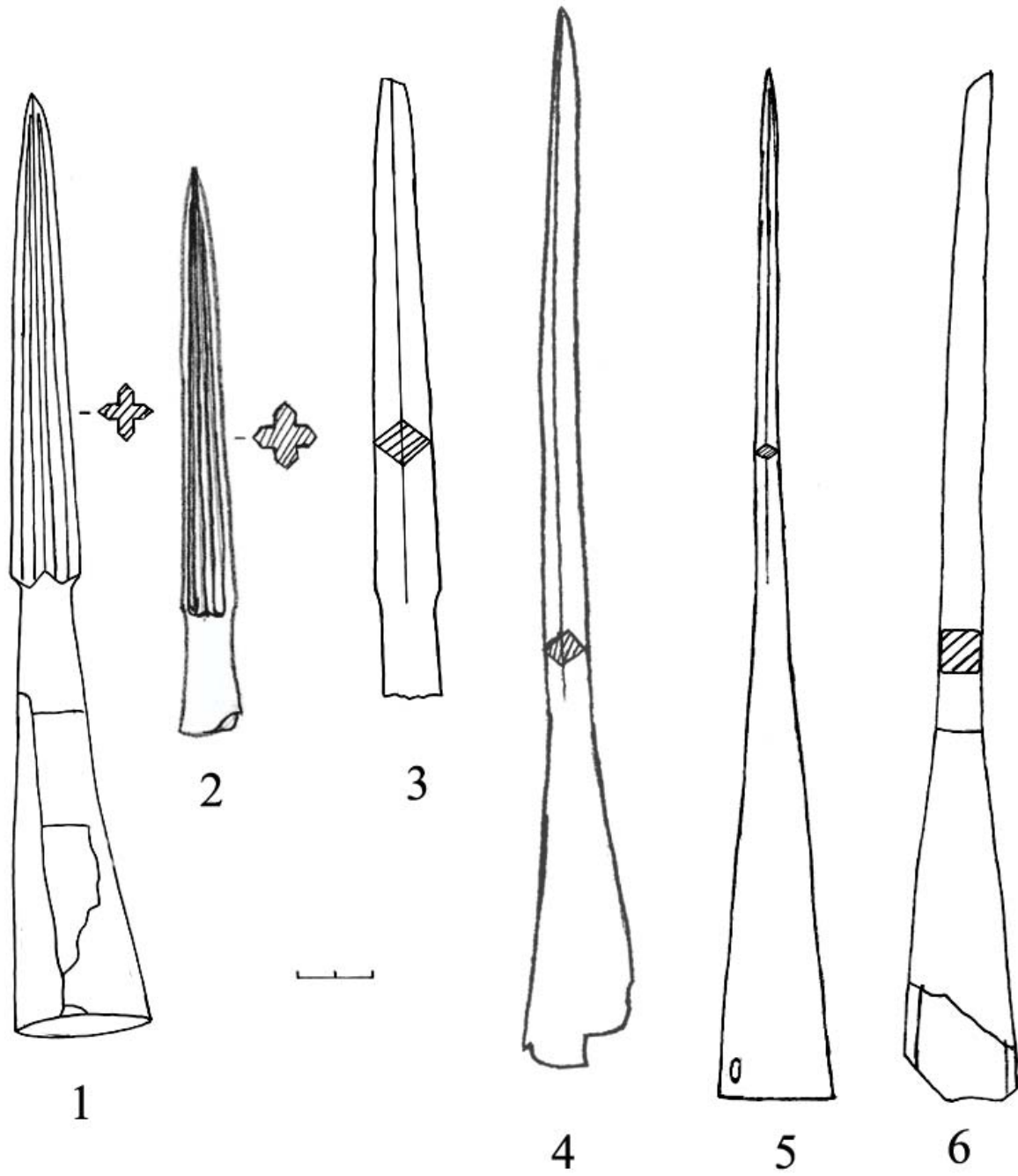

Рис. 16. Пики.

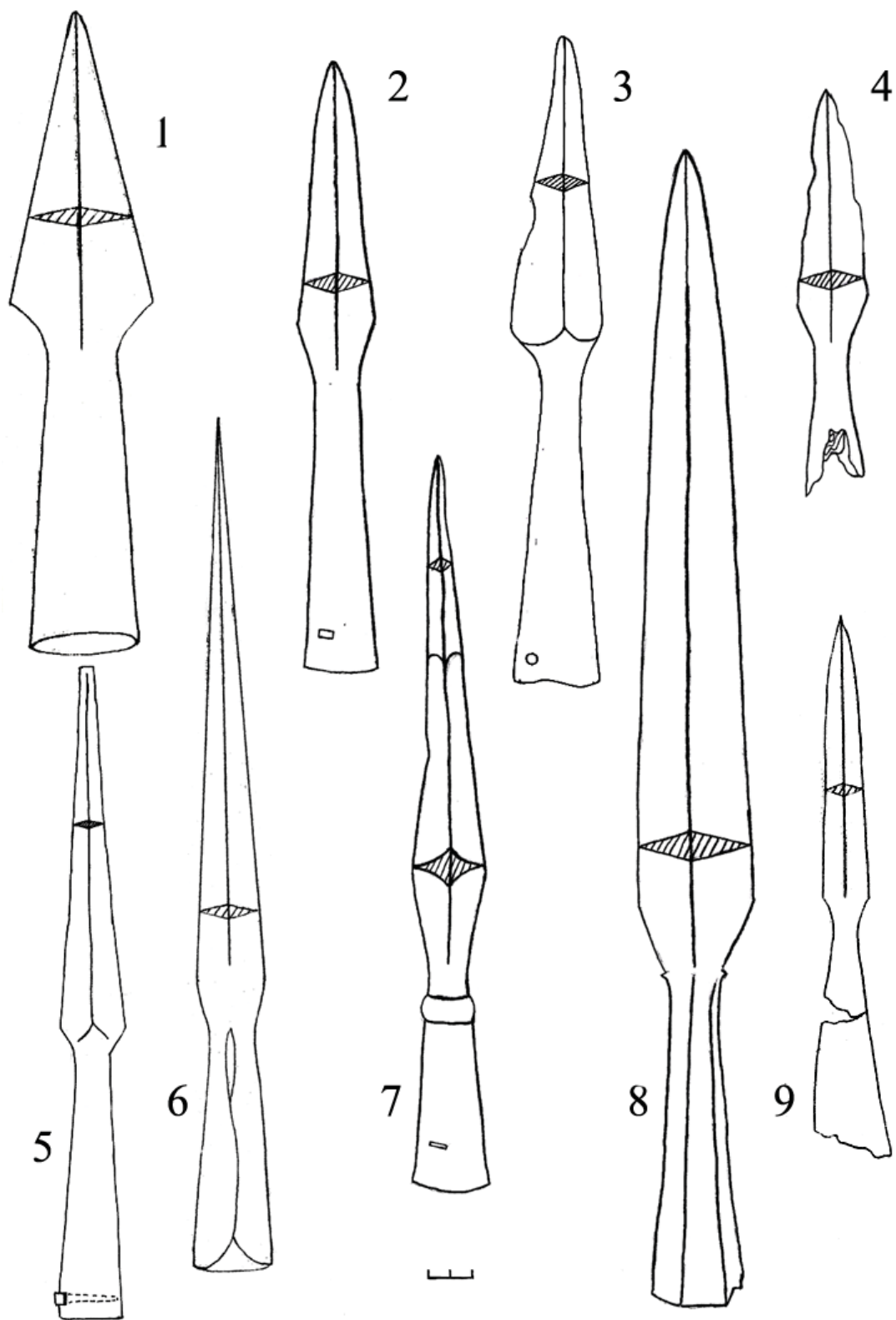

Рис. 17. Наконечники копий.

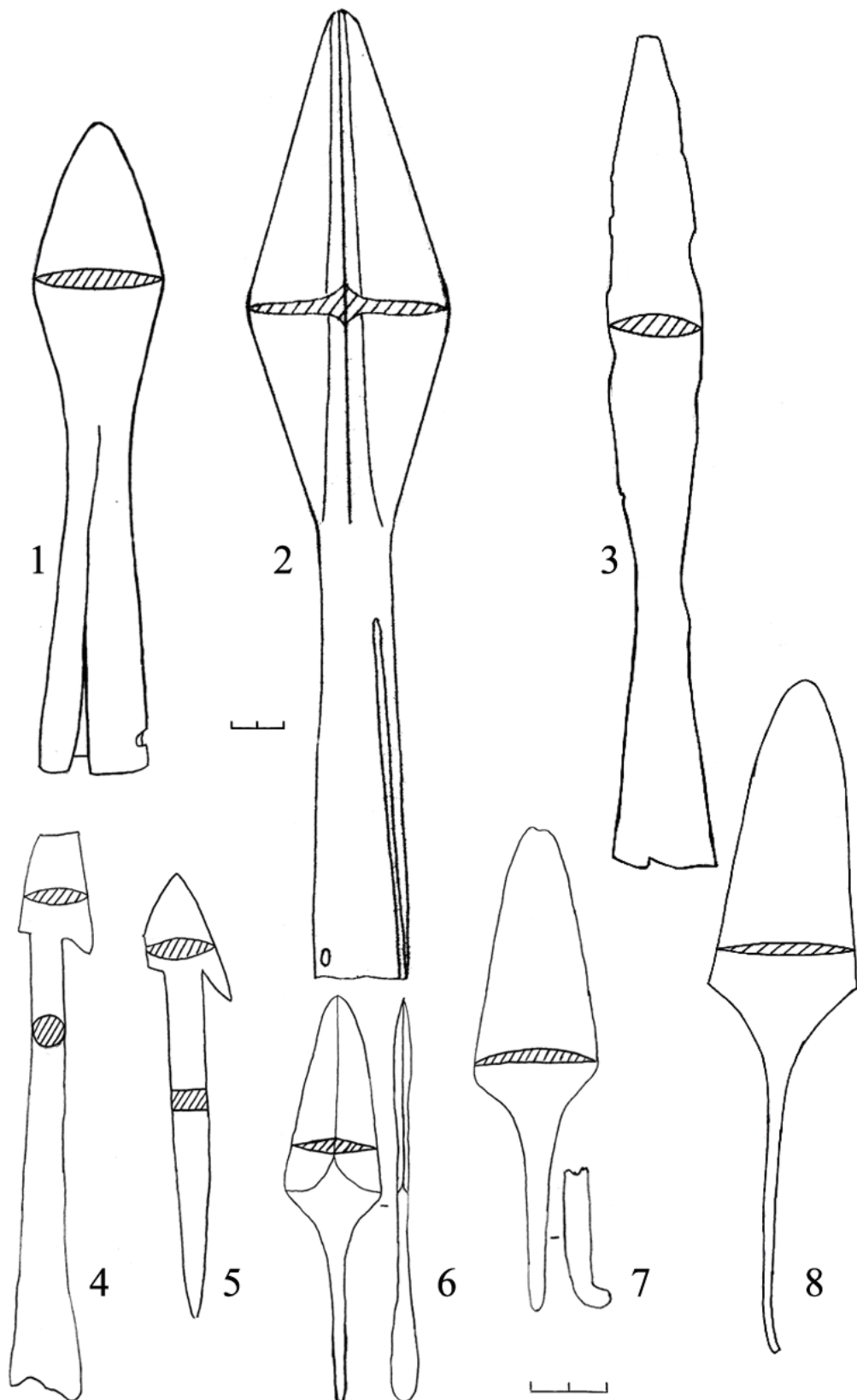

Рис. 18. Наконечники копий. 1-3 – наконечники копий; 4-5 – наконечники дротиков; 6-8 – наконечники сулиц.

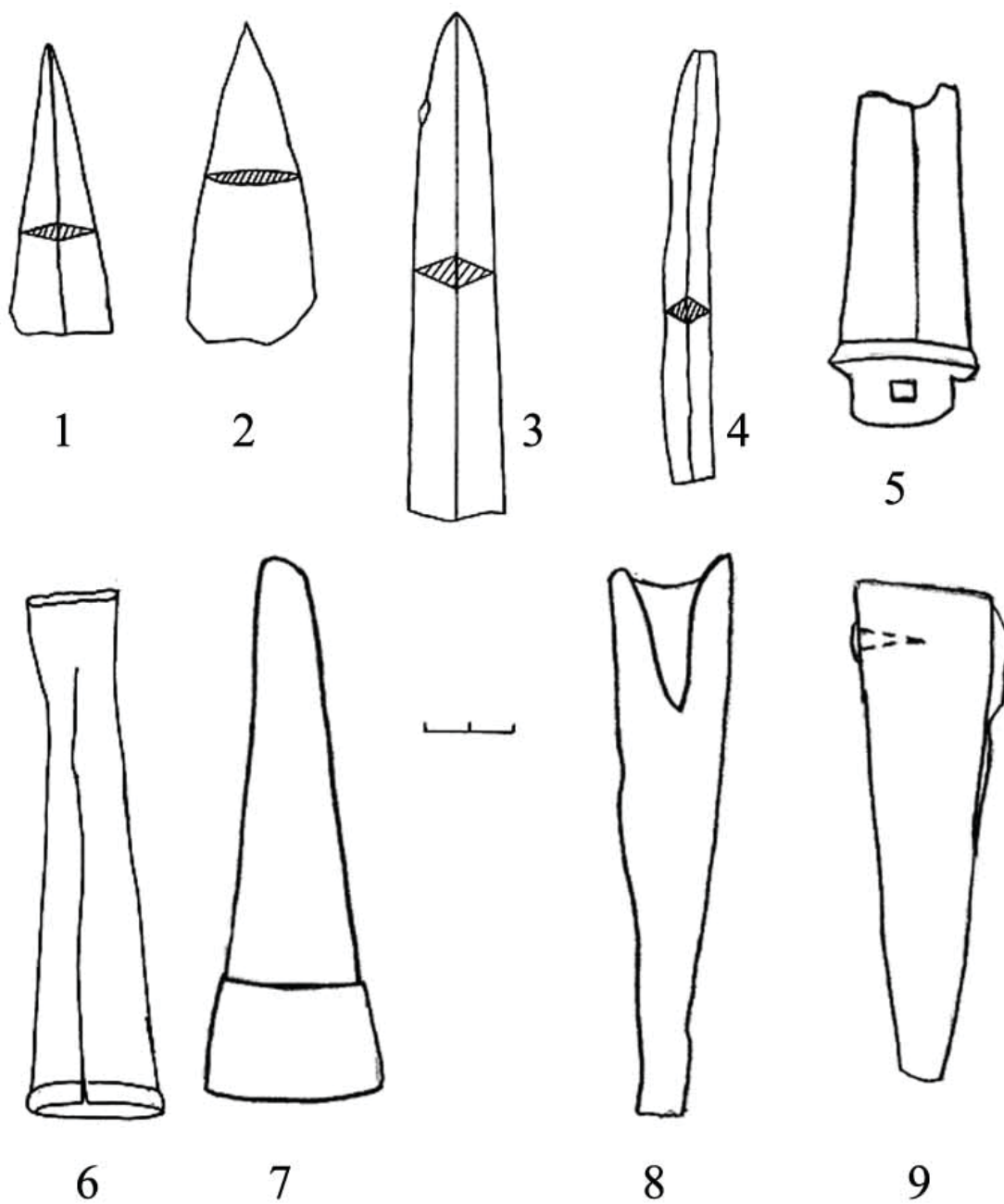

Рис. 19. Фрагменты наконечников копий и втоки. 1-4 – фрагменты пера; 5-7 – втулки; 8-9 – втоки.

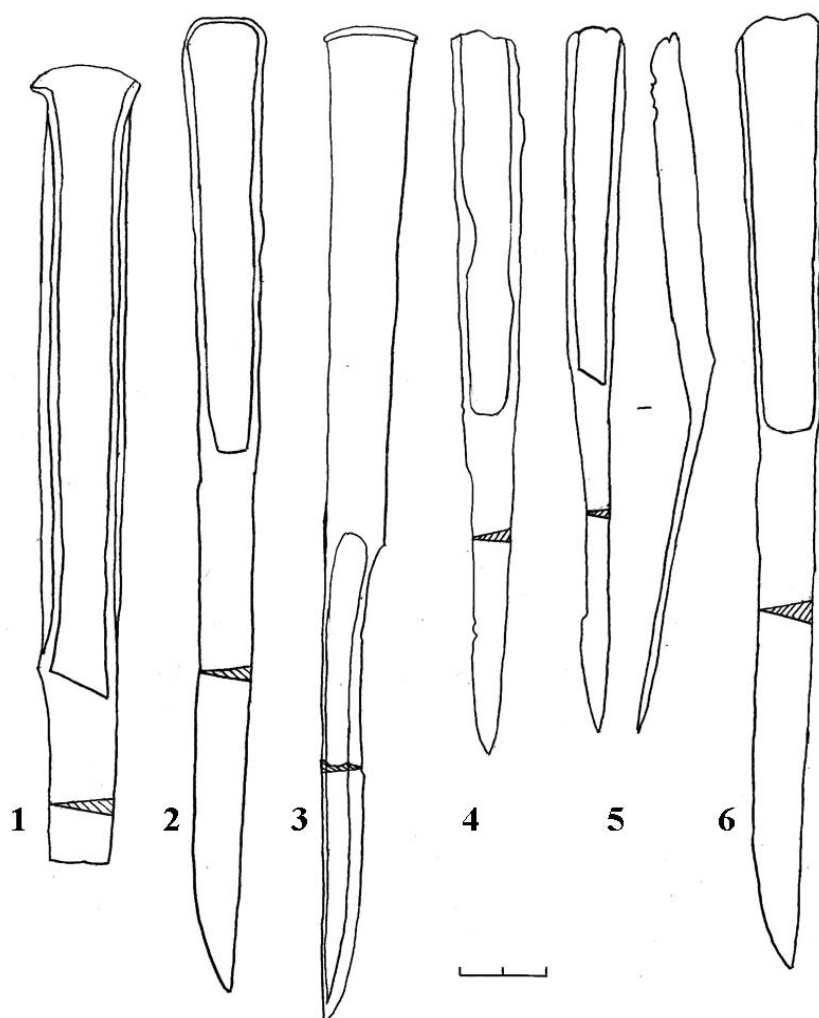

Рис. 20. Ножи со втульчатой рукояткой («пальмы»).

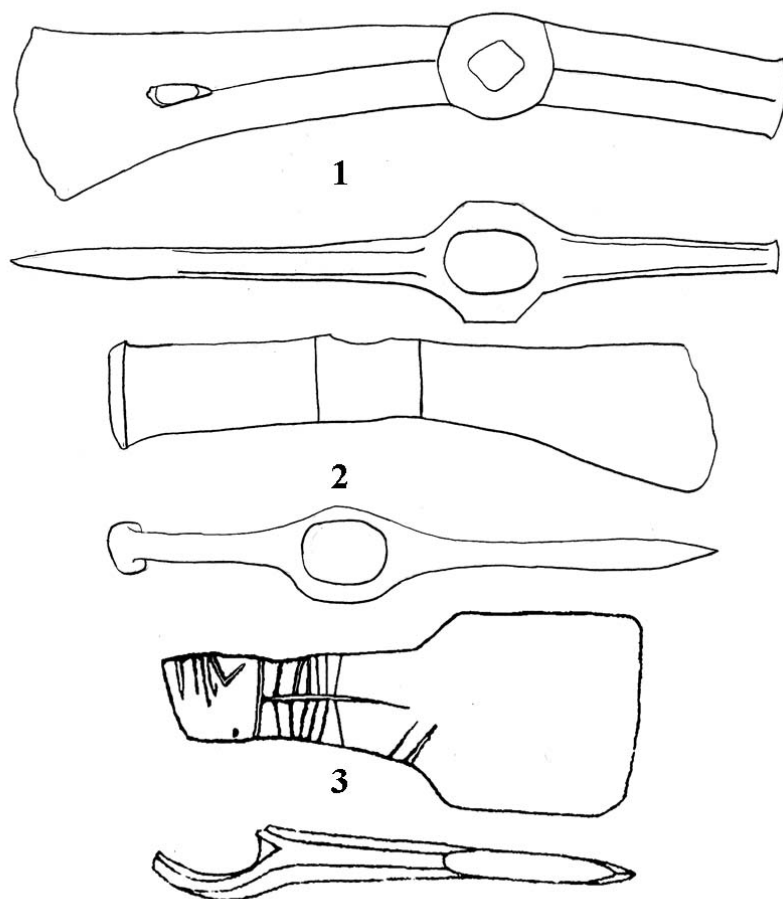

Рис. 21. Топоры-чеканы.

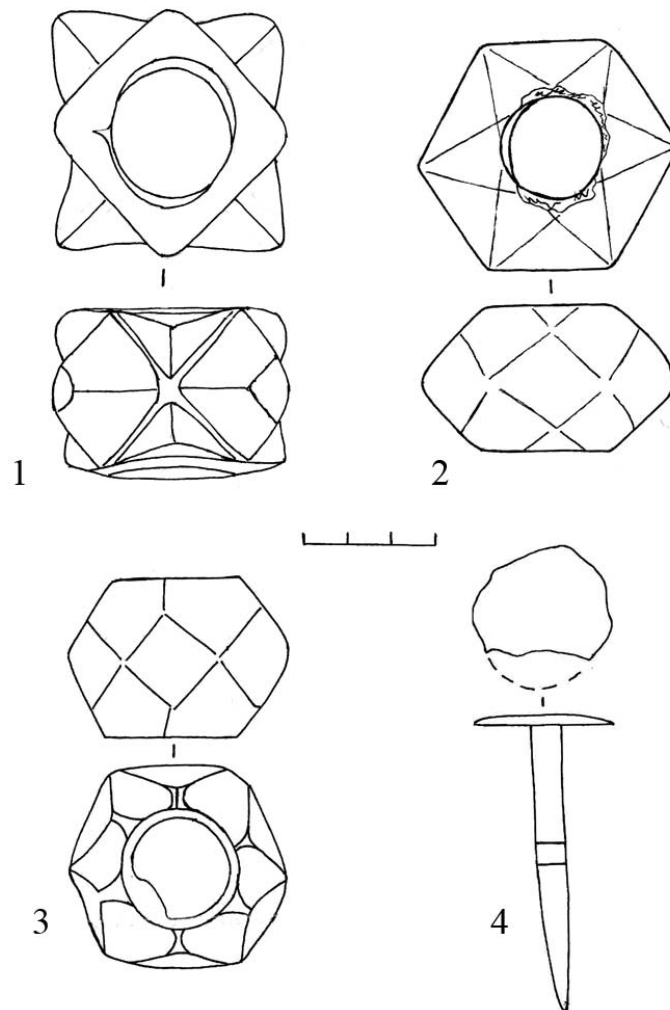

Рис. 22. Булавы. 1-3 – булавы; 4 – гвоздь-клин.

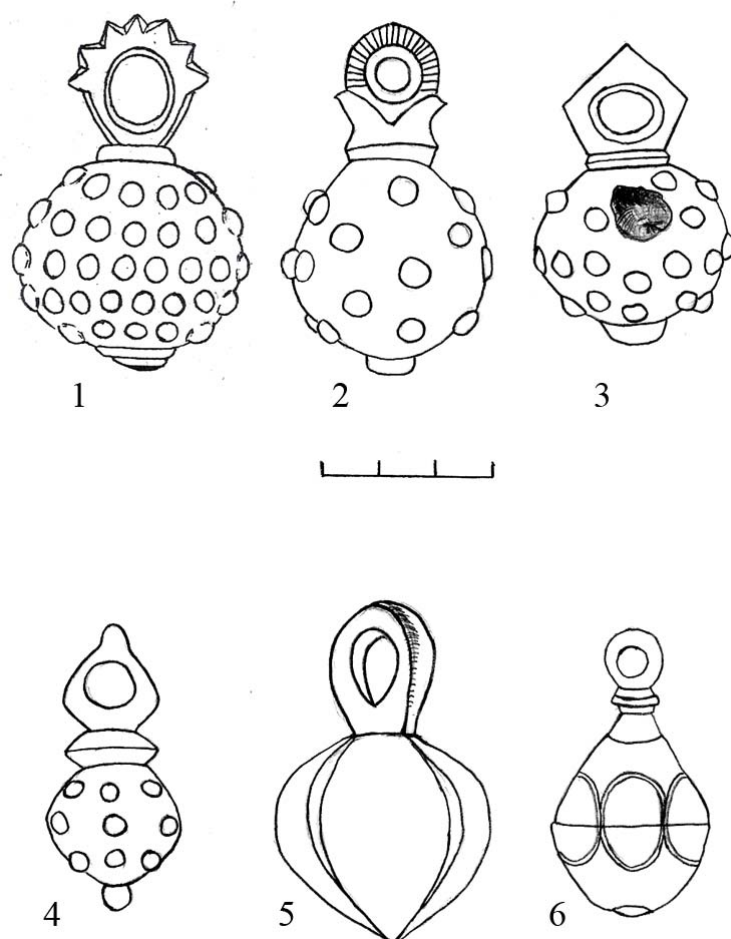

Рис. 23. Кистени. 1-4 – бронза; 5 – железо; 6 – бронза свинцово-оловянный сплав, позолота.

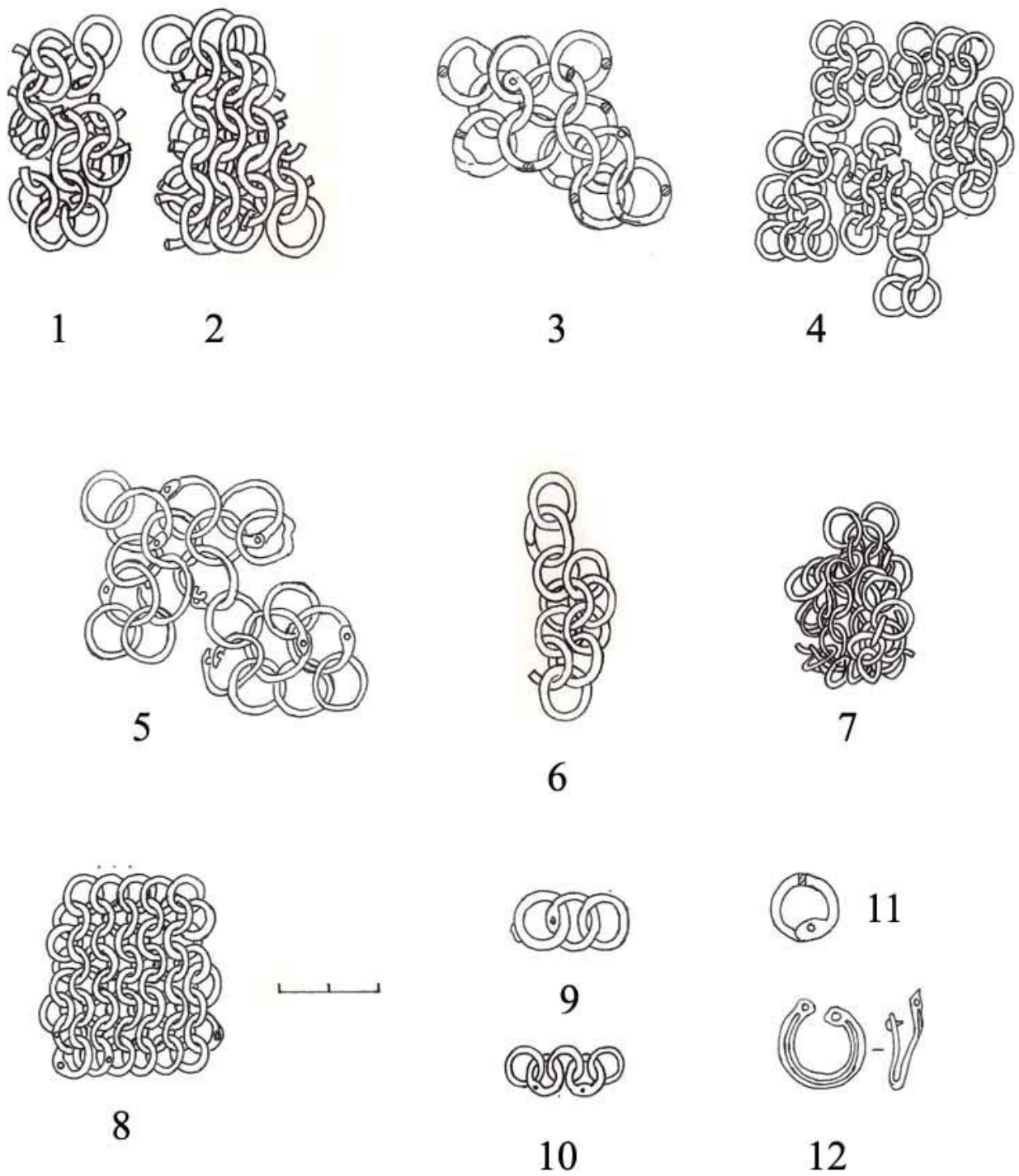

Рис. 24. Кольчуги.

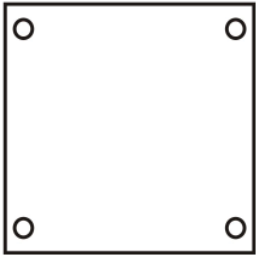
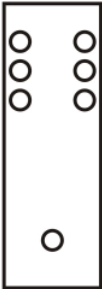
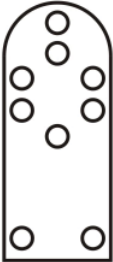

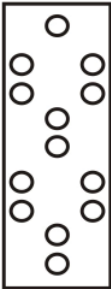

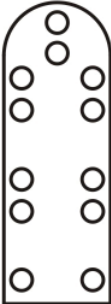
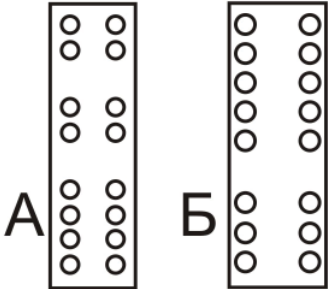
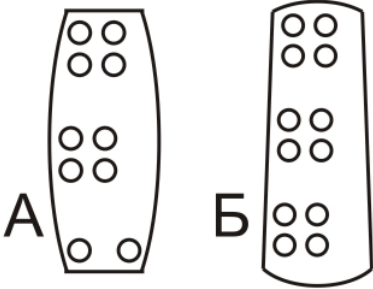
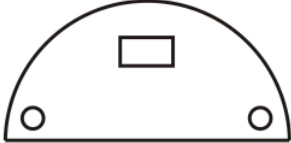
I		VI	
II		VII	
III		VIII	
IV		IX	
V		X	

Рис. 25. Схема. Типология доспешных пластин.

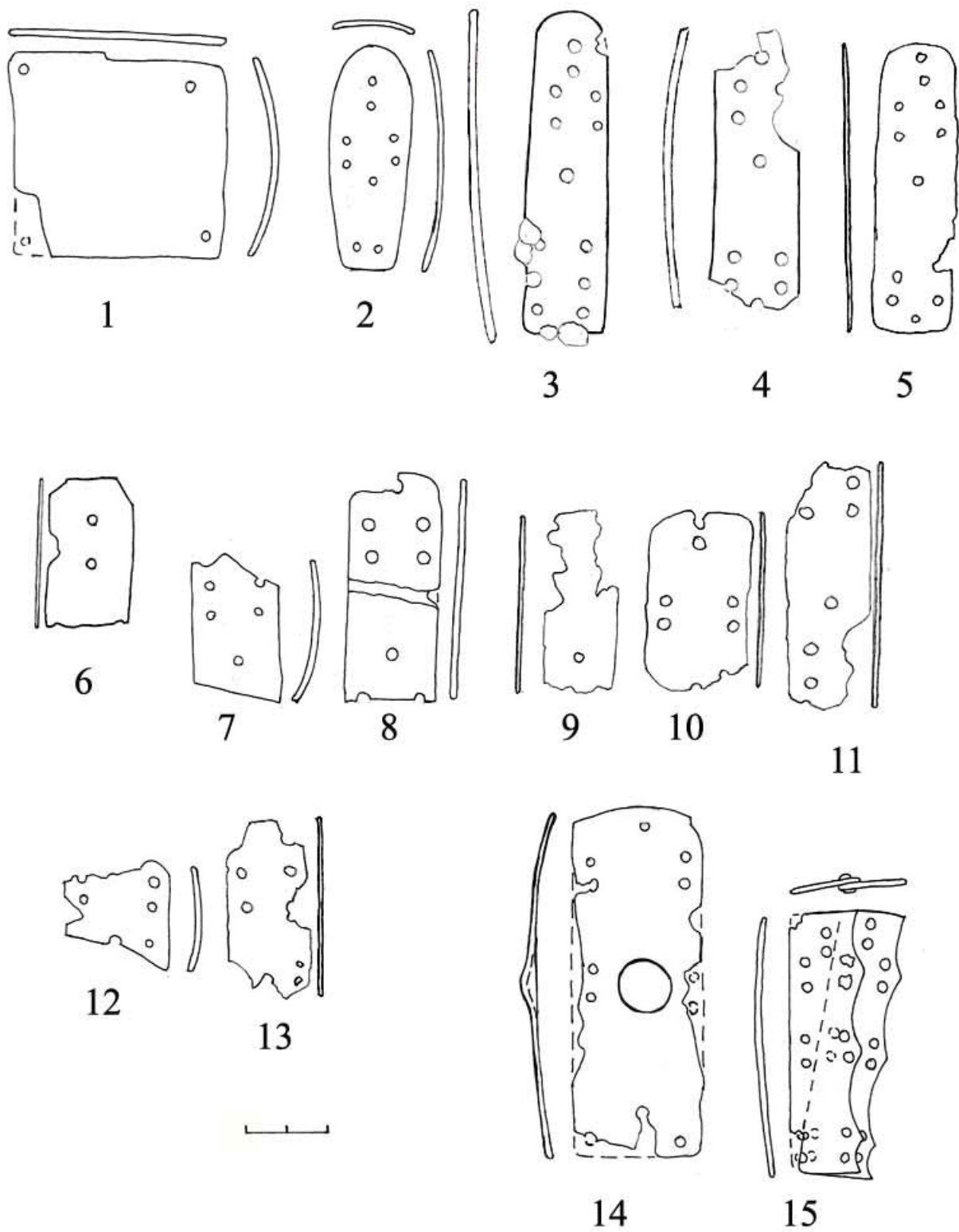

Рис. 26. Доспешные пластины.

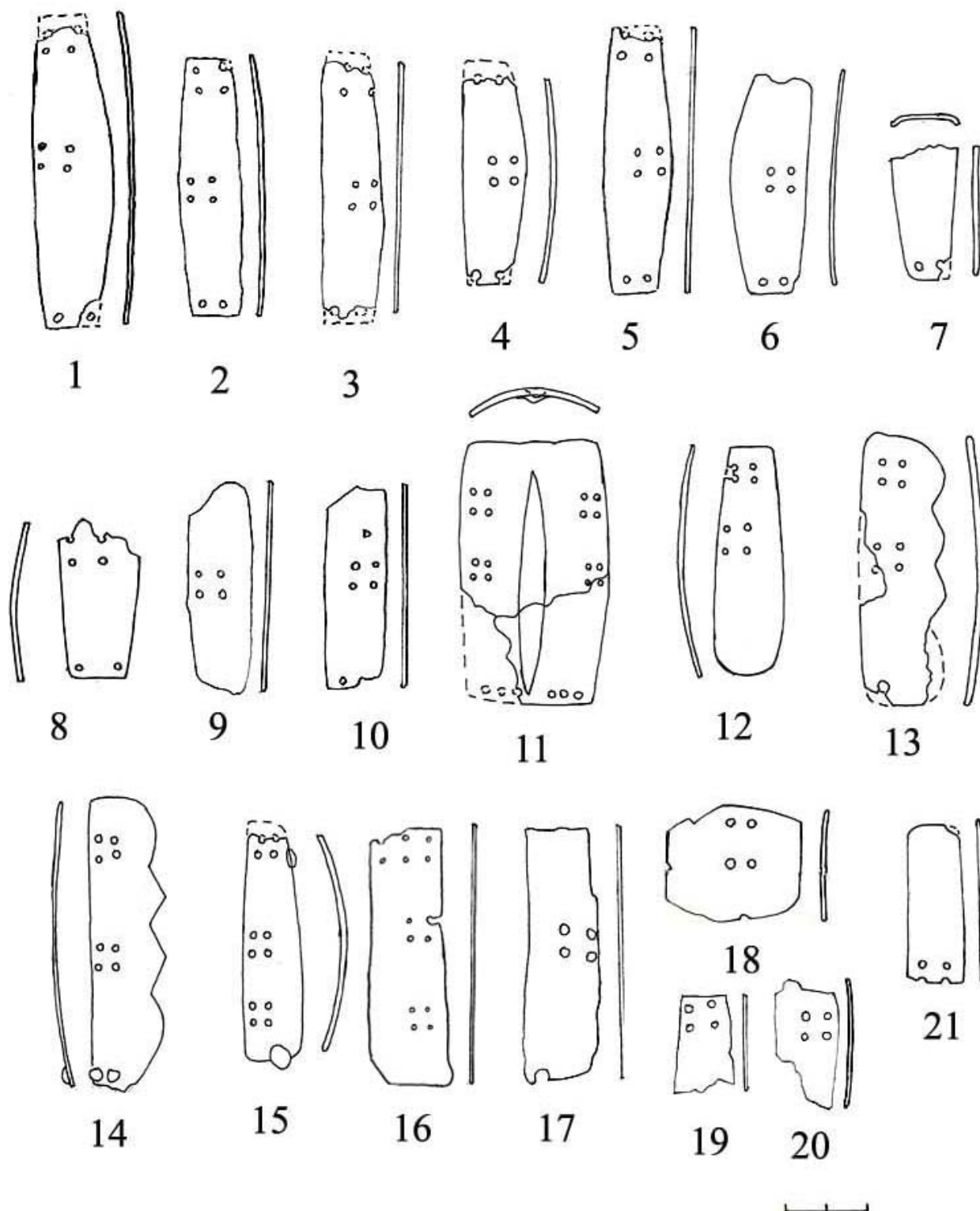

Рис. 27. Доспешные пластины. 1-16, 18-21 – железо; 17 – бронза.

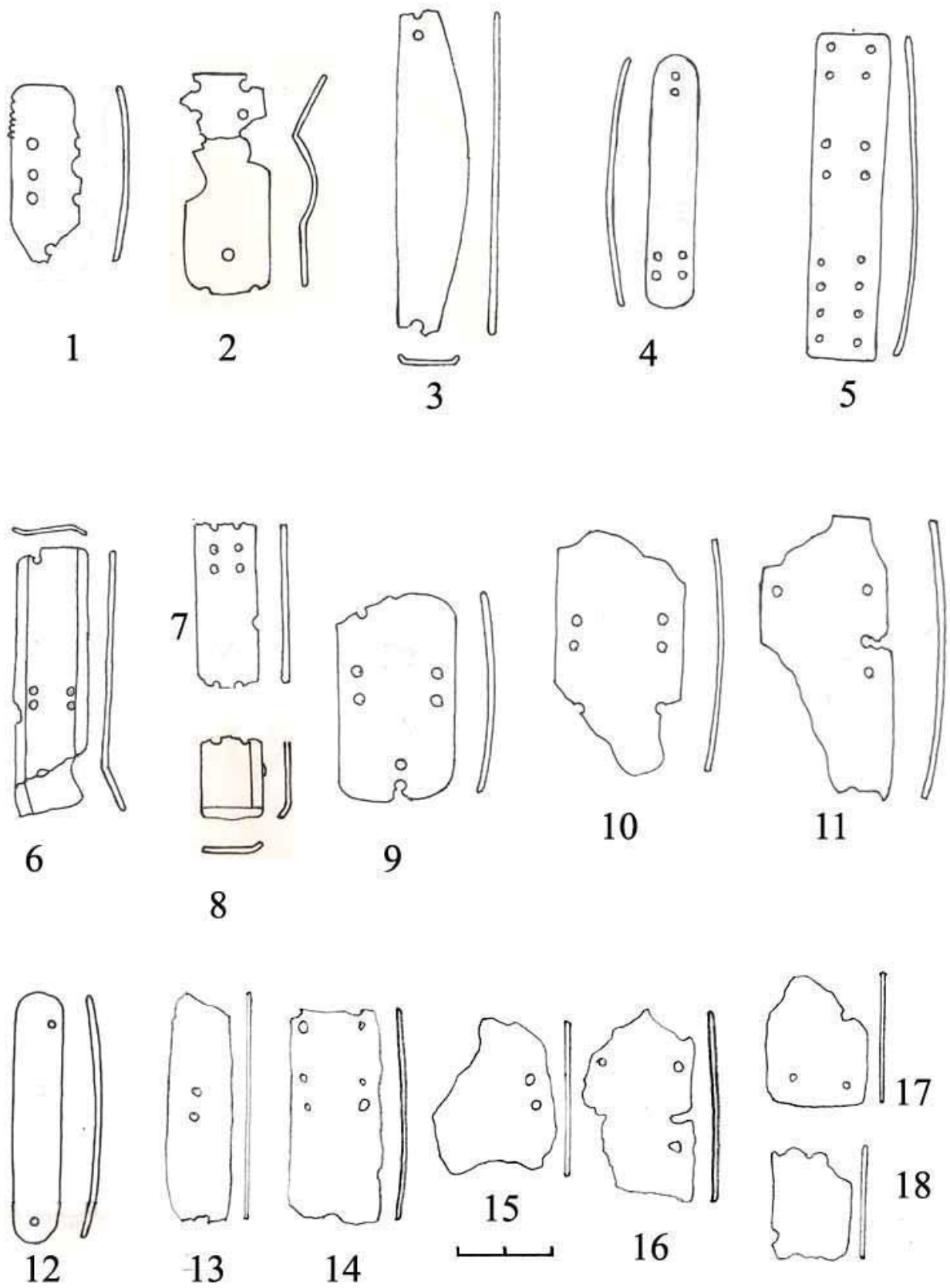

Рис. 28. Доспешные пластины.

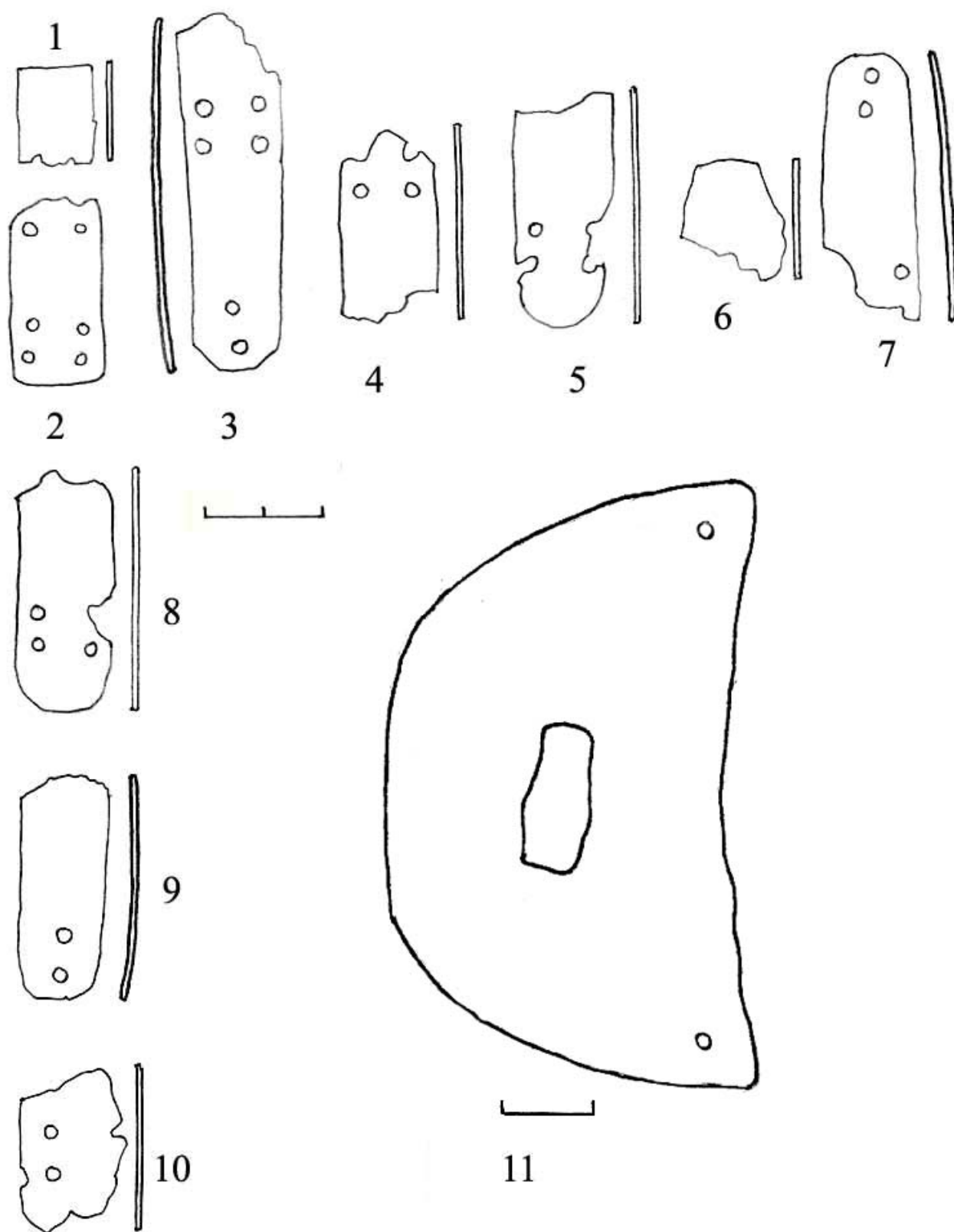

Рис. 29. Доспешные пластины.

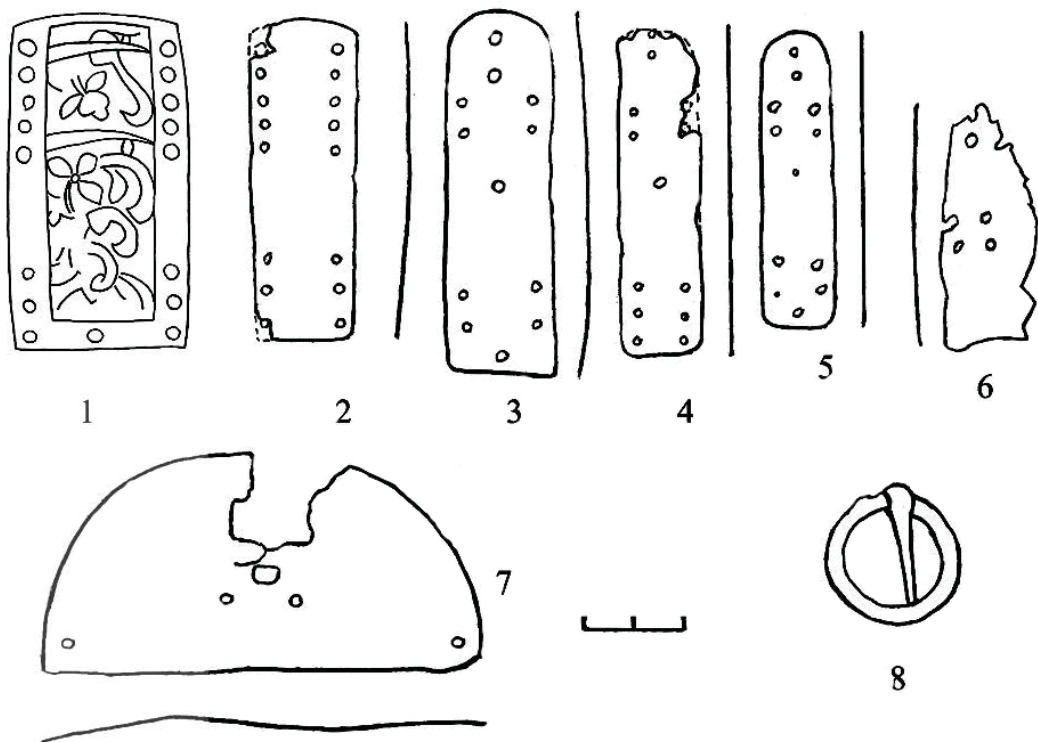

Рис. 30. Комплекс доспека. 1-7 – доспешные пластины; 8 – пряжка.

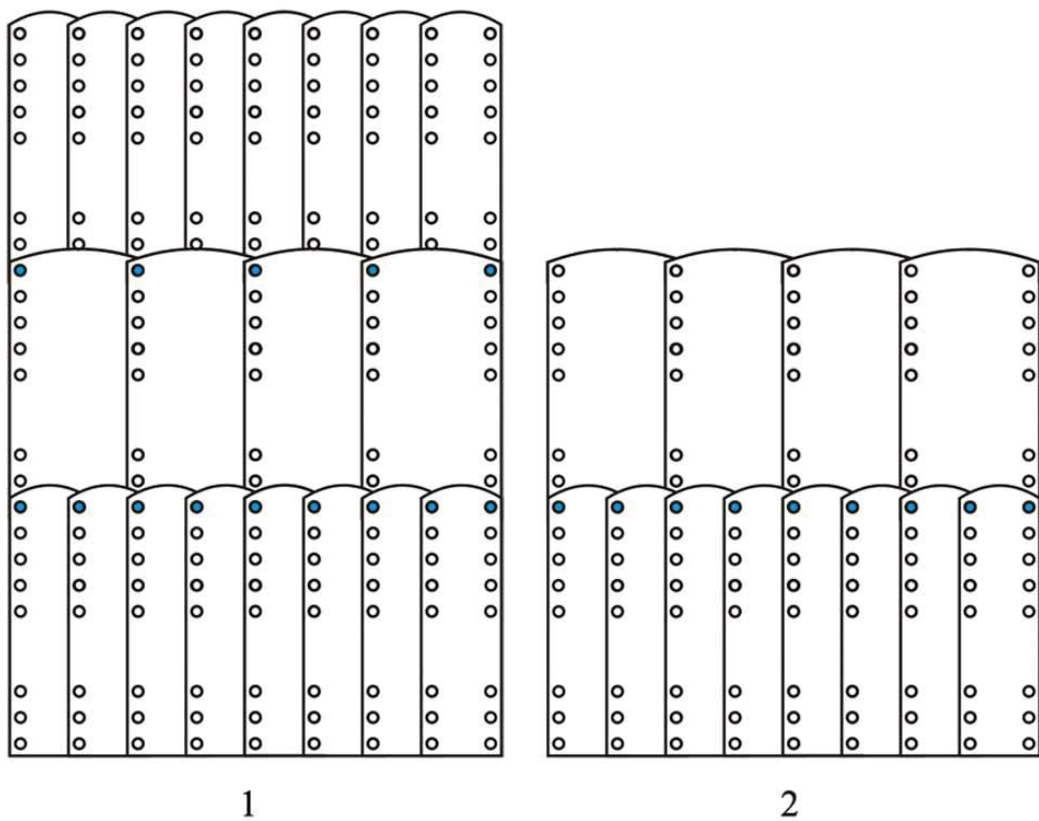

Рис. 31. Схема. Варианты сборки пластин тип IX из комплекса.

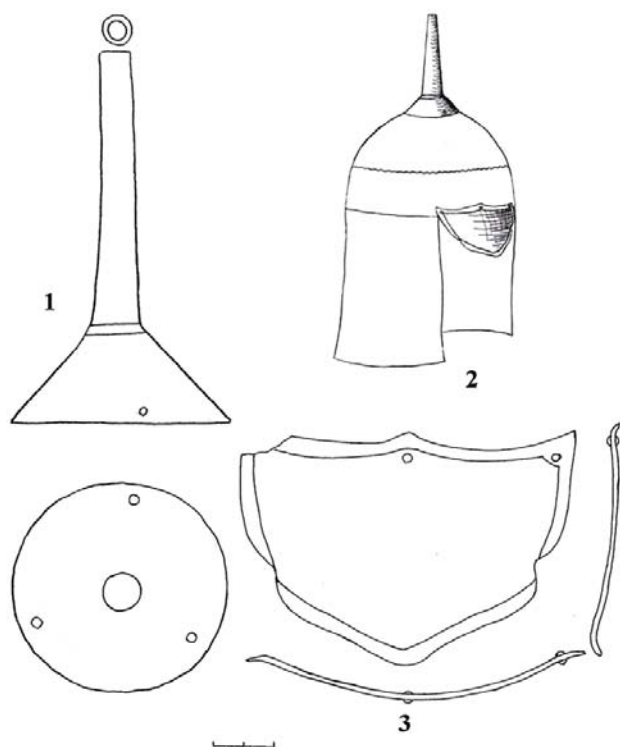

Рис. 32. Шлемы. 1 – навершие шлема, 2 – реконструкция шлема; 3 – пластина-козырек.

Рис. 33. Реконструкции комплексов доспеха и вооружения. Слева – восточноевропейский комплекс; справа – дальневосточный комплекс.

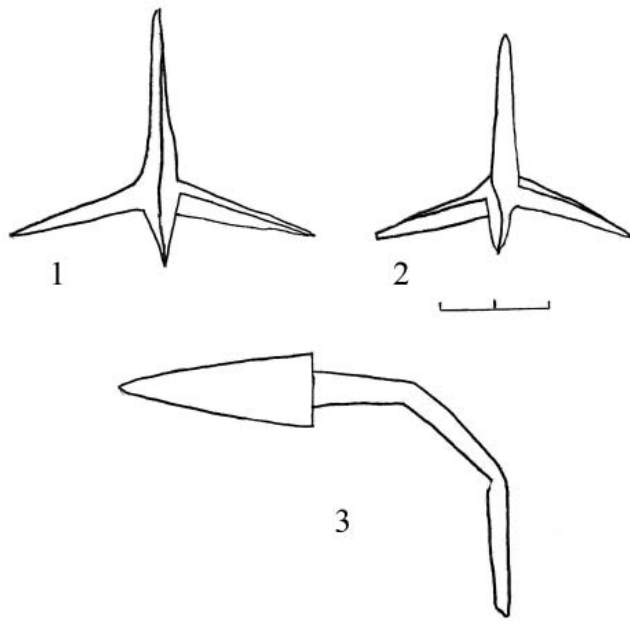

Рис. 34. Предметы осадных и оборонительных технологий. 1-2 – чесноки; 3 – наконечник метательного снаряда.

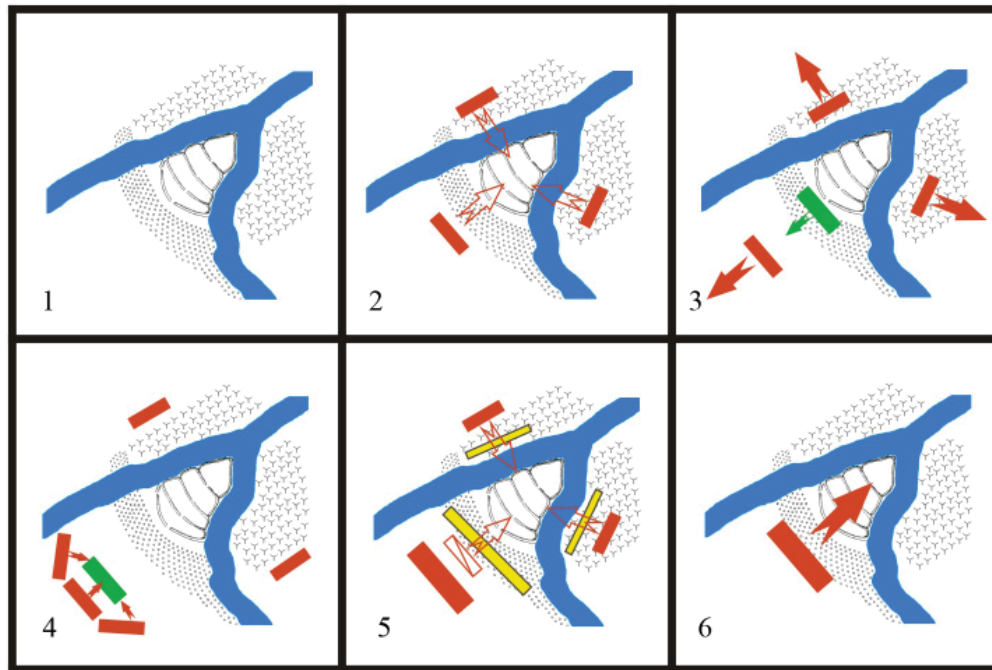

Рис. 35. Схема осады Золотаревской крепости.

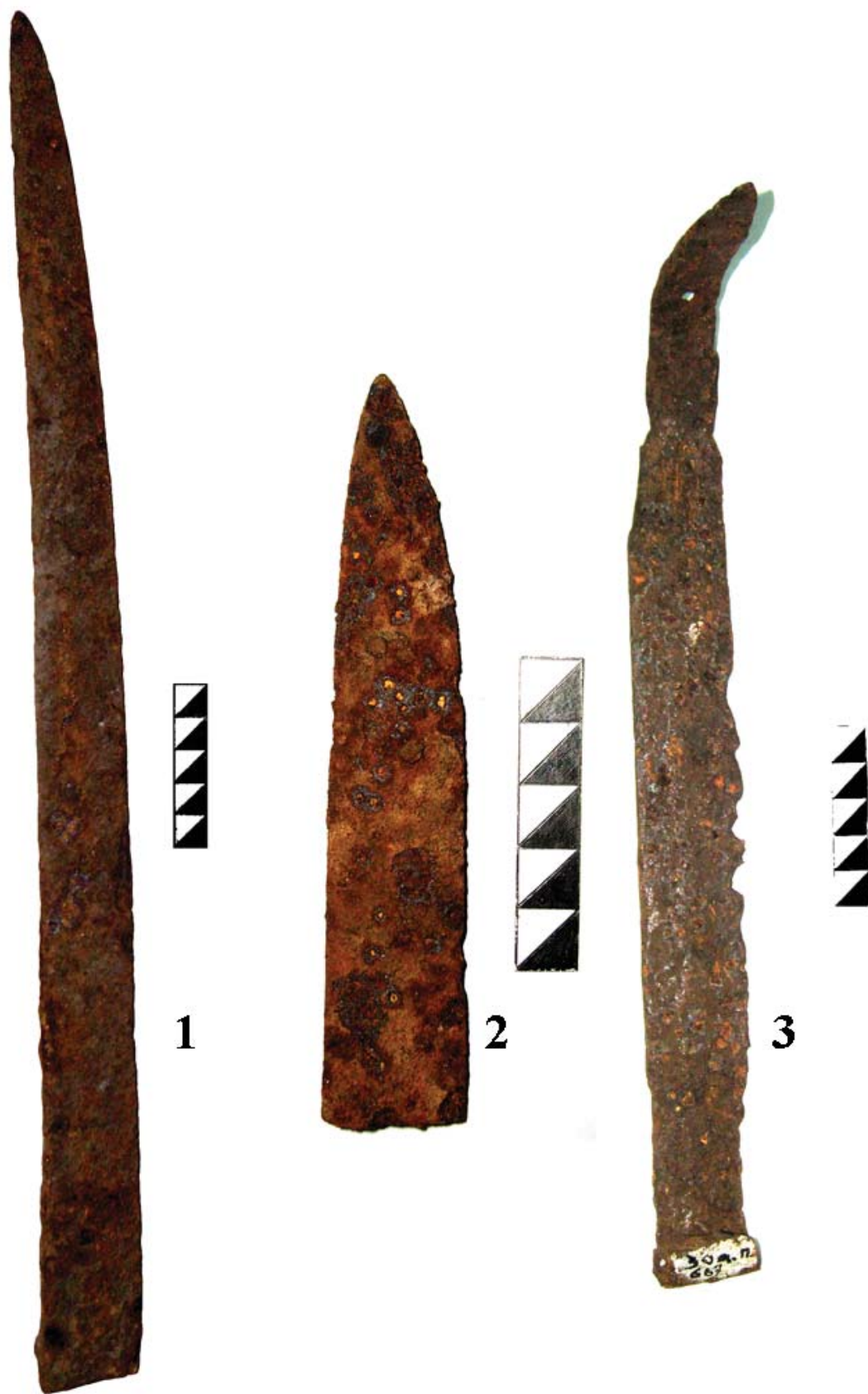

Рис. 36. Фото. Фрагменты сабель.

Рис. 37. Фото. Перекрестия.

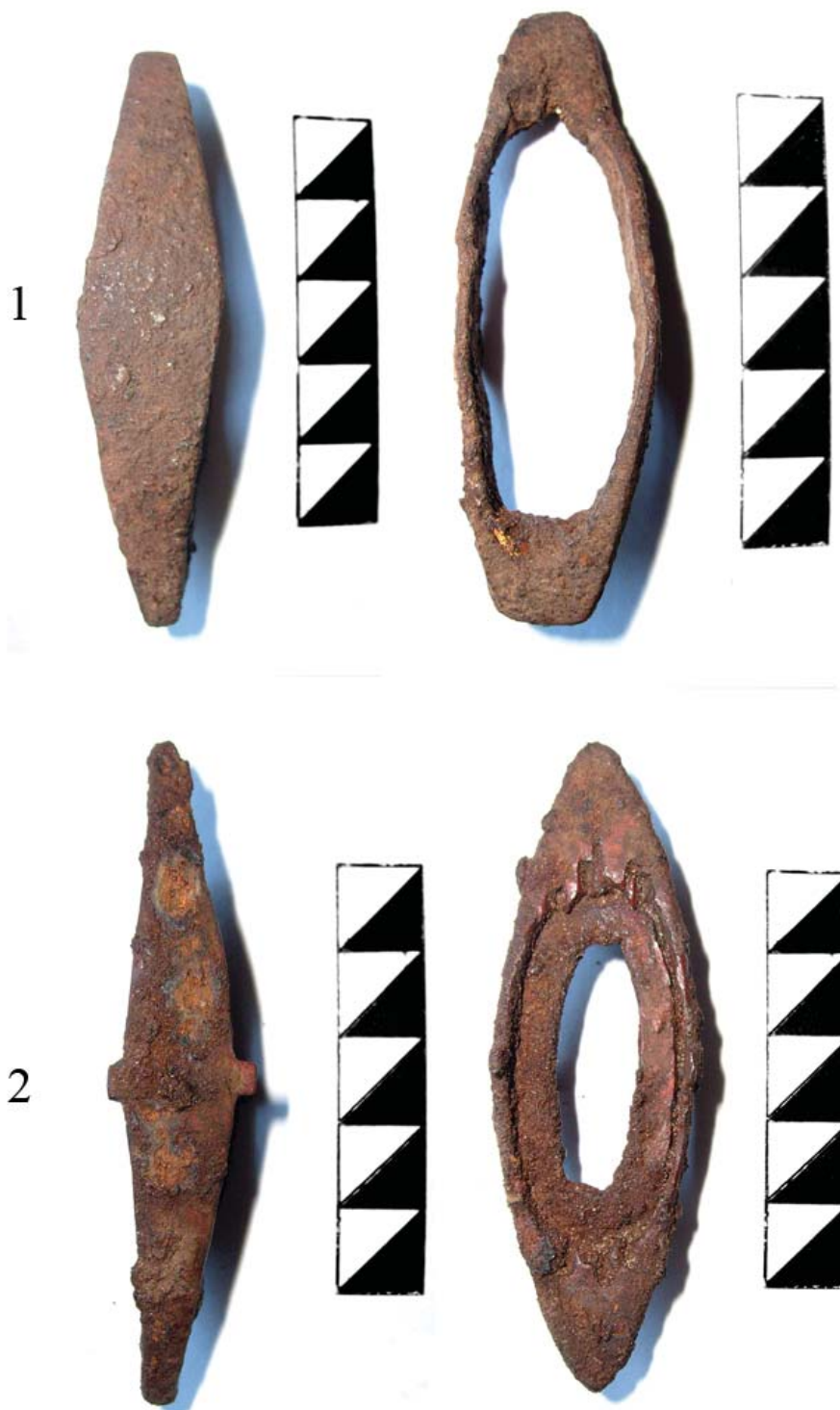

Рис. 38. Фото. Перекрестия.

Рис. 39. Фото. Перекрестия.

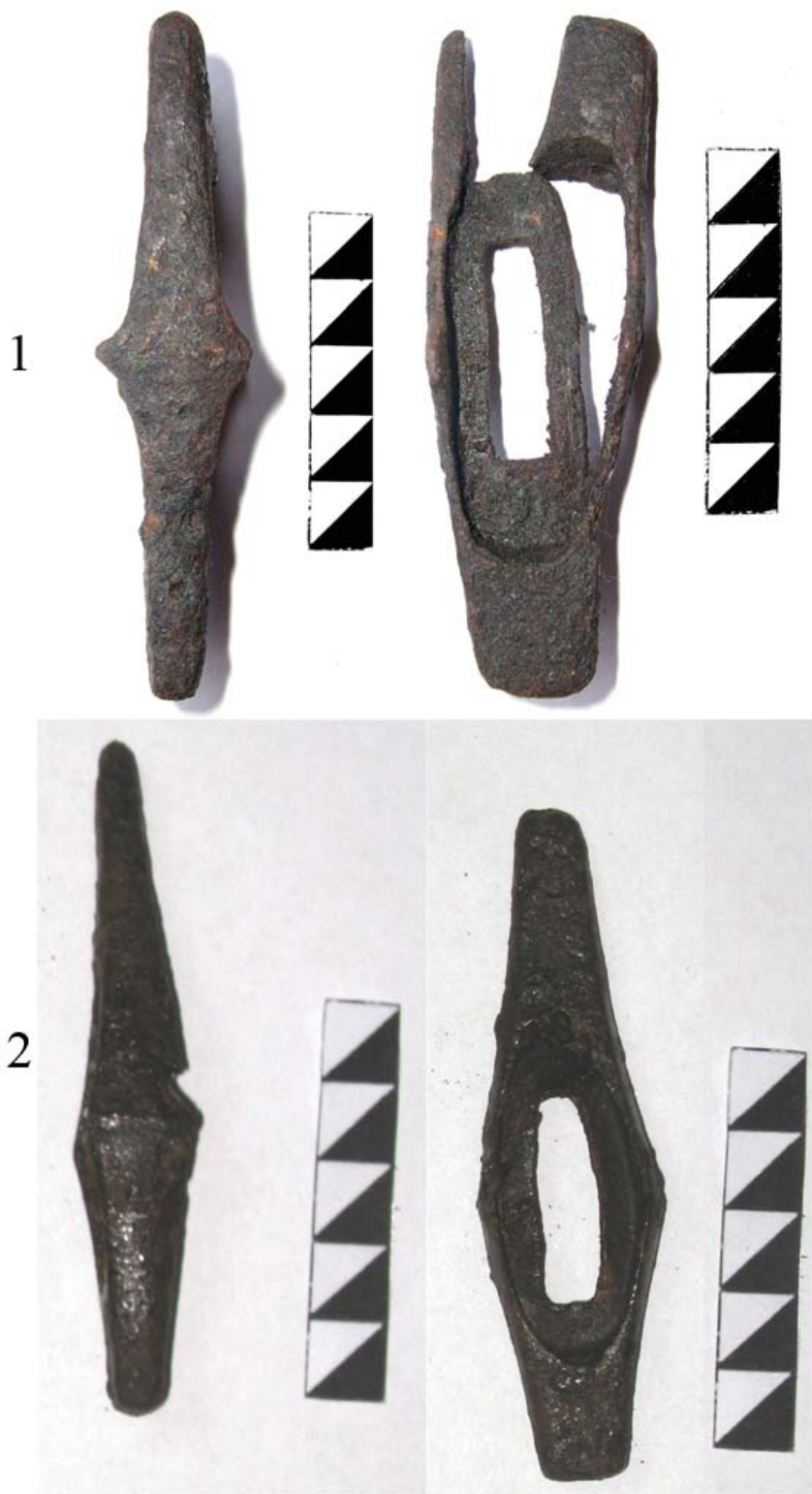

Рис. 40. Фото. Перекрестия.

Рис.41. Фото. Перекрестия.

Рис.42. Фото. Перекрестия.

Рис. 43. Фото. Перкрестия.

Рис. 44. Фото. Перекрестия.

Рис. 45. Фото. Перекрестия.

Рис. 46. Фото. Перекрестия.

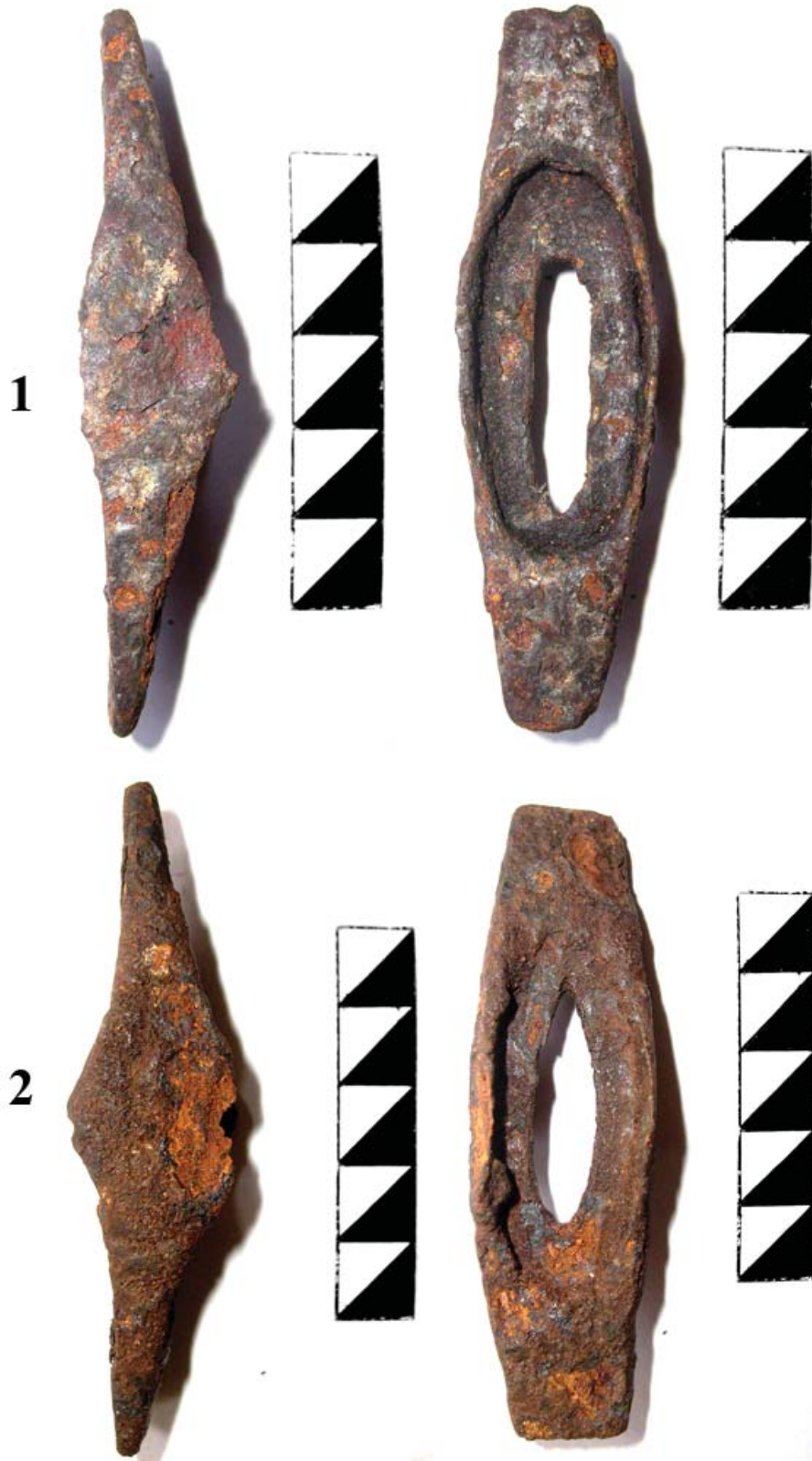

Рис. 47. Фото. Перекрестия.

Рис. 48. Фото. Перекрестие.

Рис. 49. Фото. Перекрестия.

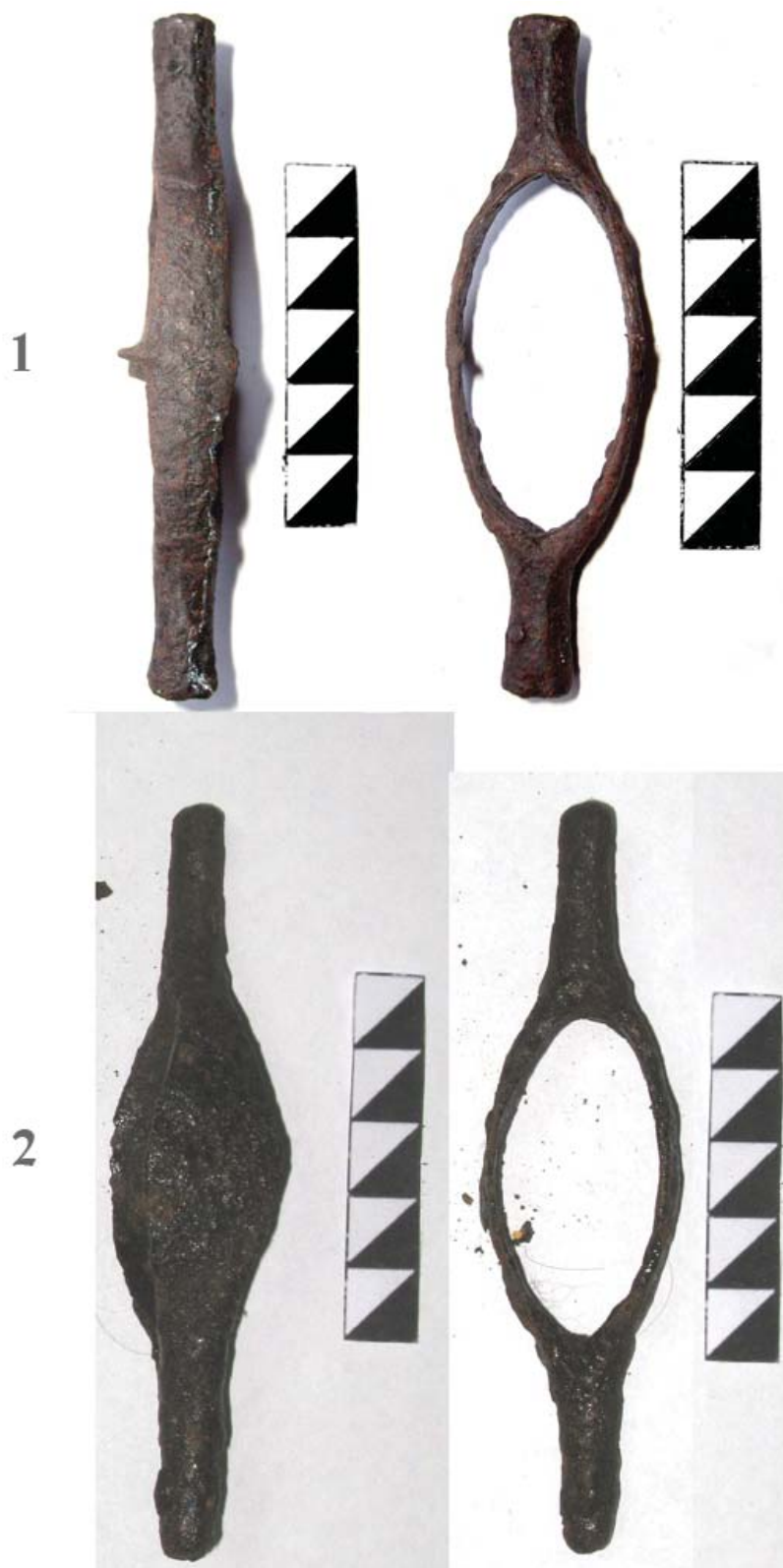

Рис. 50. Фото. Перекрестия.

Рис. 51. Фото. Перекрестия.

Рис. 52. Фото. Перекрестия.

Рис. 53. Фото. Перекрестия.

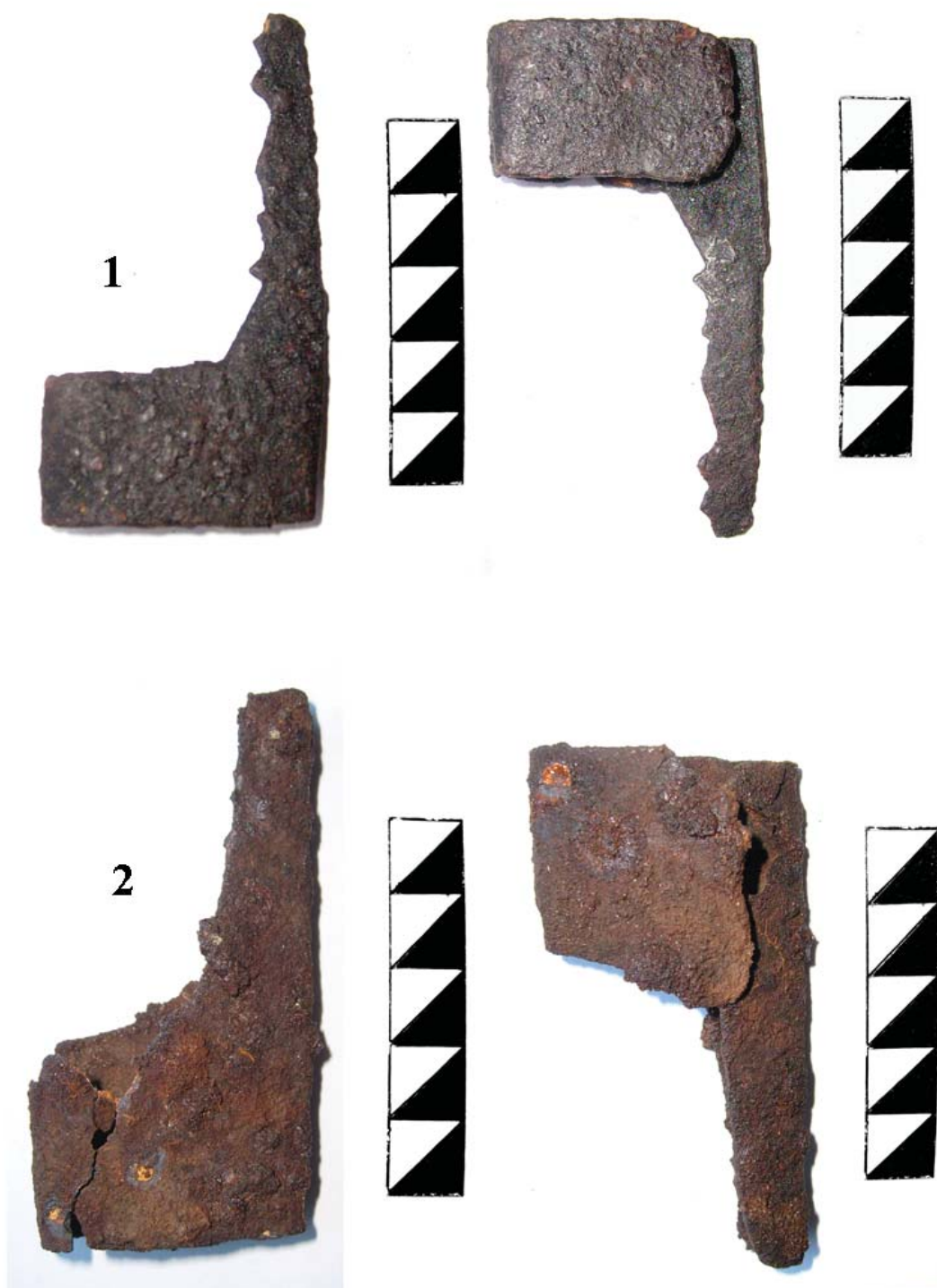

Рис. 54. Фото. Обоймицы сабельных клинков.

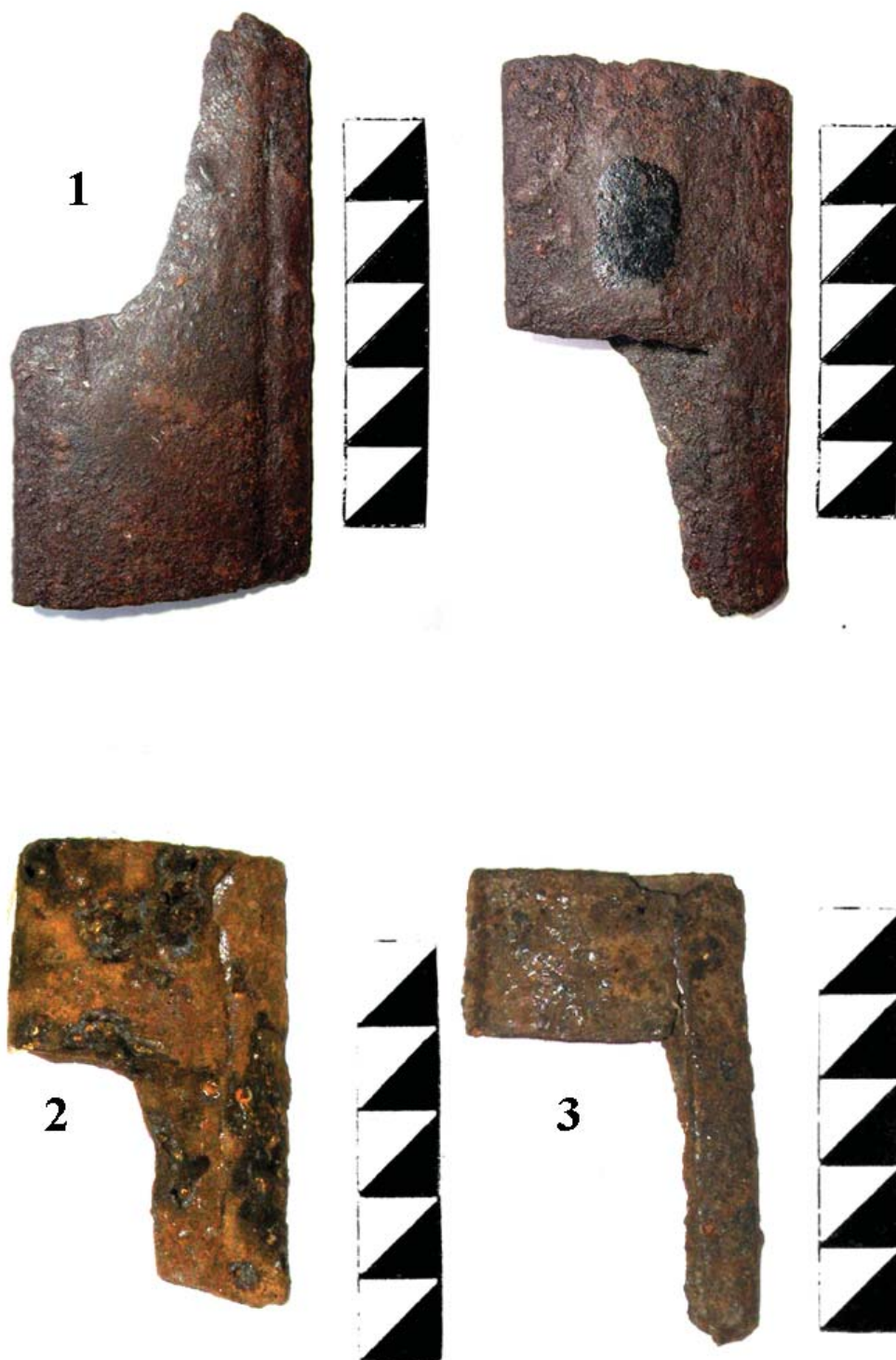

Рис. 55. Фото. Обоймицы сабельных клинков.

Рис. 56. Фото. Обоймицы сабельных клинков.

Рис. 57. Фото. Навершие рукоятки сабли.

Рис. 58. Фото. Навершие рукоятки сабли.

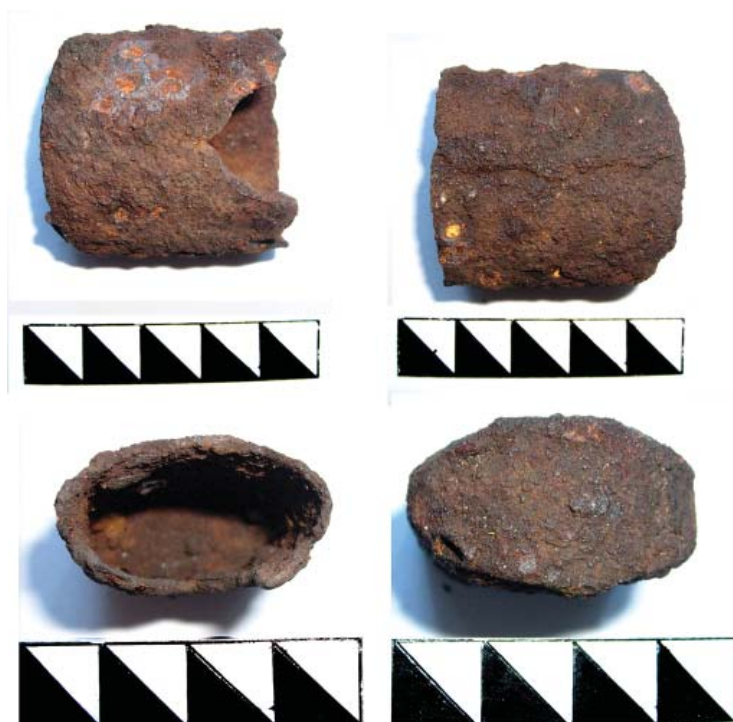

Рис. 59. Фото. Наконечник ножен.

Рис. 60. Фото. Навершия рукояток сабель.

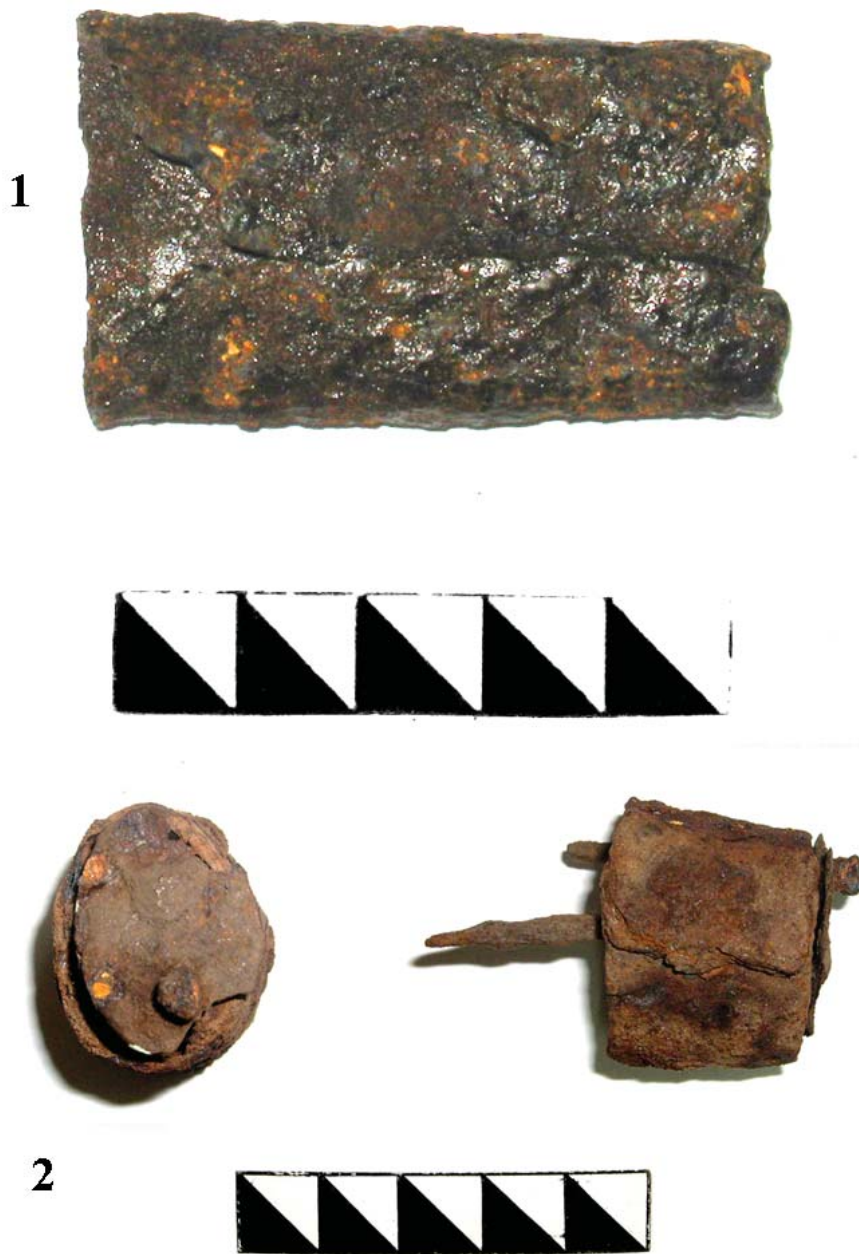

Рис. 61. Фото. Наконечники ножен.

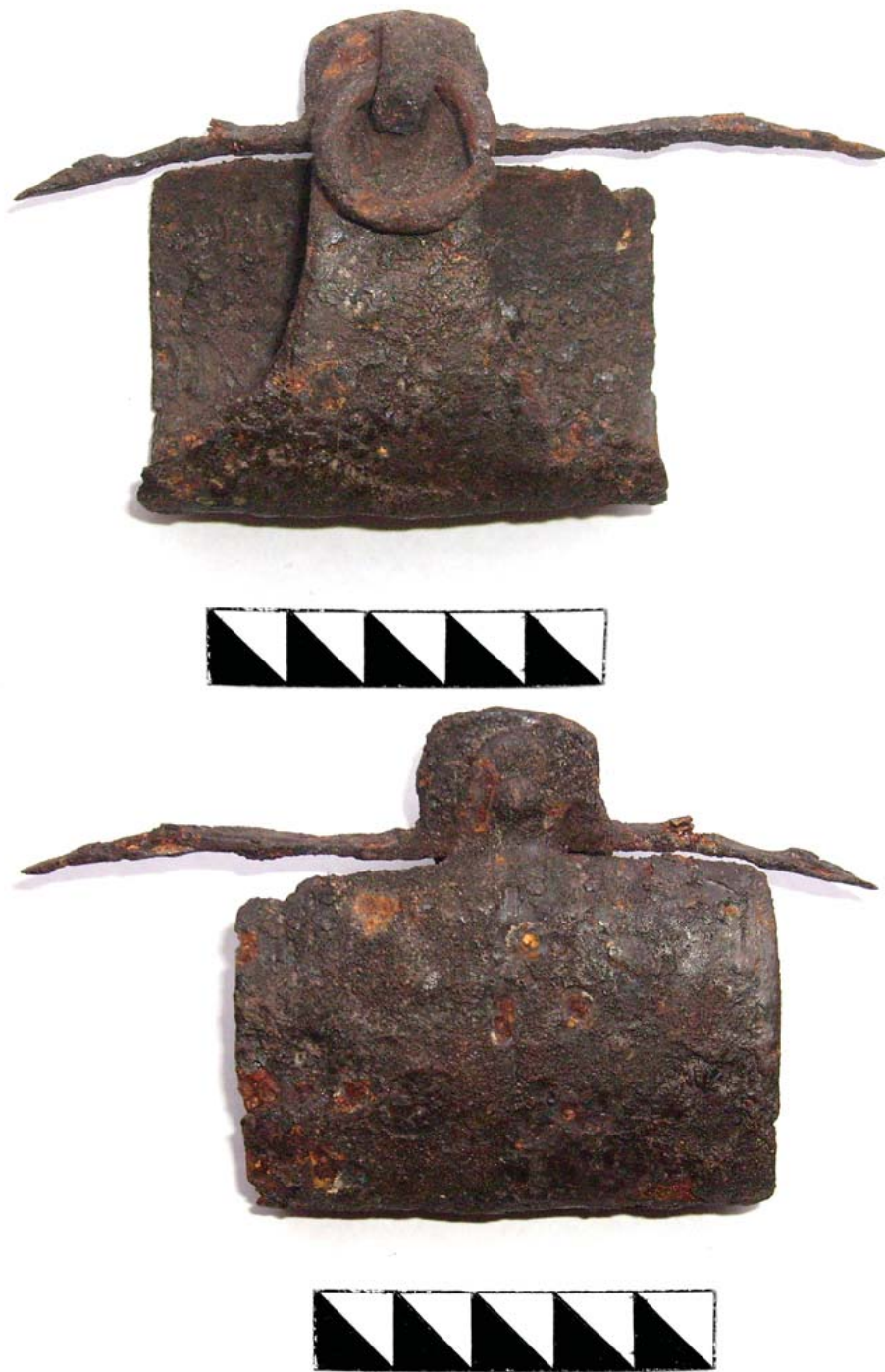

Рис. 62. Фото. Обойма ножен.

Рис. 63. Фото. Обойма ножен.

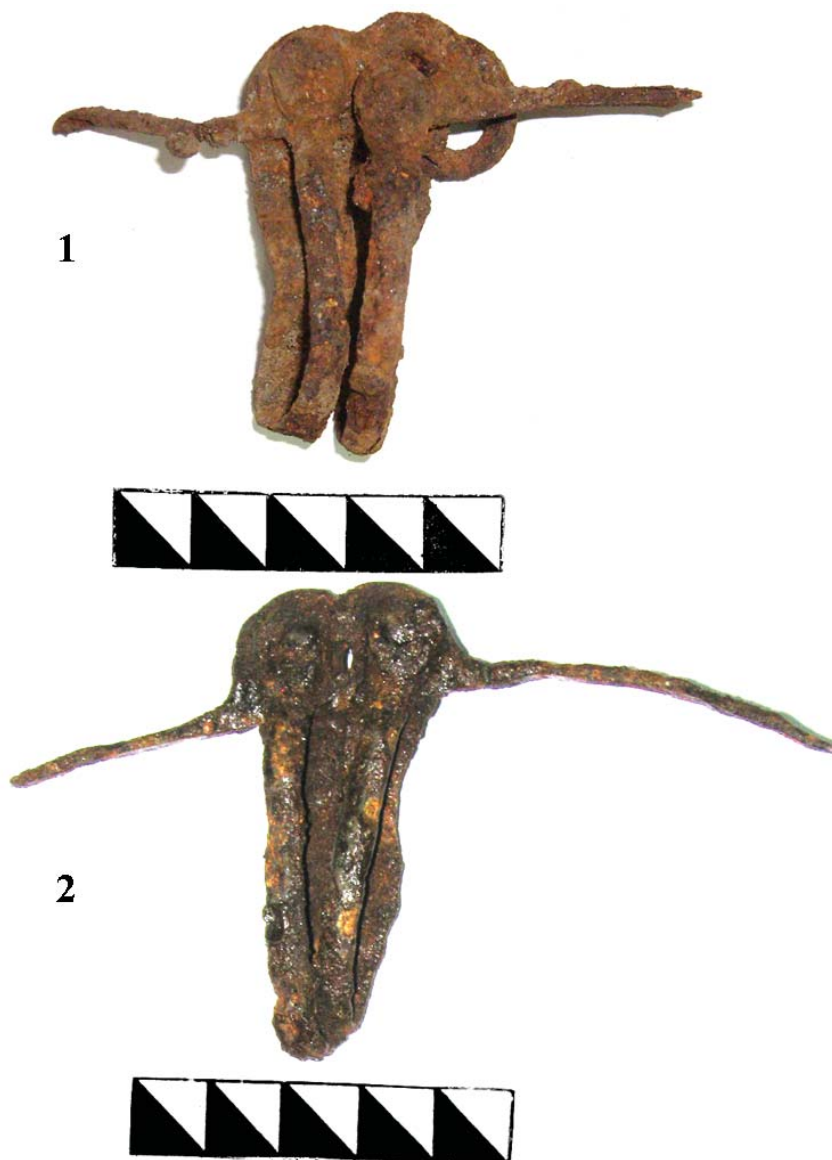

Рис. 64. Фото. Обойма ножен.

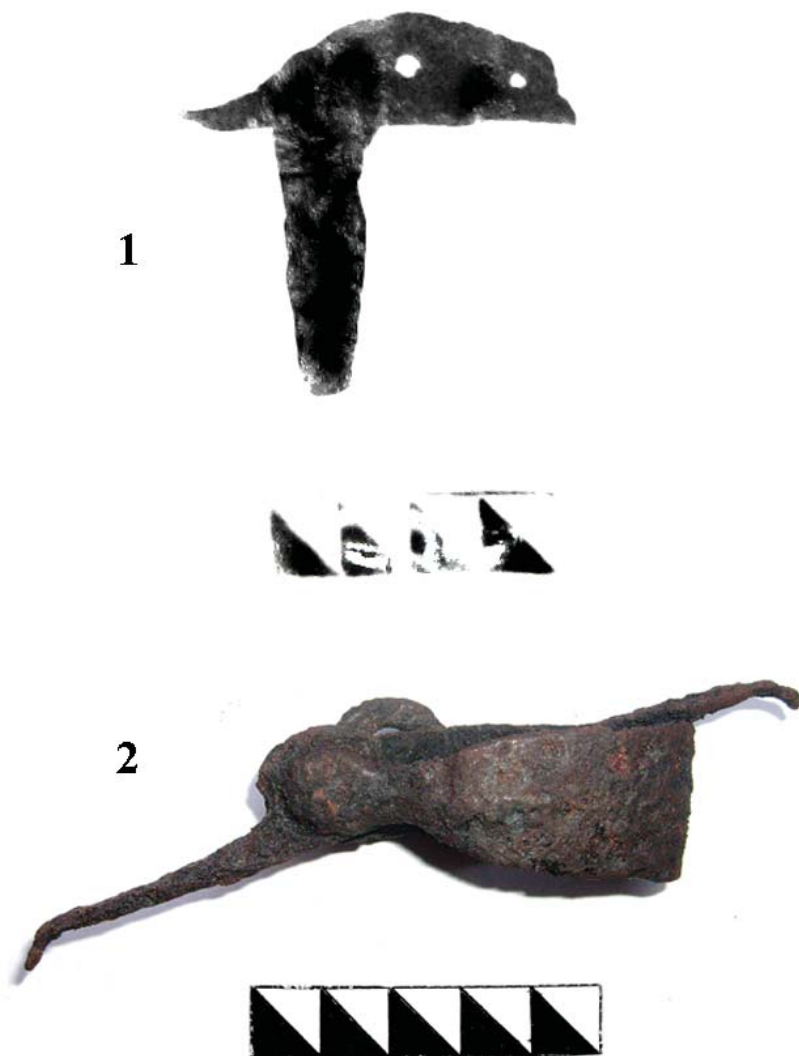

Рис. 65. Фото. Обоймы ножен.

Рис. 66. Фото. Обойма ножен.

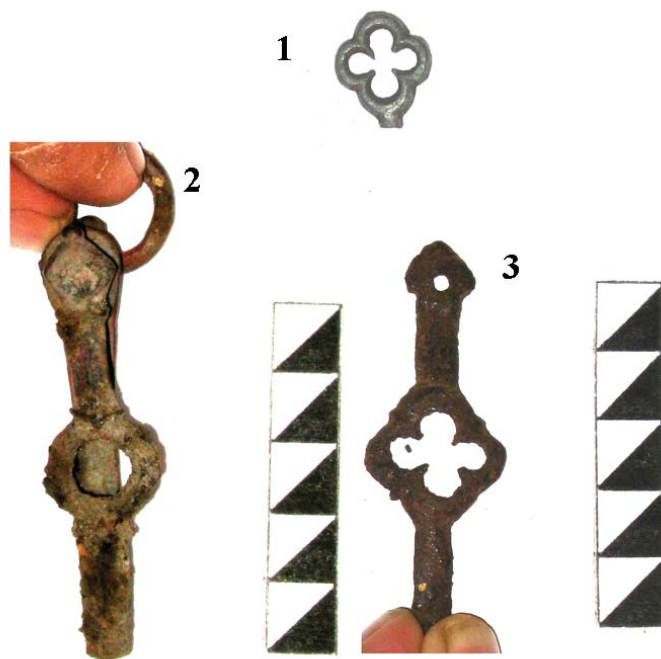

Рис. 67. Фото. Обоймы ножен.

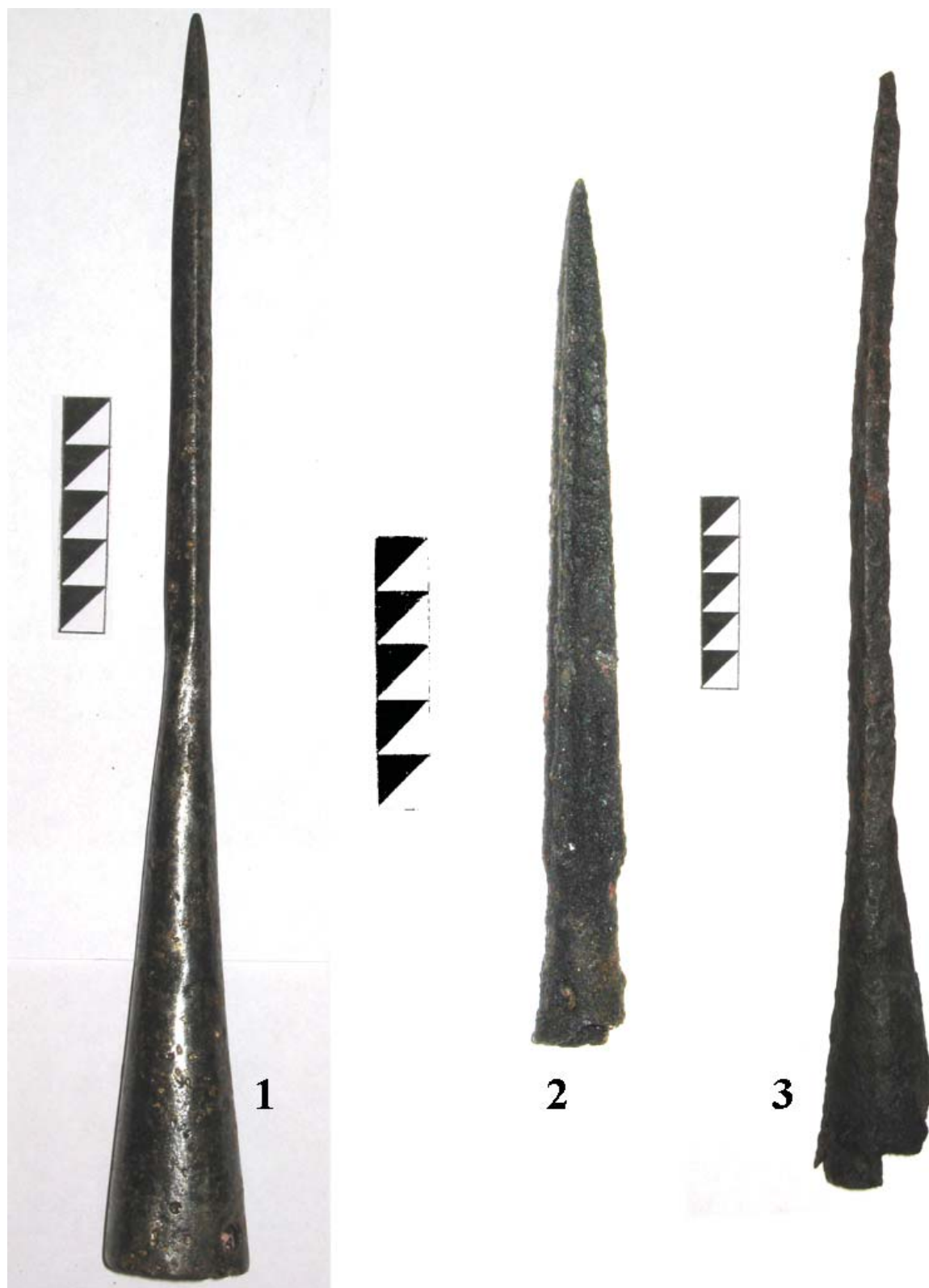

Рис. 68. Фото. Пики.

Рис. 69. Фото. Наконечник копья.

Рис. 70. Фото. Наконечник копья.

Рис. 71. Фото. Наконечник копья.

Рис. 72. Фото. Наконечник рогатины.

Рис. 73. Фото. Наконечник копья и втулки.

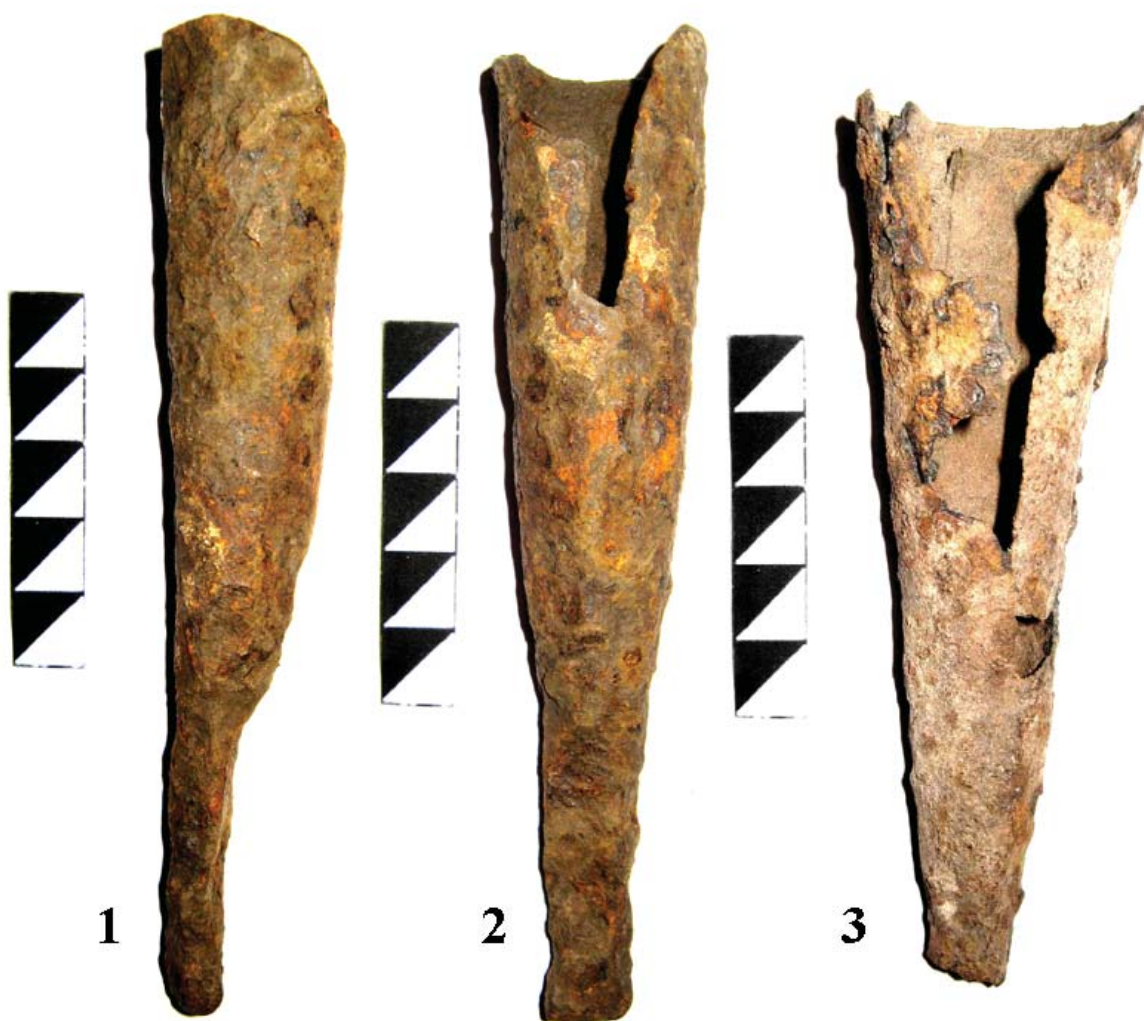

Рис. 74. Фото. Втоки.

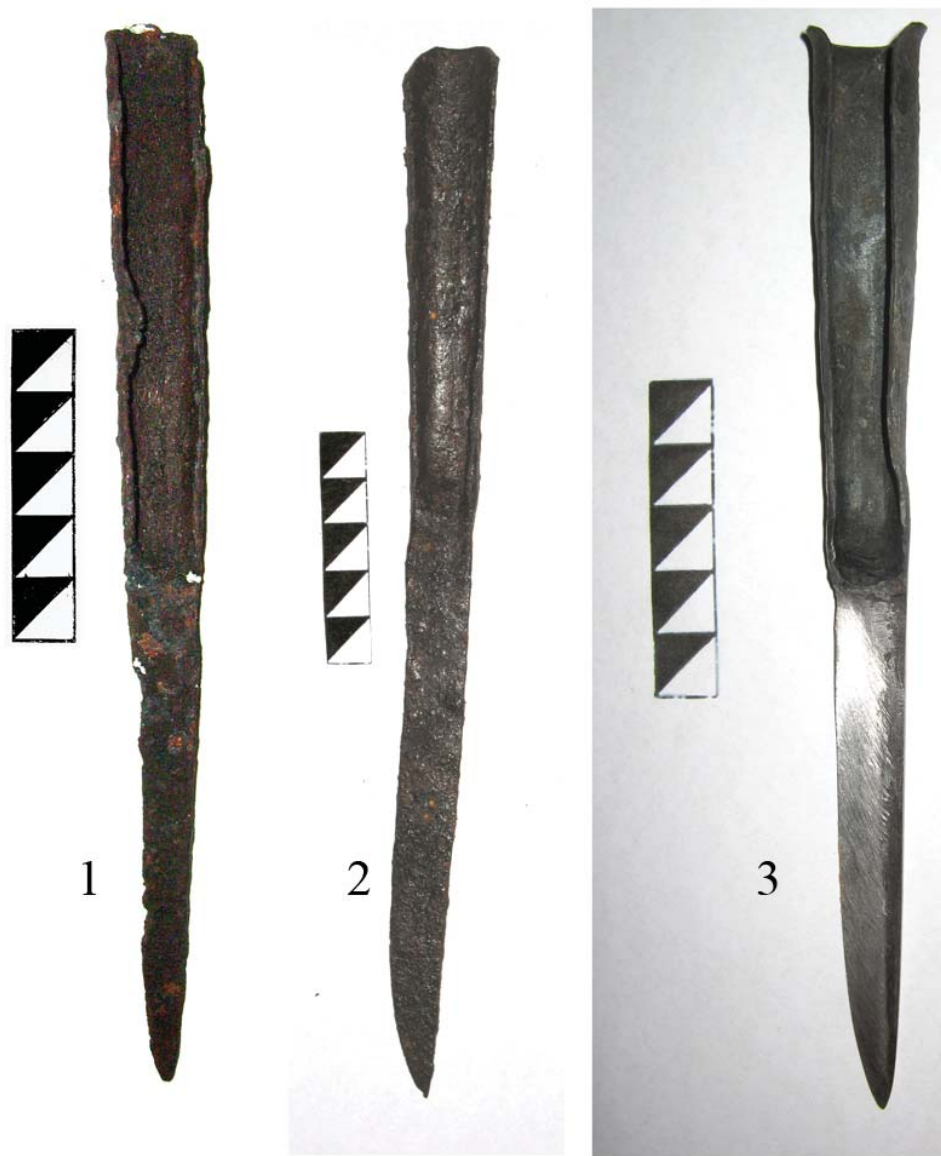

Рис. 75. Фото. Ножи со втульчатой рукояткой («пальмы»).

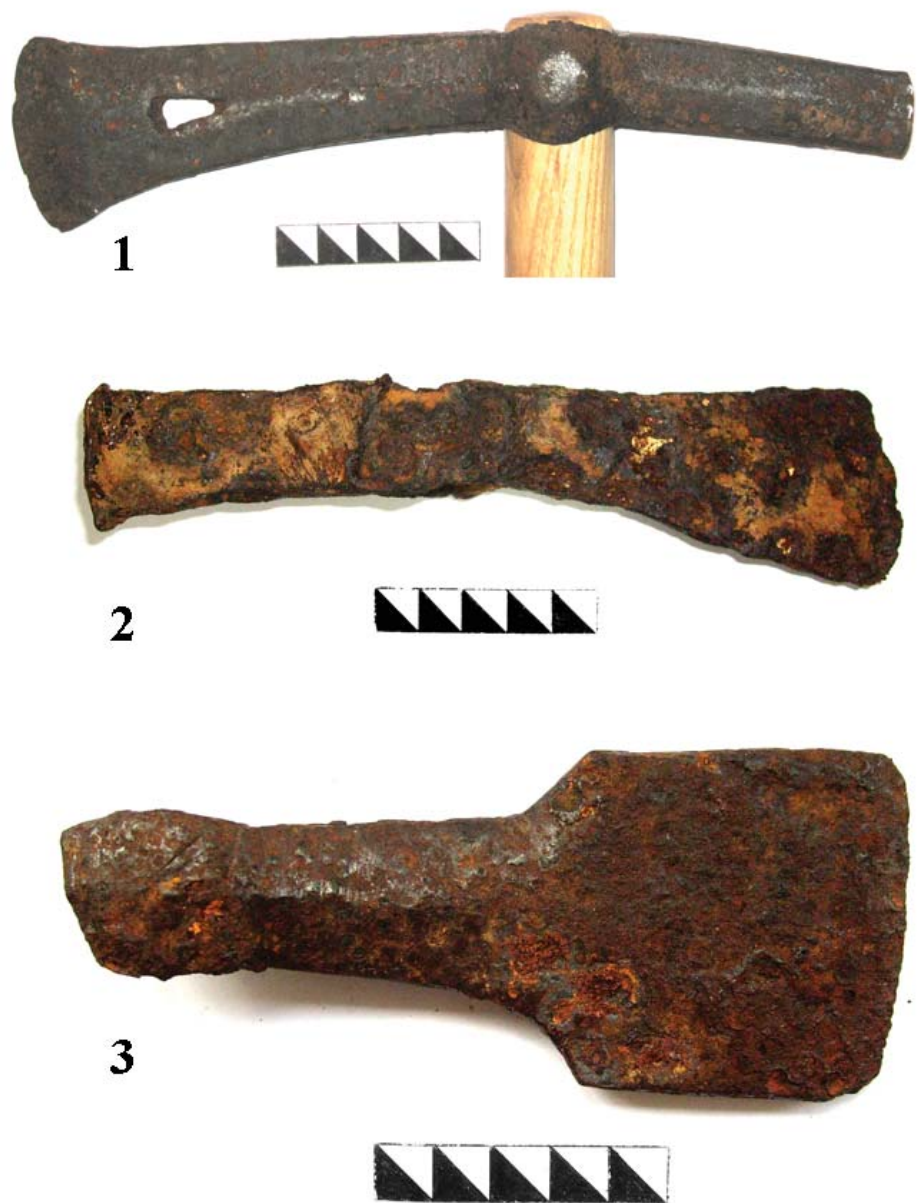

Рис. 76. Фото. Топоры-чеканы.

1

2

Рис. 77. Фото. Булавы.

Рис. 78. Фото. Кистени.

Рис. 79. Фото. Фрагменты кольчуг.

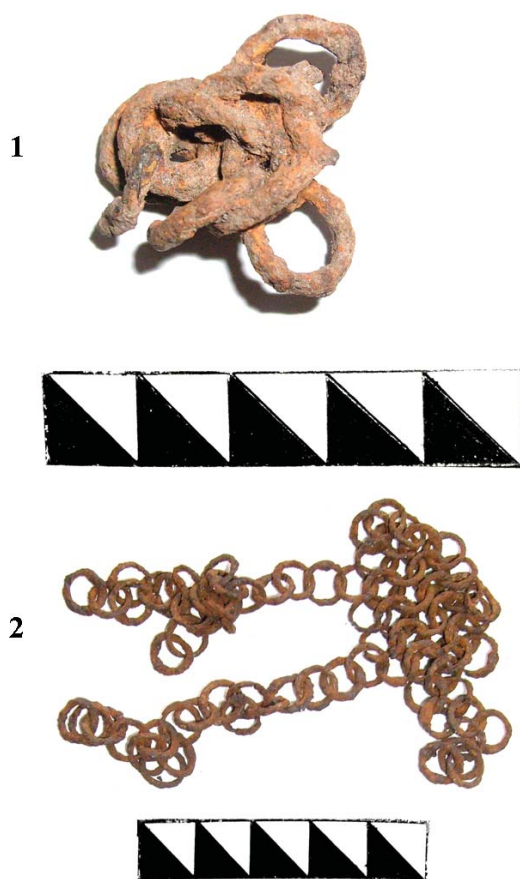

Рис. 80. Фото. Фрагменты кольчуг.

Рис. 81. Фото. Доспешные пластины.

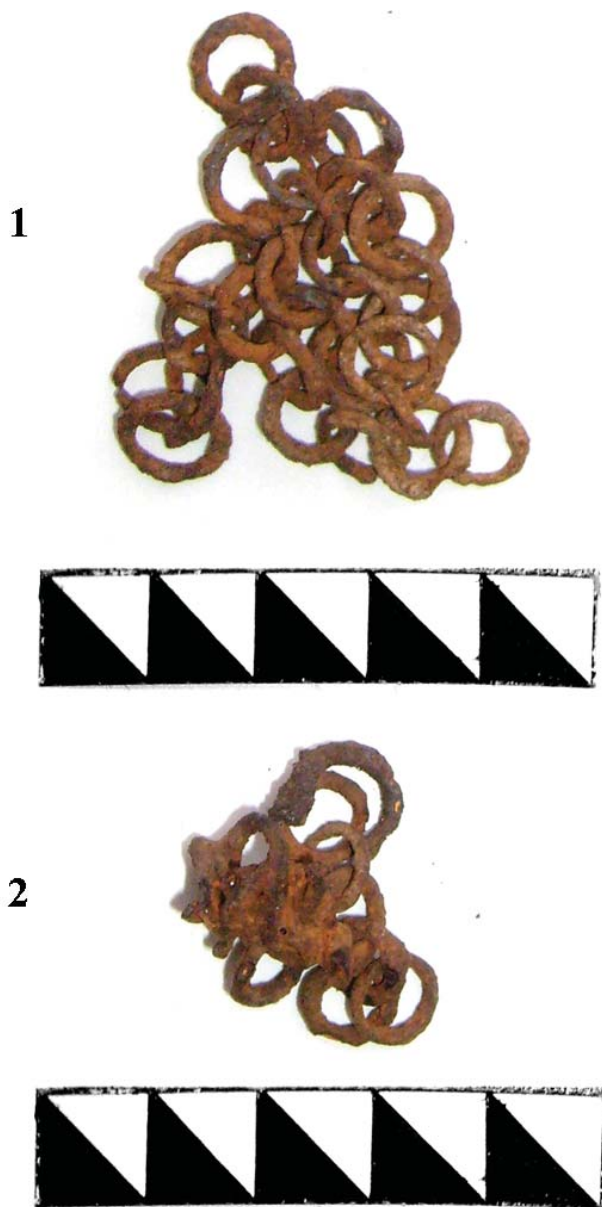

Рис. 82. Фото. Доспешные пластины.

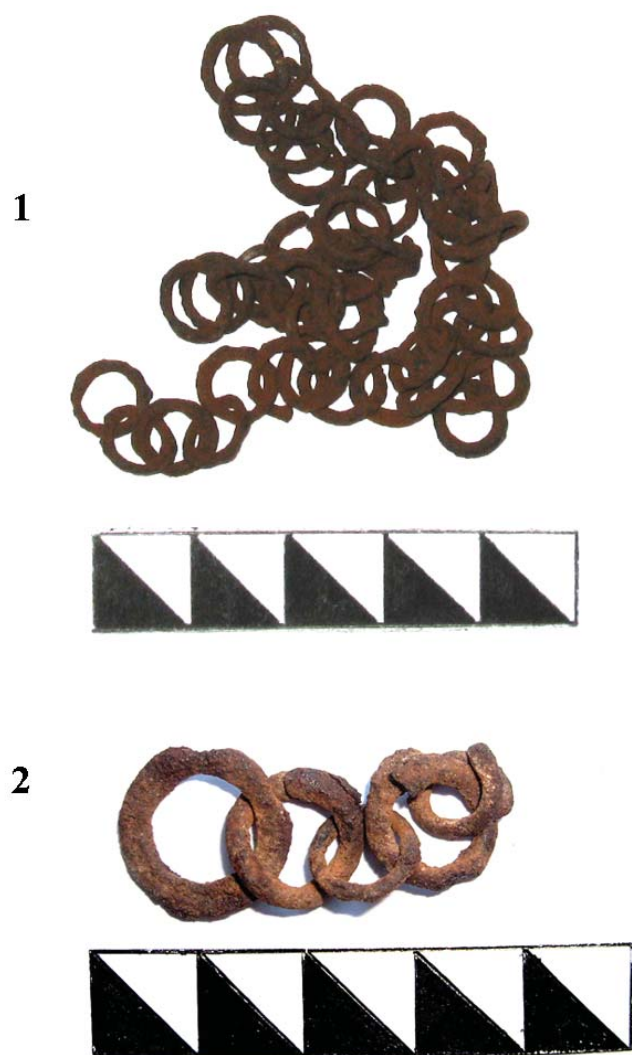

Рис. 83. Фото. Доспешные пластины.

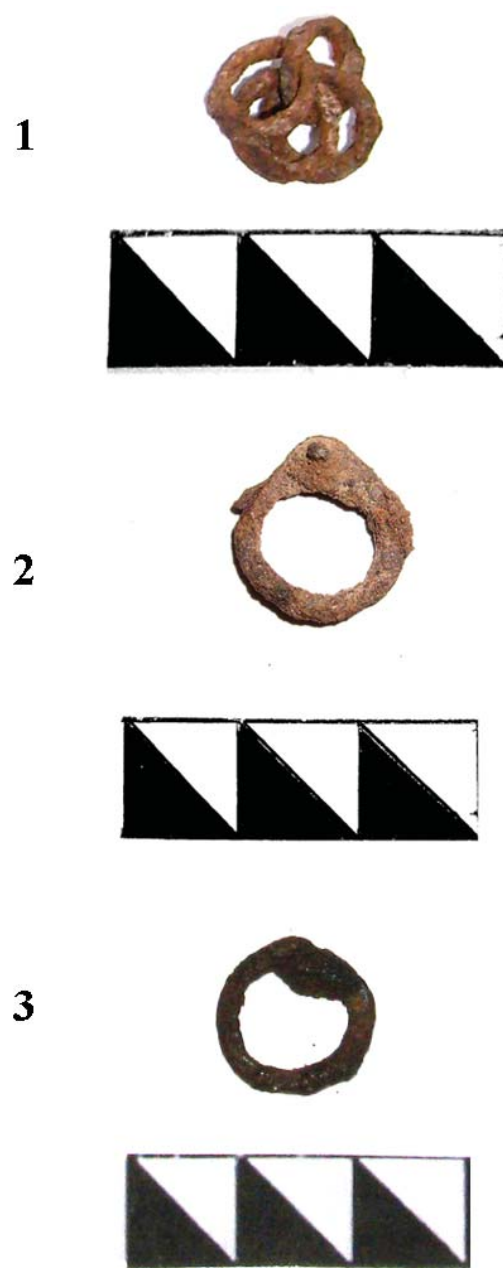

Рис. 84. Фото. Доспешные пластины.

Рис. 85. Фото. Доспешные пластины.

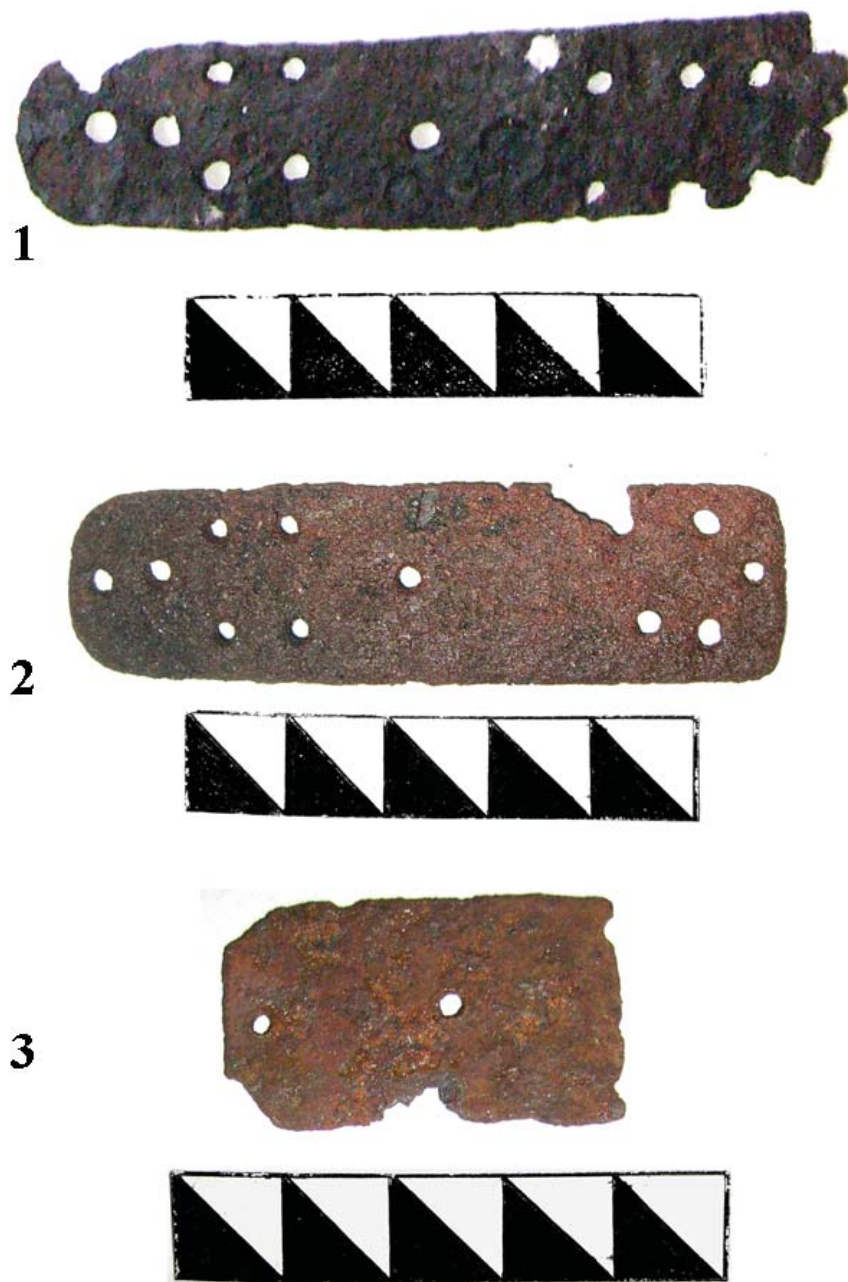

Рис. 86. Фото. Доспешные пластины.

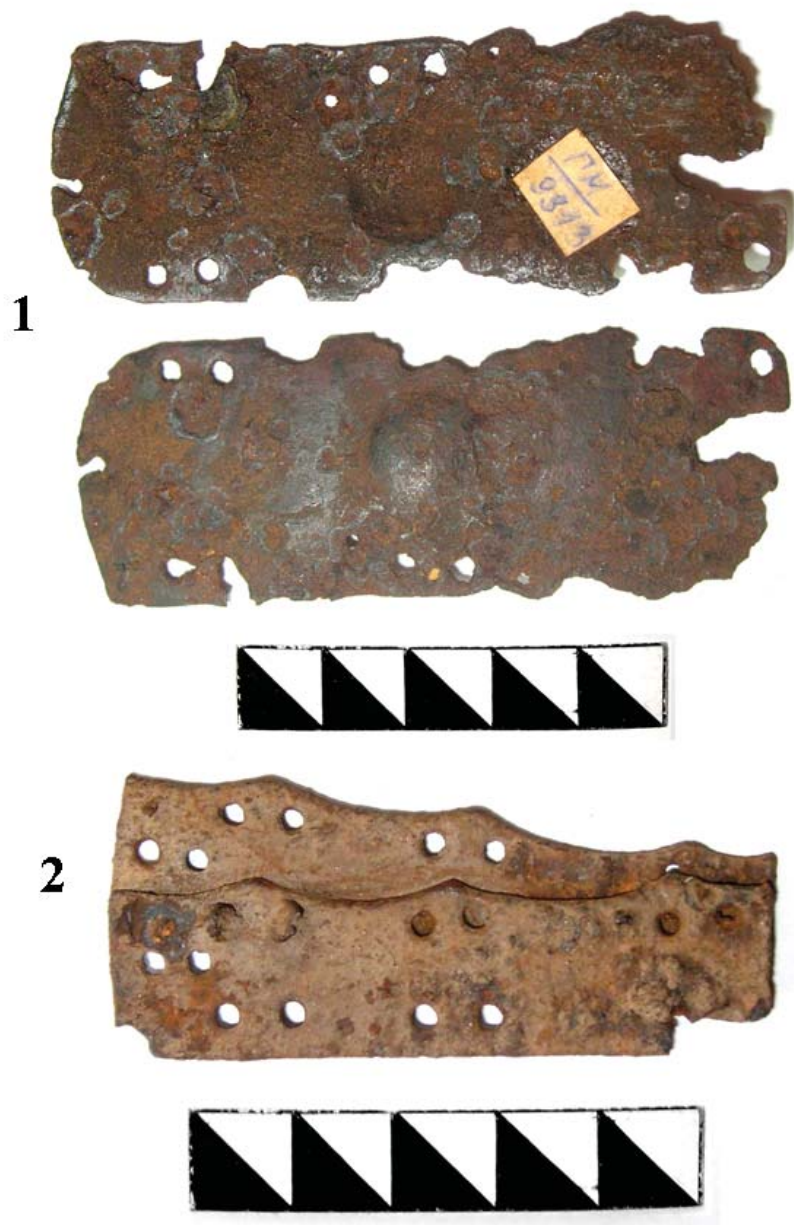

Рис. 87. Фото. Доспешные пластины.

Рис. 88. Фото. Доспешные пластины.

Рис. 89. Фото. Доспешная пластина.

Рис. 90. Фото. Доспешная пластина.

Рис. 91. Фото. Доспешные пластины.

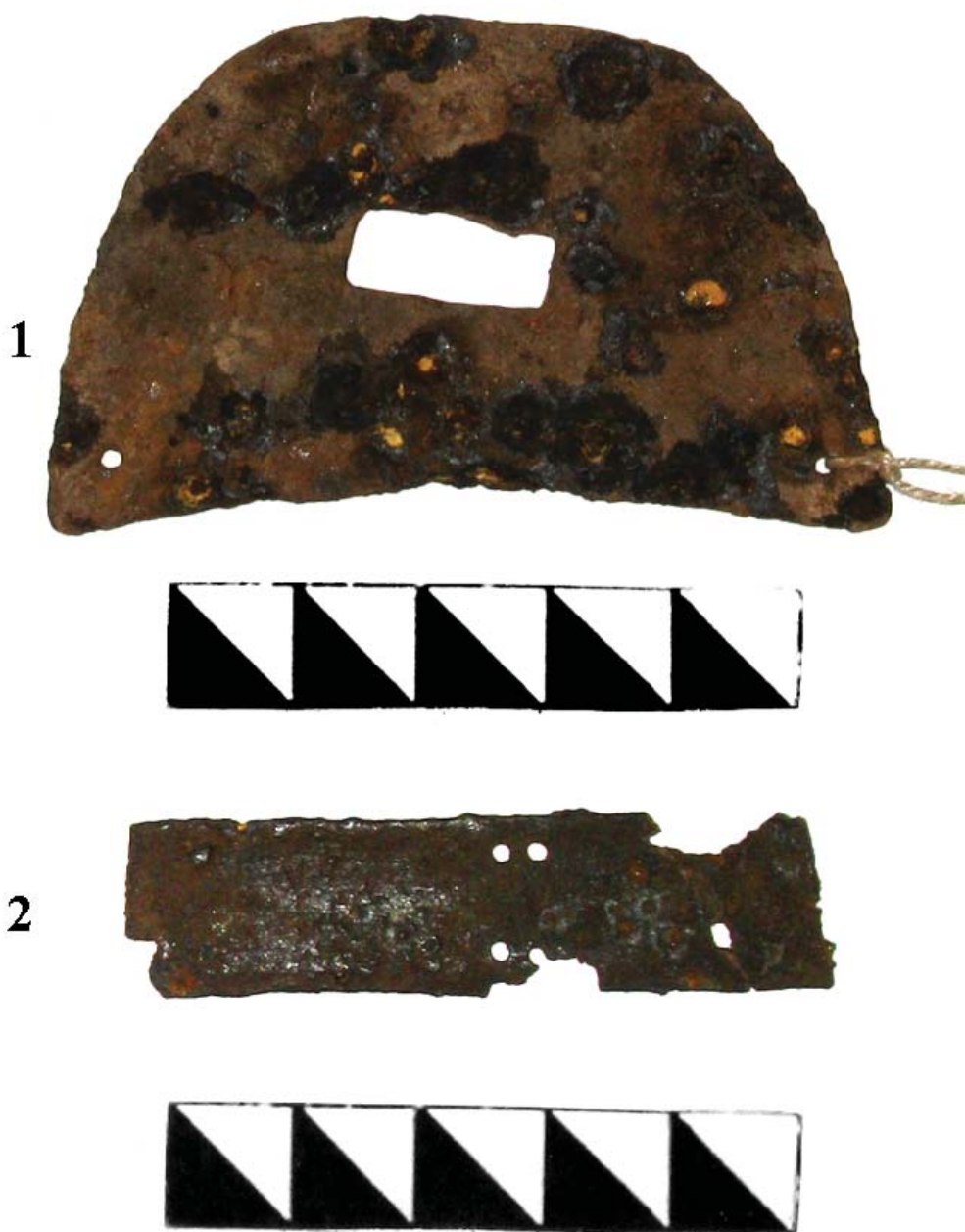

Рис. 92. Фото. Доспешные пластины.

Рис. 93. Фото. Комплекс доспеха.

Рис. 94. Фото. Доспешная пластина с орнаментом из комплекса.

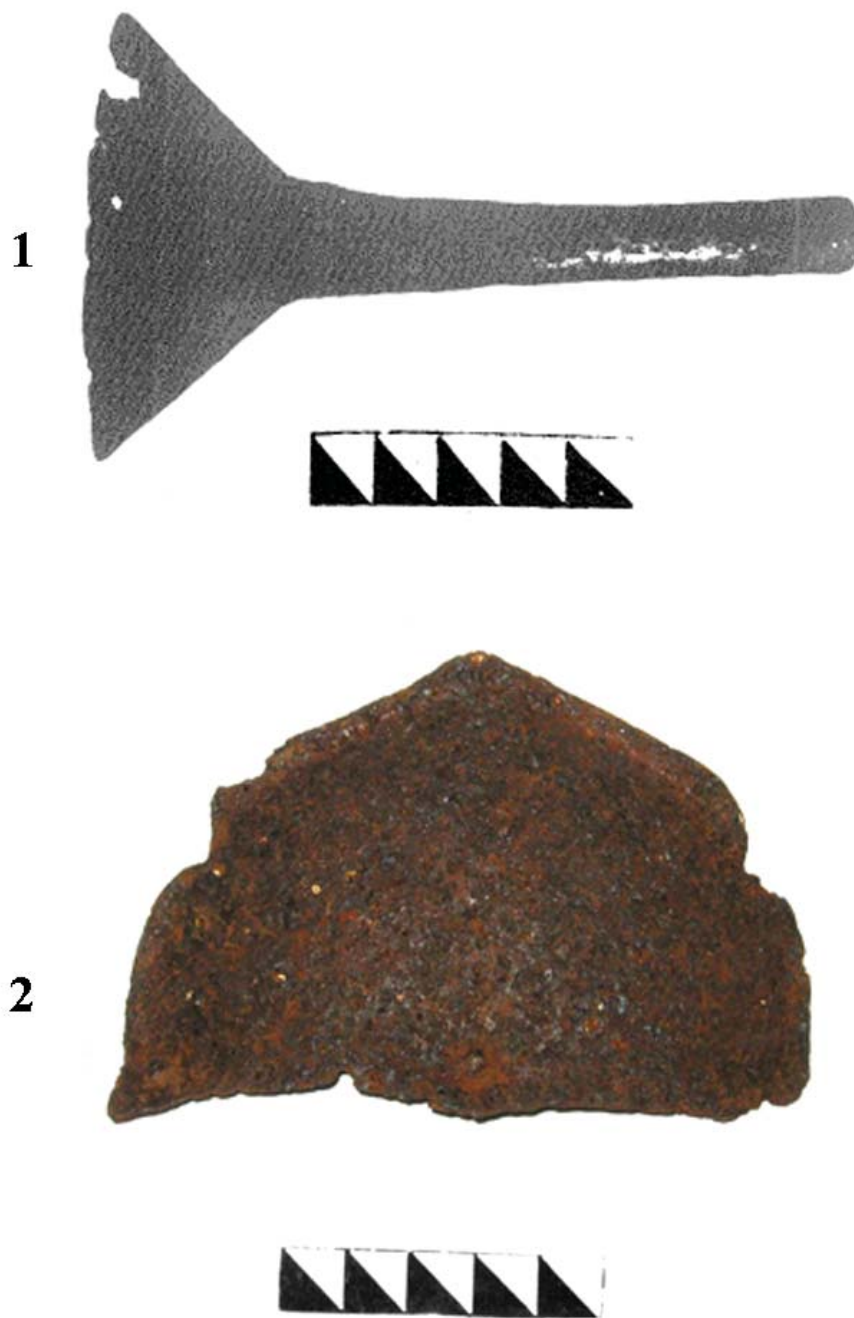

Рис. 95. Фото. Детали шлемов.

Рис. 96. Топор-чекан с элементами реконструкции

Рис. 97. Булава с элементами реконструкции

Рис.98. Кистень с элементами реконструкции

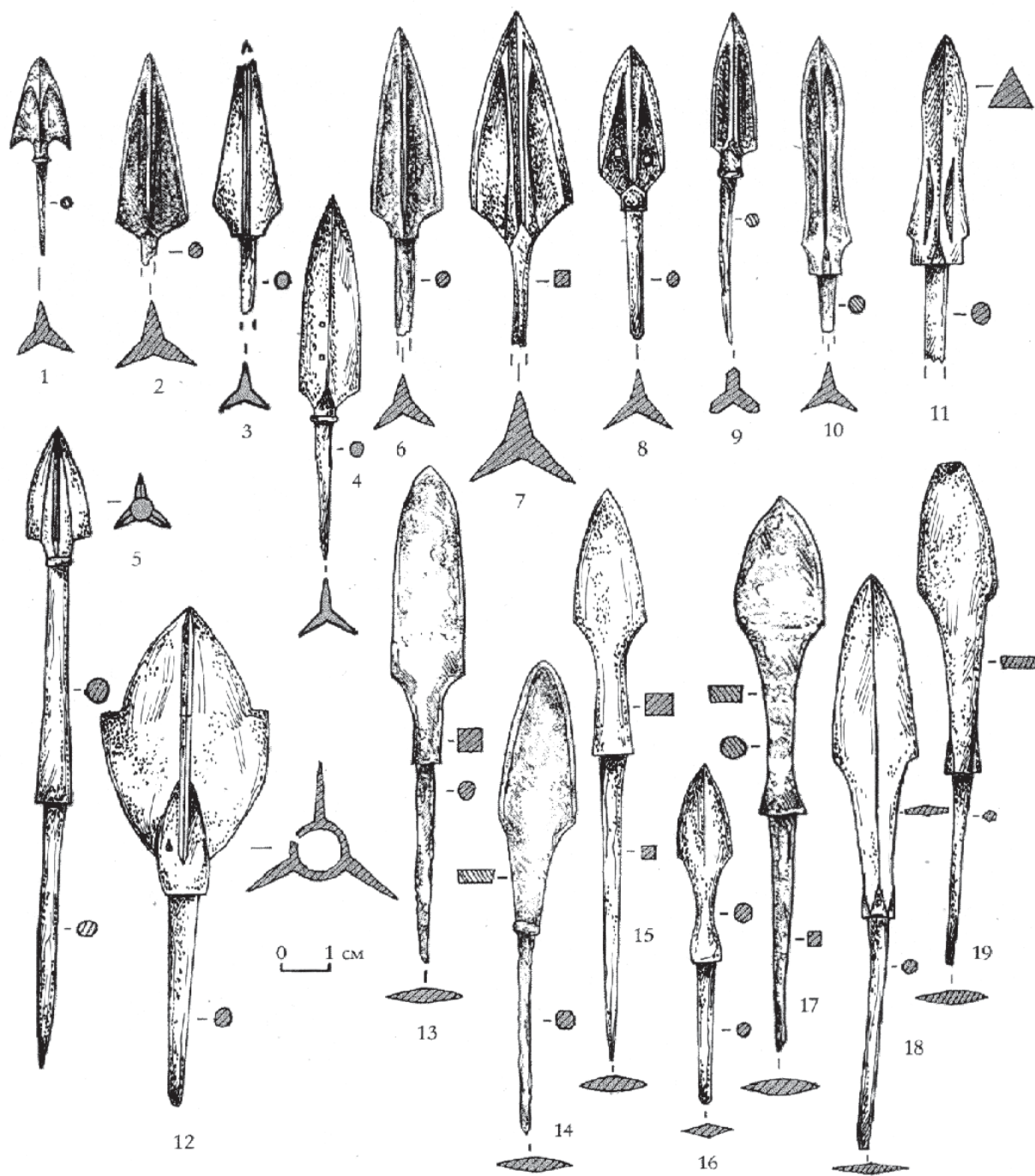

Рис. 99. Наконечники стрел

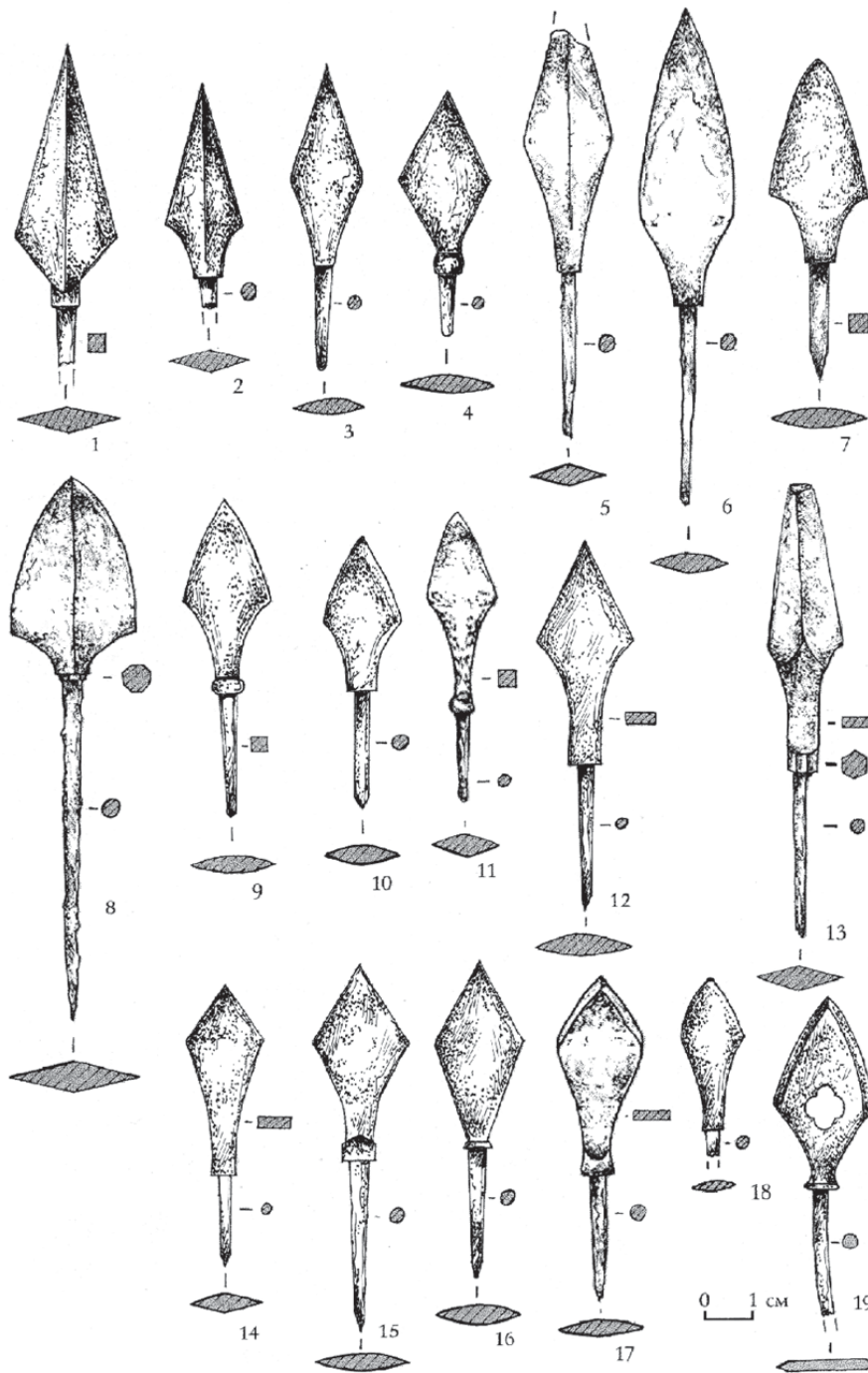

Рис. 100. Наконечники стрел

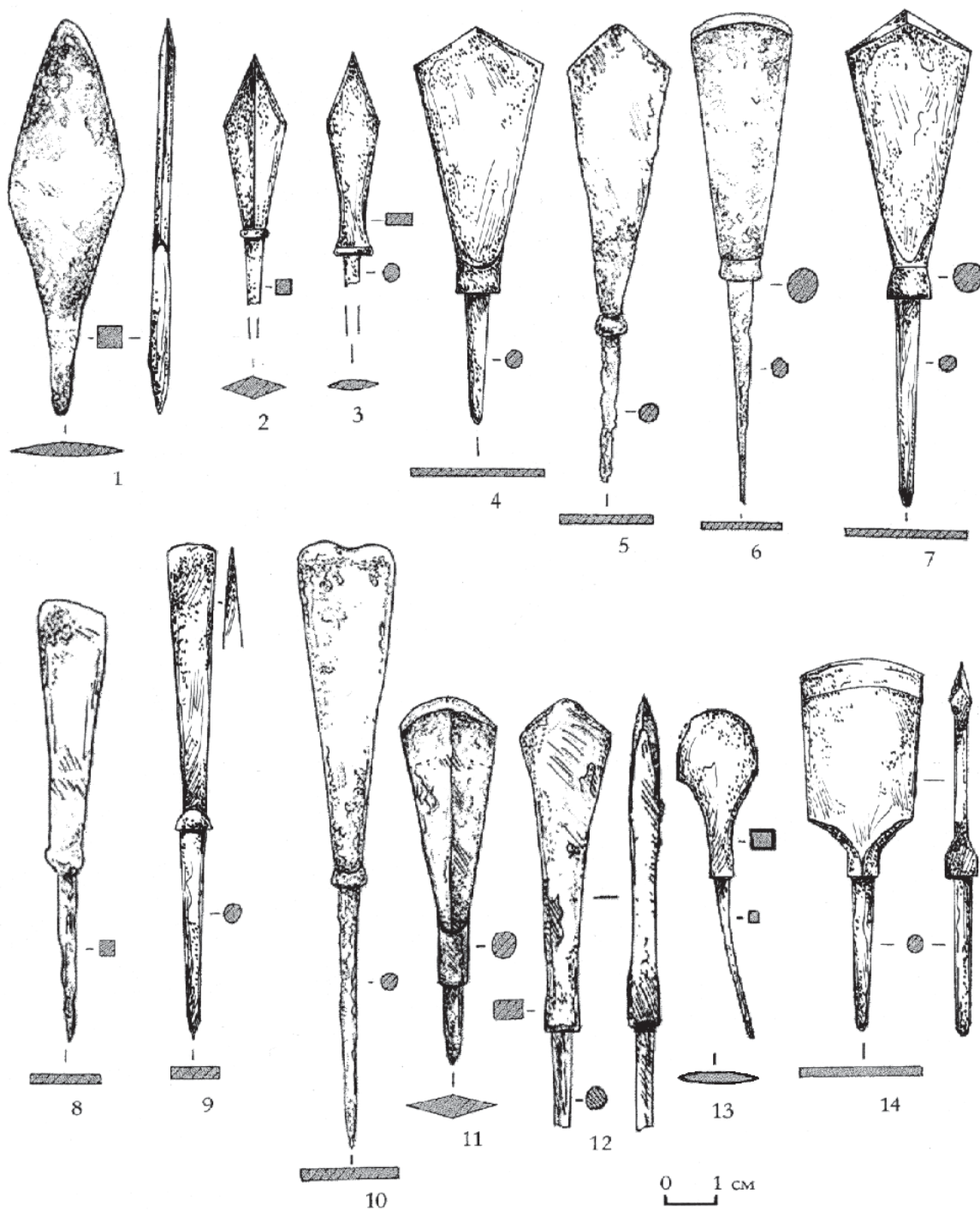

Рис. 101. Наконечники стрел

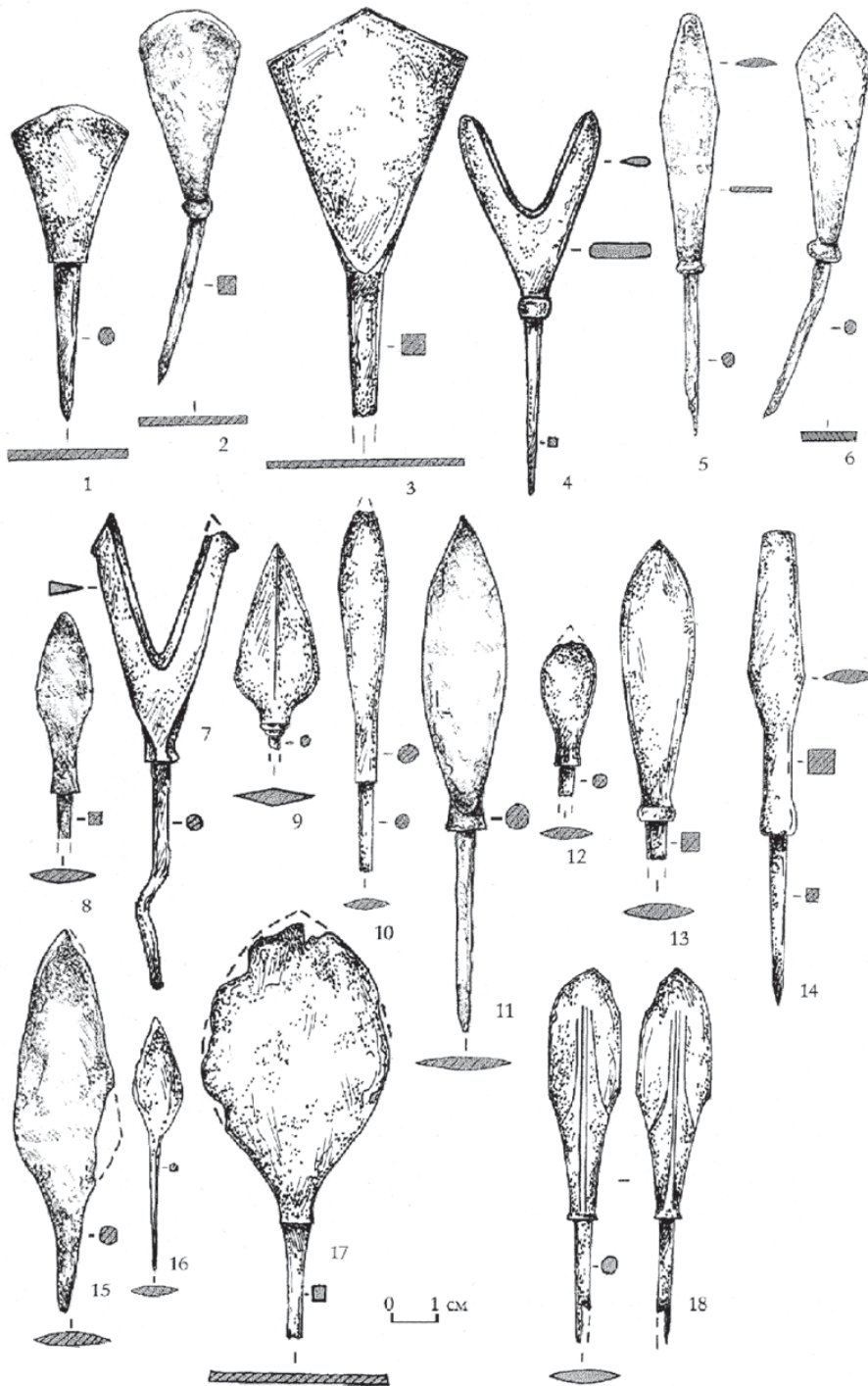

Рис. 102. Наконечники стрел

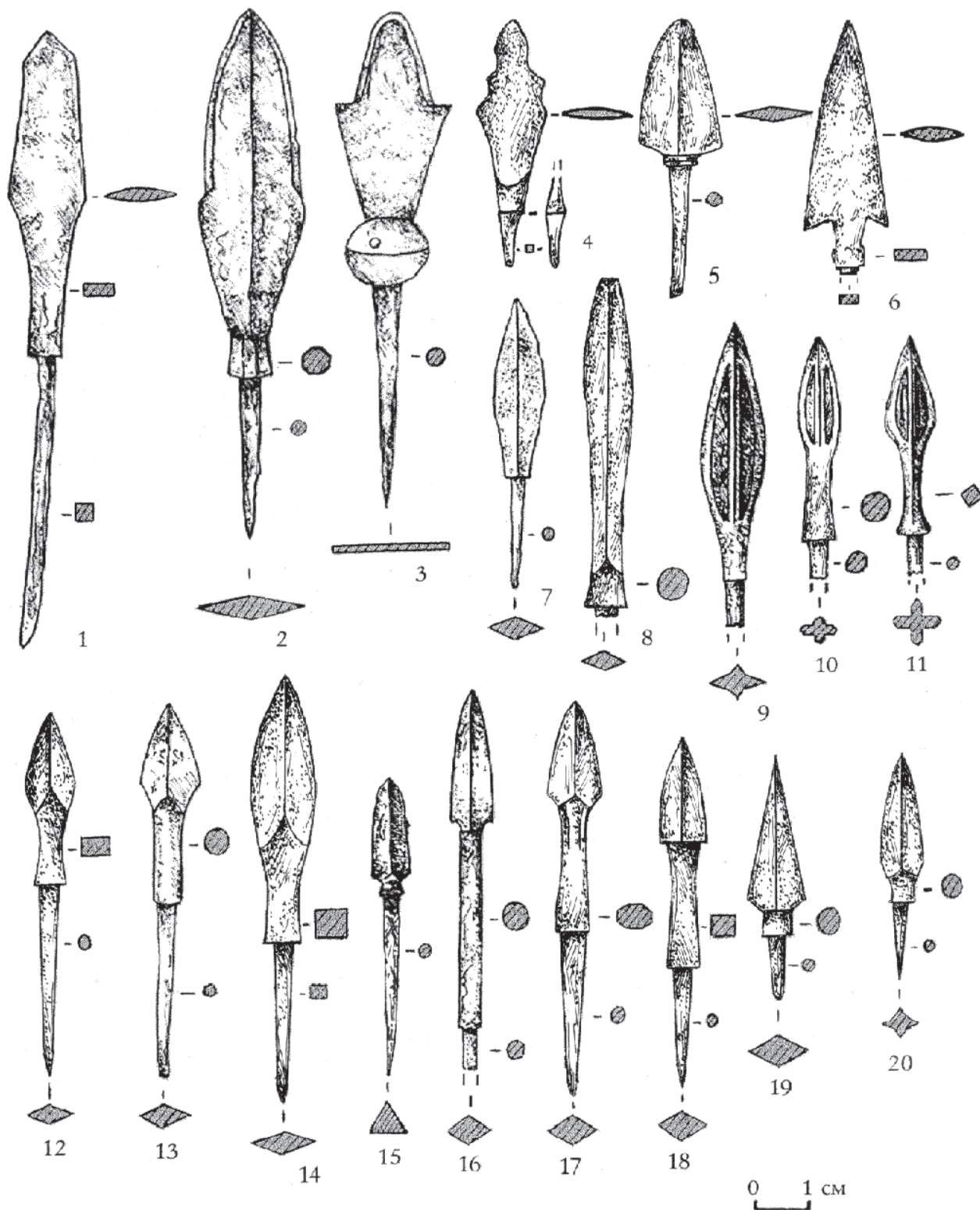

Рис. 103. Наконечники стрел

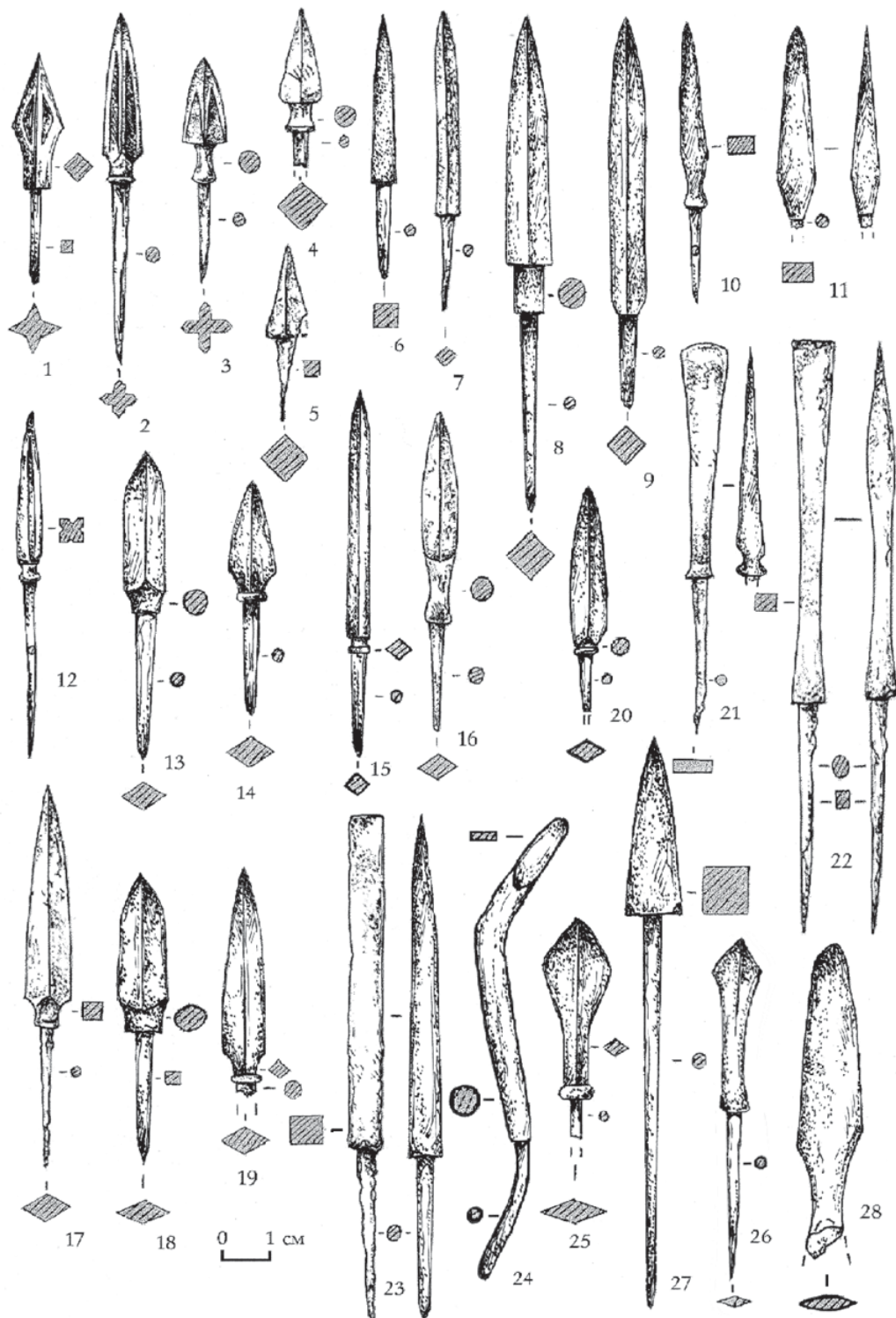

Рис. 104. Наконечники стрел

Рис. 105. Фото наконечников стрел

Рис. 106. Фото наконечников стрел

Рис. 107. Позолоченные наконечник стрелы и накладка

Рис. 108. Реконструкция доспеха

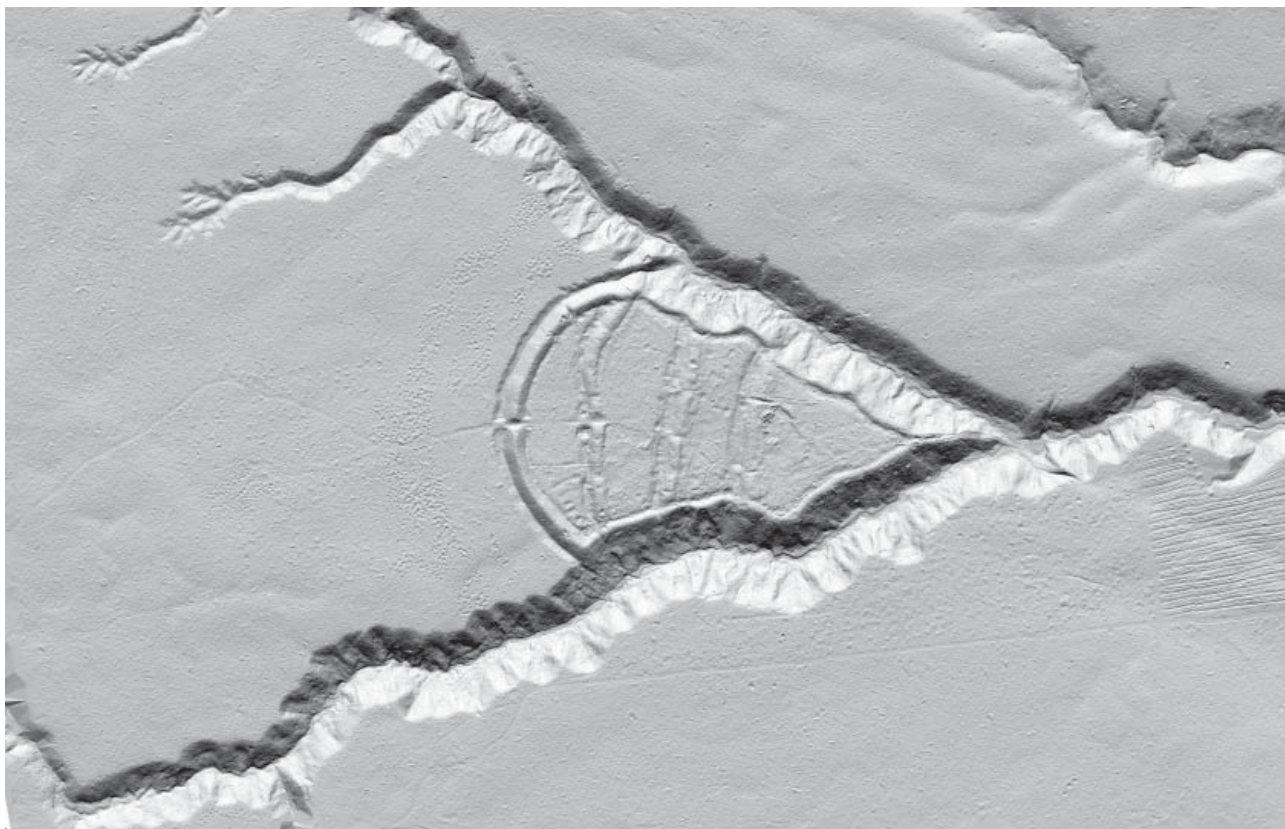

Рис. 109. Аэрофотосъемка Золотаревского городища

Рис. 110. Золотаревское городище. Внешний вал

Рис. 111. Реконструкция Золотаревского городища

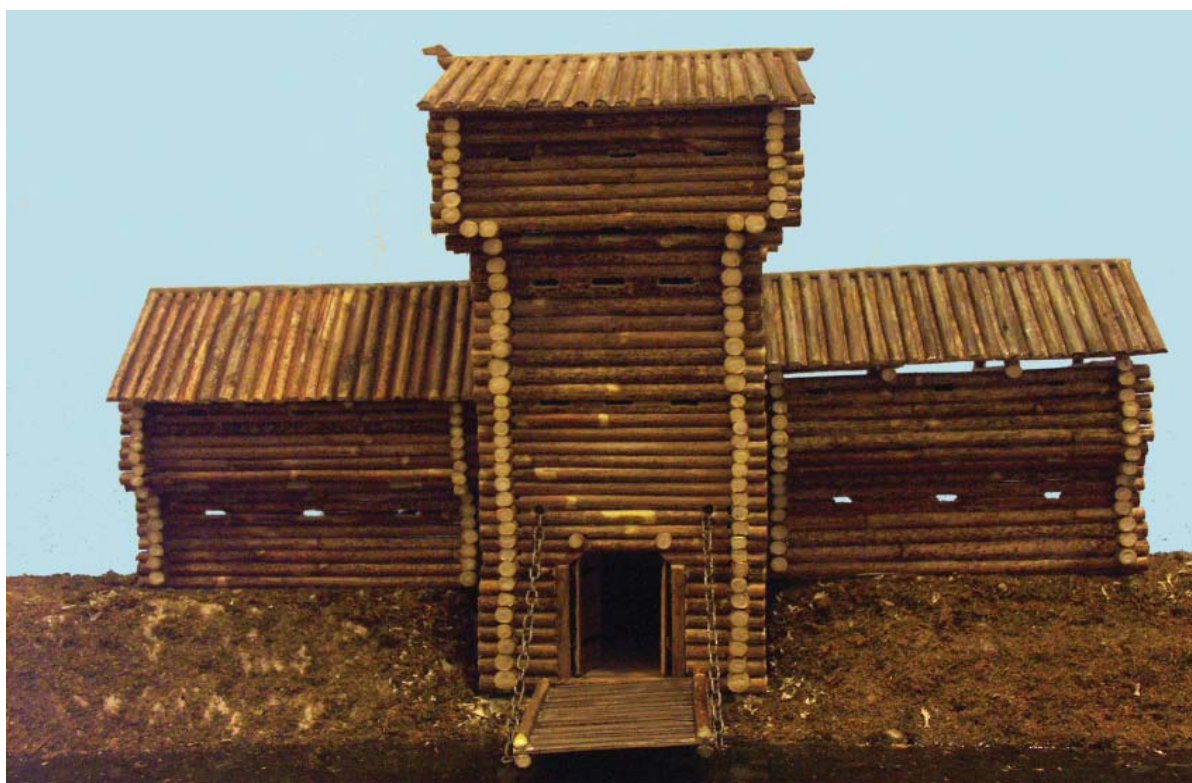

Рис. 112. Реконструкция проездной башни Золотаревского городища

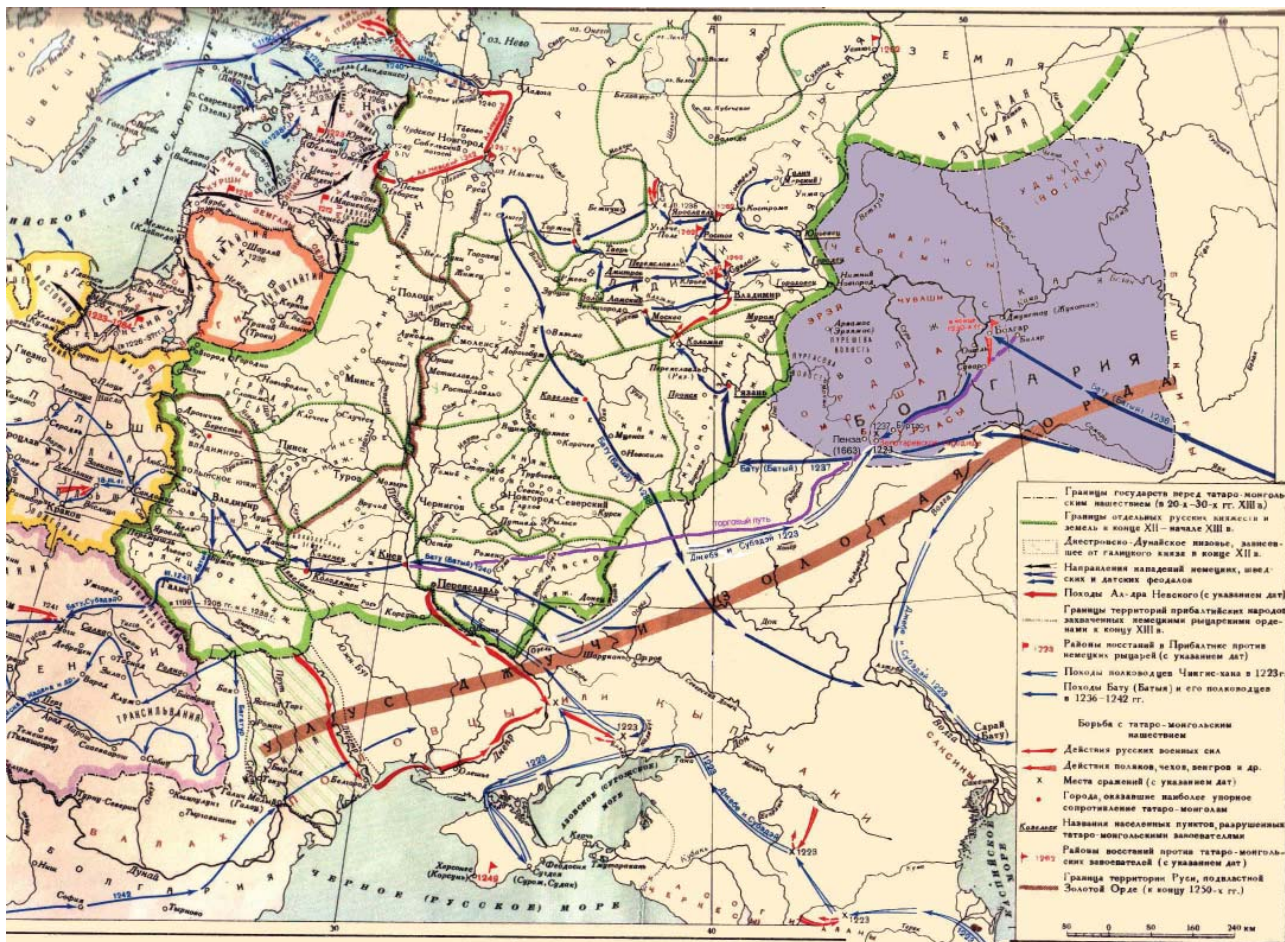

Рис. 113. Волжская Болгария в период монгольского нашествия

УДК 623.11

О КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ГОРОДИЩ ЗАПАДНОГО ПРЕДВОЛЖЬЯ

А.М. Губайдуллин

Археологические памятники, расположенные на территории современной Пензенской области, относятся к региону Западное Предволжье. Ему характерен своеобразный «горный» рельеф, который представляет собой один сплошной массив, идущий от с. Верхний Услон (напротив г. Казани) до Самарской Луки, занимая всю его излучину, а затем поворачивает на запад, доходя до района современного г. Городище. Кроме этого, здесь располагаются и холмистые равнины (Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье, 1985, с. 5). Такой рельеф не мог не повлиять на типы укрепленных поселений, возникавших и существовавших здесь в эпоху средневековья (рис. 1). Все они, так или иначе, были основаны с максимальным учетом характера окружающей местности и являются мысовыми.

Для примера здесь можно привести наиболее показательные памятники, представляющие определенные типы оборонительных сооружений: Золотаревское, Неклюдовское I, Неклюдовское II, Сундровское, Садовское II и Юловское городища. Все они существовали только в домонгольское время и их запустение, по меньшей мере большинства из них, так или иначе связано с монгольским нашествием.

Золотаревское городище расположено в верховьях р. Суры правого притока р. Волги на треугольном мысу высотой до 20 м, образованном двумя оврагами (рис. 2). Занимаемая площадь – около 2,5 га. Датируется памятник XI – первой третью XIII вв. Как и многие домонгольские городища, оно прекратило существование во время монгольского нашествия.

Исследователем городища Г.Н. Белорыбкиным были зафиксированы четыре линии валов со рвами, выгнутые в напольную сторону, расстояние между которыми составляет около 30–40 м, а также боковые вал и ров по

верхнему краю мыса, где последний находится с внутренней стороны. Высота основных оборонительных насыпей составляет 3 м, ширина – 8 м, глубина рвов – 3 м, ширина – 5 м. Отмечена и широкая полоса волчьих ям с внешней стороны укреплений, которые расположены в шахматном порядке. Она начинается в 20 м от внешнего вала и имеет ширину не менее 40–50 м. Диаметр ям – около 1 м (Белорыбкин, 2001, с. 12).

Исследования стратиграфии внутреннего вала дали довольно сложную картину и несколько этапов его возведения. По мнению Г.Н. Белорыбкина наиболее ранняя насыпь с деревянной стеной была возведена местным мордовским населением еще в VIII в. и просуществовала до X столетия. (Белорыбкин, 2001, с. 7). В последующее время вал не использовался и только в начале XIII в. укрепления перестраиваются. Они становятся более мощными и возводится срубная стена с засыпкой нижней части. По мнению автора раскопок, наиболее вероятно, что «стена сохранялась длительное время и постепенно разрушилась, а ее остатки осыпались...». Им отмечены и некоторые технологические приемы сооружения насыпи вала. Они заключаются в первоначальном выравнивании внутри-вальных грунтовых слоев, предшествующего возведению деревянных конструкций.

Неклюдовское I городище расположено на большом мысу в верховьях р. Суры. Занимаемая им площадь составляет 8 га (рис. 3). Оборона поселения состоит из двух поясов: внешнего – из вала и рва, и внутреннего – из двух линий валов и трех рвов. Поселение датируется X – первой третью XIII вв.

Археологическими исследованиями, проведенными Г.Н. Белорыбкиным, изучены внутренние и внешние укрепления городища. В свою очередь, они также были проанализированы почвоведом Е.В. Пономаренко, Г.Ю. Офман и С.В. Пономаренко (Понома-

ренко, Офман, Пономаренко, 1995, с. 14–23). Внешний вал внутренней линии высотой 160 см и шириной 7 м состоял из различных слоев, падающих от внутренней части к внешней, которые представляли собой супесь, смешанную с крупным щебнем. Он насыпался, начиная с внутренней стороны. По мнению авторов, довольно спорному, здесь сверху стоял сруб, установленный ближе к внешнему краю и, впоследствии, сгнивший (Белорыбкин, 2003, с. 60).

Судя по профилю вала, действительно внутри него находились остатки какой-то конструкции, упавшей во внутреннюю сторону (Белорыбкин, 2003, рис. 32–5). Не исключено, конечно, что он представлял собой сруб. Все же характер внутривальных напластований скорее свидетельствует о существовавшей здесь двойной «каркасно-столбовой» постройке с внутренней забутовкой. Следующая исследованная насыпь – внутренняя. Как считают исследователи, она являлась синхронной предыдущей. Ее высота составляла 130 см при ширине около 6 м. Внутренний вал был сложен более однородным материалом, состоящим из песка, мелкой и крупной щебенки. Исследователи заключили, что в отличие от внешнего вала здесь был небольшой сруб, который располагался ближе к фасу оборонительной насыпи. По их мнению, это сооружение не было расположено только внутри вала, но и возвышалось над его поверхностью: «Надземные части развалились по поверхности после сгнивания, сформировав черный гумусовый горизонт переменной мощности с резкой нижней границей» (Белорыбкин, 1994).

При сооружении внешней линии обороны использовался принесенный со стороны грунт, который затем утрамбовывался. Сверху на нем была установлена срубная стена, засыпанная землей, а внешняя ее часть обмазана глиной против воздействия огня (Белорыбкин, 2003, с. 60).

По мнению исследователя, оборонительные сооружения памятника были разрушены и сожжены в период монгольского нашествия, о чем свидетельствуют многочисленные слои угля и прокалы (Белорыбкин, 1988, с. 84).

Таким образом, внутренние дерево-земляные укрепления Неклюдовского I городища представляли собой комбинированную систему из городней во внутреннем валу и, каких-то, конструкций во внешнем. Сомни-

тельно, что здесь по верху насыпи стоял частокол или тыновая ограда, от которых должны были остаться следы заглубления. Столбовые же конструкции могли заглубляться через определенные промежутки при помощи вертикально врытых бревен–связок, тогда как горизонтальные бревна проходили вдоль верхней части насыпи и возвышались над ней. Возможно, вследствие этого и не удалось зафиксировать их внутри вала, а лишь в его верхнем горизонте в виде темного гумуса. Основываясь на этих сведениях, таким образом, мы можем дать и возможную реконструкцию линий обороны памятника.

Неклюдовское II городище находится на мысу, в верховьях р. Суры правого притока р. Волги. Его оборона состоит из двух линий валов и рвов. Городище возникло несколько позже предыдущего и датируется XI – первой третью XIII вв.

По мнению исследователя памятника, Г.Н. Белорыбкина, внутренняя линия представляла собой деревянный сруб заполненный землей без вала, а внешняя была насыпана из супеси, поверх которой также стояла срубная стена (Белорыбкин, 2003, с. 60).

Нам сложно здесь дискутировать с автором раскопок, который для подтверждения своей точки зрения использует и почвоведческие данные. Однако мы можем усомниться в факте одновременного существования двух параллельных крепостных стен, составленных из срубов. Возможно внутреннюю линию дерево-земляных сооружений и справедливо будет соотнести с этим типом, но внешняя конструкция наверняка относилась к другой, более «легкой» разновидности.

Сундровское городище находится в верховьях р. Суры, на мысу образованном оврагом и р. Сундровкой. Высота площадки над уровнем воды – около 12 м. Площадь занимаемая памятником составляет 1,4 га. Городище относится к типу сложномысовых и, соответственно, имеет сложную систему обороны (рис. 4). Она представлена тремя отдельными линиями, каждая из которых состоит из вала и рва. Время существования городища – X–XIII вв.

На сегодняшний день здесь исследовался только внутренний вал. Современная ширина его около 6–7 м, высота – около 1,5 м. Он был сложен из супеси, которую при насыпке разравнивали слоями. По верху него стояла срубная стена, засыпанная внутри песком.

Она была разрушена вследствие пожара, из-за которого часть ее сползла в овраг, а та же упала во внутреннюю сторону. Кроме того, в процессе исследований на склоне оврага был зафиксирован котлован от какой-то постройки, засыпанный внутри утрамбованным грунтом (Белорыбкин, 2003, с. 60). Другие оборонительные линии городища не изучались и поэтому их первоначальный облик нам не известен. Все же, если судить по значительной величине внешних укреплений, можно предположить существование здесь каких-то сложных дерево-земляных конструкций типа городней, о чем свидетельствуют современные размеры вала – высота 2–2,5 м и ширина около 8 м. Глубина рва составляла 1–1,5 м и ширину около 6 м, при этом средняя оборонительная линия была менее значительной и уступала внешней примерно в 1,5 раза. Учитывая ее размещения не исключено, что она могла осуществлять функции дополнительной защиты по отношению к внутренней линии и обороняемой ею основной части – цитадели. Первоначальный ее облик также неизвестен, но вряд ли он был сложнее конструкций из частокола или каркасно-столбового сооружения. Сами рвы на памятнике имели треугольную в профиле форму и достигали ширины 6–8 м. Не исключено, что дополнительно ограждался и посад городища, располагавшийся к северу и занимавший продолжение мыса. Он представляет собой подпрямоугольную площадку, ограниченную с запада и востока склонами террасы. Поэтому совсем не трудно было бы перегородить ее со стороны поля простой линией частокола или тына, тем более учитывая неограниченное количество материала для этого. Данные укрепления могли не только служить защитой для посада, но и существенно дополнить оборонительную силу внешней линии обороны самого городища. Однако, это все лишь предположение автора работы – не более.

Садовское II городище расположено на мысу в верховьях р. Суры, на левом берегу ручья, правого притока р. Ишимки. Высота над уровнем поймы – около 12 м. Занимаемая площадь – около 4 га. Система обороны памятника состоит из трех валов и трех рвов, представляющих один пояс (рис. 5). Внутренний вал на сегодняшний день имеет высоту около 1 м, ширину – 10 м, ров же находится в сильно оплывшем состоянии. Затем расположен средний вал высотой 1 м и шириной

10 м, с внешней стороны которого находится ров глубиной 1,5 м и шириной 7 м. Внешнюю линию обороны также составляет вал высотой 1–1,5 м, шириной 10 м. Перед ним расположен ров глубиной 1 м и шириной 6 м. Городище датируется X–XIII вв.

В центре оборонительного пояса поселения с целью изучения укреплений памятника Г.Н. Белорыбкиным был заложен раскоп. В процессе археологических работ было определено, что насыпи внешнего и среднего валов были сложены из суглинка. Исследователю удалось установить, что в среднем валу имеются подчетыреугольные конструкции размерами 3,8×3,8 м. По мнению автора раскопок – это остатки деревянного сруба, укрепленного в основании суглинком, а с наружной стороны камнями. По-видимому, данный объект являлся частью крепостной стены из отдельно стоящих срубов. Они соединялись друг с другом посредством горизонтально положенных бревен, шедших вдоль вершины внешней отлогости оборонительной насыпи. В свою очередь, вдоль фаса вала была зафиксирована и целая группа столбовых ямок. Возможно, они представляли собой остатки дополнительного препятствия в виде стенки барьера или отдельных кольев.

Если судить по профилю внутренней оборонительной насыпи, на этом месте возможно также имелись внутривальные сооружения, однако сложно определить какого они были типа (Белорыбкин, 2003, рис. 32). Не исключено, что тулово вала здесь также скреплялось деревянными срубами. Что касается самой наземной крепостной постройки, то вряд ли она представляла какую-то мощную конструкцию. Как отмечалось выше – вызывает очень большое сомнение факт одновременного существования двух параллельных стен, находящихся в относительной близости и составленных из городней. Думается, что это не только нецелесообразно, но и просто не может быть.

В процессе изучения внешнего вала были выявлены лишь три столбовые ямки, что не давало возможности представить первоначальный облик наземных защитных конструкций (Белорыбкин, 1990, с. 11–12). Только в последствии, благодаря почвоведческим исследованиям, удалось определить, что вал при насыпке тщательно утрамбовывали. На самой же оборонительной насыпи, как считает Г.Н. Белорыбкин, стояла дубо-

вая срубная стена (Белорыбкин, 2003, с. 60). Таким образом, можно предположить, что крепостные стены, следами которых являются столбовые ямки, представляли собой частокол или столбовую конструкцию, как и в некоторых рассмотренных ранее случаях. Основу же вала могло крепить именно какое-то сооружение в виде деревянного сруба, или же перечисленные выше постройки являлись двухрядными с внутренней забутовкой. Здесь наверняка можно исключить такие типы, как городни и, тем более, тарасы.

Имеют отличия от многих других городищ и рвы, выявленные на этом памятнике (Белорыбкин, 2003, рис. 32–7). Они более узкие и имеют трапециевидную или даже подпрямоугольную в профиле форму, что не характерно для укрепленных поселений Волжской Булгарии. Такого типа объекты проще засыпать, а также форсировать во время штурма. Поэтому не ясно для чего они были так устроены. Мы можем только предположить, что эта разновидность является показателем развития одной из местных фортификационных школ.

Юловское городище расположено в верховьях р. Суры в месте слияния двух речек – Кичкилейки и Юловки. Площадь занимаемая памятником составляет 22 га (рис. 6). Она состоит из двух частей – внешней и внутренней. Первая представляет собой вал и ров, а вторая – тройную линию. Городище датируется X – первой третью XIII вв.¹

Через всю систему обороны внутреннего города, состоявшую из 3 валов и 3 рвов, Г.Н. Белорыбкиным был заложен раскоп, который позволил выявить слои, из которых были сложены насыпи, и остатки конструкций. Самый небольшой внутренний вал имел ширину около 8 м, высоту около 1 м и был сложен из глины со щебнем взятыми из внутреннего рва, глубина которого составляла около 1,5 м. В самой же насыпи во время археологических работ были зафиксированы следы деревянных конструкций (Белорыбкин, 1987, с. 23–24). Следующий средний вал на время начала исследований имел ширину 8 м и высоту 1,7 м от материка. Он оказался сложен из трех насыпей, в основном состоящих из щебня с глиной. Г.Н. Белорыбкиным был выявлен также и тлен от деревянной построй-

ки в виде серой супеси с углем, относящейся ко второй насыпи. Конструкция имела ширину 3 м и представляла собой срубы, положенные уступами. В третьей насыпи также были выявлены остатки древесного тлена в виде слоя мощностью около 0,1 м.

Линия обороны внутреннего города с внешней стороны состояла также из вала шириной 11 м, высотой 1,5 м и рва. Оборонительная насыпь делилась на 3 слоя. В основании ее Г.Н. Белорыбкиным были зафиксированы «многочисленные линзы и полосы угля – толщиной 5–10 см с прокалами». По мнению исследователя, они являлись остатками стоявшего здесь частокола, уничтоженного перед сооружением новой, уже срубной стены. О последней свидетельствовал слой серой супеси с трухой, толщиной 0,2–0,7 м и шириной 5 м. Следующий третий слой сложен был из глины со щебнем по верху которого, возможно, стояла крепостная стена. Как полагает Г.Н. Белорыбкин, об этом говорит «полоска коричневой трухи по всей насыпи». По мнению автора исследований, первоначально сооружался средний вал, а затем внешний и внутренний. Последний раз они подновлялись незадолго до разрушения, связанного с монгольским нашествием в 1237–38 гг. (Белорыбкин, 1987, с. 24–25). Как считает исследователь, наиболее наглядно следы этого события отражены на примере внутреннего вала «...где деревянную стену соорудили перед самым нашествием и даже не успели полностью насыпать вал» (Белорыбкин, 1988, с. 84).

По мнению Г.Н. Белорыбкина, крепостные сооружения всех трех линий обороны внутреннего города Юловского городища представляли собой срубные конструкции (Белорыбкин, 1990, с. 7). По-видимому, такая интерпретация имеющихся археологических сведений верна по отношению к внешней и центральной насыпям, но это касается лишь внутривальных деревянных сооружений, тогда как наземные, возможно, имели другой вид и различались друг с другом. Например, вдоль первой линии могла стоять тыновая ограда, а вдоль второй – городни, или наоборот. Здесь нужно заметить, что нахождение в относительной близости и на одном уровне двух мощных стен из городней бессмысленно и бесполезно с точки зрения обороны. В этом случае невозможен многоярусный эшелонированный обстрел противника. Относительно же реконструкции внутренней линии оборо-

¹ Автор выражает благодарность Г.Н. Белорыбкину за возможность использовать в работе материалы его исследований.

ны – вызывает сомнение отождествление ее с первыми двумя. Имеются некоторые возражения: во-первых, небольшая мощность вала, даже в оплывшем состоянии, тогда как наличие срубов подразумевает более значительную насыпь; во-вторых, несколько отличная стратиграфическая картина, касающаяся, в первую очередь, характера самих конструкций. Возможно, что они представляли собой более легкий тип – двухрядный тын или двухрядную столбовую конструкцию с внутренней забутовкой. Не исключено, что в этом случае мы имеем дело с типом укреплений, правда применявшимся довольно широко уже в более позднее время – это т.н. «абшнит, ретраншемент»². Все эти свидетельства говорят о значительной сложности и высоком уровне обороны поселения, к тому же существовало еще и внешнее кольцо защитных сооружений в виде однорядной системы вала и рва, которая располагалась на некотором расстоянии от цитадели, образуя т.н. «внешний город» в виде пространства–болонье.

Оборонительные рвы «внутреннего города» довольно широкие и достигают 6–8 м, а также имеют треугольную в профиле форму (Белорыбкин, 2003, рис. 32–6). Их отлогости примерно равны по своей крутизне, за исключением внутреннего рва. Его эскарп заложен более круто по сравнению с контрэскарпом, что должно было затруднять подъем атакующему противнику. По-видимому, так было сделано преднамеренно, с целью как можно более воспрепятствовать противнику для быстрого преодоления последней преграды. Таковым является один из элементов последнего рубежа защиты, тогда как основная оборонительная нагрузка ложилась на внешние рвы.

Крепостные рвы, зафиксированные на Юловском городище, имеют треугольную в профиле форму, но более широкие и глубокие (Белорыбкин, 2003, рис. 32–6). Таким образом, эти сооружения комбинируют в себе функции двух типов рвов – трапециевидных и треугольных, что довольно интересно и говорит о своей развитой фортификационной школе. По-видимому, данный факт еще раз является подтверждением уровня разви-

тия военно-инженерных знаний и передовой мысли на территории Волжской Булгарии.

Материалы исследований укрепленных поселений Западного Предволжья позволили Г.Н. Белорыбкину высказать мысль о существовавших в домонгольское время «...местных традициях строительства крепостных сооружений и наличии специалистов–фортификаторов» (Белорыбкин, 2001, с. 18).

Поддерживая в основе данную точку зрения, мы, однако, сомневаемся в какой-то обособленности памятников фортификации этого региона от основной территории Волжской Булгарии. Понятие «местные традиции» – не может быть верным, т.к. в любые времена существовали и существуют основные общие правила по возведению дерево-земляных оборонительных конструкций. В средневековье на это указывали не только целесообразность и возможность строительства тех или иных фортификационных построек в той или иной местности. Об этом свидетельствуют и отдельные законы возведения военно-инженерных сооружений из дерева и грунта, что исходит из особенностей применяемых материалов.

Технологические приемы строительства дерево-земляных сооружений были отмечены Г.Н. Белорыбкиным для городищ домонгольского времени, расположенных на территории Верхнего Посурья. К ним, например, он относит: разравнивание внутривальных слоев во время возведения оборонительных насыпей, редкое использование внутривальных конструкций, строительство на валу у внешнего края срубов заполненных грунтом, сооружение плетня с наружной стороны вала или столбового каркаса с 2 сторон, рытье котлованов и засыпка их утрамбованным грунтом, для предотвращения сползания грунта, насыпание вала крупными порциями, перекрытие слоев мокрым материалом (илом?) (Белорыбкин, 2003, с. 62).

Исследователь основывается на данные почвоведения, но насколько все эти пункты верны – вопрос открытый. Например, вызывает сомнение первый пункт, т.к. непонятно с какой целью, для чего предпринимались подобные действия, каково функциональное предназначение такого разравнивания. Следует отметить, что подобный прием ни разу не был зафиксирован при изучении памятников фортификации основной территории Волжской Булгарии. В то же время Г.Н. Белорыб-

² Внутренняя крепостная вспомогательная постройка в виде вала со рвом, которая давала возможность продолжать оборону после того, как противник занял главный вал.

кин в значительной мере прав, утверждая, что важность определения технологии строительства дерево-земляных сооружений заключается в возможности реконструкции практически всей системы обороны, а не только раскопанных зон (Белорыбкин, 2003, с. 62).

Соглашаясь с этим выводом, стоит, однако, оговориться – далеко не всегда оборонительные конструкции одной линии могли быть идентичны. Важно всегда учитывать и наличие или отсутствие защитных особенностей рельефа отдельных участков местности, на которых возведены крепостные сооружения и которым они так или иначе должны были соответствовать.

Вызывает интерес присутствие рвов подпрямоугольной формы, что является несколько странным. Функциональные особенности данного типа малопонятны. Достигая ширины не более 2 м, они не представляли серьезного препятствия для штурма и нападающие могли их форсировать без особых трудностей. Также, ко всему прочему, рвы такого типа при рытье доставляли мало грунта для заполнения внутреннего пространства крепостной стены или возведения оборонительной насыпи. В этом случае возникала задача в необходимости выкапывания еще одного рва и (или) доставки дополнительного грунта со стороны. Это во многом не только усложняло задачу возведения вала и увеличивало время его сооружения, но и делало все строительство гораздо более дорогим.

Думается, что не случайно рвы такого типа почти и не использовались в военно-инженерной практике государств, располагавшихся на территории Среднего Поволжья – ни в Волжской Булгарии, ни в Казанском ханстве. Кроме того, в средневековые крепостные сооружения такого типа обычно выкапывались (вырубались) в каменистом или скальном грунте, коего в Поволжском регионе наблюдается мало. В основном, подобные рвы появляются вновь только в Новое и Новейшее время. Однако они строятся в несоизмеримо больших размерах, как по глубине, так и по ширине. Впрочем, это уже другая эпоха, эпоха главенствования огнестрельной артиллерии и других принципов фортификационной науки.

Некоторые отличия в типах и способах возведения оборонительных сооружений не являются случайными. Нам представляется, что точка зрения о существовании различных традиций в булгарской военно-оборо-

нительной науке совершенно правильна. На всей большой территории Волжской Булгарии не только существовало множество укрепленных поселений, а также основывались и другие. Строительство новых городищ требовало участия немалого числа квалифицированных инженеров для фортификационных работ. В свою очередь, всегда имелась необходимость в ремонте или перестройке старых крепостных сооружений, особенно накануне и в период различных внутригосударственных конфликтов или международных политических потрясений.

По материалам археологических исследований в булгарской военно-инженерной науке прослеживается и влияние разных фортификационных школ. Так при сохранении общих инженерных тенденций как конструктивных, так и хронологических – присутствовали и некоторые варианты в способах строительства и системах обороны. Например, здесь можно выделить условно называемые «центральной» и «западную» школы. К первой относятся памятники военного зодчества центральных районов Волжской Булгарии, включая и некоторые городища расположенные непосредственно в правобережье р. Волги, а ко второй, в основном, оборонительные объекты, находящиеся на территории Верхнего Посурья и в Предволжье.

Здесь мы исходим не только лишь из теоретических размышлений. Действительно, во время исследований памятников дерево-земляной фортификации разных территорий и регионов, иногда наблюдаются их конструктивные отличия. И это касается не сколько типов оборонительных сооружений, а, в первую очередь, способов их возведения. Нельзя исключить и сплава различных школ и влияний, применяемых не только для конкретных объектов, а, возможно, и для разных хронологических периодов. В частности, исследования оборонительных насыпей любой исторической эпохи, а также любой этнической и территориальной принадлежности могут дать и дают интересный материал, касающийся не только собственно фортификации (и не только развития инженерных знаний), но и конкретных культурных достижений определенных народов или государственных образований.

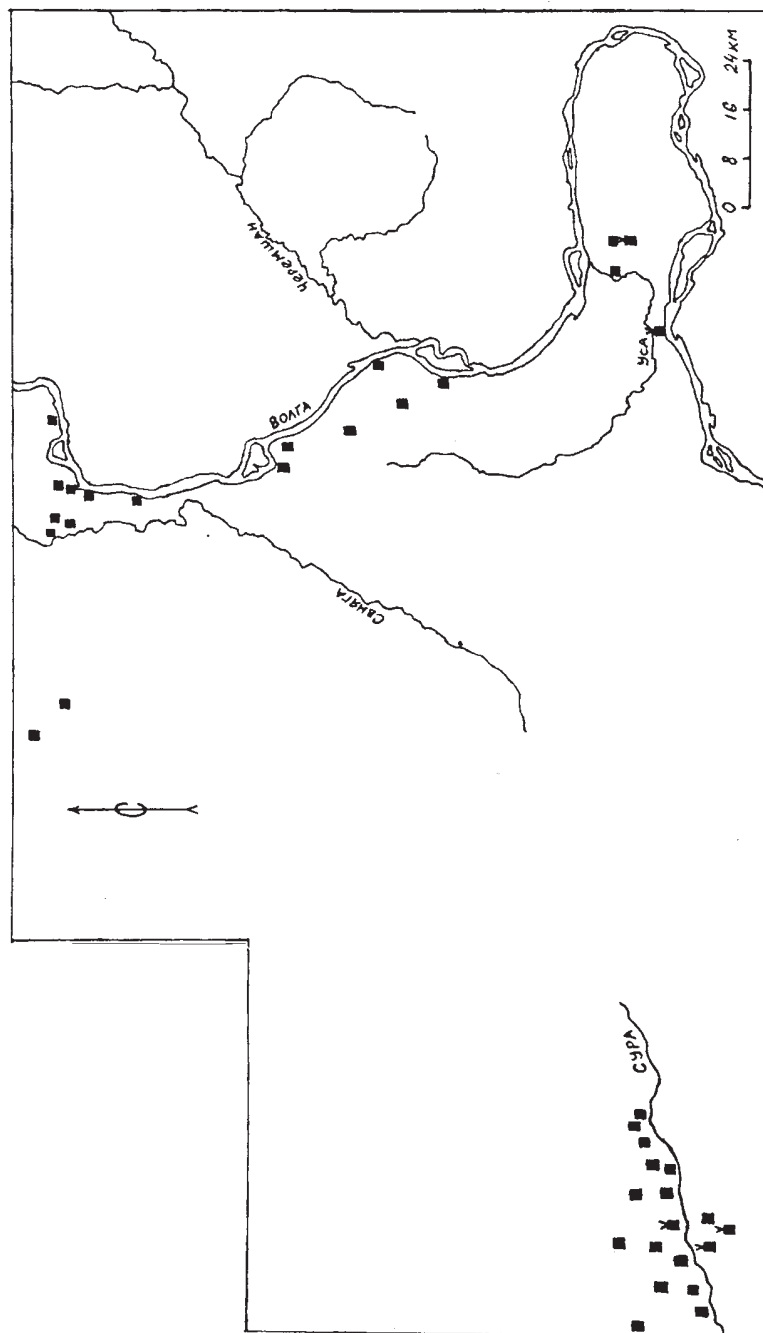

Рис.1 Городища Волжской Булгарии на территории Южного и Западного Предволжья.

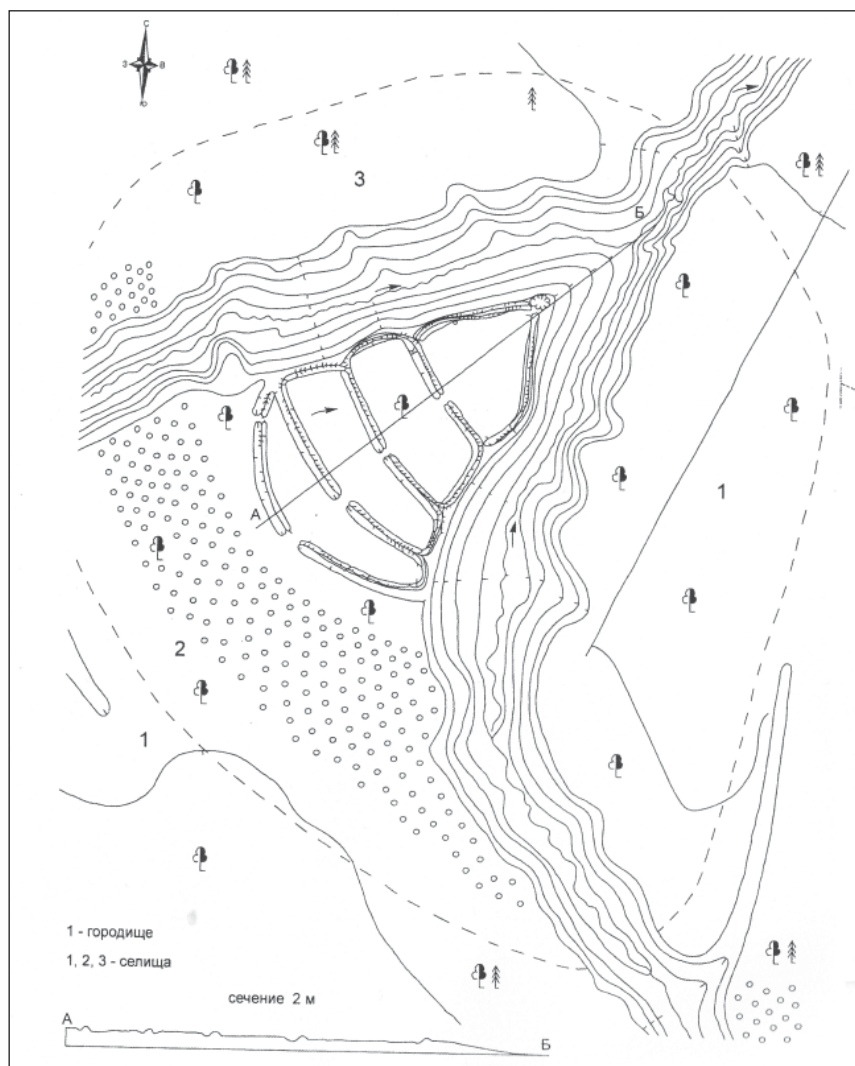

Рис.2 Золотаревское городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину): 1 - Золотаревское городище; 2- Золотаревское городище. Профиль вала

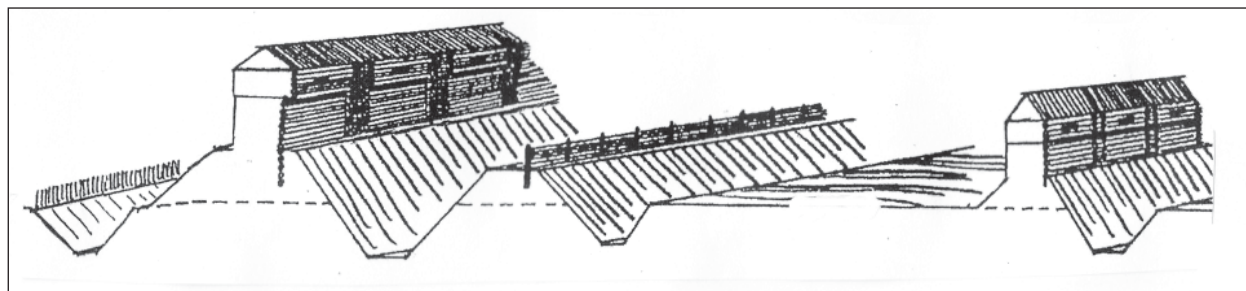
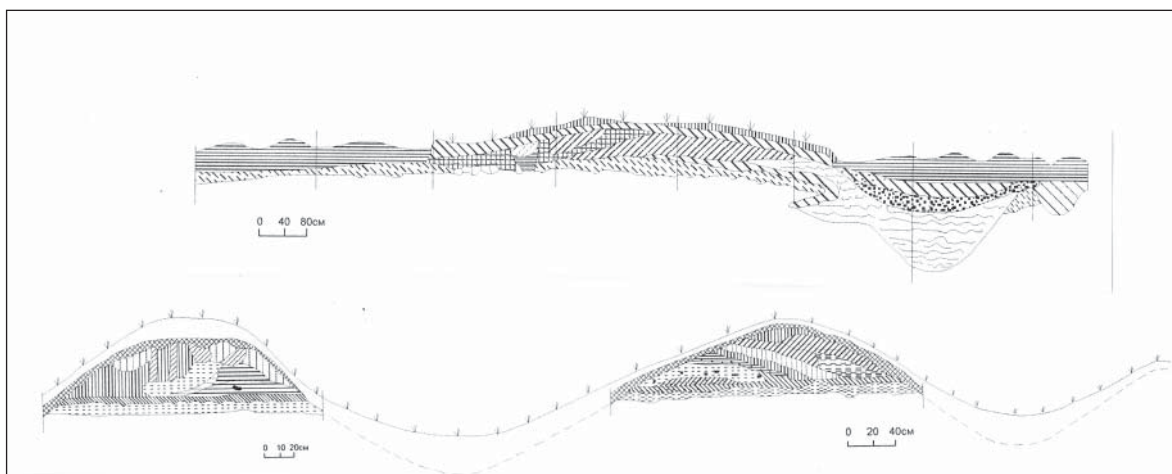
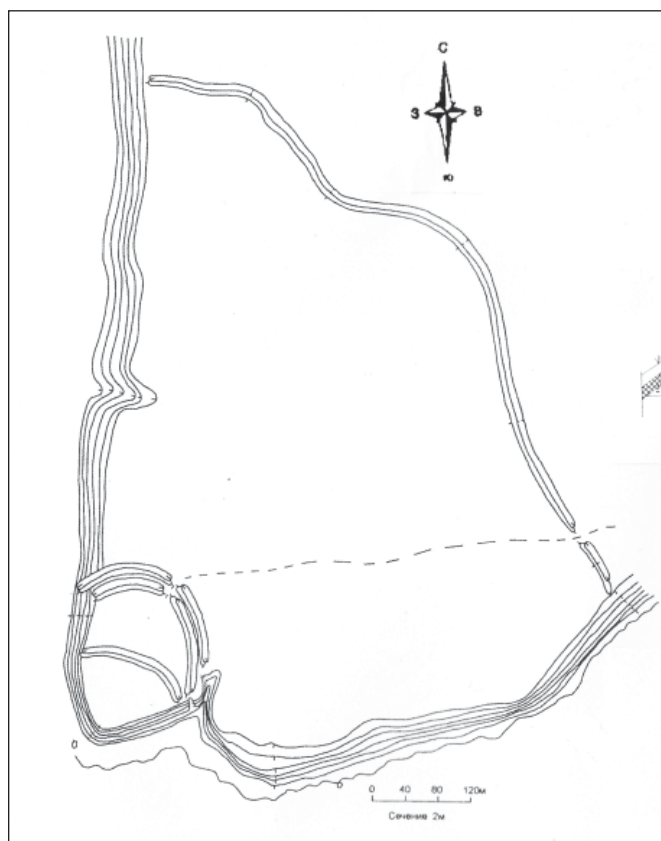

Рис.3 Неклюдовское I городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину): 1 - Неклюдовское I городище; 2 - Неклюдовское I городище. Профили линий обороны; 3 - Реконструкция оборонительных сооружений Неклюдовского I городища

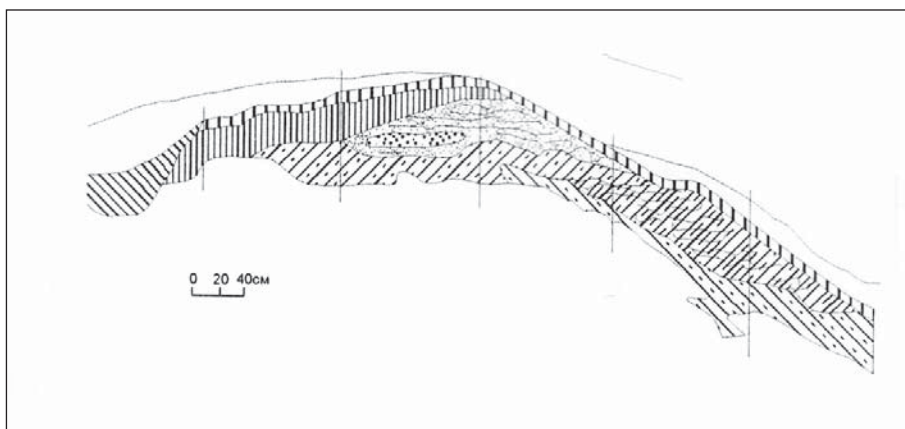
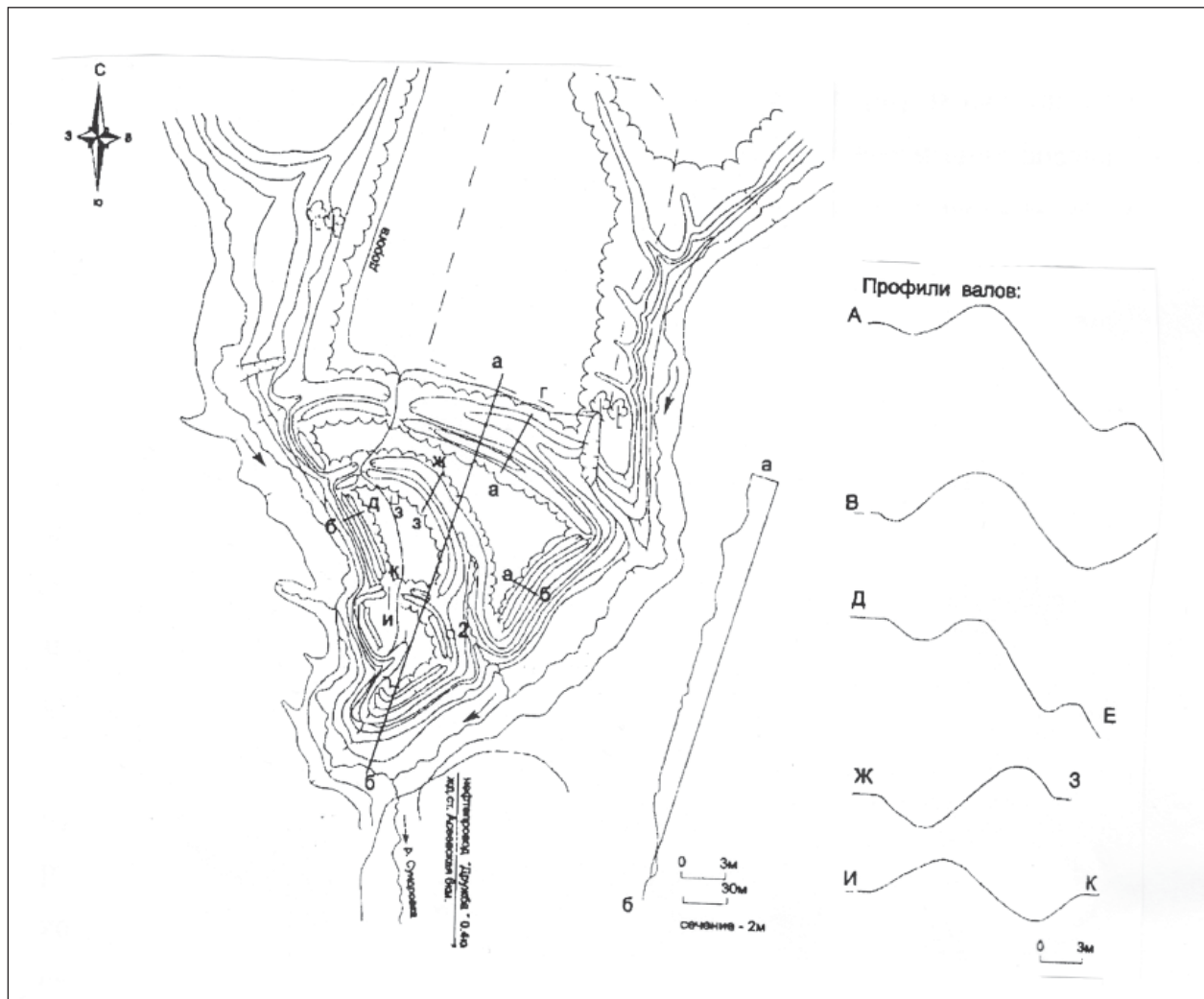

Рис.4 Сундровское городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину): 1 - Сундровское городище; 2 - Сундровское городище. Профиль вала

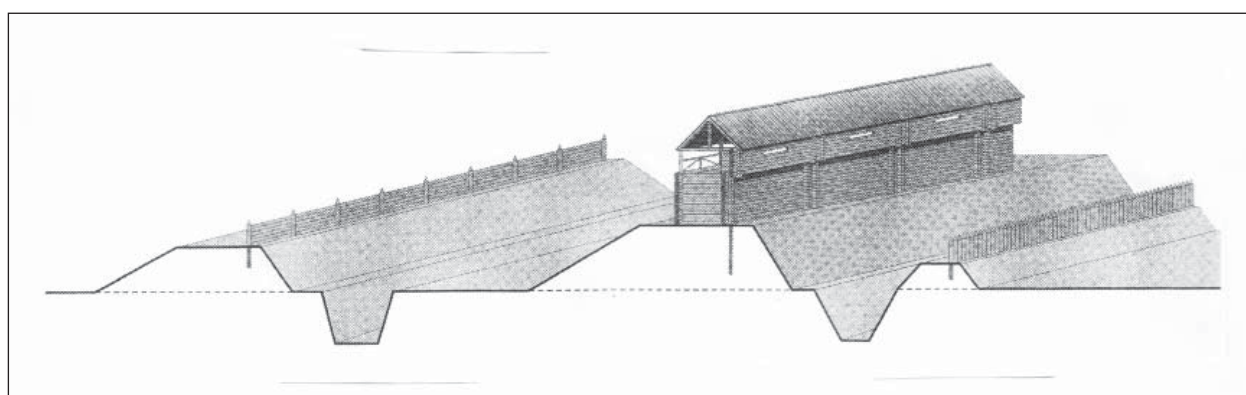
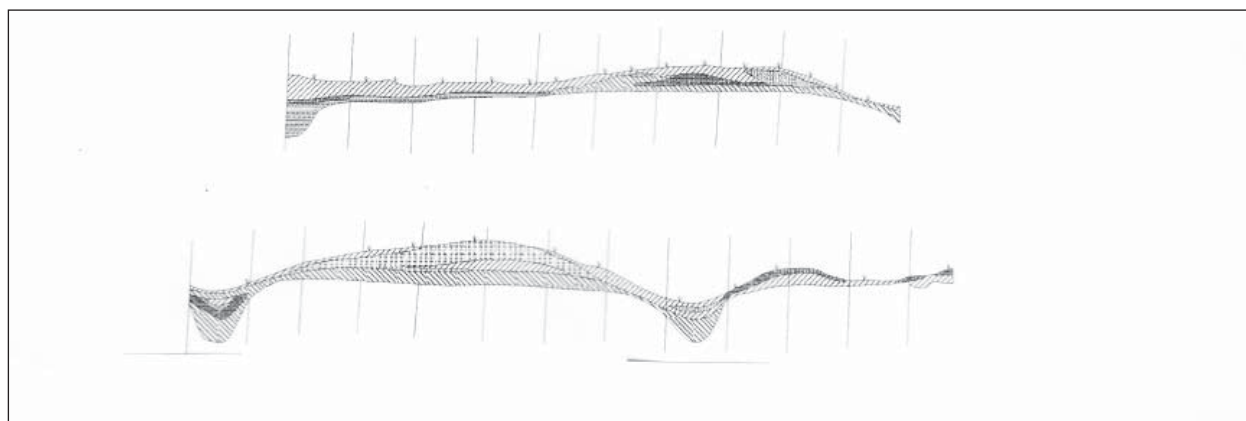
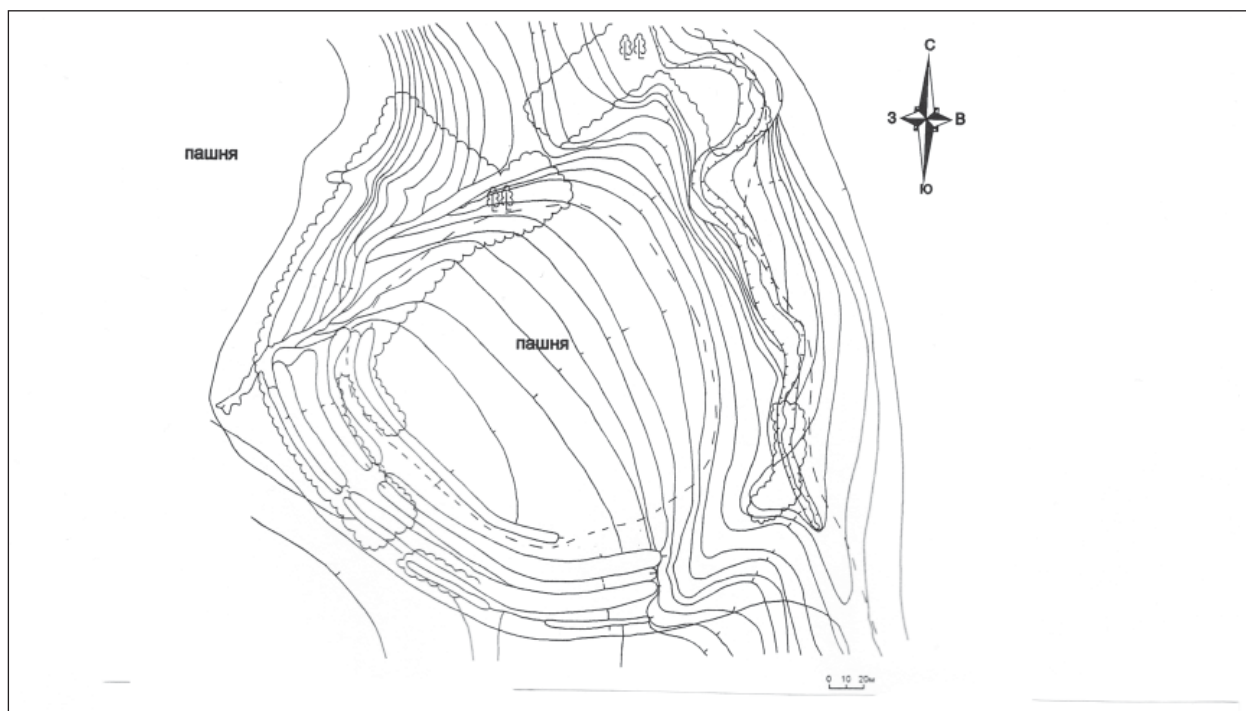

Рис.5 Садовское II городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину): 1 - Садовское II городище; 2 - Садовское II городище. Профиль линий обороны; 3 - Реконструкция оборонительных сооружений Садовского II городища

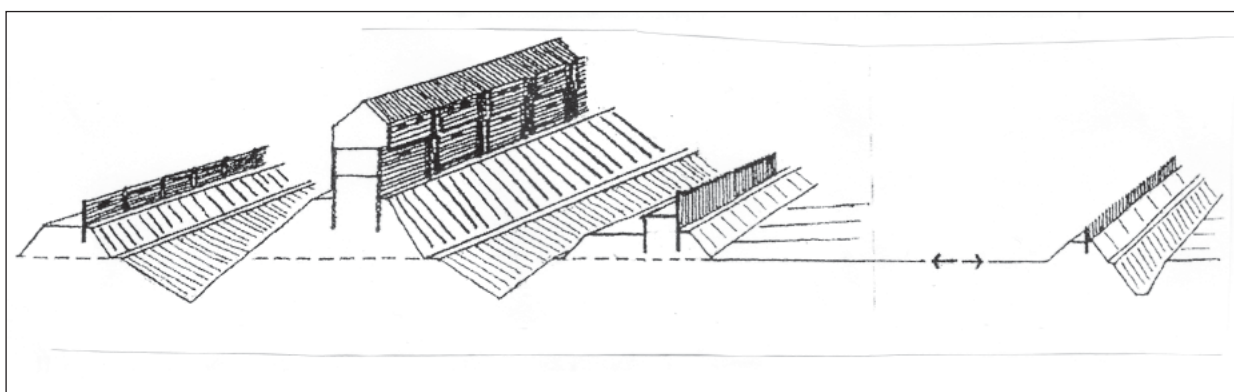
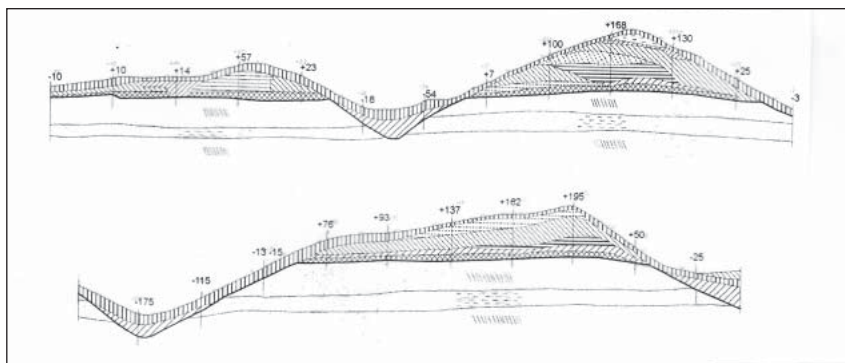
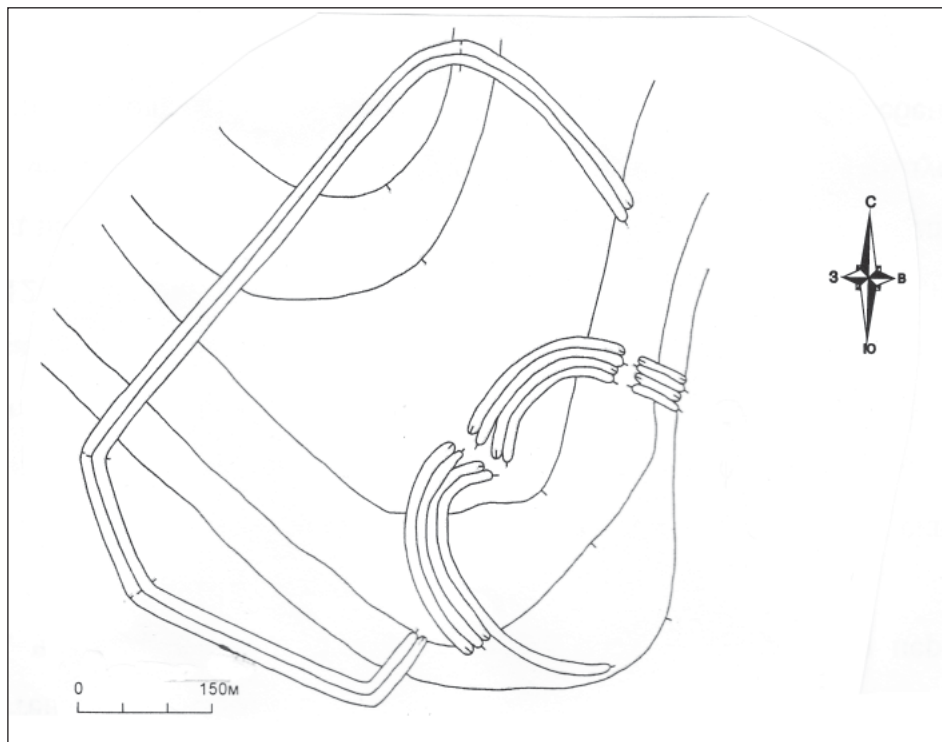

Рис. 6. Юловское городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину): 1 - Юловское городище; 2 - Юловское городище. Профиль линий обороны; 3 - Реконструкция оборонительных сооружений Юловского городища

АНАЛИЗ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА)

Е.В. Пономаренко, Г.Ю. Офман, С.В. Пономаренко

Анализ природной среды и природопользования в лесостепной зоне в средние века на примере городищ Пензенской области.

Одна из важных задач в истории – понять, каковы были природные условия, вмещающие тот или иной этнос, как они сами преобразовались под деятельностью людей и, в свою очередь, как изменение этих условий обуславливало изменение жизни человеческих сообществ.

Письменные источники в этом отношении весьма немногочисленны и локальны. В то же время в современном ландшафте запечатлено огромное количество информации об истории его развития. Это позволяет, в частности, восстанавливать историю природопользования. Наиболее консервативным элементом ландшафта, быстро реагирующим на изменение природной среды и вместе с тем долго сохраняющим признаки предшествующих состояний угодий и экосистем, является почвенный покров.

Авторы этой статьи в течение 14 лет занимаются разработкой методов диагностики динамики экосистем и природопользования по неоднородности почвенно-морфологических признаков. Методологической основой разработок является представление о центральной роли процессов оборачивания в формировании морфологического облика почвы.

1. Разработанные методы объединяются под общим названием «Археология экосистем» и при анализе конкретных объектов дополняются также традиционными палинологическими исследованиями, дешифрированием аэрофотографических материалов, ботанической диагностической погребной древесины и углей.

Работа представляет попытку восстановить ряд эпизодов в динамике природной обстановки в местах трех средневековых поселений Пензенской области, принадле-

жавших, по мнению ряда археологов, исчезнувшему народу – буртасам (2, 3).

В задачи исследования входил морфологический анализ почв, погребенных под оборонительными валами с целью реконструкции типа угодий, имевших на местах поселений до строительства валов, и сценариев природопользования в более ранние периоды с глубиной ретроспективы до 300-500 лет с момента погребения. Кроме того, анализировать вертикальные размеры самих насыпей с целью реконструкции технологии строительства и сопутствующих ему погодных условий.

I. Садовское городище II (Рис.1, 2, 7)

Городище устроено на мысу, сложенном покровными суглинками – почвообразующими породами, однородными по окраске и гранулометрическому составу на значительных расстояниях. Городище датируется X-XIII вв.

1.1 Наружный вал.

1.1.1. Как насыпали насыпь

Насыпь вала состоит из двух различающихся по цвету и гранулометрическому составу частей: верхней – рыхлой, желто-палевой (рис. 1.7), среднесуглинистой, с редкими серыми гумусированными прослоями толщиной около 1 см и нижней – более плотной, пепельно-темно-серой, легкосуглинистой (рис. 1.4) с большим содержанием пылевой фракции, имеющей регулярную полосчатую текстуру. Нижняя часть насыпи залегает непосредственно на гумусовом горизонте погребенной почвы.

Описанная последовательность залегания слоев говорит о том, что при строительстве материал брался из рва последовательно, без инверсии слоев (сначала гумусовый, а затем подгумусовый горизонты почвы) и, по-видимому, из одного углубления. Столь строгая последовательность отсыпки более характерна для случая, когда насыпь строится

большим количеством людей, одновременно отсыпавших материал из рва на непосредственно прилегающий к нему участок поверхности.

Окраска гумусированной части насыпи складывается из трех основных составляющих: темно-серой массы отсыпанного гумусированного материала («цветовой основы»), отбеленных кварцевых частиц, придающих общей массе пепельный оттенок, и темно-коричневых прослоек толщиной до 1 см, разбивающих общую массу на слои толщиной около 3-5 см.

Причиной возникновения полосчатой текстуры может являться попеременное в насыпь разнокачественных материалов (например, песок-суглинок, гумусированный-негумусированный материал, почва-листовая подстилка), или чередование условий поверхностной переработки однотипного материала (промораживание, переувлажнение атмосферными осадками, утрамбовывание, полив и т.п.), или сочетание этих двух причин. Верхняя граница таких темных полосок, ограничивающих более мощные пепельно-серые прослои, значительно ровнее, чем нижняя. По гранулометрическому составу они чуть более илистые, чем вмещающая их масса, и значительно более плотные. Полоски имеют буроватый, матовый оттенок, «оторфованность», характерную для органических остатков погребенных в минеральной толще во влажном (не высохшем) состоянии (сырое сено, трава, ветки, конский или перепревший навоз). Все это говорит о том, верхняя часть порций отсыпки из одного и того же материала уплотнялась, утрамбовывалась, с предварительной укладкой каких-то органических остатков на поверхности.

Небольшая мощность слоев, ограниченных темными полосками, говорит о том, что материал либо отсыпался относительно небольшими порциями (соизмеримыми с размером лопаты), либо (что вероятнее) большими, но затем разравнивался.

Темная окраска внутриагрегатной массы прослоев совпадает с окраской гумусового горизонта погребенной почвы (и, соответственно, аналогично материалу на месте примыкающего к валу рва). Осветленная присыпка исходно отсутствовала в отсыпавшем материале, следовательно, следовательно она появилась позже – во время строительства насыпи, что связано с переувлажнением

гумусированного материала. Переувлажнение приводит к снятию красящих пленок с поверхности частиц кварцсодержащих минералов и может быть вызван дождем или поливом, однако в данном случае его причиной был скорее полив, так как, во-первых, переувлажнялись примерно равные порции отсыпки, после чего переувлажнение прекращалось (чередование широких осветленных и тонких интенсивно-окрашенных, лишенных присыпки прослоев) и, во-вторых, при дождевом переувлажнении крупные осветленные частицы преимущественно остаются на поверхности, давая на вертикальной стенке тонкую (примерно 1-2 мм) осветленную полоску после погребения переувлажненного материала следующей порцией отсыпки. В нашем случае осветленная присыпка распределена в массе отсыпки.

Монотонное повторение, однотипность прослоев указывают на то, что укладка насыпи проходила в одинаковых условиях (без дождей, заморозков и т.п.), то есть достаточно быстро.

Если в части насыпи, сложенной гумусированным материалом, порции невелики и отделяются по четким, выдержанным по простиранию границам (темным полоскам), то негумусированная часть насыпи сложена значительно более крупными морфонами (морфоны – элементы строения, однородные по составу и сложению материала), соизмеримы по размеру (объему) с ведром, небольшим мешком или корзиной. В этом видится определенная логика, так как материал гумусового горизонта – более пылеватый, не вязкий, мелкоструктурный, при отсыпке рассыпается, а более вязкий, тяжелый, липкий материал подгумусовых горизонтов ложится кусками или пластом.

Верхняя часть желто-палевой части насыпи гумусирована (1.3, 1.2), причем гумусирована толща неоднородна по мощности и окраске.

Мощность гумусированного слоя минимальна в средней, выровненной части насыпи и резко (в 8-10 раз) увеличивается от центра к его периферии, достигая максимума (около 50-70 см) в его нижней части. Столь большой перепад в мощности гумусового слоя на столь небольшом расстоянии может быть связан только с перераспределением по поверхности материала, уже гумусированного в другом месте, или собственно органических остатков типа древесины.

В нашем случае изменение состава органических остатков может быть связано с разрушением со стоявших на валу деревянных сооружений. Это согласуется с результатами археологических раскопок, обнаруживших здесь остатки деревянных укреплений (4). Во рве и гумусированной верхней части насыпи были найдены обугленные древесные остатки, диагностированные нами как дубовые, то есть оборонительные сооружения были выполнены из дуба.

Таким образом, наиболее вероятной причиной формирования специфики гумусового горизонта, на наш взгляд, является стадийное, поэтапное разрушение стоящих на валу деревянных оборонительных сооружений (включая оползание или осыпание оконтуривающих завалинок из минерального материала).

Итак, технология формирования вала включала в себя несколько приемов: отсыпку небольшого количества материала, его полив и утрамбовывание с предварительной укладкой на поверхности каких то органических остатков. В теле вала не обнаружено следов деревянных опор, из чего можно сделать вывод, что оборонные сооружения строились на валу, а не в его толще. В то же время, строго субгоризонтальное, параллельное поверхности залегание прослоев, отсутствие трещин деформации («перехлестов», наклонных полосочек и т. д.) говорит в пользу того, что эти сооружения были не очень массивными.

В насыпи не обнаружено следов ни древесных корней, ни вывалов деревьев, то есть за время, прошедшее с момента заброса городища, на этом участке вала не росли деревья, что довольно странно, если учесть длительный срок заброса и тот факт, что в настоящее время большая часть вала поросла деревьями приблизительно шестидесятилетнего возраста, то есть лесорастительные свойства насыпи в принципе позволяет деревьям здесь расти.

Граница между насыпью гумусовым горизонтом погребной почве прослеживается по цвету (исчезает седой оттенок гумусированного материала), по исчезновению полосчатости, почвенной (в данном случае копрогенной) оструктуренности материала. Граница неровная, «фестончатая» – ее нельзя провести ножом точно (с точностью до 1-2 мм), что указывает на рыхлое сложение гумусового горизонта перед строительством вала,

его незащищенность дерниной. Такой рыхлый материал легко деформируется, сбивается ногами и т.д.

1.1.2. Погребенная почва

Погребенная почва состоит из темно-серого гумусового горизонта (1.1) мощностью около 30 см с достаточно ровно нижней границей («карманы», «языки» и т.п. из гумусированного материала отсутствуют) и желто-палевого подгумусового горизонта (1.7), имеющего многочисленные признаки гумусонакопления.

По таксономическому положению почва относится к темно-серым лесным.

Наличие остатков опорных древесных корней указывает на то, что перед освоением участка (и строительством насыпи) на нем рос лес. Преобладают остатки крупных опорных субгоризонтальных корней, выходящих на стенку в виде круглых и овальных пятен диаметром до 4 см.

Полости от древесных корней заполнены органоминеральным темно-серым субстратом, сложенным округлыми агрегатами размером 2-5 мм (1.8). Когда поверхность почвы перекалывается сразу после рубки (насыпью, замосткой или т.п.) остатки древесных корней разлагаются без доступа обычных переработчиков, микробным путем, и выглядят как торфоподобная, темная, немажущаяся, тонкоизмельченная органическая масса. В нашем же случае после рубки по полостям от гниющих корней двигались кроты. Значит, либо участок после рубки был залужен, либо после рубки здесь продолжал существовать лес, то есть имелся подрост или рубились деревья, дающие травматическую (пневую) поросль.

Часть достаточно крупных опорных корней располагается в негумусированном материале подгумусового горизонта, что говорит об отличии лесной почвы от равновесной: захваченный опорными корнями слой не успел целиком прогумусироваться. В то же время в негумусированной части корнеобитаемого слоя почвы полностью отсутствуют следы вывалов (в частности. Такой важнейший признак как горизонтальная оструктуренность. Возникшая при отсыпке с валов негумусированного материала). Это говорит о том, что мы имеем дело с первым поколением леса, выросшем по безлесому ранее участку, так как при распаде первого же поколения

деревьев вывалами оборачивается именно тот слой, в котором располагаются опорные корни. Для того, чтобы за время жизни деревьев под их кронами успел сформироваться достаточно мощный гумусовый горизонт (для образования которого в описываемых условиях необходимо 150-200 лет), деревья должны быть длительно живущими и давать лиственный опад. Кроме того, деревья должны были иметь развитые вдольповерхностные корни. Этим условиям удовлетворяют широколиственные породы деревьев (дуб, липа, ясень, клен остролистный).

Яркие, четкие остатки корневых систем последнего поколения деревьев не вложены непосредственно в почвообразную породу, а наложены на картину, сформированную предыдущими циклами образования. Это расплывчатые, диффузные серые и желтые овалы диаметром до 5-7 см, прослеживающиеся до дна разреза и соответствующие заполненным норам крупных землероев (1.6).

Кротования происходили в луговых условиях (когда на месте срубленных или обломанных деревьев не вырастают новые), так как: 1) отсутствуют остатки корней следующего поколения деревьев, которые в естественных условиях должны были бы вырасти на этом месте. При этом обычно корни молодых деревьев развиваются по полостям от корней погибших деревьев; 2) границы серых скоплений диффузны, сечения ходов разнонаправлены, есть масса желтых негумусированных камер поверх серых, то есть направление переноса материала было достаточно свободно, что характерно для луга и нехарактерно для леса, где движение кротов ограничено корневыми системами живых деревьев.

По видимому, залужение было достаточно длительным, так как свободный перенос возможен только после полного разложения корней (не менее 10-20 лет). В тоже время, сохранение лесных макроформ говорит о том, что время залужения было меньше, чем время полной гомогенизации (стирания унаследованных форм) профиля землероями (меньше или равно 100-150 лет). Наиболее вероятной причиной длительного удерживания участка в безлесном состоянии является его использование под выгон (альтернативной является сенокосение, которое в то время вероятнее производилось на пойменных лугах).

Характер коневых систем срубленных (или обломанных) деревьев резко отличается от выросших после залужения. Это поколение деревьев имело выраженный центральный (стержневой) корень, имеющий на глубине более 30 см диаметр не менее 5 см. Такие корневые системы развиваются при заселении семенными лиственными деревьями плотного негумусированного субстрата. Например, сейчас это можно наблюдать при заселении отвалов сосной, ивой козьей, осиной (значительно менее характерна такая картина для березы). В нашем случае сосна исключается, так как разложение ее корней осуществляется организмами (преимущественно грибами), не образующих серых тонов в окраске корневых остатков.

Совокупность признаков говорит о том, что лес существовал здесь недолго (не более 200 лет), и его поселению предшествовало либо омоложение поверхности почвы (глубокий смыв или формирование наноса), либо принципиально другая экосистема (лишенная и деревьев, и землероев).

В данном случае в вышележащей части профиля отсутствуют признаки накопления осветленных продуктов перемыва, а также облегченность по гранулометрическому составу, что указывает на смыв верхней части профиля.

Условием снятия красящих пленок при перемыве является попадание дождевых капель непосредственно на обесструктурную минеральную поверхность почвы, не прикрытую лиственным пологом, подстилкой или дерниной. Такая ситуация возможна после рубки в лесу, на лугу, на пашне. Наиболее вероятной причиной перемыва является вспашка. В данном случае лесной и луговой варианты менее вероятны по следующим причинам: 1. Кутаны распределены по стенке разреза равномерно отсутствуют участки, где кутаны были бы разрушены проходом кротов (или т.п.), то есть кутаны наложены поверх «мертвой», законсервированной вертикальной структуры, а не возникают и исчезают в процессе кротования, как это характерно для луга. 2. Наконец, ни на лугу, ни в лесу в гумидном климате не происходит плоскостного смыва верхних слоев почвы – это характерно именно для пашни.

Однако момент вовлечения почвы в распашку нуждается в уточнении: либо распашка и глубокий смыв предшествовали

поселению первого выявленного в профиле и описанного выше поколения деревьев (семенные лиственные деревья с выраженной вертикальной составляющей корневой системы), либо распашка следовала за сведением этого поколения леса и залужением участка. Решение этого вопроса требует более длительного исследования пространственного распределения кутан.

1.1.3. Основные этапы истории участка

Негумусированный субстрат (смытая пашня?) – лес из семенных лиственных пород (не более 200 лет) – рубка - залужение (несколько десятков лет) – зарастание дубовым лесом (не более 200 лет) – рубка – залужение (не более 10 лет) – кладка насыпи (быстрая. Без изменения погоды) – строительство наземных деревянных сооружений – пожар – разрушение деревянных сооружений – стабилизация поверхности, возможность поселения деревьев – заселение кротами, формирование современного гумусового горизонта.

1. 2. Внутренний вал (рис. 2, 7)

Внутренний вал Садовского городища расположен в 10 м от внешнего.

I. Насыпь состоит из двух различающихся по цвету и гранулометрическому составу слоев:

– Верхняя часть (около 50 см) насыпи менее гумусирована, имеет серовато-палевую окраску. В смеси преобладает негумусированная суглинистая основа.

– Нижняя часть насыпи (50-100 /130/ см) сложена более легким по гранулометрическому составу легкосуглинистым гумусированным материалом с большим содержанием пыли. Выделяется несколько различающихся по текстуре морфонов:

1. На границе с погребенной почвой залегают переотложенный материал гумусового горизонта (2.4), по цвету и механическому составу, в основном, аналогичный гумусовому горизонту почвы, погребенный под внешним валом (пепельно-серый, средний суглинок к легкому).

Этот материал делится на субгоризонтальные уплощенные отдельные диаметры 0,2 -1,0 см, верхние грани которых покрыты отбеленной пылеватой присыпкой (силтаной) – остаточным продуктом перемыва отсыпанного материала при дожде.

Однако здесь агрегаты отсыпки уплощены, имеют четкую вдольповерхностную ориентацию в их верхние грани покрыты отбеленной пылью, то есть эти признаки новообразованные. Отбеленная присыпка распределена не только поверхности всего фрагмента насыпи, но и по поверхности каждого отдельного наименьшего агрегата (чешуйки). Такое равномерное перераспределение образованной на поверхности субстанции характерно для циклов промерзания – оттаивания при промораживании отсыпки.

Таким образом, после отсыпки данного фрагмента вала начались дожди, а затем заморозки и строительство было прекращено. На наш взгляд, такая ситуация возможна только при поэтапном строительстве вала, когда он насыпался не сразу по всей длине, большим количеством работающих, а постепенно, по частям небольшим количеством человек. Альтернативной является ситуация, когда такой перерыв является непонятной пока частью технологии строительства. Иначе нельзя объяснить наличие границы по промерзлости в пределах толщи, которую два человека могут отсыпать за один день.

2. Вышележащая часть насыпи (2.6) имеет полосчатую текстуру. Есть небольшие фрагменты, где полосы идут горизонтально, и большие, где полосы имеют наклон, в целом параллельный склонам насыпи. Характер полосок в центральной части вала и на крыльях различается.

В теле насыпи есть два однородно окрашенных, рыхлых по сложению морфона (2.11), лишенных полосчатой текстуры. Они имеют субвертикальную ориентацию, диаметр 20-25 см, и находятся на расстоянии около полуметра друг от друга. Такие следы оставляет разложившаяся в почве сухая, мертвая древесина.

Значит, внутри вала находятся остатки деревянных сооружений. Учитывая, что расстояние между ними очень невелико, можно предположить, что это был двурядный часток или, сто менее вероятно, угловая часть сруба, расположенного под углом к оси вала.

Пространство между органогенными морфонами и на участках, примыкающих к ним, заполнено материалом с наиболее четко выраженной полосчатой текстурой: здесь чередуются небольшие порции однородно-окрашенной гумусированной основы

(буровато-серые прослои толщиной 3-5 см) и прерывистые тонкие коричнево-темно-серые полосы толщиной 0,3-1,0 см с ровными верхними и нижними границами, прерывистые по простиранию.

Технология отсыпки, приводящая к формированию такой текстуры, описана выше: утрамбовывание небольших порций отсыпки с поливом и перестиллом органическим материалом.

Очевидно, что опорная нижняя часть деревянных сооружений тщательно укреплялась. Вышележащая часть насыпи также имеет полосчатую текстуру, однако здесь полосы прерывистые, не столь яркие и четкие, и идут не строго вдоль поверхности. Фактически, полосчатость представляет собой чередование порций разнокачественной отсыпки. Итак, материал верхних слоев утрамбовывался не столь тщательно и без соблюдения описанной выше технологии.

Верхняя часть серых морфонов не соприкасается с поверхностью. Выше них залегает примерно 20-сантиметровая толща палевого суглинка с несколькими серыми субгоризонтальными полосками. Это может говорить о разрушении верхней части вала.

Глубина залегания маркирующей полосы около 20 см. На этом уровне встречаются многочисленные горизонтальные ходы кротов, то есть полоса должна была бы в естественных условиях размещаться достаточно быстро.

Кроме того, удивляет низкая гумусированность материала над полосой – она даже ниже, чем у лежащего под полосой материала.

Погребенная почва лишена верхней части гумусового горизонта и состоит из его нижней части и подгумусовых слоев, в целом, аналогичных описанным для почвы, погребенной под внешним валом. Следовательно, перед строительством вала поверхность почвы выравнивали, и частично срезали.

Нижняя часть гумусового горизонта имеет неоднородную окраску – состоит из пятен серовато-бурого, темно-серого, серо-полевого цвета (2.1). Вместе с тем, нижняя граница гумусированной толщи достаточно ровная. По сравнению с гумусовым горизонтом почвы, погребенной под внешним валом, материал имеет облегченный механический состав и осветленную окраску за счет обильной кварцевой присыпки 15-сантиметровый

слой подгумусовым горизонтом имеет более светлый оттенок чем нижележащие слои.

Накопление пылеватых и мелкопесчаных осветленных продуктов перемива в подгумусовом слое характерно для пахатных почв лесостепной зоны – в первую очередь, для почв развитых на породах, содержащих значительный процент фракций кварцевого песка.

Для того, чтобы накопление осветленных частиц в подпахатном слое стало заметным, участок должен перепахиваться в течение по крайней мере 20-30 лет. В данном случае участок обрабатывался без внесения навоза, так как при внесении навоза в подпахатном слое можно одновременно наблюдать и локусы, в которых гумусово-глинистые кутаны перекрывают пылевато-песчаные, и локусы, в которых осветленные кутаны перекрывают темные гумусово-глинистые. В нашем же случае имеются только осветленные пылевато-песчаные кутаны поверх гумусово-глинистых, что указывает на однонаправленное обезиливание пахатного слоя за время распашки.

Нижняя граница пахатного слоя достаточно ровная, однако здесь отсутствуют участки с абсолютно ровной, более темной по окраске, чем общая масса границы, которую можно было бы провести ножом с точностью до нескольких миллиметров, а также У-образные заклины, по которым, диагностируется вспашка с оборачиванием пласта. Все это говорит в пользу обработки почвы рыхлящими безотвальными орудиями.

Неоднородность окраски характерна для смываемых пахатных почв, когда после каждой вспашки часть пахотного горизонта сносится, а при следующей вспашке в пахотный горизонт вовлекаются нижележащие слои. Под пахотным горизонтом не сохраняется нижняя часть лесного допахатного гумусового горизонта и поэтому нижняя граница гумусированного слоя соответствует глубине вспашки.

Сходство подгумусовых горизонтов описываемой почвы с почвой, погребенной под внешним валом, по совокупности признаков, на которые наложены пахотные признаки, позволяет утверждать, что более ранняя история использования этих двух участков идентична.

Таким образом, сценарий использования данного участка можно представить следующей схемой:

Негумусированный субстрат (смытая пашня?) – лес из семенных деревьев лиственных пород (не более 200 лет) – рубка – залужение (несколько десятков лет) – зарастание дубовым лесом (не более 200 лет) – рубка – залужение (не более 10 лет) – обработка почвы рыхлящими безотвальными орудиями без внесения навоза в течение не менее 20-30 лет (соответствующая пашне в системе переделного земледелия) – смыв почвы – поэтапное (с перерывом на зиму) строительство вала с заглубленными в насыпь деревянными конструкциями – пожар – разрушение наземной части деревянных сооружений – оползание их минерального заполнения – стабилизация поверхности – заселение кротами, формирование гумусового горизонта.

2. Неклюдовское городище I (Рис. 3, 4, 7)

Городище устроено на мысу между двумя высокими оврагами. Ближе к поверхности залегают коренные дочетвертичные породы: окремненные щебнистые известняки и зеленовато-желтые песчаники. Валы городища датируются XI-XII вв.3

2.1 Внешний вал (рис. 3)

Разрезом вскрыты поперечное сечение вала и погребенная почва до глубины 0,5 м.

2.1.1 Описание погребенной почвы

Непосредственно под валом залегает темный (практически черный, с чуть буроватым оттенком) углистый слой мощностью от 0 до 2,5 см (3.1). Материал бесструктурный, мажущийся, почти полностью органический и представляет собой измененные перегоревшие растительные остатки. Слой неоднородный – на протяжении стенки разреза изменяется его мощность (местами до полного исчезновения) и количество примеси минерального субстрата (песка). Кроме того, встречаются древесные угли, диагностированные как сосновые, и большое количество золы. Верхняя граница (между погребенной почвой и валом) отчетливая, но неровная, «вспушенная» – с небольшими (0,5-2 см) «заходами» черного органического материала в тело вала. Нижняя граница слоя – отчетливая и очень ровная. Максимальные размеры «заходов» органического материала в нижележащий минеральный горизонт не превышают 3 мм.

Ниже залегает относительно однородный песчаный горизонт (3.2) розовато-палевой окраски мощностью от 5 до 15 см.

Сразу под слоем однородного розово-палевого песка залегает слой крупной щебенки (размеры камней 5-30 см), пересыпанной светлым песком (3.6). Между камнями встречаются вертикальные «проходы», засыпанные песком – следы от проникавших в этот горизонт вертикальных древесных корней.

2.1.2. История землепользования до постройки вала

Столь близкое залегание от поверхности щебенки невозможно при длительном спокойном развитии процессов почвообразования. В данном случае такая ситуация, скорее всего, возникла при быстром смыве (сносе) материала, что, в свою очередь, возможно при открытой (без растительности) поверхности почвы. (Снос был именно быстрый, «одноразовый», так как нет следов промежуточных спокойных стадий развития почвы).

Образование слоя мелкозема (розово-палевого песка мощностью 5-15 см) возможно после стабилизации поверхности, т.е. после прекращения смыва и заселения ее растениями. Механизм образования слоя мелкозема поверх песчано-щебнистого материала связан с деятельностью мезофауны, в данном случае дождевых червей и муравьев. Муравьи, а затем черви, заселяя территорию после стабилизации поверхности, для постройки жилищ и других видов жизнедеятельности выносят мелкозем на поверхность. При этом щебенка относительно опускается вниз. Аналогичные ситуации нами неоднократно наблюдались на отвалах щебнистых карьеров. От этого времени в розово-палевом песке и остались светло-серые копролиты и полые камеры.

Лес, выросший здесь после прекращения смыва, был сосновым. Светлолюбивые сосны могут поселяться только на открытых местах и легко приживаются на щебнистой почве. Форма следов от корней (как серые «заходы» в розово-палевом песке, так и вертикальные, засыпанные песком «проходы» в щебенке) соответствуют форме именно сосновых корней на щебенке – стержневых и практически вертикальных. Светлый цвет копролитов также говорит о том, что черви перерабатывали не лиственный опад. Обнаруженные в большом количестве под валом угли отчетливо диагностированы как сосновые.

Время роста здесь соснового леса после стабилизации поверхности было непродолжительным – не более нескольких десятков лет.

Можно утверждать, что здесь было только одно поколение деревьев (нет следов вывалов деревьев и следы от корней соответствуют деревьям одного поколения). Размеры комлевых частей деревьев (их следы в розово-палевом песке) соответствуют небольшим деревьям – не старше 30 лет. Количество серых копролитов и их отчетливое выделение из вмещающего материала также говорят о непродолжительности роста леса (при длительном спокойном развитии количество копролитов значительно больше, каждый участок многократно перерабатывается червями, копролиты перестают отчетливо выделяться из вмещающего материала). Кроме того, время формирования горизонта мелкозема на щебенке мощностью 5-15 см, по нашим наблюдениям составляет как раз несколько десятков лет.

Таким образом. Примерно через 30 лет после прекращения смыва и стабилизации поверхности (заброса пашни) выросший здесь сосновый лес был уничтожен, и нормальное развитие почвы было прекращено из-за постройки вала. Сосновый лес был вырублен и сожжен на месте для освобождения территории для постройки городища. Об этом говорят розовый оттенок мелкоземного горизонта, образующийся при сильном обжиге песка, угли сосны, черный горизонт из обгоревших растительных остатков сразу подвалом, большое количество золы. Сжигали именно на месте, так как для такого сильно обжига (розовый цвет песка, только мелкие угли, много золы и т.д.) нужно много горючего материала. Рубка и выжигание проводились летом, скорее всего в июне, так как для столь полного сгорания необходима сухая погода. Кроме того, оставшиеся в глубине корни быстро сгнили (отсутствие серого оттенка в оставшихся от корней «проходах» в щебнистом горизонте) – так происходит именно летом, при активном сокодвижении в деревьях, в противном случае разложение древесины сосны идет иначе.

После выжигания оставшиеся обгорелые пни были выкорчеваны, чтобы окончательно выровнять поверхность для постройки вала. Граница между поверхностью выгоревшей почвы и валом – ровная и следы засыпанных обгорелых пней отсутствуют. Корчевка же обгорелых пней небольших деревьев не составляет труда и может производиться на значительной площади небольшим числом людей. Поэтому при корчевке не был нарушен (вытоптан) черный прогоревший поверхност-

ный слой. При вытягивании пня в образовавшиеся от корней и пня полости засыпалась зола, мелкие угольки и песок, образовав наблюдаемые теперь «серые заходы» сверху в розово-палевом горизонте, состоящие из смеси золы, песка и угольков. Поэтому естественно, что в этих местах отсутствует (нарушен) верхний черный обгорелый горизонт.

Строительство вала начали сразу после выжигания (в июне), во всяком случае за время между окончанием выжигания и началом строительства не было ни дождей, ни заморозков и не появилось растительности. (Эти события легко диагностируются).

2.1.3. Описание поперечного сечения вала

Максимальная высота вала составляет 160 см при ширине 7 м. Вал состоит из ряда различных слоев, падающих от внутренней части вала к внешней, приблизительно параллельно друг другу. В залегании слоев наблюдается определенная последовательность, повторяющаяся трижды.

1. На погребенной поверхности залегает минеральный гумусированный материал бывшего поверхностного горизонта серого цвета (без розового оттенка) (3.3) Затем (более значительная по объему часть) крупные камни (щебенка), пересыпанные светлым песком (материал аналогичный залегающему под розово-палевым песком в погребенной почве) (3.6). Поверх камней небольшой слой лимонно-желтого песка (3.7), в котором расположена характерная светлая тонко слоистая (слои порядка 1 мм) «полоска» (мощностью порядка 1 см) перемытого материала. Слои внутри «полоски» и по ее падению от внутренней части вала к внешней закономерным образом стратифицированы (в нижней по склону части – более тонкие и окрашенные фракции, в верхней более светлые и крупные). После лимонно-желтого песка – рыхлый, сыпучий, буровато-охристый песок с включениями крупных камней (3.9). затем плотный, цементированный светло-желтый материал с мелкой белой (0,3-0,5 см) и ярко-охристой (91-4 см) мягкой щебенкой (срезаются лопатой при зачистке) (3.10).

2. После светло-желтого песка последовательность слоев повторяется начинаясь с серого минерального гумусированного материала. После гумусированного материала залегает слой из больших камней, пересыпан-

ных светлым песком, затем небольшой слой лимонно-желтого песка, на котором эта пачка слоев заканчивается.

3. Третья пачка: серый гумусированный материал, крупная щебенка, пересыпанная песком, рыхлый буровато-охристый песок.

На самой поверхности вала располагается черный гумусовый горизонт (3.4) переменной мощности – от 0 до 35 см. Максимальная мощность на периферии вала, ближе к его внешней части (30-35 см); в центральной части вала не более 10 см; почти исчезает в первой трети внутреннего склона и далее (к внутреннему окончанию вала) вновь увеличивается до 10-20 см). Материал черный, мажущийся, в большой степени органический, без оформленных копролитов, с небольшой примесью песка. В настоящее время перекрыт отвалом (3.11), образованном при раскопках археологом Полесских М.Р.

2.1.4. Как насыпали вал

Как уже было сказано, вал начали строить летом, сразу после выжигания леса.

Регулярная последовательность в залегании слоев, очевидное отсутствие каких-либо почвообразовательных процессов, приводимых к значительным морфологическим изменениям (активного копрогенеза, вывалов деревьев, деятельности кротов и проч.) свидетельствуют об отсутствии серьезных изменений в структуре вала с момента его постройки и дают возможность сделать некоторые выводы о ходе его постройки. (Корни деревьев проникали сквозь весь вал до погребенной почвы. Их остатки разной степени разложения встречаются в розовато-палевом песке).

Так как вал сложен тремя пачками слоев при одинаковом чередовании слоев в каждой пачке и, соответственно, без нарушения последовательности их природного залегания, то материал для строительства вала брался из трех рвов (углублений). Самая большая часть вала, прилегающая к поверхности погребенной почвы соответствует самому глубокому рву. Площадь поперечного сечения этой части составляет приблизительно 3,2 кв.м. Средняя часть соответствует более мелкому рву, площадь поперечного сечения здесь приблизительно 2,3 кв.м. Верхняя часть насыпи самая маленькая, площадь поперечного сечения около 0,9 кв.м.

Все слои в насыпи падают от внутренней части вала к его внешней части. Поэто-

му насыпь материал начинали от внутреннего края. В нижней и средней пачках слоев более глубокий по природному залеганию материал располагается ближе к внешней стороне вала и, учитывая падение слоев, в нижней части склона, формируемого профиля вала. (Возможно, что материал первой пачки слоев вынимали из внутреннего, а не из наружного рва, учитывая, что валы строили одновременно, и что внутренний вал сложен в целом материалом более глубоких по природному залеганию слоев). Верхнюю, самую маленькую пачку слоев по уже сформированному профилю вала (с довольно крутым склоном от внутренней части к внешней) насыпали иначе – снизу вверх, т.е. от внешней части к внутренней (чтобы выровнять профиль вала), так как серый гумусированный слой этой пачки сдвинут к внешней части вала, а материал более глубокого природного залегания, покрывает гумусированный материал сверху и сдвинут к внутренней части вала.

Насыпание вала проводили только большими порциями, то есть вырытую землю складывали в большие емкости (типа насылок или корзин), затем относили к месту вала и там высыпали. В противном случае слои не были бы столь отчетливыми, присутствовала бы в том или ином виде мелкая пятнистость.

Материал из рвов вынимали послойно, согласно природному залеганию, то есть последовательно срывали почву на одинаковую глубину на большом протяжении.

После насыпания каждой порции проводили трамбовку, правда с разной тщательностью, что зависело также и от свойств каждого слоя. Светло-желтый песок с яркой мелкой щебенкой, лимонно-желтый песок и гумусированный материал – утрамбованы хорошо. Песчаный материал, содержащий значительное количество крупных камней трамбовке практически не поддается.

Весь вал был построен довольно быстро, так как за все время его строительства была лишь одна перемена погоды. После того как примерно половина первой пачки слоев была насыпана, начался дождь, сформировавший вышеописанную характерную светлую слоистую полосу. Перемыв материала, приводящий к формированию такой полосы возможен предостаточно продолжительном (несколько часов), но не очень интенсивном дожде. Сразу после высыхания поверхности вала работы были продолжены (так как тонкая полоска

перемытого материала отчетливо видна и не разрушена, то до продолжения работ поверхность успела подсохнуть; работы были возобновлены сразу же, так как граница раздела между полоской и следующей порцией насыпи отчетлива, но инкрустирована только продуктами одного перемыва). Больше перемывов в строительстве вала (во всяком случае изменений погоды) не было.

Никаких деревянных конструкций внутри вала не было – слои насыпи залегают без нарушений. Однако деревянное сооружение было на поверхности вала, без заглабления внутрь (по крайней мере не глубже 30 см). Это сооружение впоследствии сгнило и развалилось по поверхности вала, образовав черный гумусовый горизонт, практически полностью органический, неравномерной мощности с резкой нижней границей. Большая часть сгнивших бревен упала ближе к внешней стороне вала 9там больше мощность гумусового горизонта).

2.2. Внутренний вал (рис. 4)

2.2.1. история землепользования до строительства вала

Почва погребенная внутренним валом, также вскрыта на глубину 0,5 м и практически полностью аналогична почва под внешним валом, что соответствует той же истории землепользования и говорит об одновременности сооружения обоих валов.

2.2.2. Описание вала

Максимальная высота внутреннего вала составляет 130 см, ширина 6 м. Внутренний вал имеет более выровненный (горизонтальный) профиль в своей центральной части (в отличие от внешнего) и более крутые склоны в периферической части.

В целом внутренний вал сложен более однородным материалом – буровато-охристым песком с разным количеством щебенки и небольшим количеством желтого песка (4.10). в нем нет четко и правильно стратифицированных слоев, соответствующих природному залеганию. Отдельные порции насыпи имеют отчетливое падение от внешней части вала к внутренней (обратно внешнему валу).

Нижняя часть вала (у основания) сложена лимонно-желтым песком с очень небольшим количеством мелкой щебенки (4.6). В песке есть тонкие, (1-2 мм) по-разному ориентированные короткие (несколько сантиметров) коричневые прожилки. Примерно по

середине этой части насыпи проходит светлая полоса перемытого материала (4.8), аналогичная соответствующей полосе по внешнему валу, с характерным распределением перемытых фракций в пространстве.

Следующая часть вала сложена желтым песком с большим количеством крупной щебенки (4.7). Перекрывает все рыхлый буровато-охристый песок с отдельными крупными камнями.

На буровато-охристом фоне выделяются серые и буровато-серые морфоны. Ближе к наружному краю вала два асимметричных буровато-серых пятна (4.3), примыкающих к поверхностному гумусовому горизонту, шириной 20-40 см и глубиной 0,5 м, вероятно, смыкающиеся снизу. Между этими морфонами буровато-охристый песок имеет отчетливо более светлый тон. Ближе к внутреннему краю 15 см, упирающиеся в слой камней. За крайним морфоном буровато-охристый песок также имеет более светлый оттенок.

На поверхности вала залегает черный гумусовый горизонт (4.4) (перекрытый в настоящее время отвалом раскопок археолога Полесских М.Р. (4.11)), аналогичный по структуре гумусовому горизонту на внешнем валу. В некоторых участках вала гумусовый горизонт исчезает вовсе (между буровато-серыми пятнами) или сильно утончается.

2.2.3. Как строили вал

Строительство начали сразу после выжигания соснового леса, летом, одновременно с внешним валом. Верхний прогоревший слой здесь несколько более нарушен, чем под внешним валом. Впоследствии вал не нарушался процессами почвообразования, связанными с механическим перемещением материала (копрогенезом, деятельностью кротов, вывалами), хотя корни растущих здесь деревьев проникали сквозь весь вал до погребенной почвы. Это позволяет сделать выводы о способе постройки вала.

Можно утверждать, что материал насыпался как минимум из двух рвов (углублений), так как в основании вала лежит более глубокий по природному залеганию материал, чем в его верхней части. Весь вал сложен буровато-охристым и желтым песком без участия гумусового и других поверхностных горизонтов, т.е. почву для насыпи брали из мест, где поверхностные горизонты были срыты.

Падение слоев – от внешней стороны ко внутренней говорит о том. Что насыпь начинали с внешней стороны.

Внутренний вал, как и внешний, строили быстро. Во время строительства был только один перерыв на время дождя (довольно продолжительного, но не очень интенсивного), сформировавшего светлую полосу перемытого материала, аналогичную по структуре полосе внешнего вала. Наличие здесь такой полосы, примерно на том же уровне, что и во внешнем валу, также подтверждает одновременность построения валов. Строительство продолжили сразу после высыхания поверхности вала. Строительство продолжили сразу после высыхания поверхности вала (сохранность полосы), но насыпаемый материал был еще мокрым. Вследствие утрамбовки мокрого песка в нем образовались тонкие коричневые прожилки. Больше перерывов в строительстве вала (изменения погоды) не было.

Материал насыпали большими порциями, как и во внешнем валу (нет мелкой пятнистости, отчетливо выделяются большие однородные морфоны) и трамбовали по мере возможности (лучше утрамбованы нижние слои).

В отличие от внешнего вала, где деревянные сооружения были только на поверхности, здесь. Вероятнее всего, был небольшой сруб внутри вала, ближе к его внешнему краю. Следы сруба – буровато-серые морфоны, описанные выше. До окончания насыпания вала (не досыпав около 70 см) была выровнена внешняя часть и на нее был установлен сруб. Почву, насыпанную затем внутри сруба очень тщательно утрамбовали – за счет повышенной плотности она медленнее намокает при дождях и после непродолжительного дождя на стенке разреза выглядит как пятно светлого тона. Вертикальные серые морфоны, расположенные ближе к внутреннему краю вала – вероятнее всего следы от врытых бревен, так как имеют строгую вертикальную форму и ровные боковые границы. При засыпании этих бревен почву также тщательно трамбовали – пятна более светлого тона (на буровато-охристом фоне) после дождя говорят о повышенной плотности. Довольно светлый цвет (серый и буровато-серый) морфонов на месте врытых деревянных сооружений связан с особенностями разложения сухой (мертвой) древесины в почве. Эти деревянные сооружения не были полностью внутри вала, а возвы-

шались над поверхностью почвы. Надземные части развалились по поверхности вала после сгнивания, образовав черный гумусовый горизонт, аналогичный гумусовому горизонту на поверхности внешнего вала. Характерно, что между буровато-серыми пятнами (внутри сруба) черный гумусовый горизонт отсутствует.

2.3. Основные этапы истории участка

1. Открытая поверхность почвы при земледельческом использовании, интенсивный снос материала, эрозия почвы.

2. Заброс эрозированной пашни поселение соснового леса, стабилизация поверхности (несколько десятков лет).

3. Вырубка соснового леса и сжигание его на месте в летнее время с последующим корчеванием обгорелых пней.

4. Строительство одновременно двух валов сразу после выжигания за довольно короткое время.

3. Армиевское городище I (Рис. 5, 6, 7)

Городище устроено на мысе, сложенном неоднородными почвообразующими породами. Рыхлые, легко подверженные размыву пески залегают на плотных тяжелых суглинках, причем мощность песчаных прослоев колеблется от 0 до 70-80 см в вершинах оврагов, окаймляющих городище. Валы датируются IX-XI вв. (3).

3.1. Внешний вал (рис. 5)

3.1.1. Насыпь

Насыпь вала состоит из двух резко отличающихся по цвету и механическому составу частей.

Нижняя, отложенная на погребенную поверхность, часть сложена мелкозернистым песком (5.1), обогащенным пылеватой фракцией, имеет розовато-светло-серую окраску и полосчатую текстуру (5.13) - общая масса разбивается достаточно регулярными темно-коричневыми полосками толщиной от 2-3 мм до 20 мм на прослой толщиной около 5 см. Текстура весьма сходна с описанной для внешнего вала Садовского городища, но отличается от нее наличием костных трещин, заполненных темно-коричневой глинистой кутаной, которые соединяют в отдельных местах вдольповерхностные полоски. На вертикальном срезе они выглядят как тонкие 1-2 мм темно-коричневые полоски. В общей

массе наблюдается редкие включения мелких (меньше 1 мм) угольков и золы.

Верхняя часть насыпи сложена опесчаным средним суглинком желто-палевого цвета (5.8), не имеющим столь четкой полосчатой структуры. В пределах суглинистой части насыпи выделяются два гумусированных органогенных прослоя: один соответствует по положению современному гумусовому горизонту (5.6), другой (5.7) отделен от гумусового горизонта прослоем суглинка (5.8).

В центральной выположенной части вала мощность гумусового горизонта минимальна, погребенный органогенный прослой отсутствует. Начиная с краев выположенной площадки мощность гумусового горизонта и погребенного органогенного прослоя быстро растет к нижней части вала при одновременном уменьшении мощности разделяющего их прослоя вплоть до смыкания.

В естественном сложении суглинков залегают под песком на глубине от 0 до 80 см, что позволяет предположить, что порядок отложения материала в насыпь и его количество соответствует взятию материала из одного углубления (рва).

Более сыпучий песчаный материал укладывался небольшими порциями, соизмеримыми с размерами лопаты, в слои, которые перестилались органическими остатками и поливались, по-видимому, взвесью более клейкого гумусированного суглинистого материала. Суглинистый материал откладывался большими порциями, соизмеримыми с размером ведра и утрамбовывался.

В теле изученного участка насыпи не обнаружено следов вертикальных деревянных станин. В то же время, в правой части разреза над песчаной отсыпкой наблюдается крупный морфон неправильной формы, буровато-серой неоднородной окраски (5.12), заполненный живыми древесными корнями. Вне этого морфона древесных корней значительно меньше, что указывает на его более рыхлое, по сравнению с окружающей массой, сложение. Возможно, что это – следы заглубленной в вал нижней части деревянных сооружений горизонтально ориентированной формы. Однако. Для окончательного решения необходимо исследовать дополнительные разрезы.

Распределение органогенного материала по поверхности вала говорит о том, что на нем стояло деревянное сооружение, по крайней

мере частично заполненное землей, которое разрушалось поэтапно: обваливание деревянных частей чередовалось с оползанием минеральной засыпки. Наличие трещин деформации в пределах полосчатой толщи говорит о непропорциональном весе, излишней тяжести конструкции, по сравнению с мощностью «несущего» их вала.

В настоящее время вал разрушается вывалами деревьев, однако относительно хорошая сохранность в его верхней части и отсутствие следов корней срубленных деревьев в насыпи говорит о том, что территория относительно недавно покрылась лесом.

3.1.2. Погребенная почва

Граница погребенной почвы с насыпью устанавливается по появлению полосчатой текстуры. Погребенная почва скальпирована: поверхностные слои (в том числе присутствовавшие в насыпи углисто-золевые) отсутствуют. Насыпь отложена на светлый песчаный палево-серый слой (5.2) неравномерной мощности.

В пределах зачистки в погребенной почве имеется достаточно четкая граница между двумя почвенными разностями, проходящая примерно по середине вала.

В правой части под залегающим довольно ровным слоем светлым, почти белым песком (5.3) выделяются крупные, наложенные друг на друга вывальные котлы, заполненные смесью сложного состава (5.5,5.4). Граница между «кроющим» слоем осветленного песка и нижележащими морфонами достаточно ровная и состоит из небольших (менее 1 см) комков суглинка, плавающих в песчаном материале.

В левой части разреза насыпь отложена на палево-серый песок (5.2), заходящий в виде «трещин», заклинков и т.п. в плотный, цементированный охристо-желтый суглинок.

Таким образом, в этом разрезе на одном уровне залегают материалы, которые в естественном сложении залегают на разных глубинах. Кроме того, между песчаным и суглинистым субстратом имеется достаточно резкая субвертикальная граница, причем залегающий обычно на большой глубине суглинок частично перекрывает песок. Это характерно для овражно-балочных отложений, образующихся в описываемых условиях при изменении положения временных русел

незащищенной дерниной и т.п. поверхности почвы. Такая ситуация возникает на перевыпасаемых, длительно распахиваемых и разезженных (используемых под дорогу) участках.

Этап перебива сменился зарастанием лесом:

В правой части разреза наблюдаются вывальные котлы, характерны для листовых пород, отмерших в возрасте не менее 40 лет. В левой части разреза имеются вытянутые морфоны, соответствующие корням сосен, срубленных в условиях, когда на поверхности залегал осветленный песок.

При высокой неоднородности нижних слоев почвы приповерхностный слой, судя по отсыпанному в вал материалу и небольшим фрагментам естественного залегания имеет достаточно однородный состав. Наиболее вероятной причиной формирования сплошного песчаного слоя на поверхности кажется «мягкая» перепашка участка в течение непродолжительного времени, возможно, при сохранении пеньков от срубленных деревьев с обработкой почвы рыхлящими орудиями типа борона.

Описанные выше особенности материала песчаной части насыпи (розовый оттенок, перетертые тонкие угли при отсутствии крупных, зольные включения, обогащенность пылеватой фракцией) формируются при прожиге в системе подсечно-огневого земледелия. Если материал для насыпи действительно брался из примыкающего к ней рва, то можно утверждать, что участок до строительства вала использовался под «новину», обрабатываемый участок в системе подсечного земледелия.

Материал отсыпался в вал небольшими порциями, которые затем объединялись поверхностной переработкой. Однако, даже после этого заметно различие оттенков в окраске материала прослоев на близких расстояниях. Это характерно для отсыпки материала в естественном залегании имеющего неоднородную окраску или состоящего из разноокрашенных слоев одинакового гранулометрического состава небольшой мощности. При этом песок практически не смешан с суглинком. Неоднородность окраски связана с неравномерностью гумусирования и, главное, – с формированием механических смесей с разным соотношением между верхней (прокаленной), розовой частью песчаного слоя,

нижней светлой, не прожженной частью и углисто-зольной массой, некогда залегавшей на поверхности. Так как эти материалы смешивались только в пределах небольшой по мощности песчаной толщи, это, вероятнее, результат антропогенного, а не естественного оборачивания – повторных рыхлений после выжига и т. п.

3.1.3. Основные этапы истории участка

Перебив поверхности – формирование врезок временных водотоков и заполнение их эрозионным материалом – зарастание молодым смешанным лесом – устройство подсеки – выравнивание площадки, скальпирование почвы – строительство вала с наземными деревянными сооружениями (с заглубленной в вал нижней частью?).

3.2. Внутренний вал (рис. 6)

3.2.1. Насыпь

Начало насыпи над погребенной почвой диагностируется по возникновению полосчатой текстуры (6.1). Плосчатость выражается в чередовании толстых (10-15 см) прослоев светлого песка и тонких (1,5 -2,5 см) прослоев оливково-желтого суглинка.

Материал откладывается небольшими порциями-слоями, а затем утрамбовывался, однако не очень тщательно. Выраженность полосчатой текстуры неодинакова в пределах сечения вала.

В центральной части вала на расстоянии около 1 м друг от друга расположены два субвертикально-ориентированных серовато-бурых однородно окрашенных морфонов (6.10, 6.14) диаметром около 25-30 см, соответствующие остаткам деревянных сооружений.

Морфоны хорошо заметны не только по цвету и однородности окраски, но и по различию поведения суглинистых прослоев в расположенной между ними массе и вне ее. Снаружи от субвертикальных морфонов прослой имеют вдольповерхностную ориентацию, непосредственно около них, примерно в 20 см зоне, и под ними – на всю глубину насыпи, до границы с погребенной почвой, прослой искривляются, отслеживая форму морфонов.

Такая ситуация возможна, если бревна (сваи, опоры?) вбивают в уже готовую насыпь или, что менее похоже, если после засыпки уже готового деревянного сооружения землей участки вокруг опор особо уплотняются

с дополнительной подсыпкой материала в пустоты.

Выраженность полосчатой текстуры вне описанных фрагментов гораздо четче с внутренней от субвертикальных морфонов стороны вала, чем между опорами и снаружи от них. Пластическая деформация полосок вокруг и особенно под органогенными морфонами говорит о том, что деформирующая нагрузка прикладывалась к влажной насыпи (вероятней всего намоченной, так как следов дождевого перемыва не обнаружено).

В центральной выпуклой части вала мощность гумусового горизонта (6.4) минимальна – 5-7 см за исключением двух глубоких заклинков, соответствующих по положению нижележащим остаткам деревянного строения. Снаружи мощность гумусового горизонта быстро увеличивается, достигая в нижней части вала 40 см. Тип гумуса – модер. Эта ситуация соответствует наличию надземной части деревянного сооружения, не заполненного землей.

Материал насыпи неоднороден по цвету и механическому составу, четкая последовательность в отложении слоев, выдержанная по всей ширине насыпи, отсутствует.

Центральная часть вала сложена светлым мелкозернистым песком (6.11), верхушка центральной части и наружная крутая сторона вала – более тяжелым суглинистым желтопалевым материалом (6.12). На границе с погребенной почвой залегает переложенный гумусированный материал поверхностных слоев почвы (6.1.+6.6).

Во внутренней части вала на погребенную поверхность почвы отсыпан сначала желтый песок (6.8+6.1) (в естественном сложении залегающий под гумусовым горизонтом), а естественном сложении загумусированный материал (6.1+6.6), в естественном сложении залегающий с поверхности. Основная масса вышележащей толщи представляет собой смесь белого песка и желто-палевого суглинка (6.11) в разных пропорциях с включениями гравия. Насыпь внутренней части вала имеет четкую полосчатую текстуру.

Описанная картина говорит о том, что материал для отсыпки брался из разных источников. Первые порции отсыпки в целом сходны с погребенными под насыпью почвенными слоями, и могли быть взяты непосредственно из примыкающего к валу рва. При этом последовательность их отложения не везде соответ-

ствует естественному порядку залегания, что может говорить как об исходной не одному порядку залегания, что может говорить как об исходной неоднородности залегания и малой мощности углисто-зольных слоев в почве, так и о параллельной отсыпке материала из разных по глубине частей рва.

Мощность светлого песка в отсыпке превышает то его количество, которое могло бы быть взято из рва. Кроме того, он имеет светлую окраску – в насыпи отсутствуют фрагменты желтого песка, в естественном сложении залегающего под гумусовым горизонте. Поэтому кажется более вероятным, что материал для строительства этой части вала брался из верховьев, примыкающего ко рву.

В порядке отсыпки можно усмотреть определенную логику: наружный (обращенный к вражеской стороне) скат вала сложен скользким материалом, центральная часть и внутренний скат. На которые приходится основная деформирующая нагрузка, – тщательно уплотненными переслоями песка и суглинка, дающими наиболее устойчивый откос.

В теле вала не было обнаружено признаков, соответствующих разным условиям атмосферной поверхностной обработки материала, то есть вал строился достаточно быстро (летом, не дольше месяца).

3.2.2. Погребенная почва

Граница насыпи с погребенной почвой весьма неровная, ступенчатая: на расстоянии 30-40 см перепад уровня погребенной поверхности составляет 20-40 см. Из этого и некоторых других признаков следует, что поверхность почвы на момент строительства вала уже была сильно нарушена ямами, причем эти ямы антропогенного происхождения, так как на их дне отсутствуют обычные для вывальных ям седименты и форма ям отлична от вывальных.

Практически на всей стенке разреза почва скальпирована – подстилка и гумусированные слои отсутствуют. Ниже залегает мощная песчаная толща (6.8), контакт которой с плотным суглинком находится глубже 0,8 м (дно разреза от поверхности погребенной почвы). Имеются желтые и осветленные фрагменты окраски с диффузными границами и на их фоне – субвертикальные ориентированные линейные морфоны шириной 0,5-2 см, заполненные осветленным песком: остат-

ки корней срубленных деревьев, вероятнее – сосны на стадии жердяка (10-20 лет).

В то же время нет впечатления, что почва была скальпирована при строительстве вала, так как приповерхностные горизонты полностью отсутствуют именно в понижениях, а не в повышениях. На небольшом участке погребенной почвы с ненарушенным залеганием верхний 20-сантиметровый слой имеет более темную окраску. Верхние 5-7 см представляют собой механическую смесь розовато-палевого мелкозернистого песка (6.6), мелких угольков и тонкодисперсной иглистой массы с обилием золы в виде точечных включений.

Отчетливый розовый оттенок песка и высокое содержание в нем пылевой фракции характерно для высокотемпературного обжига материала – выжиг при подсеке или верхового пожара.

В общей массе наблюдаются участки с более рыхлым сложением, в которых присутствуют небольшие (меньше 1,5 см) окатанные древесные угли. Более крупные угли отсутствуют как в валу, так и в насыпи, хотя очевидно, что для создания высокой температуры обжига на большой площади необходимо было сжечь большое количество древесины. Следовательно, крупные угли либо дополнительно пережигались при выжиге подсеки, («прятание» – технологическая стадия подсечно-огневого земледелия), либо, что менее вероятно, были убраны перед строительством вала. Окатанность углей указывает на то, что пожар произошел задолго до строительства вала, но с этого времени в почве отсутствовало ее естественное оборачивание (вывалы деревьев, кротование), и вспашка, замешивающие продукты поверхностной переработки (в данном случае – угли) на определенную глубину, так как в почве отсутствуют характерные для этих видов оборачивания признаки.

Описанная совокупность признаков соответствует освоенному под поселение участку запущенной в залежь подсеки.

3.2.3. Основные этапы истории участка

Общую динамику участка территории можно представить следующим образом: сосновый лес – подсека – поселение – устройство вала с заглубленными в насыпь деревянными конструкциями.

4. Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в среднем средневековье, задолго до строительства городищ, существовало активное использование территории в переложном и подсечно-огневом земледелии, сопровождавшееся частой сменой лесных и открытых угодий, в ряде случаев по причине деградации почв (вплоть до полного ее смыва).

На песчаных почвах огораживанию предшествовало использование участков в системе подсечно-огневого земледелия без вспашки, а на суглинистых – переложное земледелие с глубокой обработкой почвы рыхлящими орудиями.

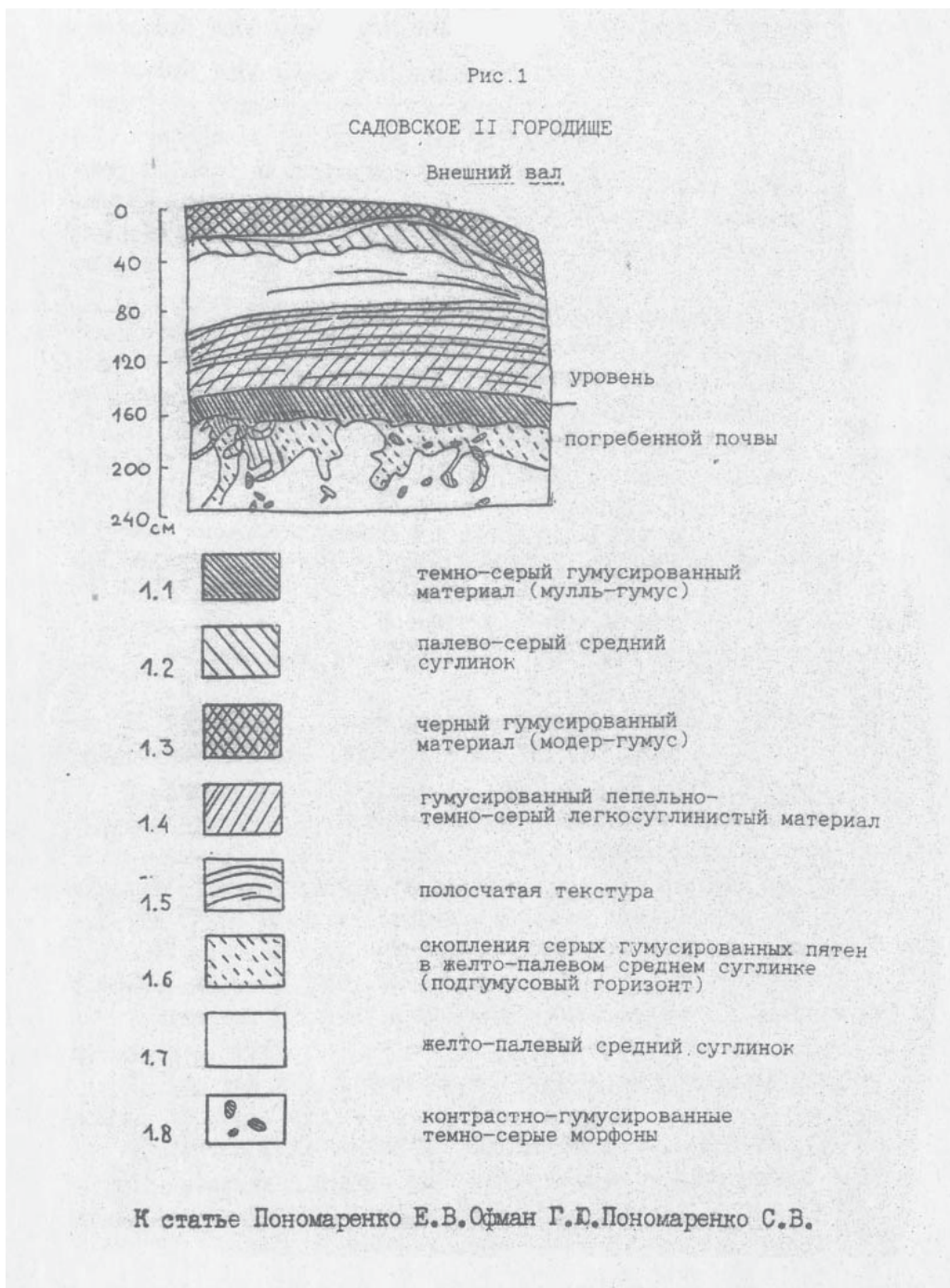
По характеру исходных экосистем антропогенному использованию предшествовала лесная растительность.

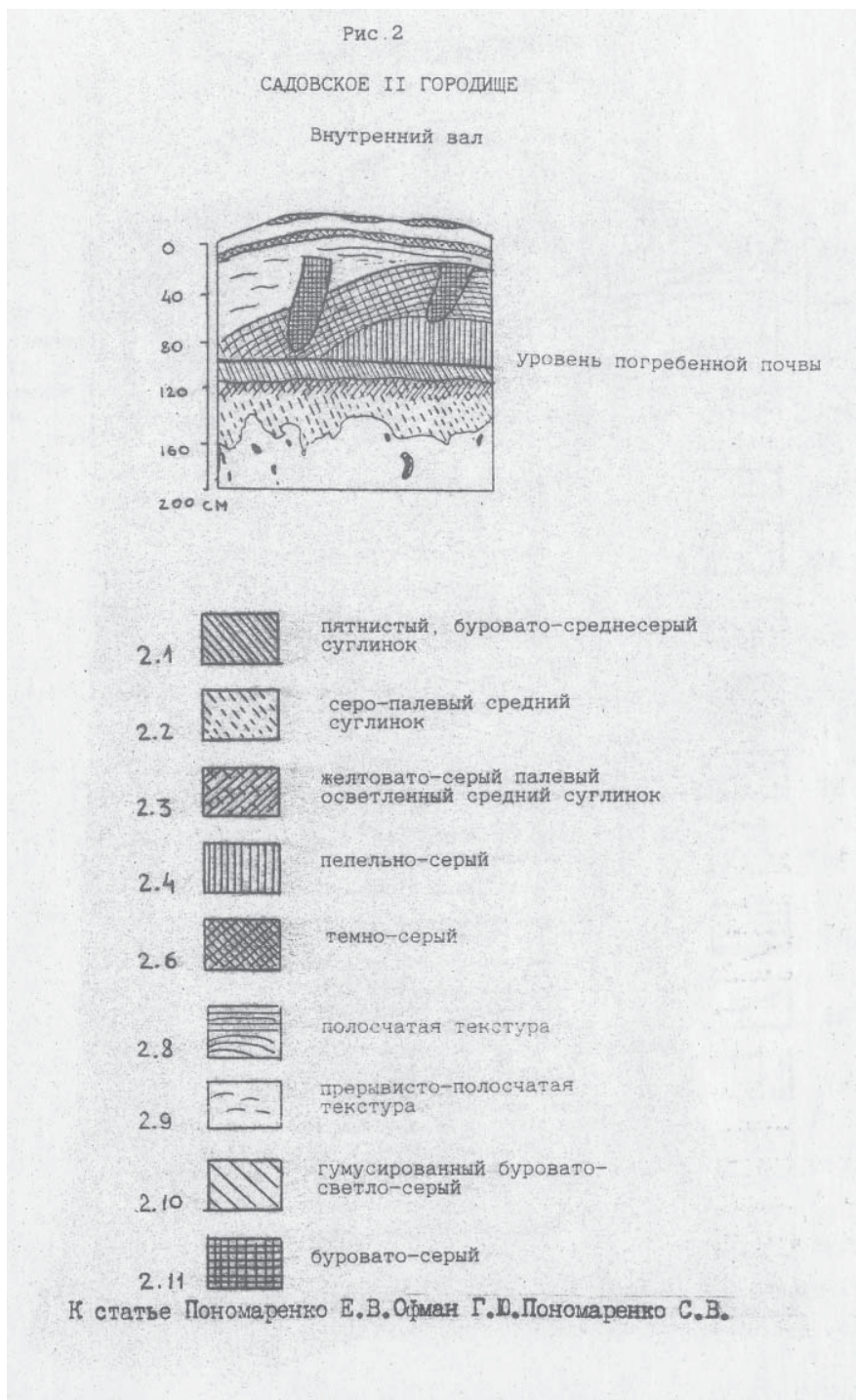
На внешних валах деревянные конструкции ставились непосредственно на поверхности вала, без заглубления в вал. На внутренних валах существовали более основательные деревянные сооружения, нижняя часть которых была заглублена в вал.

При строительстве валов использовались два способа укладки материала:

1. Мелкопорционная отсыпка с выравниванием и утрамбовыванием слоев, сопровождавшихся перестилком органическими материалами и поливом каждого слоя, – на относительно однородном по гранулометрическому составу материале.

2. Крупнопорционная отсыпка материала с менее тщательным уплотнением – на породах, содержащих большое количество щебня.

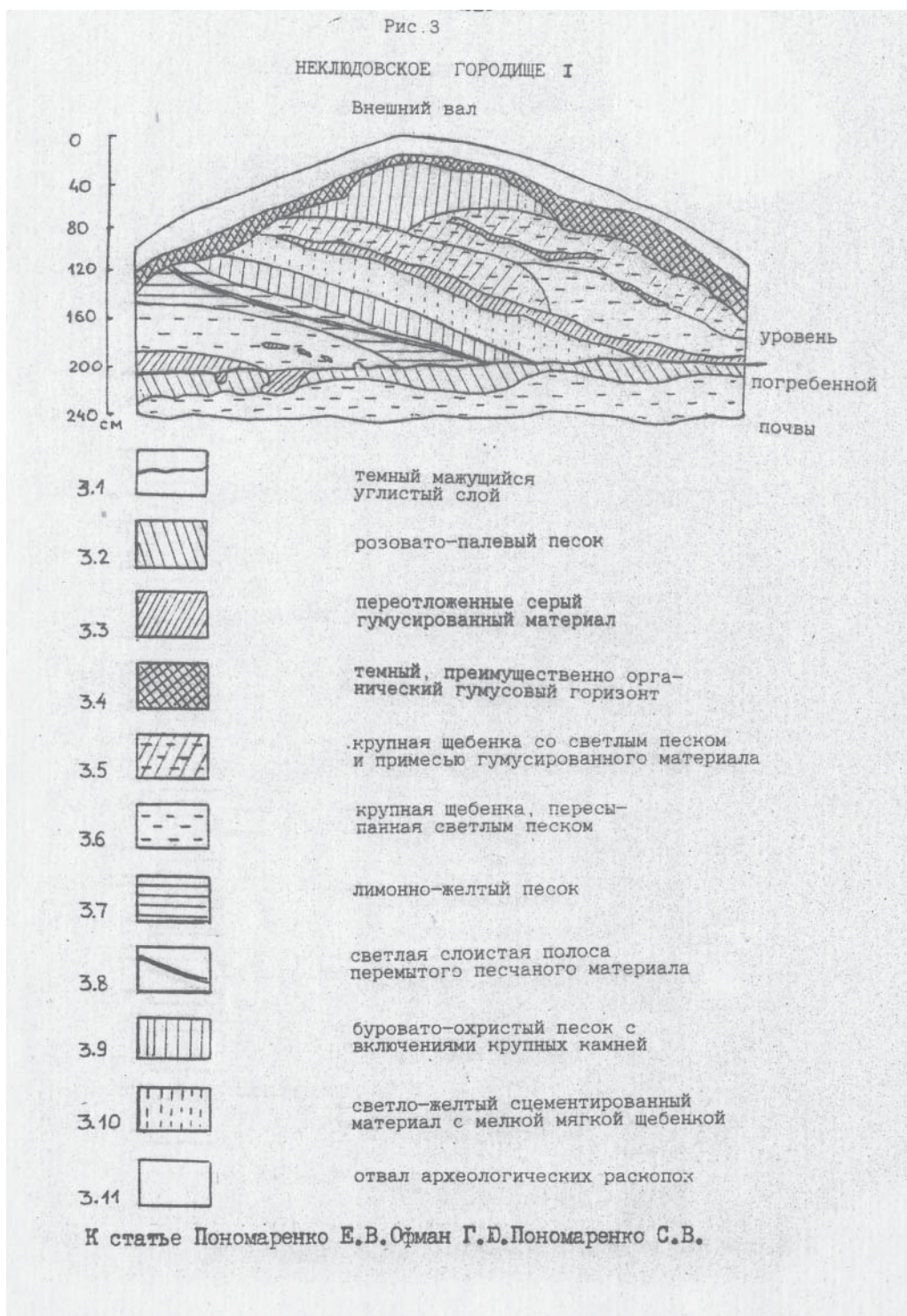
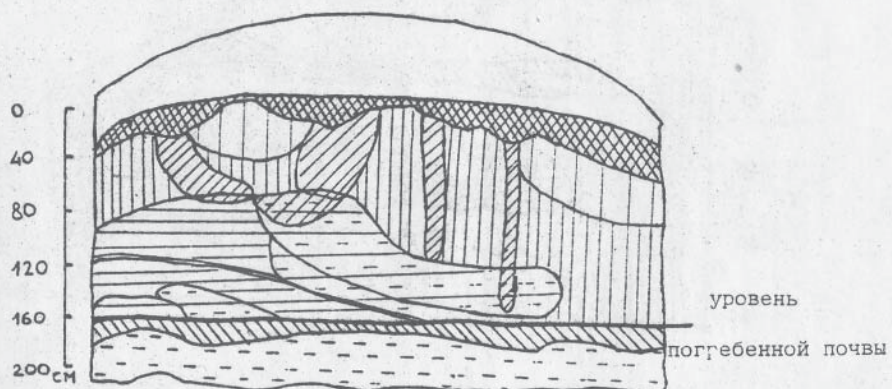

Рис. 4

НЕКЛЮДОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ I
Внутренний вал

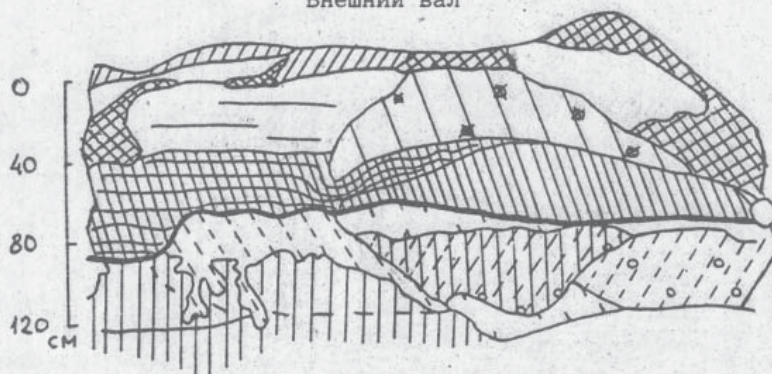
- 4.1 темный мажущийся углистый слой
- 4.2 розовато-палевый песок
- 4.3 серые и буровато-серые морфоны
- 4.4 темный, преимущественно органический гумусовый горизонт
- 4.5 крупная щебенка, пересыпанная светлым песком
- 4.6 лимонно-желтый песок
- 4.7 желтый песок с крупной щебенкой
- 4.8 светлая слоистая полоса перемытого песчаного материала
- 4.9 буровато-охристый песок с включениями крупных камней
- 4.10 буровато-охристый песок светлого тона
- 4.11 отвал археологических раскопок

К статье Пономаренко Е.В., Ошман Г.Ю., Пономаренко С.В.

Рис. 5.

АРМИЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ I

Внешний вал

5.1		розовато-светло-серый мелкозернистый песок	5.9		охристо-желтый тяжелый суглинок
5.2		палево-светлосерый песок	5.10		уровень погребенной почвы
5.3		белый песок	5.11		включения камней
5.4		зеленовато-желтый среднезернистый песок	5.12		буровато-серая пятнистая смесь желто-палевого суглинка, розовато-серого песка и переработанных органических остатков
5.5		бурая смесь охристо-желтого суглинка, светлого и зеленовато-желтого песка, переработанных органических остатков	5.13		полосчатая текстура
5.6		палево-средне-серый средний суглинок	5.14		древесные корни
5.7		темно-серый легкий суглинок (модер-гумус)			
5.8		желто-палевый средний суглинок			

К статье Пономаренко Е.В., Орман Г.Е., Пономаренко С.В.

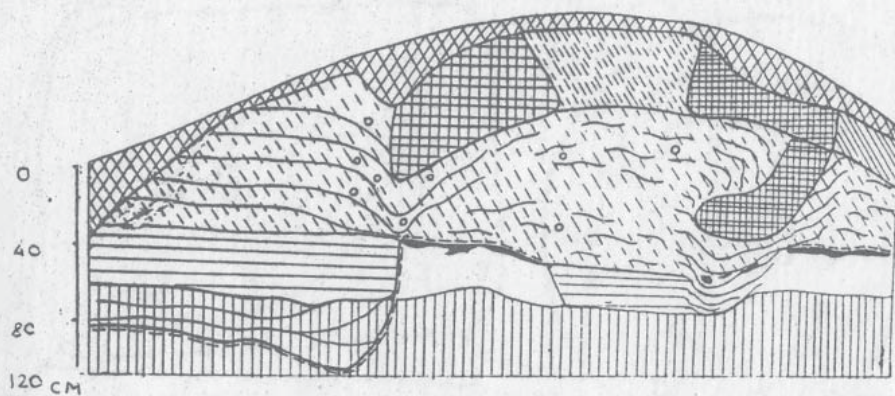

Рис. 6

АРМИЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ I

Внутренний вал

6.1		полосчатая текстура	6.9		уровень погребенной почвы
6.2		прерывисто-полосчатая текстура	6.10		буровато-серый, однородно-окрашенный
6.3		включения камней	6.11		белый песок с примесью палевого суглинка
6.4		темно-серый гумусированный материал	6.12		близкое соотношение белого песка и палевого суглинка
6.6		розовато-светлосерый песок	6.13		желто-палевый суглинок
6.7		углеподобная масса	6.14		буровато-серый, более пятнистый
6.8		желтый песок			

К статье Пономаренко Е.В., Ойман Г.Ю., Пономаренко С.В.

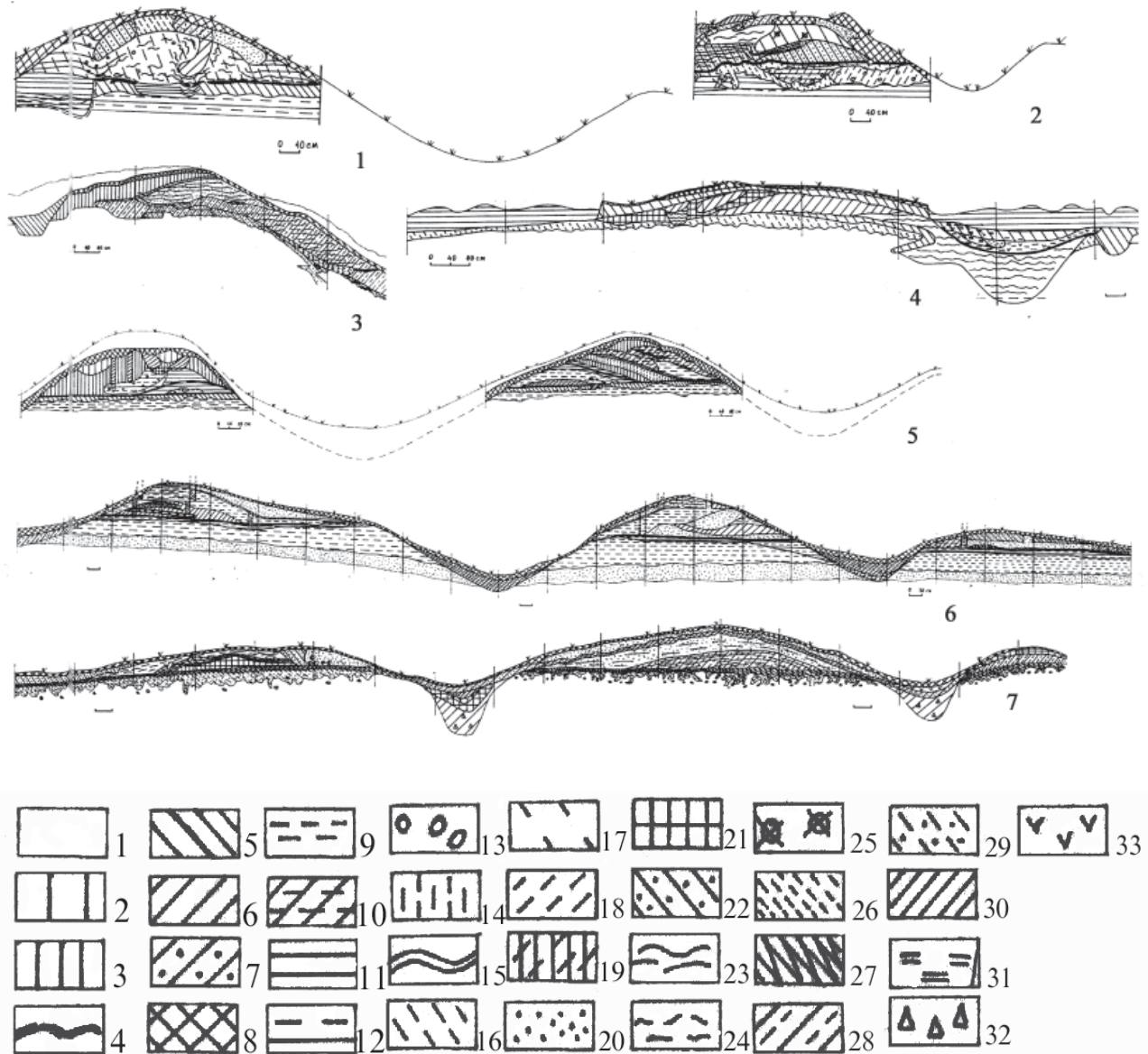

Рис.7. Стратиграфия валов городищ Верхнего Посурья.
1, 2 - Армиевское 1; 3 - Сундровское; 4, 5 - Неклюдовское 1; 6 - Юловское; 7 - Садовское 2.

Условные обозначения:

1 – отвал археологических раскопок; 2 – буровато-охристый песок светлого тона; 3 – буровато-охристый песок с включениями крупных камней; 4 – темный мажущийся углистый слой; 5 – розовато-палевый песок; 6 – серые и буровато-серые морфоны; 7 – переотложенный серый гумусированный материал; 8 – темный, преимущественно органический гумусовый горизонт (модер-гумус); 9 – крупная щебенка, пересыпанная светлым песком; 10 – крупная щебенка с примесью гумусированного материала; 11 – лимонно-желтый песок; 12 – желтый песок; 13 – камни; 14 – светло-желтый цементированный материал с мелкой мягкой щебенкой; 15 – светлая слоистая полоса перемятого песчаного материала; 16 – палевый светло-серый песок; 17 – белый песок; 18 – зеленовато-желтый среднезернистый песок; 19 – бурая смесь охристо-желтого суглинка, светлого и зеленовато-желтого песка, переработанных органических остатков; 20 – желто-палевый средний суглинок; 21 – охристо-желтый тяжелый суглинок; 22 – буровато-серая пятнистая смесь желто-палевого суглинка, розовато-серого песка и переработанных органических остатков; 23 – полосчатая текстура; 24 – прерывисто-полосчатая структура; 25 – древесные корни; 26 – белый песок с примесью палевого суглинка; 27 – темно-серый гумусированный материал (муль-гумус); 28 – гумусированный пепельно-темно-серый легкосуглинистый материал; 29 – скопление серых гумусированных пятен в желто-палевом среднем суглинке (подгумусовый аргумент); 30 – палево-серый средний суглинок; 31 – провал; 32 – фрагменты керамики; 33 – уголь

РЕДКИЕ И УНИКАЛЬНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ СО СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ И ПРИМОКШАНЯ

В.А. Винничек, П.И. Сафронов

За последние годы во время археологических исследований средневековых памятников Пензенской области была собрана довольно большая коллекция предметов вооружения, основную часть которых составляют наконечники стрел. Среди многообразия форм этих находок выделяется ряд редких для Верхнего Посурья и Примокшанья, а иногда и уникальных для всей Восточной Европы. Интересны, на наш взгляд, хронология и территории бытования аналогов таких предметов, поскольку они могут способствовать пониманию характерных особенностей развития вооружения в период средневековья, как в Пензенском крае, так и за его пределами.

В данную работу привлечены материалы следующих средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья: Чемодановского селища (VIII – нач. XIII в.) (Винничек, 2001, с. 105), селища Васьянсад (VIII – нач. XIII, XIV в.) (Винничек, Сафронов, 2007, с. 242), Золотарёвского поселения (III–IV вв., VIII– нач. XIII в.) (Белорыбкин, 2001, с. 193), селища Балабанов Родник (нач. XI – нач. XIII в.) (Винничек, Киреева, 2008, с. 149), городища «Кладовая гора» (XII–XIII вв.) (Полесских, 1970, с. 34), Ольгинского селища (XIV в.) (Полесских, 1970, с. 33).

Представленные наконечники стрел согласно своим конструктивным особенностям и способам оформления распределены на следующие группы и типы:

Группа А. Прорезные.

Тип А-1 (рис. 1, 7) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Стороны пера слегка выпуклые, а плечики вогнутые. Общая длина = 119 мм. Длина пера = 52 мм, ширина = 25 мм. В нижней половине лопасти имеется сквозная крестовидная прорезь. По форме этот наконечник близок к ромбовидным гнездовского типа с изящными очертаниями и пропорциями пера 1:2, которые применялись с VIII до сер. XI в. (по А.Ф. Медведеву – тип 41, вариант 1) (Медведев, 1966, с. 65).

Тип А-2 (рис. 1, 6) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Стороны пера выпуклые, а плечики слегка вогнутые. Общая длина = 98 мм. Длина пера = 42 мм, ширина = 24 мм. В центральной части лопасти – четырёхугольная прорезь. Его геометрические величины и пропорции близки к ромбовидным наконечникам гнездовского типа с грубой отделкой (у данного наконечника заметна несимметричность пера) и пропорциями пера 1:2, которые использовались с сер. XI по XIV в. (по А.Ф. Медведеву – тип 41, вариант 2) (Медведев, 1966, с. 65).

Тип А-3 (рис. 1, 9) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Стороны пера слегка выпуклые, а плечики вогнутые. Общая длина не может быть установлена, так как черешок обломан. Длина пера = 47 мм, ширина = 24 мм. В центральной части пера – крестовидная прорезь. Этот наконечник по форме имеет аналогии среди ромбовидных с расширением в середине длины пера и пропорциями пера 1:2, которые были сравнительно широко распространены главным образом в IX–X вв. (по А.Ф. Медведеву – тип 42) (Медведев, 1966, с. 66).

Тип А-4 (рис. 1, 11) (городище «Кладовая гора» – 1 экз.). Стороны слегка вогнуты, плечики тоже вогнуты. Общая длина = 151 мм. Длина пера = 84 мм, ширина = 44 мм. Пропорции пера – 1:2. В центральной части пера – крестовидная прорезь. Геометрические характеристики сближают этот тип с ромбическими крупными наконечниками, которые были занесены в Восточную Европу во время монгольского нашествия в пер. пол. XIII в., а на Руси применялись до начала XV в. (по А.Ф. Медведеву – тип 49) (Медведев, 1966, с. 69).

Группа Б. Золочёные.

Тип Б-1 (рис. 1, 4) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Стороны пера прямые, а плечики – вогнутые, удлинённая шейка прямоугольного сечения. Общая длина = 124 мм. Длина пера = 80 мм, ширина = 15 мм. Обе плоско-

сти пера покрыты золотой фольгой. По форме этому типу аналогичны наконечники из Волжской Булгарии с пером ромбовидного сечения со сре-занным остриём и пропорциями пера 1:3, которые датируются XI–XIII вв. (по К.А. Руденко – тип Б30 (3 экз.)) (Руденко, 2003а, с. 94–95, с. 222, табл. 44, Б30), а также наконечник, обнаруженный ранее на площадке Золотарёвского городища (Яньков, 2001, рис. 75, 13).

Tun B-2 (рис. 1, 5) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Стороны пера выпуклые с плавным переходом в покатые плечики, удлинённая шейка прямоугольного сечения. Общая длина = 115 мм. Длина пера = 68 мм, ширина = 15 мм. Обе плоскости пера покрыты золотой фольгой. Близкие этому типу по форме наконечники ромбического сечения с пропорциями пера 1:3 из Волжской Булгарии датируются XI–XIII вв. (по К.А. Руденко – тип Б43а (4 экз.)) (Руденко, 2003а, с. 99, с. 490, табл. XXXIII, 621, 622).

Tun B-3 (рис. 2, 6) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). С четырёхлопастной боеголовкой и удлинённой шейкой круглого сечения. Общая длина = 117 мм, длина боеголовки с шейкой = 61 мм, ширина = 12 мм. На шейке и между лопастями имеются следы позолоты (амальгамирование). Возможно, что прототипом этого наконечника являлись бронебойные, с короткой пирамидальной головкой, распространённые на Руси в X – нач. XI в. (по А.Ф. Медведеву – тип 84) (Медведев, 1966, с. 81–82, табл. 17, 32, 33). Близкий по форме наконечник, но с трёхлопастной боеголовкой найден также на Золотарёвском поселении (рис. 2, 2). По мнению А.Ф. Медведева, такие наконечники являются древнерусскими (по А.Ф. Медведеву – тип 24) (Медведев, 1966, с. 61, табл. 28, 25, 26). Подобные наконечники обнаружены в Смоленске в слое XIII–XIV вв.

Группа В. Лопастные.

Tun B-1 (рис. 1, 2) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Двухлопастной ромбовидный, без упора, с пропорциями пера 1:4. Общая длина = 72 мм. Длина пера = 52 мм, ширина = 21 мм. Прямые аналогии этому наконечнику известны из поломской культуры VI–IX вв. (1 экз.) (Волков, 1995, с. 13, табл. I, II) и с Алтая IX–X вв. (1 экз.) (Худяков, 1986, с. 147, с. 144, рис. 64, 44, с. 148, рис. 65, VIII). Наконечники с двумя лопастями являются типичными для Южной Сибири, Центральной и Северной Азии VIII–XI вв. Ранее в Верхнем

Посурье подобный наконечник лавролистной формы был обнаружен в Армиёвском кургано-грунтовым мо-гильнике IX–XI вв. (Павлихин, 2001, с. 76–77).

Tun B-2 (рис. 2, 2) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). С трёхлопастной боеголовкой и длинной шейкой круглого сечения (по А.Ф. Медведеву – тип 24). Общая длина = 121 мм. Длина боеголовки = 27 мм, ширина = 12 мм. Такие наконечники встречаются довольно редко (4 экз.), найдены исключительно на древнерусских городищах, разрушенных монголами в XIII в. А.Ф. Медведев считает их древнерусскими, так как в Сибири, Средней Азии и Монголии такие стрелы не обнаружены. Дата их использования, по его мнению, ограничивается XII и пер. пол. XIII в. (до монгольского нашествия) (Медведев, 1966, с. 61, с. 151, табл. 20, 8).

Tun B-3 (рис. 3, 10) (Ольгинское селище – 1 экз.). Четырёхлопастной. Для изготовления этого типа, по-видимому, был использован ромбический наконечник с пропорциями пера 1:2 (по А.Ф. Медведеву – тип 48 (IX–XIV вв.)) (Медведев, 1966, с. 68–69, табл. 20, 28), в средней части лопасти которого были сделаны вырезы, после чего верхнюю часть развернули на 90°. Общая длина = 94 мм. Длина пера = 58 мм, ширина = 22 мм. Форма этого наконечника обнаруживает близость к кунжутolistным трёхлопастным, которые датируются XIV в. (Медведев, 1966, с. 61, табл. 27, 18, 19), что вполне согласуется с находками золотоордынских монет на площадке селища (Полесских, 1970, с. 28).

Группа Г. Шипастые.

Tun G-1 (рис. 1, 3) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Двухшипный с упором, длинной шейкой и пропорциями пера 1:2. Стороны пера прямые. Общая длина = 76 мм. Длина пера = 55 мм, ширина = 23 мм. Данный тип употреблялся главным образом на западе Древней Руси в VIII–IX вв. и особенно в XII – пер. пол. XIII в. (8 экз.) и в Прикамье (1 экз.) (по А.Ф. Медведеву – тип 30) (Медведев, 1966, с. 62, с. 137, табл. 13, 19).

Tun G-2 (рис. 2, 5) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Двухшипный с упором, короткими шипами, короткой шейкой и пропорциями пера 1 : 5. Стороны пера прямые, плечики вогнуты под острым углом. Общую длину определить невозможно, так как черешок утрачен. Длина пера = 44 мм, ширина = 16 мм. Подобные наконечники были распростра-

нены на Руси, по-видимому, только во втор. пол. XII в. и в пер. пол. XIII в., до монгольского нашествия (по А.Ф. Медведеву – тип 31) (Медведев, 1966, с. 62, с. 151, табл. 20, 14).

Группа Д. **Охотничьи тупоконечные.**
Тип Д-1 (рис. 1, 8) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Дротовый, восьмигранного сечения, с упором. Широкий верхний срез имеет в центре выступ в форме куба высотой 3 мм, стоящего на одном из углов. Общая длина = 46 мм. Длина боеголовки = 18 мм, толщина = 8 мм. Подобный наконечник известен из болгарских материалов XI–XIII вв. с селища Чакма в Предкамье (1 экз.) (по К.А. Руденко – тип Б1) (Руденко, 2003а, с. 327, с. 472, табл. XV, 237).

Тип Д-2 (рис. 3, 6) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Плоский, остриё надрублено и загнуто в противоположные стороны, вероятно, для того, чтобы при попадании не пробить шкуру животного. Стороны пера прямые, плечики вогнуты. Общая длина = 40 мм. Длина пера = 20 мм, ширина = 14 мм. Ромбический наконечник, из которого изготовлен данный тип, имел пропорции пера 1:2 и был распространён по всей Восточной Европе с VIII по XIV в. (по А.Ф. Медведеву – тип 48) (Медведев, 1966, с. 68–69, табл. 20, 28).

Оба типа охотничьих наконечников, очевидно, предназначались для сбивания с деревьев мелких пушных зверей.

Группа Е. **Срезни.**

Тип Е-1 (рис. 1, 1) (Золотарёвское поселение – 2 экз.). Тупоконечный срезень с расширением в верхней части длины пера и пропорциями пера 1:2. Стороны пера выпуклые, плечики вогнутые. Общая длина = 66 мм. Длина пера = 35 мм, ширина = 17 мм. Такие наконечники встречаются в материалах Минусы и Тувы XI–XII вв. (37 экз.) (Руденко, 2003а, с. 187, табл. 19, VI3).

Тип Е-2 (рис. 1, 12) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Срезень в виде вытянутой лопаточки с пропорциями пера 1:2. Стороны пера прямые и параллельны друг другу, плечики вогнутые. Сохранившаяся общая длина = 88 мм. Длина пера = 60 мм, ширина = 16 мм. На лопасти имеется линейный орнамент. Подобный по форме наконечник был найден в Чулковском могильнике (1 экз.) и датируется VIII–X вв. (Тишкина, 2000, с. 25, рис. 1, 8).

Группа Ж. **Плоские с броневой остриём.**

Тип Ж-1 (рис. 2, 4) (Чемодановское селище – 1 экз.). Стороны пера прямые, плечики вогнутые, броневой остриё ромбического сечения с пропорциями пера 1:3. Общая длина = 70 мм. Длина пера = 42 мм, ширина = 16 мм.

Тип Ж-2 (рис. 2, 3) (селище Васьянсад – 1 экз.) Стороны пера s-видные, плечики вогнутые, броневой остриё ромбического сечения с пропорциями пера 1:4. Сохранившаяся общая длина = 77 мм. Длина пера = 51 мм, ширина = 19 мм.

Близкие по форме типам Ж-1 и Ж-2 плоские ромбовидные наконечники с броневой остриём и пропорциями пера 1:2 были распространены только в X в. (по А.Ф. Медведеву – тип 80) (9 экз.) (Медведев, 1966, с. 80, с. 143, табл. 17, 1, 2, с. 177, табл. 30, 77), (по К.А. Руденко – тип Б306) (1 экз.) (Руденко, 2003а, с. 95, с. 484, табл. XXVII, 512).

Группа З. **Броневой ромбического сечения с уплощением (перехватом).**

Тип З-1 (рис. 1, 10) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Шиловидный с перехватом. Переход к уплощению с обеих сторон плавный (под острым углом). Между упором и боеголовкой имеется поперечная выемка. Общая длина = 51 мм. Длина боеголовки = 28 мм, длина перехвата = 10 мм, ширина стороны = 4 мм.

Тип З-2 (рис. 1, 13) (селище Балабанов Родник – 1 экз.). Шиловидный с перехватом. Переход к уплощению с одной стороны плавный (под острым углом), а с другой – ступенчатый (под прямым углом). Без поперечной выемки между боеголовкой и упором. Общая длина = 53 мм. Длина боеголовки = 24 мм, длина перехвата = 8 мм, ширина стороны = 5 мм.

Тип З-3 (рис. 2, 9) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). С вогнутыми плечиками, выпуклыми сторонами и с перехватом. Сохранившаяся общая длина = 33 мм. Длина боеголовки = 19 мм, длина перехвата = 7 мм, ширина стороны = 5 мм.

Тип З-4 (рис. 2, 7) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Пирамидальный, ромбического сечения, с перехватом и фигурной шейкой (поперечным валиком и поперечной выемкой). Общая длина = 75 мм. Длина боеголовки = 46 мм, длина перехвата = 8 мм, длина шейки = 10 мм, ширина стороны = 6 мм.

Тип З-5 (рис. 3, 5) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Шиловидный с перехватом. Переход к уплощению с одной стороны

ступенчатый (под прямым углом), а с другой – плавный (под острым углом). Без поперечной выемки между боеголовкой и упором. Грани орнаментированы прочерченными линиями. Общая длина = 38 мм. Длина боеголовки = 18 мм, длина перехвата = 7 мм, ширина стороны = 4 мм.

Группа И. С железным свистунком.

Tun И-1 (рис. 3, 3) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Кунжутolistный с пропорциями пера 1 : 1,7. Общая длина = 90 мм. Длина пера = 37 мм, ширина = 22 мм. Такие наконечники появляются в Восточной Европе в связи с монгольским нашествием в нач. XIII в. и распространяются в XIII–XIV вв. Они встречаются на памятниках, разрушенных ордами Батые в XIII в., и в золотоордынских погребениях. В Сибири и на Алтае были распространены и до монгольского нашествия (по А.Ф. Медведеву – тип 72) (Медведев, 1966, с. 78, с. 159, табл. 24, 16).

Tun И-2. Трёхлопастные, ступенчатые.

Вариант И-2-а (рис. 3, 1) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). С пропорциями лопасти 1:1,7. Общая длина = 92 мм. Длина лопасти = 46 мм, ширина = 15 мм.

Вариант И-2-б (рис. 3, 2) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). С пропорциями лопасти 1:6. Общая длина = 137 мм. Длина лопасти = 58 мм, ширина = 9 мм.

Подобные по форме этому типу наконечники широко бытовали в Южной Сибири и Центральной Азии в I–V вв. (Худяков, 1986, с. 32, рис. 5, 15–20, с. 70, рис. 26, с. 93, рис. 7–22, с. 112, рис. 49, 9, 10, с. 128, рис. 58, 8–11).

Tun И-3 (рис. 3, 4) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Срезень в виде узкой вытянутой лопаточки с пропорциями пера 1:8. Сохранившаяся общая длина = 98 мм. Длина пера = 43 мм, ширина = 10 мм. Такие наконечники не были известны в Восточной Европе до монгольского нашествия XIII в. В большом количестве они обнаружены на древнерусских поселениях южной полосы, разрушенных монголами, имели распространение в XIII–XIV вв. по всей Восточной Европе и в Монголии. Это типичные монгольские наконечники (по А.Ф. Медведеву – тип 67) (Медведев, 1966, с. 75, табл. 24, 2, табл. 26, 30).

Группа К. Долотовидные.

Tun К-1 (рис. 3, 9) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). С остриём, орнаментированным двумя продольными (вдоль края) и одной поперечной прочерченными линиями на

плоскостях каждой из сторон. Общая длина = 99 мм. Длина боеголовки = 57 мм, толщина = 7 мм.

Tun К-2 (рис. 3, 12) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). С остриём, орнаментированным продольными выемками и поперечными прочерченными линиями на плоскостях каждой из сторон, а также каплевидным углублением на одной из боковых сторон. Общая длина = 95 мм. Длина боеголовки = 49 мм, толщина = 7 мм.

Долотовидные наконечники стрел появились во второй половине XI в. и имели широкое распространение на территории Волжской Булгарии и Древней Руси вплоть до монгольского нашествия нач. XIII в. (по А.Ф. Медведеву – тип 100) (Медведев, 1966, с. 86, табл. 21, 47–49, табл. 30, 97).

Уникальными, на наш взгляд, являются также наконечники, не вошедшие в определённые группы и представленные следующими типами:

Tun I (рис. 2, 1) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Наконечник стрелы близкий по форме ромбовидным гнездовского типа (по А.Ф. Медведеву – тип 41) (Медведев, 1966, с. 65–66), но с пропорциями пера 1:4,7. Общая длина = 115 мм. Длина пера = 43 мм, ширина = 27 мм, толщина = 8 мм.

Tun II (рис. 2, 8) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Наконечник стрелы близкий по форме кунжутolistным (по А.Ф. Медведеву – тип 72). Его пропорции пера – 1:1,6. Общая длина = 90 мм. Длина пера = 45 мм, ширина = 30 мм. Кунжутolistные наконечники были занесены в Восточную Европу ордами Батые в нач. XIII в. (Медведев, 1966, с. 78), следовательно, данный наконечник необходимо связывать с гибелью Золотарёвского поселения в 1237 г.

Tun III (рис. 2, 10) (Золотарёвское поселение – 3 экз.) Бронебойный наконечник стрелы с короткой массивной боеголовкой ромбического сечения и длинной шейкой. Общая длина = 75 мм. Длина боеголовки = 26 мм, ширина = 11 мм, длина шейки = 27 мм. Применялись в XII – нач. XIII в. (по А.Ф. Медведеву – тип 84) (Медведев, 1966, с. 81–82). На черешке сохранились остатки древка.

Tun IV (рис. 3, 8) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Втульчатый. Ромбовидное перо имеет выпуклые стороны и вогнутые плечики. Наибольшее расширение в нижней половине длины пера с пропорциями 1:4. Сохранившаяся

яся общая длина = 69 мм. Длина пера = 40 мм, ширина = 16 мм. Ранее фрагментированный втульчатый наконечник был также обнаружен на Золотарёвском поселении (Яньков, 2001, с. 134, с. 132, рис. 79, 28). Такие наконечники были широко распространены в Прикамье, в основном, у финно-угорских народов. Они бытовали с VII–VIII по XIV в. (по А.Ф. Медведеву – тип 3) (Медведев, 1966, с. 56–57, табл. 30, 3).

Тип V (рис. 3, 7) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Ассиметричный (на одной из сторон имеется тупоугольный вырез, образующий выраженную косую «ступеньку»), с расширением в нижней четверти длины пера и пропорциями 1:4. Сохранившаяся общая длина = 82 мм. Длина пера = 58 мм, ширина = 17 мм. Близок по форме к клиновидным наконечникам, бытовавшим в IX–XI вв. (по А.Ф. Медведеву – тип 44) (Медведев, 1966, с. 67, табл. 15, 26).

Тип VI (рис. 3, 11) (Золотарёвское поселение – 1 экз.). Килевидный, вытянутый, с наибольшим расширением в средней трети длины пера и пропорциями 1 : 3. Общая длина = 113 мм. Длина пера = 61 мм, ширина = 18 мм. С обеих сторон имеется косая выемка, шириной = 3 мм и глубиной = 1 мм. Килевидные наконечники стрел были широко распространены на Руси в XII и пер. пол. XIII в. до монгольского нашествия (по А.Ф. Медведеву – тип 33) (Медведев, 1966, с. 63, табл. 20, 25).

Итак, начало бытования плоских прорезных наконечников стрел в Восточной Европе, по-видимому, относится к VIII–IX вв., когда применялись срезни в виде широких фигурных и прорезных лопаточек (по А.Ф. Медведеву – тип 56) (Медведев, 1966, с. 71), хотя известны плоские наконечники с прорезьями и других типов, которые датируются XII в. (Медведев, 1966, с. 151, табл. 20, 22), а также XIII и XIV в. (Медведев, 1966, с. 157, табл. 23, 37; с. 165, табл. 27, 16), однако находки таких предметов вооружения являются единичными.

Следует отметить, что прорезные наконечники стрел с Золотарёвского поселения (типы А-1 – А-3), представленные в данной работе, были обнаружены на противоположных от городища склонах берегов оврагов, что позволяет отнести их к вооружению местного населения. Однако необходимо учитывать, что на Золотарёвском городище фиксируются два сражения. Одно произошло на рубеже

X–XI вв., когда войска Волжской Булгарии вторглись на территорию Верхнего Посурья, а второе – в 1237 г., когда монголы полностью уничтожили поселение (Белорыбкин, 2001, с. 183, с. 186).

Наконечник с Кладовой горы (тип А-4) найден непосредственно на площадке этого городища, хотя археологический памятник до сих пор имеет весьма условную датировку (XII–XIII вв.), так как культурный слой на городище не обнаружен (Полесских, 1970, с. 34).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все рассматриваемые в данной работе прорезные наконечники стрел имеют ромбовидное сечение пера лишь в районе острия, а остальная часть – прямоугольного сечения. Из-за довольно широкой заточки боковых сторон наиболее выражено ромбовидное сечение острия у типов А-1 – А-3 с Золотарёвского поселения. Именно эта характерная особенность прослеживается у некоторых наконечников стрел из Волжской Булгарии, которые, несмотря на форму пера, датируются материалами памятников XI–XIII вв. Так, например, с Мурзихинского селища и селища Чакма, которые функционировали в XI–XIII вв., известны наконечники стрел близкие по форме и сечению типу А-3 (Руденко, 2003а, с. 367, табл. XXIII, 426; с. 419, табл. LIII, 954). С этим же временем, согласно аналогиям по сечению пера, можно связывать и бытование наконечника типа А-1 (Руденко, 2003а, с. 311, табл. XI, 164-169).

Крестовидные прорезы в лопастях наконечников типов А-1 и А-3 совершенно идентичные. Это позволяет сделать вывод о том, что они изготовлены в одно и то же время и, возможно, одним и тем же ремесленником.

Четырёхугольная прорезь в наконечнике типа А-2 не является сложной с точки зрения технологии. Кузнецу достаточно было иметь обычное зубило и молоток, чтобы вырубить в плоском пере отверстие подквадратной формы. Если рассмотреть технологические аспекты прорубания крестовидных прорезей, лучи которых имеют округлую форму, то становится очевидным, что для их изготовления требовались особые навыки и инструменты.

Таковыми технологиями и орудиями, по-нашему мнению, обладали ремесленники, которые занимались изготовлением замков и ключей. Особенно показательны в этом отно-

шении ключи с крестовидными прорезями в округлой рабочей части. Для примера приведены два ключа, найденные на Золотарёвском (рис. 2, 13) и Юловском (рис. 2, 12) городищах. Эти ключи конструктивно отличаются, так как применялись для различных типов навесных замков. Ключ с Юловского городища по новгородским аналогиям датируется X – пер. пол. XII в., а ключ с Золотарёвского городища – нач. XII – XIII в. (Колчин, 1959, с. 80–82). Подобные ключи известны и из Волжской Булгарии (Савченкова, 1996, с. 45–46). Однако в Верхнем Посурье и Примокшанье навесные цилиндрические замки и ключи к ним появились не ранее нач. XI в., когда Волжская Булгария колонизировала эти регионы, так как известен лишь один ключ с верхнесурского Васильевского селища, функционирование которого, судя по материалам, завершилось на рубеже X–XI вв. (Винничек, 2001, с. 114, рис. 1, 25). Кроме этого, на поселениях Верхнего Посурья и Примокшанья XI – нач. XIII в. довольно часто встречаются железные элементы ременной гарнитуры т.н. «аскизского облика», среди которой имеются предметы с крестовидными прорезями. Примером может служить ременная накладка с Золотарёвского поселения (рис. 2, 11). Такие украшения ремней появились в Восточной Европе не ранее втор. пол. XI в. и были широко распространены вплоть до нашествия монгол (Руденко, 2000, с. 74).

Таким образом, прорезные наконечники стрел с Золотарёвского городища, по-видимому, были изготовлены в период с сер. XI до нач. XIII в., когда ремесленники применяли технологии и оснастку, позволяющие производить фигурные и, в частности, крестовидные прорези в довольно толстых железных пластинах. Поскольку Золотарёвское поселение было уничтожено монголами в 1237 г., то, на наш взгляд, эти наконечники были применены местным населением именно в этой битве. Наконечник стрелы с городища «Кладовая гора», датируемый по форме в основном XIII–XIV вв., возможно, является преемником так и не развившейся в Верхнем Посурье традиции изготовления плоских наконечников стрел с крестовидными прорезями.

У народов Сибири довольно часто встречаются прорези в наконечниках стрел. По мнению некоторых учёных, они символизировали «шайтанскую рожу» – тамгообраз-

ный знак. Часто использовались для передачи различных посланий (Худяков, 2004, с. 104). Не исключено, что и крестообразные вырезы имели какое-то сакральное значение и должны были увеличить убойную силу стрел.

Линейный орнамент и выемки на наконечниках группы К типов Е-2, 3-5 и VI, возможно, также наделяли их магической силой или были знаками принадлежности. На наш взгляд, такой орнамент мог быть нанесён на изделия местными ремесленниками, поскольку за пределами Верхнего Посурья украшенные подобным образом наконечники не встречаются.

Технология крепления золотой фольги на наконечники типов Б-1 и Б-2 заключалась в том, что на поверхности предмета предварительно острым инструментом делали ряды надсечки – маленькие шипы, на которые проковкой «нанизывалась» тонкая пластина. Такой метод украшения характерен для средневековой железной ременной гарнитуры т.н. «аскизского облика» (Белорыбкин, 2000, с. 128–147). Элементы орнамента золочёных накладок с Золотарёвского поселения имеют прямые аналогии в собственно аскизских материалах. На Алтае поверхностная таушировка (апликация) серебром начинает использоваться с X в. (Кызласов, 1983, с. 42–44, с. 96, табл. VIII, с. 97, табл. IX, с. 114, табл. XXVI). По мнению исследователей, такая ременная гарнитура в Восточной Европе появилась в кон. XII – нач. XIII в. и отличается «локальностью» комплексов и индивидуальностью (Руденко, 2001, с. 68, с. 77). В Верхнем Посурье золочёные аскизские накладки в комплексе имеются только на Золотарёвском поселении. Следует отметить, что на некоторых из таких накладок, как удалось выяснить при внимательном рассмотрении, фольга представляет собой серебряную пластину, покрытую золотом при помощи амальгамирования. Возможно, что эти изделия были оставлены древними хакасами – воинами монгольской армии, так как территория Алтая вошла в состав улуса Джучи уже в 1207 г. (Тишкин, Горбунов, 2002, с. 82–91). Наконечники типов Б-1 и Б-2 были обнаружены с внешней стороны вала Золотарёвского городища, а это также косвенно может свидетельствовать о том, что они были использованы во время сражения 1237 г. монгольскими воинами. Кроме того, на площадке поселения во время археологических исследований никогда не фиксирова-

лась фольга из серебра или золота, находки которой, возможно, позволили бы выдвинуть предположение о местном производстве таушированных элементов ременной гарнитуры аскизского облика и данных наконечников стрел. Хотя существует мнение о том, что аскизы являлись частью населения Золотарёвского городища (Белорыбкин, 2001, с. 192). На наш взгляд, этот вопрос на сегодняшний день нельзя считать окончательно решённым, он требует дополнительных исследований.

Для золочения наконечника типа Б-3 была применена технология амальгамирования. Амальгаму получали, смешивая равное количество ртути и опилок чистого золота. Пасту, полученную путём растирания этих металлов, наносили на поверхность изделия, которое затем нагревали до тускло-красного каления. Ртуть испарялась, после чего золотое покрытие полировали (МакКрайт Тим, 2002, с. 39). Предметы, золочённые при помощи такой технологии, довольно часто встречаются на домонгольских поселениях Верхнего Посурья, но в основном они изготовлены из цветных металлов (Белорыбкин, 2001, с. 19, рис. 10, 1, 3, с. 22, рис. 11, 1, 2, с. 57, рис. 34, 4; Винничек, 2003а, с. 354, рис. 1, 12, 15, с. 355, рис. 1, 25). Однако следует отметить, что среди материалов мордовского могильника XI – нач. XIII в. Татарская Лака II (Вадинский район Пензенской области) имеется древнерусская рогатина со следами амальгамирования (Винничек, Губанов, 2003, с. 347). Таким образом можно предположить, что наконечники стрелы и рогатина были покрыты позолотой в одном из ремесленных центров Древней Руси, хотя нельзя исключать и возможность того, что амальгамирование производилось на верхнесурских домонгольских поселениях. По мнению некоторых исследователей, для транспортировки и хранения ртути, которая, как уже было отмечено выше, использовалась при изготовлении амальгамы, применялись глиняные сфероконусы (Лебедев, 1958, с. 34). На верхнесурских домонгольских поселениях такие сосуды также встречаются, но крайне редко.

По вопросу употребления золочёных стрел исследователями выдвигаются несколько вариантов:

1. Символ власти.
2. Признак посольских полномочий.
3. Знак мобилизации войска (Худяков, 2004, с. 102–111).

В «Слове о полку Игореве» золочёные стрелы упоминаютсяполовецкими ханами, преследующими русского князя Игоря:

«Говорит Гзак Кончаку:

«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколёнка

своими золочёными стрелами» («Слово о полку Игореве», 1999, с. 85).

Что касается лопастных наконечников, то каждый из типов, входящих в эту группу, хронологически характеризуется по-разному. Территориальные границы их бытования указывают на довольно удалённые от Верхнего Посурья и Примокшанья регионы. Тип В-1, вероятнее всего, появился на Золотарёвском поселении в результате миграции части населения Центральной Азии в Восточную Европу в пер. пол. XI в. Не исключено, что такими могли быть кипчаки. Тип В-2, а также типы Г-1 и Г-2 (шипастые), найденные на Золотарёвском городище, очевидно, являлись вооружением местного населения и были использованы при штурме 1237 года, поскольку материалы домонгольских памятников Верхнего Посурья свидетельствуют о том, что среди населения региона были выходцы из Древней Руси (Винничек, 2008, с. 366–372). К древнерусскому вооружению, по-видимому, следует относить и типы Ж-1 и Ж-2, так как большинство таких наконечников обнаружено на территории Древней Руси и лишь один – в Волжской Булгарии.

Однако следует отметить, что подобные наконечники стрел встречаются и в более ранних памятниках: таштыкских I–V вв. (6 экз.) и хуннских (1 экз.) (Худяков, 1986, с. 40, рис. 8, V4, с. 97, рис. 38, II4).

Тип В-3 (судя по его форме и способу изготовления) так же, как и тип V (асимметричный), очевидно, является продукцией местного кузнеца и одновременно – пробным изделием. По-видимому, поиск оптимальных форм наконечников стрел даже в XIV в. не был завершён, и стремление найти их приводило к созданию совершенно не типичных для региона и Восточной Европы в целом изделий. Необходимо отметить, что плоские наконечники стрел с закрученным вокруг своей оси остриём известны в Норвегии, где они появились в XI в. (Петерсен, 2005, с. 80, р. 543, р. 544).

Тип Д-1 уникален не только для домонгольских памятников Верхнего Посурья, но и для территории Волжской Булгарии в целом.

Тип Д-2, остриё которого надрублено и загнуто в противоположные стороны, очевидно, был изготовлен непосредственно на Золотарёвском поселении, для того чтобы при попадании не пробить шкуру животного.

Тип Е-1 не характерен для Восточной Европы и, судя по аналогиям, был занесён в Верхнее Посурье в нач. XIII в. монголами.

Наконечники типов 3-1, 3-2 и 3-5, по-видимому, являются местной вариацией шиловидных, ромбического сечения с перехватом, которые были широко распространены с VIII по XIV вв. (по А.Ф. Медведеву – тип 95) (Медведев, 1966, с. 84, с. 136, табл. 12, 45). Аналогиями из Волжской Булгарии такие наконечники датируются XI–XII вв. (по К.А. Руденко – тип Б29) (5 экз.) (Руденко, 2003а, с. 94, с. 499, табл. XLII, 774), что вполне согласуется с хронологией функционирования селища Балабанов Родник (нач. XI – нач. XIII в.) (Винничек, Киреева, 2008, 149), на котором был обнаружен наконечник типа 3-2.

Наконечник XI в., близкий по форме типу 3-3, известен из Саркела – Белой Вежи (по А.Ф. Медведеву ~ тип 81) (Медведев, 1966, табл. 19, 47). Наконечник, подобный типу 3-4, датируется А.Ф. Медведевым XI–XII вв. (по А.Ф. Медведеву ~ тип 97) (Медведев, 1966, с. 85, табл. 30, 116). То есть типы 3-3 и 3-4 не получили в Восточной Европе широкого распространения и являются крайне редкими, а время их применения ограничивается XI–XII вв.

Наконечники типов И-1, И-3 (с железным свистунком) и тип II были использованы монгольскими воинами в ходе сражения

с местным населением на территории Золотарёвского поселения. Судя по хронологическим и территориальным рамкам бытования аналогий, варианты типа И-2 следует относить к городецкому этапу функционирования Золотарёвского поселения (III–IV вв.), а его появление в Верхнем Посурье связывать с миграционными процессами.

По мнению Ю.С. Худякова, «свистунки применялись для устрашающего звукового эффекта – свиста в полете. Данный вывод опирается на недвусмысленную летописную традицию. Согласно описанию, свистунки могли использоваться и в качестве своего рода сигнальных стрел, указывающих направление стрельбы» (Худяков, 1986, с. 42–43).

Исходя из геометрических параметров (пропорций пера и соотношения длины пера к черешку (1:1,6), а также массивности боеголовки), можно предположить, что наконечник типа I является арбалетным. Поскольку наконечники арбалетных стрел в Восточной Европе в основном распространились в XII в. (Руденко, 2003а, с. 78), его датировку следует предварительно установить в пределах XII – нач. XIII в.

Тип III отличается от аналогий, обнаруженных на территориях Древней Руси и Волжской Булгарии, наличием довольно длинной восьмигранной шейки, однако, по-видимому, его также следует относить к XII – нач. XIII в.

Единичные находки наконечников типа IV (втульчатые) свидетельствуют о том, что в Верхнем Посурье и Примокшанье они широкого распространения не получили.

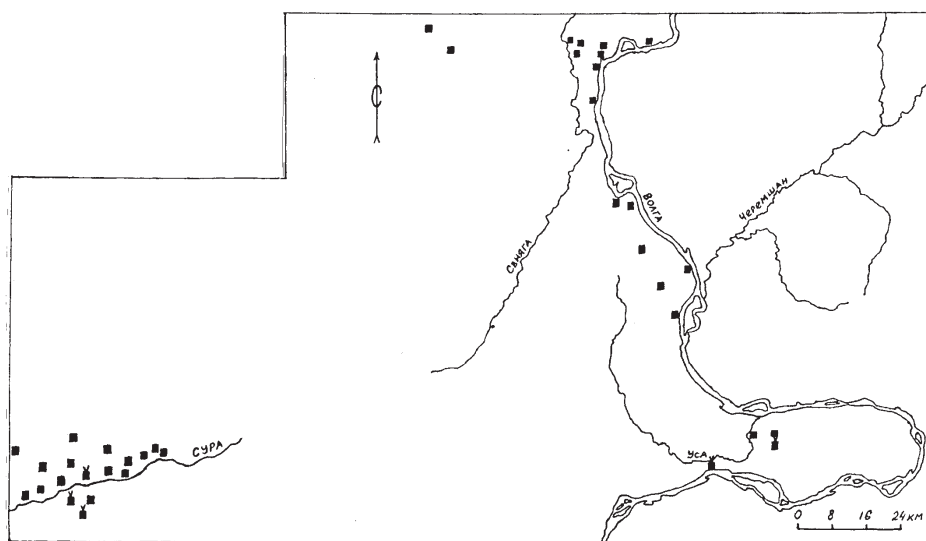

Рис. 1. Наконечники стрел со средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья. Всё – железо.

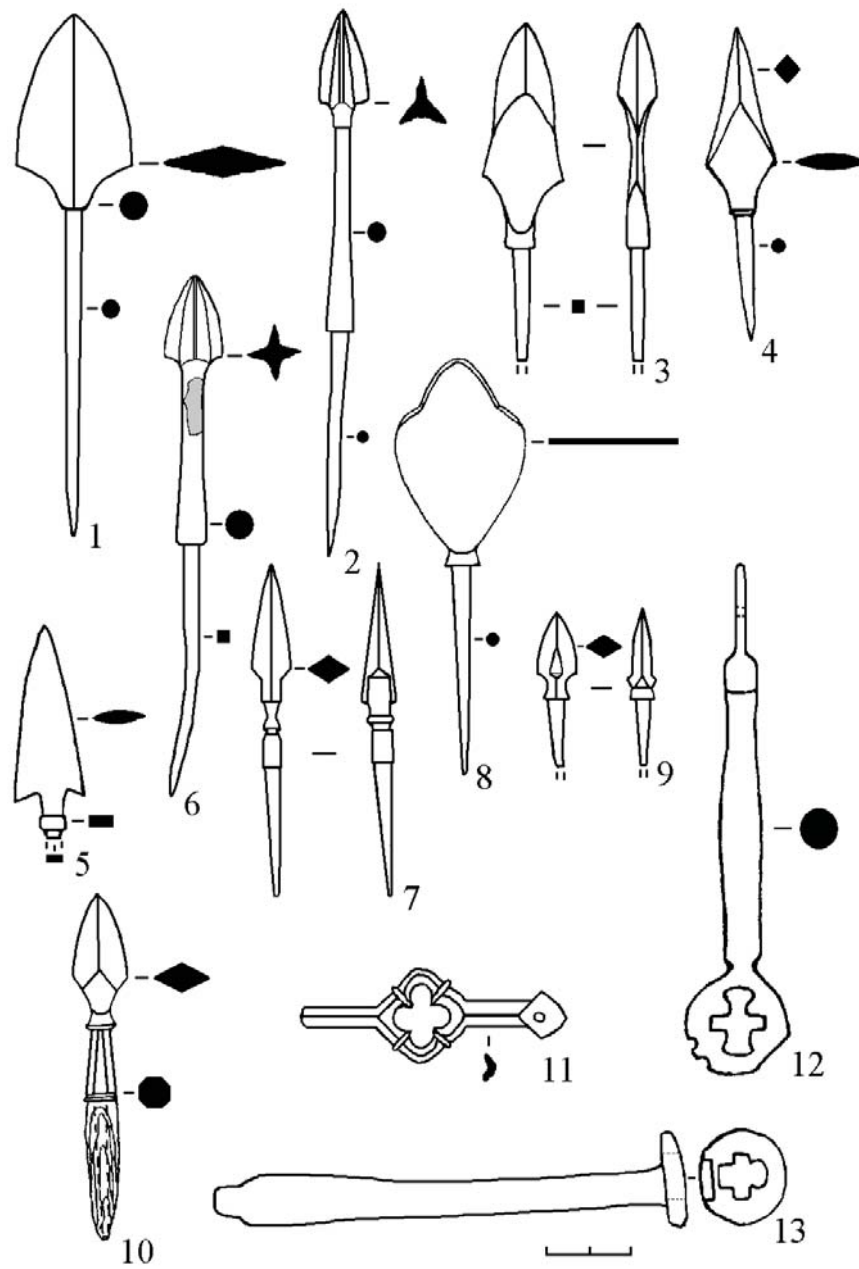

Рис. 2. Наконечники стрел и ключи со средневековых памятников Верхнего Посурья. Всё – железо.

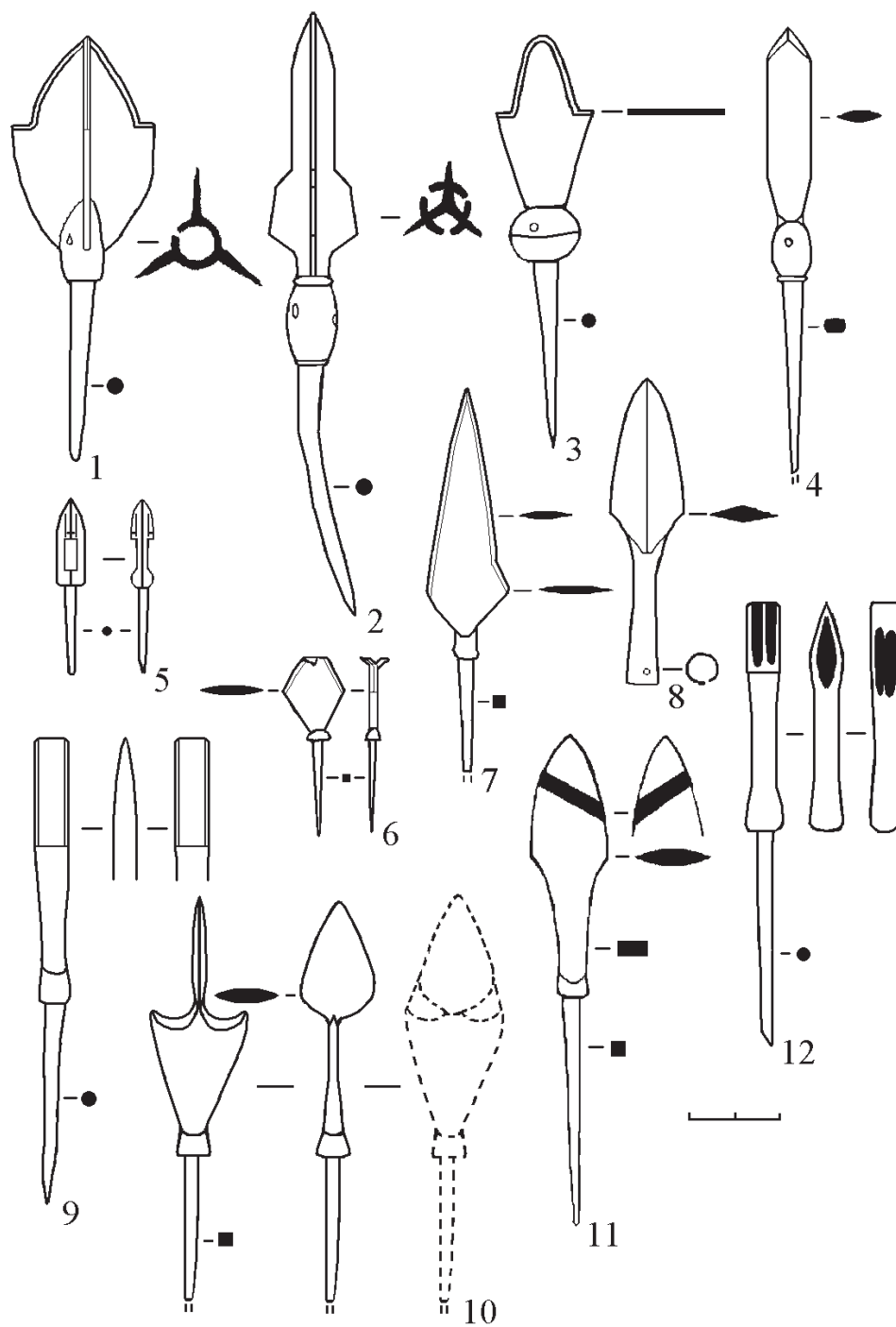

Рис. 3. Наконечники стрел со средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья. Всё – железо.

Рис. 4. Фото наконечников стрел

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ЧЕМОДАНОВСКОГО СЕЛИЩА

В.В. Янков

Чемодановское селище расположено на месте современного дачного посёлка, в четырёх километрах на северо-запад от центра села Чемодановка. Поверхность селища, расположенная на двух сторонах оврага, в основном занята садовыми участками и строениями, и лишь частично находится под посадками молодого леса. Культурный слой селища практически полностью разрушен распашкой, а так же необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной Войны на территории селища находился артиллерийский полигон, это подтверждается находками на селище большого количества осколков от снарядов.

Оружие дальнего боя представлено наконечниками стрел, оружие ближнего боя – наконечником копья и фрагментом острия пики, а оборонительное вооружение – одной доспешной пластиной.

Оружие дальнего боя

Все обнаруженные наконечники стрел – железные черешковые, подразделяются на три основные группы: а) Трехлопастные, б) Плоские и г) Граненые (Бронебойные). Всего было обнаружено 59 наконечников, из которых 54 пригодны для точной идентификации.

Группа I. Трехлопастные черешковые:

Тип 1 (15, в.1)¹ – Килевидные трехлопастные с плечиками (рис. 1, 1, 2; 3 экз.). Общая длина целиком сохранившегося наконечника 70 мм, длина пера более 36 мм (наконечник сохранился фрагментарно) – 45 мм, ширина пера 11 – 16 мм, пропорции пера 1 : 2,5 – 1 : 4. Были распространены в VII – IX вв. и в первой половине X в. вышли из употребления. Подобные наконечники в археологических памятниках Восточной Европы встречаются достаточно редко, были отдельные находки на территории Древней Руси и Поволжья в памятниках VII – первой половины X вв. (Медведев А.Ф. 1966. С.59; Культура Биляра. 1985. С.145).

Группа II. Плоские черешковые:

Тип 2 (32) – Наконечники с боковыми выступами (рис. 1, 4; 1 экз.). Общая длина более 69 мм (черешок наконечника обломан), длина пера 56 мм, ширина пера 21 мм, пропорции пера 1:2,7. Упор для древка выполнен своеобразно – в виде ступеньки. Были широко распространены на Руси с середины XII в. до монгольского нашествия. Известные единичные находки подобных наконечников на болгарских памятниках (Медведев А.Ф., 1966. С. 62; Культура Биляра. 1985. С.148; Руденко К.А., 2000. С.57). Наконечник подобной формы, с упором в виде ступеньки обнаружен на одном из памятников Ломоватовской культуры (Волков С.Р., 1995).

Тип 3 (34) – Килевидные с расширением в нижней половине длины пера (рис. 1, 5; 1 экз.). Общая длина 106 мм, длина пера 57 мм, ширина пера 18 мм, пропорции пера 1 : 3,2. Подобные наконечники с пропорциями пера 1 : 3 найдены в погребениях Деменковского и Танкеевского могильников, на Архангельском и Новотроицком городищах, датируемых VIII – IX веками, известны единичные находки на Семёновском острове, в Суздале и в Суваре (Медведев А.Ф. 1966. С.63; Руденко К.А. 2000. С.57; Данилов В.В. 1991. С.79, рис. 1, 5, 6).

Тип 4 (41) – Ромбовидные гнездовского типа (рис. 1, 6 – 12, рис. 2, 1 – 4; 11 экз.). Общая длина целиком сохранившихся экземпляров 68 – 76 мм, длина пера 40 – 53 мм, ширина пера 14 – 24 мм, пропорции пера 1:2 – 1:3,1. Данные наконечники были широко распространены в Восточной Европе в VIII – XIV вв. (Медведев А.Ф. 1966. С.65). Два наконечника этого типа имеют своеобразный упор для древка в виде ступеньки (рис. 1, 9,10), известен один наконечник с подобным упором найденный на одном из памятников Ломоватовской культуры (Волков С.Р. 1995).

Тип 5 (46) – Ромбовидные без упора (новгородского типа) (рис. 2, 5 – 7; 3 экз.). Общая длина целиком сохранившегося экземпляра 59 мм, длина пера 37 – 51 мм, ширина пера 1 : 1,8 – 1 : 2,2. Такие наконечники характерны для северной полосы Восточной

¹ Номера типов в скобках указаны по А.Ф. Медведеву

Европы. Появились они в Прикамье на рубеже нашей эры и употреблялись преимущественно до конца XIII в., известны в районах Поволжья и Сибири, а так же встречаются на раннебулгарских и домонгольских памятниках Волжской Булгарии; найдены в Суздале в слое конца XI в., в мордовских древностях XIV в. (Медведев А.Ф. 1966. С.67, 68; Данилов В.В. 1991. С.80, рис. 1, 22; Культура Биляра. 1985. С. 151, 152; Руденко К.А. 2000. С.58).

Тип 6 (48) – Ромбические с упором (рис. 2, 8; 1 экз.). Общая длина 87 мм, длина пера 52 мм, ширина пера 24 мм, пропорции пера 1 : 2,1. Такие наконечники бытовали в Восточной Европе – в Древней Руси, Волжской Булгарии и у их тюркоязычных и финно-угорских соседей – довольно длительное время – в IX – XIV вв. (Медведев А.Ф. 1966. С.68; Культура Биляра. 1985. С.152).

Тип 7 (52, в.3) – Ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера (рис. 2, 9, 10; 2 экз.). Общая длина целиком сохранившегося экземпляра 52 мм, длина пера 35 мм, ширина пера 12 – 14 мм, пропорции пера 1 : 2,5 – 1 : 2,9. Стороны пера слегка выпуклые, а плечики прямые или слегка вогнутые. Подобные наконечники широко бытовали во всей Восточной Европе (включая Венгрию и Чехословакию; в Сибири с VIII по XIII в. включительно. (Медведев А.Ф. 1966. С.69, 70).

Тип 8 (~ 55) – Секторовидные срезни (рис. 2, 11; 1 экз.). Общая длина 82 мм, длина пера 25 мм, ширина пера 20 мм, пропорции пера 1 : 1,2. Ранее наконечники этого типа с такими пропорциями пера не были известны. Близкие по форме наконечники с пропорциями пера 1 : 2 были распространены в IX – XI вв. на юго-западе Древней Руси (Медведев А.Ф. 1966. С.71).

Тип 9 (60, в. 2) – Двурогие срезни с упором (рис. 2, 12; 1 экз.). Общая длина 71 мм, длина пера 32 мм, ширина развилки 30 мм, пропорции пера 1 : 1,1. Боковые и режущие стороны выпуклые. Подобные наконечники характерны для памятников Восточной Европы конца IX и X в. (Медведев А.Ф. 1966. С.72). Двурогие наконечники, судя по этнографическим данным, применялись для водоплавающей птицы (Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985).

Тип 10 (61) – Остролистные (рис. 2, 13, рис. 3, 1 – 3; 4 экз.), все с упором. Общая длина

более 53 и более 104 мм (черешки наконечников обломаны), длина пера 43 – 61 мм, ширина пера 18 – 25 мм, пропорции пера 1 : 2,4 – 1 : 2,6. Один из наконечников имеет упор для древка в виде ступеньки. В Восточной Европе наконечники с пропорциями пера 1:3. были распространены в VIII – XI вв., а наконечники с пропорциями пера 1:4 – 1:5, бытовали в X – XIII вв. Остролистные наконечники с пропорциями пера 1: 2,5 ранее не были известны и, возможно, являются переходным типом. (Медведев А.Ф. 1966. С.73).

Тип 11 (65) – Листовидные с наибольшим расширением у острия (рис. 3, 4; 1 экз.). Общая длина 64 мм, длина пера 36 мм, ширина пера 17 мм, пропорции пера 1 : 2,1. Подобные наконечники с пропорциями пера 1 : 2 – 1 : 3 были распространены в Восточной Европе в VIII - первой половине XI в. (Медведев А.Ф. 1966. С.75).

Тип 12 (71) – Фигурнолистные или пламевидные (рис. 3, 5; 1 экз.). Общая длина более 58 мм (черешок наконечника обломан), длина пера 49 мм, ширина пера 17 мм, пропорции пера 1 : 2,9. Подобные наконечники с наибольшим расширением пера в нижней трети его длины, с пропорциями пера 1 : 3, были распространены в Древней Руси и у финно-угорских народов Восточной Европы только с конца VIII и до начала XI в. Основной период их употребления IX и X вв. (Медведев А.Ф. 1966. С.77).

Пять наконечников, относящихся к группе плоских, сохранились фрагментарно (рис. 3, 6 – 10). Высказаться определенно – к какому типу они относятся, не представляется возможным.

Группа III. Гранёные (бронёбойные) черешковые.

Тип 13 (76) – Пирамидальные трехгранные с короткой головкой (рис. 3, 11; 1 экз.). Общая длина более 24 мм, длина головки 22 мм, ширина грани 10 мм. У рассматриваемого наконечника имеется граненая шейка, которая у других известных наконечников этого типа не описывалась, возможно, это своеобразный вариант. Подобные наконечники были распространены со второй половины XI в. до XIV в. включительно на территории Руси, Волжской Булгарии; известны находки подобных наконечников в Монголии, а также подобные наконечники использовались арабами. (Медведев А.Ф. 1966. С.79).

Тип 14 (80) – Ромбовидные с броневой головкой с остриём (рис. 3, 12; 1 экз.). Общая длина 65 мм, длина головки 38 мм, ширина головки 14 мм, пропорции головки 1 : 2,7. Ранее наконечники с пропорциями пера более 1 : 2 не были известны. Данный тип был распространён в Восточной Европе, по всей вероятности, только в X в. (Медведев А.Ф. 1966. С.80).

Тип 15 (83) – Броневые с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой (рис. 3, 13; рис. 4, 1 – 5; 6 экз.). Общая длина целиком сохранившихся экземпляров 68 – 76 мм, длина головки 32 – 38 мм, ширина головки 11 – 14 мм. Такие наконечники были широко распространены в Древней Руси, в Волжской Булгарии, у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья в X – XI вв. (Медведев А.Ф. 1966. С.81; Культура Биляра. 1985. С.156).

Тип 16 (87) – Пирамидальные квадратного и ромбического сечения с круглой шейкой (рис. 4, 6, 7; 2 экз.). Общая длина более 41 мм (обломан черешок наконечника) и 58 мм, длина головки с шейкой 31 – 32 мм, ширина грани 6 мм. Такие наконечники были распространены на Руси и у народов Поволжья и Северного Кавказа в XII – XIV вв. (Медведев А.Ф. 1966. С.82), а в Сибири в XII – XIII вв. 8).

Тип 17 (88) – Пирамидальные квадратного сечения с желобками на гранях боевой головки (рис. 4, 8; 1 экз.). Общая длина 57 мм, длина головки 26 мм, ширина грани 9 мм. Относится к редко употребляемым типам наконечников. Найдены подобные наконечники в слое X – XI вв. Старой Ладоги и на Вакинском селище. Бытовали в X – XIV вв. (Медведев А.Ф. 1966. С.82). Известны находки единичных экземпляров на болгарских памятниках (Руденко К.А. 2000. С.61; Культура Биляра. 1985. С.158).

Тип 18 (90) – Шиловидные квадратного сечения с простым упором (рис. 4, 9; 1 экз.). Общая длина более 48 мм (черешок наконечника обломан), длина головки 35 мм, ширина грани 5 мм. Наконечники этого типа были в употреблении многих народов Восточной Европы длительное время: с рубежа нашей эры до XIV в. и позднее (Медведев А.Ф. 1966. С.83).

Тип 19 (91) – Пирамидальные с массивной короткой боевой головкой квадратного или ромбического сечения и с перехватом у короткого черешка (рис. 4, 10 – 14; 5 экз.). Общая длина полностью сохранившихся

экземпляров 53 – 62 мм, длина головки 28 – 35 мм, ширина грани 5 – 7 мм. Такие наконечники были широко распространены по всей Восточной Европе в X – XIII вв. (Медведев А.Ф. 1966. С.83). Особенно большое их количество найдено в древнерусских городах, в Волжской Булгарии, у их финно-угорских соседей (Культура Биляра. 1985. С. 158; Руденко К.А. 2000. С.61).

Тип 20 (95) – Узкие шиловидные или пирамидальные квадратного и ромбического сечения с перехватом у черешка (рис. 4, 15; 1 экз.). Общая длина более 48 мм (черешок наконечника обломан), длина головки 36 мм, ширина головки 7 мм. Эти типичные противокольчужные наконечники были широко распространены в Древней Руси, Волжской Булгарии и у соседних народов Восточной Европы с VIII по XIV в. включительно (Медведев А.Ф. 1966. С.84; Культура Биляра. 1985. С.160).

Тип 21 (97 в.1, 3) – Броневые в виде кинжалчиков ромбического сечения с перехватом. Два экземпляра этого типа (рис. 4, 16, 17) с круглой шейкой. Общая длина целиком сохранившегося наконечника 77 мм, длина головки 40 – 56 мм, ширина головки 8 – 10 мм. Подобные наконечники были распространены в Восточной Европе в IX – X вв. Еще один экземпляр (рис. 5, 1) с длинным острием. Общая длина более 78 мм, длина головки 63 мм, ширина головки 8 мм. Шейка этого наконечника ромбического сечения. Такие наконечники появились в Восточной Европе в XI в. и употреблялись до монгольского нашествия 1237 – 1240 гг. (Медведев А.Ф. 1966. С.85).

Тип 22 (100) – Долотовидные (рис. 5, 2: 1 экз.). Общая длина более 48 мм, длина головки 40 мм, ширина 8 мм. У этого наконечника наибольшее утолщение и перехват у черешка. Подобные наконечники были широко распространены с середины XI до первой половины XIII в. (до монгольского нашествия) на Руси и в Волжской Булгарии. (Медведев А.Ф. 1966. С.86). Такие наконечники являются наиболее характерным типом оружия домонгольских болгар. Обнаружены практически на всех болгарских поселениях второй половины домонгольского периода и в соседних областях (Культура Биляра. 1985. С. 162).

Тип 23 – пулевидный восьмигранного сечения (рис. 5, 3: 1 экз.). Общая длина 82 мм, длина головки с шейкой 35 мм, ширина

головки 7 мм. На шейке головки наконечника имеются поперечные кольца. Данный наконечник лишь отдаленно похож на известные ранее пулевидные наконечники круглого сечения, которые были распространены в Восточной Европе в XII – XIV вв. Полных аналогов данному наконечнику не известно.

Тип 24 – шилоподобный прямоугольно-го сечения, с перехватом у черешка (рис. 5, 4: 1 экз.). Общая длина более 52 мм (кончик черешка обломан), длина головки 31 мм, ширина сторон головки 4 и 6 мм. Черешок этого наконечника квадратного сечения. Отдаленно похож на наконечники типа 20. Полных аналогов данному наконечнику не известно.

Оружие ближнего боя

Копье с относительно широким пером удлиненно-треугольной формы (рис. 6, 1: 1 экз.). Такие копы относятся к IX – началу XI в. Копья данной формы, по-видимому, служили и охотничьим, и боевым оружием. Находки этих копий в Залесской, Смоленской и муромских землях связывают с чудским населением, найдены в муромских и мерянских могильниках IX – начала XI в., изредка обнаруживаются в русских погребениях и поселениях. По классификации наконечников копий Кирпичникова А.Н. относится к типу III А (Кирпичников А.Н. 1966.).

Копье с пером в виде четырехгранного стержня (пика), поперечное сечение лезвия ромбовидное (рис. 6, 2: 1 экз.). В Поволжье они датируются ранее VIII в., а в XII – XIII вв. пики имели явное преобладание над другими видами копий. По классификации наконечников копий Кирпичникова относятся к типу V (Кирпичников А.Н. 1966.).

Защитное вооружение

Доспешная пластина изготовлена из железа, ее толщина 0,1 см (рис. 6, 3: 1 экз.). Отдаленно похожие по форме пластины найдены в Белорусском Полесье (Хотомель) и датируются IX – X вв. (Кирпичников А.Н., 1971). Аналогичные пластины были найдены в разрушенном культурном слое на Золотаревском селище I, по классификации Белорыбкина Г.Н. относятся к отделу Б – прямоугольные пластины, к типу 2 (С 1 округлым концом) или к типу 3 (С 2 округлыми концами) (Белорыбкин Г.Н., 2000.), более определенно высказаться не представляется возможным, так как панцирная пластина сохранилась фрагментарно. Похожие по форме доспешные пластины бытовали у народов Южной Сибири и Центральной Азии в VII – X вв. (Худяков Ю.С. 1986.).

Трёхлопастные наконечники стрел								
№ п/п	Тип	Тип по А.Ф. Медведеву	Рис.	№	Длина общая (мм)	Длина пера (мм)	Ширина пера (мм)	Пропорции пера
1	1	15	1	1	70	40	~ 16	1 : 2,5
2	1	15	1	2	> 36	> 36	14	–
3	1	15	1	3	> 55	45	~ 11	1 : 4,1
Плоские наконечники стрел								
№ п/п	Тип	Тип по А.Ф. Медведеву	Рис.	№	Длина общая (мм)	Длина пера (мм)	Ширина пера (мм)	Пропорции пера
4	2	32	1	4	> 69	56	21	1 : 2,7
5	3	34	1	5	106	57	18	1 : 3,2
6	4	41	1	6	> 73	~ 64	~ 24	1 : 2,7
7	4	41	1	7	> 65	~ 52	23	1 : 2,3
8	4	41	1	8	72	52	20	1 : 2,6
9	4	41	1	9	76	52	23	1 : 2,3
10	4	41	1	10	70	53	22	1 : 2,4
11	4	41	1	11	74	46	20	1 : 2,3
12	4	41	1	12	> 50	~ 46	~ 20	1 : 2,3
13	4	41	2	1	68	44	14	1 : 3,1

14	4	41	2	2	> 61	44	18	1 : 2,4
15	4	41	2	3	> 63	40	~ 20	1 : 2
16	4	41	2	4	> 57	49	~ 18	1 : 2:7
17	5	46	2	5	> 70	~ 51	~ 23	1 : 2:2
18	5	46	2	6	59	39	22	1 : 1,8
19	5	46	2	7	> 47	37	~ 18	1 : 2
20	6	48	2	8	87	52	24	1 : 2,1
21	7	52, в. 3	2	9	52	35	14	1 : 2,5
22	7	52, в. 3	2	10	> 35	35	12	1 : 2,9
23	8	~ 55	2	11	82	25	20	1 : 1,2
24	9	60, в. 2	2	12	71	32	30	1 : 1,1
25	10	61, в. 1	2	13	> 62	~ 54	21	1 : 2,6
26	10	61, ~ в. 1	3	1	> 104	61	25	1 : 2,4
27	10	61, ~ в. 1	3	2	> 53	47	~ 19	1 : 2,5
28	10	61, ос. в.	3	3	> 68	43	18	1 : 2,4
29	11	65, в. 1	3	4	64	36	~ 17	1 : 2,1
30	12	71, в. 1	3	5	> 58	49	17	1 : 2,9
31	–	?	3	6	> 56	~ 41	~ 18	1 : 2,3
32	–	?	3	7	> 49	~ 42	20	1 : 2,1
33	–	?	3	8	> 58	> 58	~ 21	–
34	–	?	3	9	> 63	~ 63	~ 25	1 : 2,5
35	–	?	3	10	> 47	> 20	> 21	–

Броневые наконечники стрел

№ п/п	Тип	Тип по А.Ф. Медведеву	Рис.	№	Длина общая (мм)	Длина пера (мм)	Ширина (мм) головки (а), грани (б)	Пропорции пера
36	13	76, в. 3	3	11	> 24	22	10 (б)	1 : 2,2
37	14	80	3	12	65	38	14 (а)	1 : 2,7
38	15	83	3	13	76	33	14 (а)	1 : 2,4
39	15	83	4	1	68	34	11 (а)	1 : 3,1
40	15	83	4	2	67	38	14 (а)	1 : 2,7
41	15	83	4	3	> 63	32	14 (а)	1 : 2,3
42	15	83	4	4	73	34	12 (а)	1 : 2,4
43	15	83	4	5	> 62	34	12 (а)	1 : 2,8
44	16	87	4	6	> 41	32	6 (б)	1 : 5,3
45	16	87	4	7	58	31	6 (б)	1 : 5,2
46	17	88	4	8	57	26	9 (б)	1 : 2,9
47	18	90	4	9	> 48	35	5 (б)	1 : 7
48	19	91	4	10	62	31	5 (б)	1 : 6,2
49	19	91	4	11	55	35	6 (б)	1 : 5,8
50	19	91	4	12	> 46	31	5 (б)	1 : 6,2
51	19	91	4	13	53	31	6 (б)	1 : 5,2
52	19	91	4	14	> 50	28	7 (б)	1 : 4
53	20	95	4	15	> 48	36	7 (а)	1 : 5,1
54	21	97, в. 1	4	16	77	56	10 (а)	1 : 5,6

55	21	97, в. 1	4	17	> 56	40	8 (а)	1 : 5
56	21	97, в. 2	5	1	> 78	~ 63	8 (а)	1 : 7,9
57	22	100, в. 1	5	2	> 48	40	8 (а)	1 : 5
58	23	—	5	3	82	35	7 (а)	1 : 5
59	24	—	5	4	> 52	31	4 x 6 (б)	1 : 7,7 и 1 : 5,2

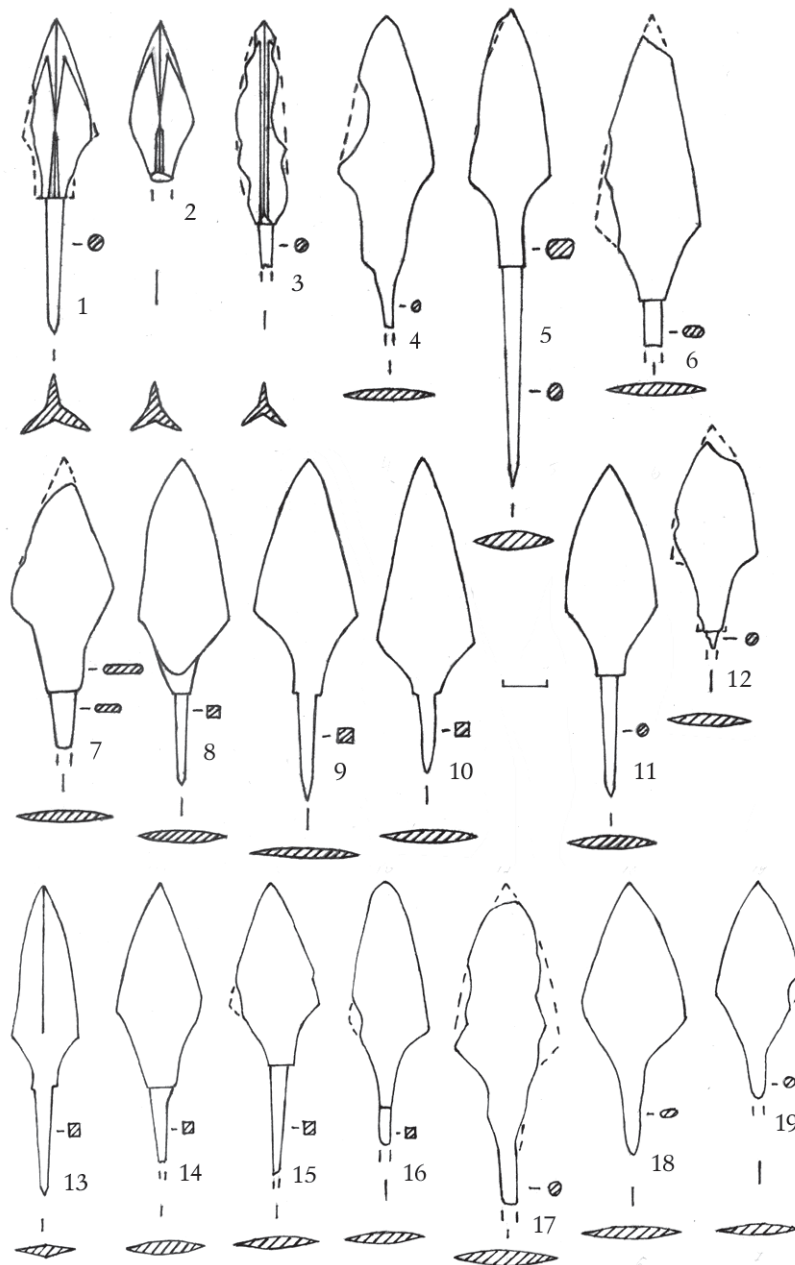

Рис.1 Чемодановские стрелы.

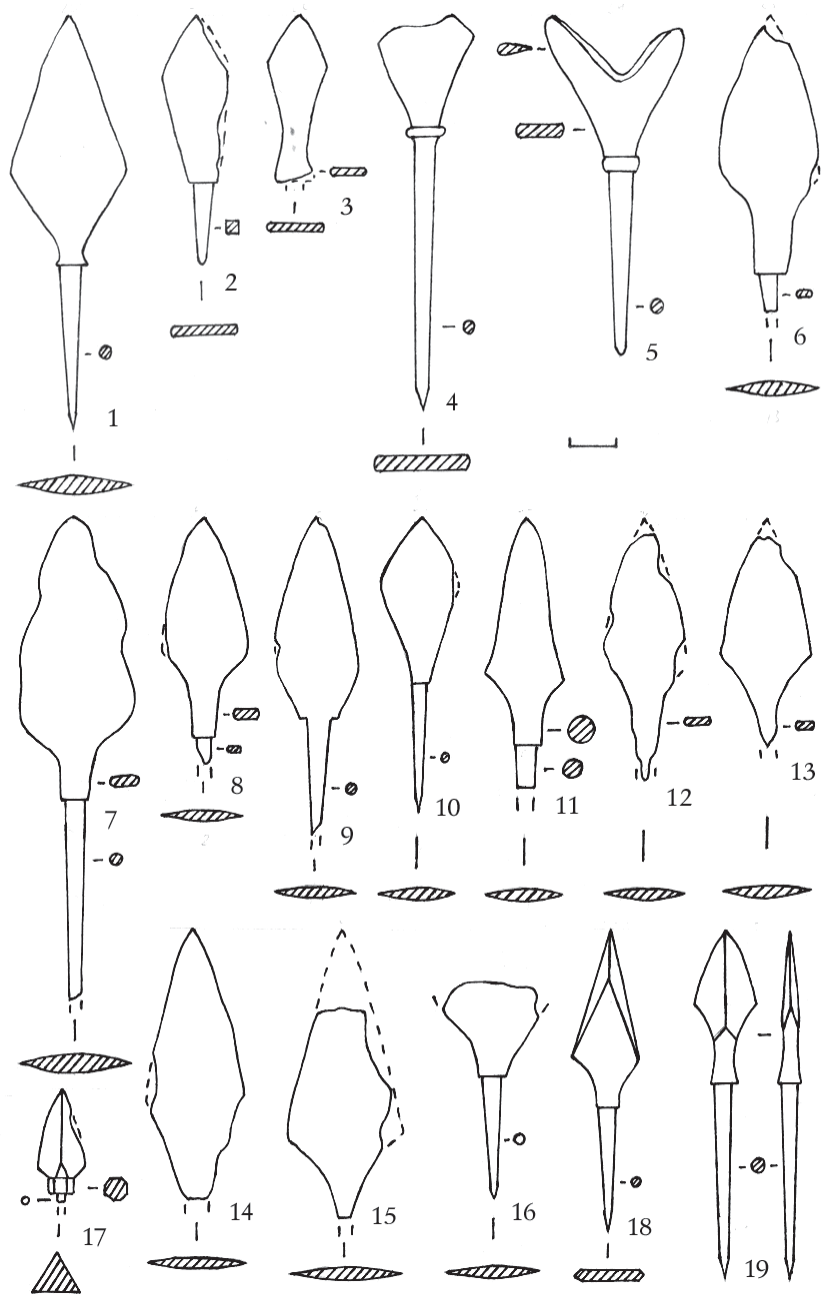

Рис.2 Чемодановские стрелы.

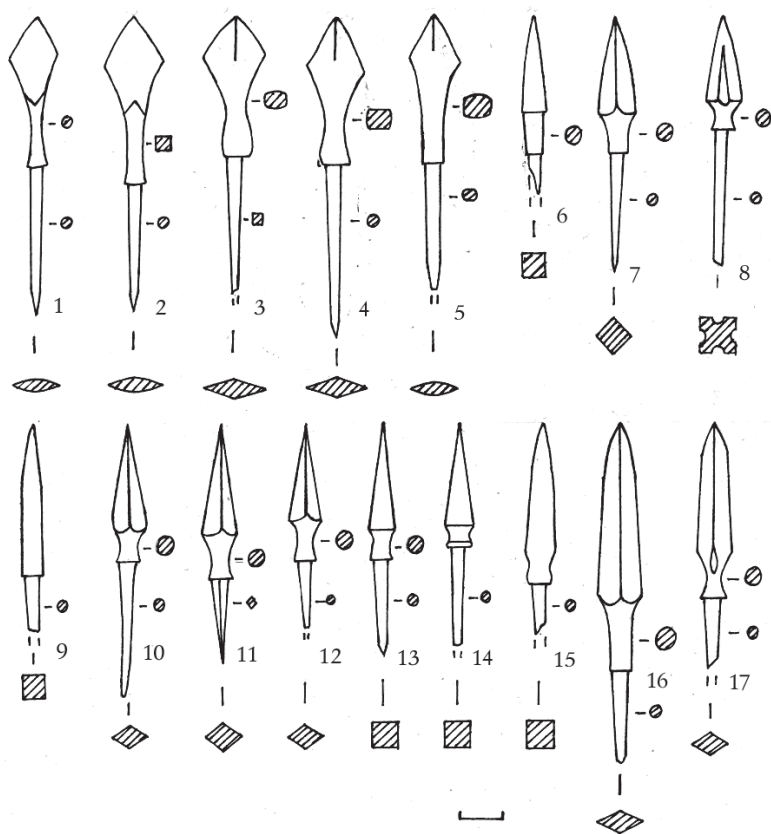

Рис.3 Чемодановские стрелы.

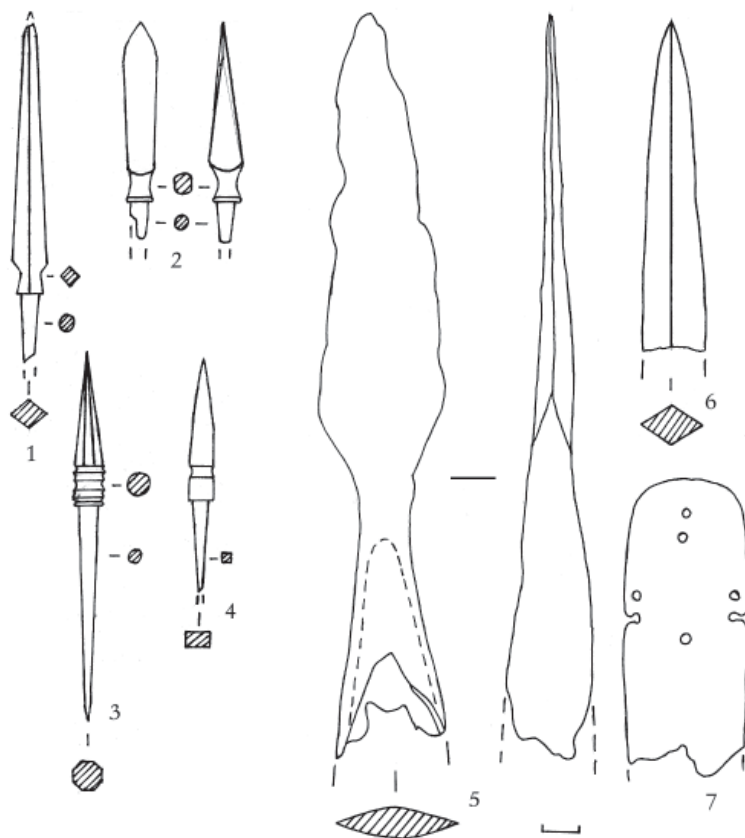

Рис.4 Чемодановские стрелы.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК У С. ТАТАРСКАЯ ЛАКА II

Г.Н. Белорыбкин

Могильник (рис.1) расположен в 3 км к ЮЗ от с. Татарская Лака, в 200 м к ЗЮЗ от с. Татарская Лака II (старое название – Горюновка). Памятник открыт и исследован А.В. Растороповым в 1993 году (*Расторопов А.В. Отчет об археологических исследованиях в Вадинском районе Пензенской области в 1993 году. Пенза, 1994*). При обследовании А.В. Растороповым было отмечено, что могильник разрушен в ходе строительства плотины и разрушается ежегодно при обновлении дамбы. Материалы, полученные из раскопа 1, позволили датировать могильник XI–XIII веками и отнести его к мордве.

При обследовании весной 2002 года было установлено, что, несмотря на информацию в местном сельсовете о могильнике, памятник продолжал разрушаться при обновлении плотины. Весной 2002 года могильник был подвергнут преднамеренному уничтожению под руководством кладоискателей. После снятия верхнего слоя земли толщиной до 0,5 м ими было вскрыто более 10 погребений. По словам местных жителей в них было обнаружено несколько сабель (длинные и короткие, без долов), кинжал в ножнах, пояса с серебряными накладками, браслеты витые и пластинчатые, множество ножей, кресал, пряслиц и глиняной посуды. Местными жителями переданы экспедиции глиняные и шиферные пряслица, керамика. Материалы весенних сборов были сданы в фонды музейно-выставочного центра г.Заречного, который организовал весенний выезд.

Раскопки проводились в июле 2002 года. При осмотре территории могильника было установлено, что помимо бульдозерных работ имелось около 10 ям кладоискателей на нетронутой части могильника, которые, были сделаны прямо накануне нашего приезда и точно сориентированы по сторонам света.

В период работы экспедиции неоднократно подъезжали люди на машинах с пензенскими и иногородними номерами и наблюдали за нашими раскопками издалека. Как только кто-нибудь из экспедиции пытался

приблизиться, машина тут же уезжала. Вероятно это те самые кладоискатели, которые роют здесь ямы.

Для изучения остатков погребений в разрушенной части могильника был заложен раскоп 2, ориентированный по сторонам света и разбитый на квадраты размером 3х3 м. Раскоп 2 был продолжен вдоль края карьера, для изучения осыпавшихся погребений. Общая площадь раскопа 468 кв. М (рис.1).

Стратиграфия была прослежена вдоль края карьера и представляет собой следующее (рис. 2).

Сверху идет слой дерна – 5-10 см, под ним расположен равномерный слой черного гумуса, толщиной до 40 см с четкой границей снизу. Скорее всего, это слой старой пашни. По словам местных жителей здесь раньше располагался барский сад, который регулярно опахивали. Очевидно, свидетельством этого может служить углубление гумуса до глубины 90 см в кв. Н-8. Под слоем гумуса по краям раскопа выделяется слой серой супеси толщиной 20 см в северном конце и до 40 см в южном. Характерной чертой этого слоя также является четкая граница снизу. Возможно это результат многочисленных перекопов в период функционирования могильников. Ниже располагается слой пестроцветного суглинка с песком толщиной до 40 см с неровной нижней границей, характерной для лесостепных почв. В южной части данный слой отсутствует. Ниже идет слой коричневого суглинка – материк.

Основная часть раскопа расположена на территории карьера, сделанного кладоискателями при помощи бульдозера. В результате было снесено множество могильных ям практически до самого дна. Они четко выделялись в виде пятен серой супеси на фоне материкового суглинка (рис. 10). Многие из них были перекопаны, а человеческие кости и керамика разбросаны по поверхности.

Вся поверхность раскопа была зачищена. В слое зачистки встречены многочислен-

ные кости людей и животных (лошадь, корова, птица).

По линии Н раскопа 2 вдоль края карьера сохранился нетронутый слой земли. В результате удалось установить, что толщина культурного слоя достигает 70 см от поверхности и проследить содержание слоев земли. В квадрате Н-10 встречено скопление бронзовых украшений.

В результате раскопок было вскрыто 32 погребения (рис.3)

Погребение 1. (рис. 4)

Могильная яма оконтурилась при зачистке в кв. Д-5, 6. На поверхности располагались человеческие кости и наблюдались следы перекопов. Со слов местных жителей в этой яме кладоискатели находили серебряные украшения. Могильная яма имеет в плане прямоугольную форму и вытянута по линии С-Ю. Длина 295 см, ширина 82 см. Стены могильной ямы отвесные, дно ровное, но с уступами в северном и южном конце. Глубина ямы в центре составляет 12 см, в южной части 30 см, в северной половине – 25 см, а в северном конце доходит до 67 см. Подобное разнообразие глубин, вероятно, является следствием перекопов могильной ямы кладоискателями. Заполнение ямы – черный гумус.

В могильной яме обнаружены фрагменты человеческого костяка в разрушенном виде. В центре сохранился фрагменты позвоночника с ребрами. К северу от него фрагменты костей таза, ног и стоп, к югу по краям ямы фрагменты костей рук. На дне южной западины встречен фрагмент человеческой челюсти. На дне северной западины – человеческий череп.

Предположительно захоронение было совершено по обряду труположения, на спине, головой на юг.

В районе предполагаемого расположения головы погребенного, в южной половине ямы обнаружены остатки глиняного сосуда.

В южном конце ямы встречен железный нож и фрагмент серебряной накладки. В северном конце ямы встречен железный нож и фрагмент серебряной обкладки. В северном конце ямы обнаружена бронзовая накладка. Среди костей стоп встречены фрагменты керамики и зуб лошади. В районе голени имеется еще 1 фрагмент серебряной обкладки.

Погребение 2. (рис. 4)

Могильная яма оконтурилась в кв. Е-5 в виде небольшого овального пятна

(117×80 см) серой супеси, вытянутого с севера на юг. Глубина ямы – 15 см от уровня зачистки, дно ровное.

В заполнении ямы встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости по всей глубине. В центре ямы обнаружены железный нож, глиняное пряслице и фрагмент лепной керамики.

Погребение 3. (рис. 4)

Могильная яма оконтурилась в кв. 3-4, 5 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (140×80 см), вытянутого с севера на юг. Глубина ямы 10 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. На дне фиксируются следы древесного тлена.

В центре ямы в восточной половине ямы встречены различные предметы: оселок из камня, железная пластина, бронзовый крючок, две бронзовые спиральки. Там же, но у западной стенки найдены фрагменты лепной керамики бурого цвета. В юго-западном углу ямы также имеются фрагменты керамики и фрагмент бронзовой сьюльгамы.

Погребение 4. (рис. 4)

Могильная яма оконтурилась в кв. Е-2, 3 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (190×78 см), вытянутого по линии ССЗ-ЮЮВ. Глубина ямы 15 см от поверхности, дно ровное. На дне могильной ямы обнаружен хорошо сохранившийся костяк, ориентированный головой на юг. Захоронение женское. Умершая расположена на левом боку в скорченном положении. Руки также согнуты и кисти рук находятся возле черепа.

В ногах расположена глиняная круговая миска, коричневого цвета с черным нагаром снаружи. Поверхность покрыта полосчатым лощением. Обжиг хороший. Тесто с примесью песка. Внутри горшка встречены мелкие кости и одна бронзовая сьюльгама из круглой проволоки, обмотанной по всей поверхности более тонкой бронзовой проволокой. Концы сьюльгамы загнуты в трубочку и не выходят за пределы кольца. Рядом с миской встречены кости птицы (куриные-?).

Одной из особенностей данного погребения является обилие свинцовых нашивок (373 шт.) плохой сохранности. Это, как правило, круглые бляхи диаметром около 1 см. Внешняя сторона – выпуклая с выступом в центре и ложной зернью по краю. С внутренней стороны – две полосы с тремя выступами, в которых имелись отверстия, при помо-

щи которых бляшки нашивались на одежду. Судя по расположению бляшек, они нашивались рядами на низ и перед платья. Отдельные бляшки нашивались на другие детали одежды. Воротник платья застегивался при помощи 2 бронзовых сюльгам, расположенных у шеи. Кольцо сюльгам круглое в сечении. Концы одной сюльгамы расплющены и завернуты в трубочки, не выступающие за диаметр кольца, концы другой сюльгамы расплющены в виде лопастей. В центре могилы обнаружено глиняное пряслице из плотного теста, бурого цвета с примесью песка. Других вещей не обнаружено.

Погребение 5. (рис. 4)

Могильная яма оконтурилась в кв. Д-2, Е-2 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (240×80 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 10 см от поверхности, дно ровное. На дне могильной ямы обнаружен хорошо сохранившийся костяк, ориентированный головой на юг. Захоронение мужское. Костяк лежит вытянуто на спине. Руки согнуты, и кисти рук находятся возле черепа. Череп лежит на левом боку.

Слева у таза расположен железный нож, с выступом на спинке. Возле ног встречены фрагменты керамики. Других вещей нет.

Погребение 6. (рис. 4)

Могильная яма оконтурилась в кв. Д-1, Е-1, 2 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (169×50 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 10 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. Судя по останкам, в могиле была погребена женщина в скорченном положении на правом боку, головой на юг. В ногах сохранился развал глиняного кругового горшка, коричневого цвета с нагаром снаружи. Под венчиком сделан орнамент из 2 полосок. Обжиг хороший. В тесте большая примесь песка. В центре ямы встречены фрагменты керамики. Других вещей нет.

Погребение 7. (рис. 4)

Могильная яма оконтурилась в кв. Е-3 в виде полуовального пятна темно-серой супеси (188×108 см), вытянутого по линии ССЗ-ЮЮВ. Глубина ямы 10 см от поверхности, дно ровное.

На дне ямы встречен разрушенный костяк человека, головой на юг. Верхняя часть костяка лежит на спине с согнутыми руками. Кисти рук возле черепа. Череп лежит на

правом боку. Средняя часть костяка смещена к восточной стене могильной ямы. Кости ног перемешаны.

С правой стороны костяка, у восточной стены расположены останки детского костяка.

Возле ног с восточной стороны расположен развал глиняной круговой миски, коричневого цвета с черным нагаром снаружи. На поверхности следы горизонтального лощения. Обжиг хороший. Тесто сильно запесоченное с примесью крупной дровины.

В центре ямы найдено глиняное пряслице хорошего обжига, бурого цвета. Среди костей обнаружена 1 стеклянная бусина и 5 лопастных сюльгам с небольшими кольцами из круглой проволоки. 3 сюльгамы сделаны из бронзы, 1 - из железа, 1 - из серебра. Вдоль черепа и грудной клетки с западной стороны расположена коса в виде фрагментов луба и волос. А на груди встречены фрагменты пулокери из нескольких витков бронзовой проволоки. Других вещей нет.

Погребение 7а. (рис. 4)

Могильная яма оконтурилась в кв. Е-2, 3, Ж-2, 3 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (280×85 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 13 см от поверхности, дно ровное. В северной половине ямы, у западной стенки круглая ямка диаметром 13 см и глубиной 20 см. На дне могильной ямы обнаружен хорошо сохранившийся костяк, ориентированный головой на юг. Захоронение женское. Умершая расположена на правом боку в скорченном положении. Руки также согнуты и кисти рук находятся возле черепа. Череп с верхней частью позвоночника лежат поперек костяка. Череп лежит на правом боку. На дне фиксируются следы древесного тлена.

В ногах расположен глиняный круговой горшок светло-коричневого цвета. Поверхность покрыта красной обмазкой и имеет сплошное лощение. Обжиг хороший. В тесте примесь песка. Рядом с сосудом лежит лопатка животного (корова-?), железный нож с сильно сточенным лезвием, костяной затыльник от рукояти ножа. Здесь же найден бронзовый перстень из трех витков проволоки. Центральный виток расплющен сверху, образуя щиток перстня. Рядом расположено глиняное пряслице красного цвета. Такое пряслице, но с вогнутыми боками найдено с другой стороны ног.

Среди костей в районе пояса найдено 3 бронзовые сюльгамы с расплющенными

лопастями и маленьким кольцом из круглой проволоки. На шее обнаружена серебряная цепочка. Возле черепа сохранились остатки деревянного луба и бронзовой проволоки от пулокери. Других вещей нет.

Погребение 8. (рис. 5)

Могильная яма оконтурилась в кв. Е-3 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (180×90 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 5 см от поверхности, дно ровное. На дне могильной ямы обнаружены останки костяка человека, ориентированного головой на юг. Захоронение женское. Умершая расположена на правом боку в скорченном положении. Руки также согнуты и кисти рук находятся возле черепа. Судя по фрагментам черепа, тот лежал на правом боку. В ногах расположены останки еще одного человеческого черепа.

Возле основного черепа расположены 2 серебряных перстня со щитками, на которых насечен геометрический орнамент. 1 перстень имеет сплошное кольцо, у 2 кольцо разомкнуто. Рядом найден фрагмент железного ножа.

Остальные предметы найдены в районе пояса: бусина из голубой стекляннопасты с темно-синим орнаментом в виде сетки, пряжка из бронзовой проволоки, 3 бронзовых сьюльгамы с лопастями и колечком из круглой проволоки, бронзовый язычок от сьюльгамы, костяное биконическое пряслице крупных размеров. Других вещей нет.

Погребение 9. (рис. 5)

Могильная яма оконтурилась в кв. Д-2, 3 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (202×95 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 5 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. Судя по расположению костей, костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юг.

В ногах обнаружен развал глиняного кругового горшка коричневого цвета с линейным орнаментом под венчиком. Обжиг плохой. Тесто с примесью песка.

Остальные вещи расположены в центре могильной ямы: железный нож с уступом на спинке, стеклянная голубая бусина, 3 бронзовых сьюльгамы с лопастями и маленьким кольцом из круглой проволоки. Других вещей нет.

Погребение 9а. (рис. 5)

Могильная яма оконтурилась в кв. Д-2, 3 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой

супеси (286×78 см), вытянутого по линии ССЗ-ЮЮВ. Глубина ямы 18 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. Судя по расположению костей, костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юг. В центре ямы обнаружен фрагмент бронзовой сьюльгамы из круглой проволоки. У ног встречено глиняное пряслице с выщербленным боком. Других вещей нет.

Погребение 10. (рис. 5)

Могильная яма оконтурилась в кв. Г-1, 2, Д-1, 2 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (190×80 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 8 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречен человеческий костяк плохой сохранности. Захоронение женское. Умершая положена в скорченном виде, на правом боку, головой на юг. Череп лежал на правом боку. Рядом зафиксированы мелкие и истлевшие останки костяка детского захоронения. На дне в области таза фиксируются следы древесного тлена.

Возле черепа встречена придонная часть глиняного лепного сосуда темно-бурого цвета с заглаженной поверхностью и примесью в тесте шамота. На тлене от черепа зафиксированы фрагменты пулокери в виде бронзовых проволочек. В ногах обнаружена бронзовая сьюльгама с лопастями и кольцом из круглой проволоки, а также пряслице из белой глины. Других вещей нет.

Погребение 11. (рис. 5)

Могильная яма оконтурилась в кв. Е-1, Ж-1 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (100×57 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 5 см от поверхности, дно ровное. На дне в центральной части ямы фиксируется развал сосуда. Других вещей нет.

Погребение 12. (рис. 5)

Могильная яма оконтурилась в кв. Д-1 в виде овального пятна темно-серой супеси (110×48 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 5 см от поверхности, дно ровное. На дне ямы встречены разрушенные трубчатые человеческие кости, вытянутые вдоль центральной части. Других вещей нет.

Погребение 13. (рис. 5)

Могильная яма оконтурилась в кв. Д-1, Е-1 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (120×60 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 5 см от поверхности, дно ровное. В заполнении в южной половине встречены разрозненные и разрушенные

человеческие кости. Это фрагменты трубчатых костей и таза, ребра, фаланги пальцев. В центре ямы обнаружен развал сосуда. Других вещей нет.

Погребение 14. (рис. 5)

Могильная яма оконтурилась в кв. Г-1 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (262×98 см), вытянутого по линии СВ-ЮЗ. Глубина ямы 8 см от поверхности, дно ровное. В погребении встречен человеческий костяк, разрушенный в области таза и в нижних конечностях. В этих местах сохранилось скопление перекопанных и разрушенных костей. Костяк лежит на спине, головой на юго-запад. Разрозненные человеческие кости (трубчатые кости, фаланги ножных пальцев) встречены у восточной стены. В северо-восточном конце ямы обнаружен зуб животного. При расчистке заполнения ямы выяснилось, что из могилы изъяты железная сабля, стремя, 3 железных предмета, о чем свидетельствуют отпечатки этих предметов в глине с остатками окалина. Помимо этого на дне ямы встречены следующие предметы: железные наконечники стрел (2 в ногах, 1 в центре), железный гвоздь и пластина в центре, костяная пуговица в ногах. Других вещей нет.

Погребение 15.

Могильная яма оконтурилась в кв. В-1 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (172×72 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 8 см от поверхности, дно ровное. В погребении встречен человеческий костяк, расположенный на спине, головой на юг. Кости верхней половины костяка сильно разрушены. Кости таза превратились в труху. В области таза обнаружена железная пряжка. Железное кольцо расположено возле черепа. Других вещей нет.

Погребение 16. (рис. 6)

Могильная яма оконтурилась в кв. В-1 в виде овального пятна темно-серой супеси (265×105 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 40 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. В нетронутым виде сохранились лишь большие кости ног. Лучевые кости и фаланги пальцев смещены. На месте остался левый локтевой сустав. Часть костей рук и фаланги пальцев оказалась в южном конце ямы. Здесь же расположены фрагменты черепа. В целом можно предположить, что костяк располагался на спине, головой на юг. В заполнении

встречено железное стремя (у левой руки), 2 костяные пуговицы (слева от ног). На дне обнаружены различные предметы: железная пряжка в южном конце ямы, железная пряжка и оселок в центре ямы, 3 железных гвоздя справа от ног и железный кинжал справа от ног, 3 наконечника стрелы в северном конце ямы. Других вещей нет.

Погребение 17. (рис. 6)

Могильная яма оконтурилась в кв. В-1, 2 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (275×125 см), вытянутого по линии ССЗ-ЮЮВ. Глубина ямы 13 см от поверхности, дно ровное. В погребении встречен человеческий костяк, расположенный на спине, головой на юго-восток. Часть костей таза и несколько ребер смещены к восточной стене ямы. На дне обнаружены различные предметы. На грудной клетке встречены 2 железных наконечника стрел, 2 железных и бронзовая пряжки, железный гвоздь, полоса из свинцово-оловянных сердцевидных (7 экз.) и квадратных (7 экз.) накладок со следами орнамента от пояса. В области таза расположена железная пряжка, а возле ступней – костяная пуговица. Других вещей нет.

Погребение 18. (рис. 6)

Могильная яма оконтурилась в кв. Г-2 в виде квадратного пятна темно-серой супеси (210×175 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 14 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. В центре ямы разрушенный человеческий череп вместе с ребрами и костями рук. В северной части раскиданы кости ног и ребра. Тазовые кости раскиданы по всей яме. В целом можно предполагать ориентировку покойника головой на юг. Среди костей встречены вещи: скопление свинцовых бляшек (227 экз.) в центре ямы, возле костей рук, железные предметы (пряжка, неопределенный предмет, 2 наконечника стрел), костяная пуговица и бусина. Других вещей нет.

Погребение 19. (рис. 6)

Могильная яма оконтурилась в кв. Д-3 в виде овального пятна темно-серой супеси (160×66 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 7 см от поверхности, дно ровное. В центре ямы встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. От костяка сохранилась грудная часть. Здесь же обнаружена бронзовая сьюльгама. Других вещей нет.

Погребение 20. (рис. 6)

Могильная яма оконтурилась в кв. В-3 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (265x155 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 8 см от поверхности, дно ровное. На дне расчищены остатки человеческого костяка. Кости частично перемешаны. Судя по расположению костей, покойник лежал на боку, головой на юг. Череп отсутствует. Вещей нет.

Погребение 21. (рис. 7)

Могильная яма оконтурилась в кв. Б-2, 3, В-2, 3 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (260x120 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 11 см от поверхности, дно ровное. На дне встречен человеческий костяк, расположенный на правом боку, головой на юг, с согнутыми ногами. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута и лежит на животе. Череп также лежит на правом боку. На шее обнаружено ожерелье из серебряных бус (17 экз.). На поясе встречено глиняное пряслице, в ногах имеется железный нож. Других вещей нет.

Погребение 22. (рис. 7)

Могильная яма оконтурилась в кв. Б-1, 2 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (3100x102 см), вытянутого по линии ССВ-ЮЮЗ. Глубина ямы 32 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречена нижняя половина человеческого костяка, а также часть позвоночника с ребрами и фрагменты костей рук. Покойник был положен на спине головой на юг. На ребрах встречена железная пряжка. Остальные предметы расположены в ногах. Это – два железных стремени, лежащих слева и справа от ног, слева же расположен железный топор. Под правым стремянем найден железный кинжал. Возле ступней обнаружены следующие вещи: железное сверло, две костяные накладки на колчан и костяное перекрестье от ножа, три железных предмета, две железных пряжки, два железных крючка, оселок. Других вещей нет.

Погребение 23. (рис. 7)

Могильная яма оконтурилась в кв. А-1, 2, Б-2 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (210x63 см), вытянутого по линии ССВ-ЮЮЗ. Глубина ямы 15 см от поверхности, дно ровное. На дне встречен человеческий костяк, расположенный на спине, головой на юг. Ноги сохранились в анатомическом порядке, а верхняя часть костяка разрушена

и перемешана. В центре ямы обнаружен нож. Других вещей нет.

Погребение 23а. (рис. 7)

Могильная яма оконтурилась в кв. Б-2 в виде округлого пятна темно-серой супеси (92x87 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 15 см от поверхности, дно ровное. В заполнении в центре ямы встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. Вещей нет.

Погребение 24. (рис. 7)

Могильная яма оконтурилась в кв. А-1 в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (145x75 см), вытянутого по линии СВ-ЮЗ. Глубина ямы 4 см от поверхности, дно ровное. В южной части зафиксирована еще одна яма глубиной 26 см. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. В центре ямы обнаружен развал глиняного сосуда, бронзовая сьюльгама, а также фрагменты железного и бронзового предметов, фрагмент ткани и бусина. Фрагмент бронзового браслета встречен в северо-восточном углу ямы вместе с человеческими костями. Еще один глиняный сосуд обнаружен в южном конце ямы. Других вещей нет.

Погребение 25. (рис. 7)

Могильная яма оконтурилась в кв. А-2, 3 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (192x60 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 14 см от поверхности, дно ровное. На дне встречен человеческий костяк, лежащий на правом боку, головой на юг. Руки согнуты перед лицом, череп лежит на правом боку. Ноги согнуты в коленях. В центре встречена бронзовая сьюльгама. Других вещей нет.

Погребение 26. (рис. 7)

Могильная яма оконтурилась в кв. А-3 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (230x85 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 11 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. Судя по фрагментам костей покойник лежал головой на юг. Вещей не обнаружено.

Погребение 27. (рис. 8)

Могильная яма оконтурилась в кв. Б-3 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (260x86 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 21 см от поверхности, дно ровное. На дне встречен человеческий костяк, лежащий на правом боку, головой на юг, с согнутыми коленями. Череп отсутствует. В южном конце ямы встречены фрагмен-

ты глиняной керамики. В ребрах обнаружены две бусины бисера и бронзовая сьюльгама. Возле таза расположено глиняное пряслице. В северной части ямы найден железный нож. Других вещей нет.

Погребение 27а. (рис. 8)

Могильная яма оконтурилась в кв. Б-3, 4 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (220×80 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 7 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. В южном конце скопление костей и ребер. В центре обнаружен железный нож. Других вещей нет.

Погребение 28. (рис. 8)

Могильная яма оконтурилась в кв. А-4, 5 в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (270×88 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 11 см от поверхности, дно ровное. На дне встречена нижняя часть человеческого костяка, в виде таза и согнутых в коленях ног, лежащих на правом боку. Костяк был ориентирован головой на север. Отдельные кости встречены в южном и северном концах ямы. Характерно, что ноги лежат в центре ямы (in situ) так, что туловище не поместилось бы в яму. Вокруг ног обнаружены скопления нашивных свинцовых бляшек (39 экз.), а возле голени найдено глиняное пряслице. В южном конце ямы встречены фрагменты глиняной керамики. Других вещей нет.

Погребение 29. (рис. 8)

Могильная яма оконтурилась в кв. Н-6 на глубине 60 см от поверхности в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (213×85 см), вытянутого по линии СВ-ЮЗ. Глубина ямы 96 см от поверхности земли, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. Судя по фрагментам костей можно предположить, что покойник лежал головой на юг, с согнутыми ногами. Вещей нет.

Погребение 30. (рис. 8)

Могильная яма оконтурилась в кв. Н-7 на глубине 100 см от поверхности в виде овального пятна темно-серой супеси (200×80 см), вытянутого по линии СВ-ЮЗ. Глубина ямы 133 см от поверхности земли, дно ровное. На дне встречен человеческий костяк, хорошей сохранности, расположенный на спине и ориентированный головой на юг. Руки согнуты и лежат на груди, голова повернута

на левый бок. Справа от костяка в области живота располагается топор, положенный вдоль тела, топориком вниз. Здесь же находилась железная пряжка с бронзовым язычком и железный предмет. Слева от костяка, вероятно на поясе, располагался железный нож и железное кресало. Еще один железный нож был обнаружен в ногах. Других вещей нет.

Погребение 31. (рис. 8)

Могильная яма оконтурилась в кв. Н-7 на глубине 95 см от поверхности в виде прямоугольного пятна темно-серой супеси (235×80 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 130 см от поверхности, дно ровное. В заполнении встречен человеческий костяк в полуразрушенном состоянии. Лучше всего сохранились кости ног, согнутые в коленях и лежащие на правом боку. От верхней части костяка сохранились кости рук, несколько позвонков и фрагменты черепа. Исходя из этого, можно предположить, что покойник был положен головой на юг. При этом верхняя часть костяка расположена на глубине 102-109 см, а позвоночник и ноги на глубине 124-125 см от поверхности. Также на разных глубинах расположены и вещи. Очевидно, это объясняется тем, что покойник лежал на помосте, который впоследствии разрушился, а верхняя часть подверглась перекопу. Все вещи расположены возле ног: бронзовая сьюльгама, фрагмент пулокери, железный нож, глиняное пряслице. В северном конце ямы обнаружен развал глиняного сосуда. Других вещей нет.

Погребение 32. (рис. 8)

Могильная яма оконтурилась в кв. Н-9, 10 на глубине 70 см от поверхности в виде подпрямоугольного пятна темно-серой супеси (330×95 см), вытянутого по линии С-Ю. Глубина ямы 110 см от поверхности земли, дно ровное. В заполнении встречены разрозненные и разрушенные человеческие кости. Судя по фрагментам сохранившихся костей ног, покойник был положен головой на юг. В заполнении встречены железные предметы: наконечник стрелы и гвоздь в южной половине ямы, кольцо – в центре, нож – в северном конце ямы. Рядом с ножом было обнаружено бронзовое кольцо. В южном конце ямы найдены фрагменты глиняной посуды. Других вещей нет.

На поверхности раскопа при зачистке и в погребениях был собран различный материал, позволяющий раскрыть особенности материальной культуры могильника и определить

время его существования. Предварительный анализ подъемного материала дан в статье В.А.Винничека и А.А.Губанова (Винничек, Губанов, 2003). При анализе погребально-инвентаря с раскопа за основу была взята классификация, разработанная в этой статье с включением содержащихся в ней материалов. Среди материалов выделяются орудия труда, предметы конского снаряжения и вооружения, предметы быта и украшения, а также глиняная посуда.

Топоры (16 экз.) сделаны из железа (рис. 9, 11, 12, 14, 15, 18).

Тип 1. (2 экз.) Лезвие к концу расширяется, прямые щековицы выделяются слабо, проух и обух округлой формы.

Тип 2. (2 экз.) Лезвие во второй половине длины расширяется, в нижней части имеется едва заметная “бородка”, щековицы не прослеживаются, проух и обух округлые.

Тип 3. (5 экз.) Лезвие во второй половине длины расширяется, в нижней части имеется “бородка”, щековицы – вытянутой и заостренной формы, проух овальный, обух трехгранный (2 экз.) или округлый (3 экз.).

Тип 4. (1 экз.) Лезвие во второй половине длины расширяется, в расширенной части просверлено отверстие, внизу имеется “бородка”, короткие щековицы заострены, проух округлый, округлый обух поперечно-вытянутой формы с заостренными концами.

Тип 5. (1 экз.) Лезвие во второй половине длины расширяется, короткие щековицы заострены, в нижней части лезвия имеется едва заметная “бородка”, обух и проух округлые.

Тип 6. (1 экз.) Лезвие длинное и узкое, к концу слегка расширяется, короткие щековицы заострены, проух округлый, обух плоский.

Тип 7. (1 экз.) Лезвие к концу расширяется, удлиненные щековицы заострены, проух каплевидной формы, обух округлый.

Тип 8. (1 экз.) Лезвие к концу расширяется, щековицы округлые, проух круглый, обух молотообразной формы.

Топоры типов 1 и 2 датируются русскими и болгарскими древностями, в основном, X–XI вв. (Древняя Русь, 1985. с. 255; Измайлов, 1993. с. 93), тип 8 бытовал на Руси и в Волжской Булгарии с X по XIII вв. (Измайлов, 1993. С.92; Кирпичников, 1966. Табл. XI, 2), типы 3, 5 и 7 обладают более широкой хронологией. Тип 4 является, по-видимому, боевым оружием, которое получило наибольшее

распространение в Древней Руси в X - XIII вв. (Кирпичников, 1966. Табл. XXI, 8), обнаружен такой же топорик и в Биляре. (Измайлов, 1993. с. 94). Тип 6 – бортовой топор – довольно часто встречается в могильниках мордвы, имеется в материалах Золотаревского поселения, датируется XII - XIV вв. (Белорыбкин, 2001. С.85).

Тесло втульчатое (1 экз.) (рис. 17) имеет квадратное сечение втулки и оттянутое внутрь лезвие. Такие тесла часто называют пешней. Они встречаются у мордвы (Беляев, 1988. С.104-111, Табл. III, 5), и в Волжской Булгарии (Казаков, 1991. с. 59, рис.20, 3), где датируются XI - XIV вв.

Конское снаряжение представлено в основном стремянами и деталями конской сбруи. При этом не встречено ни одного фрагмента удила.

Стремяна (8 экз.) сделаны из железа (рис. 9, 10, 14, 15, 17).

Тип 1. (1 экз.) имеет выступающее ушко для пут с круглым отверстием и округлую ребристую подножку.

Тип 2. (1 экз.) имеет округлое отверстие в самой дужке и округлую ребристую подножку.

Тип 3. (3 экз.) имеют широкую округлую подножку подпрямоугольной формы, дужка – арочной формы, петля для ремня сверху имеет острый выступ, прорезь в виде широкой узкой щели. В погребении 22 встречен комплект из 2 стремян, инкрустированный по дужке серебряными клепками с одной стороны и имеющие ребро жесткости в подножке.

Тип 4. (3 экз.) имеют широкую плоскую подножку, дужка – арочной формы, петля для ремня сверху оформлена прямоугольным выступом, под прорезью находится небольшой округлый выступ.

Стремяна типа 1 и 2 бытуют в Восточной Европе в IX- XI вв. (Древняя Русь, 1985. Табл.146), стремяна типа 3 и 4 характерны для XII - нач. XIII вв. (Древняя Русь, 1985. Табл.146; Федоров-Давыдов, 1966. с.12-15).

Пряжки железные ременные рамчатые представлены следующими формами: круглые (6 экз.) (рис. 10, 11), полукруглые (9 экз.) (рис. 10, 14), близкая к “лировидным” (1 экз.) (рис. 16), квадратные (4 экз.) (рис. 14 восьмеркообразная (2 экз.) (рис. 10). От конского снаряжения в материалах могильника имеются также сбруйные кольца квадратного (рис. 14), подтреугольного и овального

(рис. 14, 16) сечения. Железные пряжки и кольца конской упряжи имеют довольно широкие территориальные и хронологические границы бытования.

Железные накладки подразделяются на типы:

Тип 1. (2 экз.) (рис. 16) Накладка пластинчатая с шатровым завершением одного края и петлевидным – другого. Крепилась к ремню 2 клепками.

Тип 2. (3 экз.) (рис. 12, 16) “Очковидные” (по К.А. Руденко) накладки представлены фигурными пластинами с 2 клепками и ушком с вставленным в него колечком квадратного сечения: а) с одной петлей; б) с двойной петлей (1 экз.).

Тип 3. (1 экз.) (рис. 16) Накладка с привеской соединены шарнирно с помощью штифта и орнаментированы поперечными линейными насечками. Накладка крепилась к ремню двумя клепками.

Тип 4. (1 экз.) (рис. 16) Распределитель ремней состоит из двух накладок прямоугольного сечения и кольцом квадратного сечения. Кольцо и накладки орнаментированы насечками. В накладках имеются крепежные клепки для соединения с ремнями.

Тип 5. (1 экз.) (рис. 12) ладьевидная с одной клепкой.

Аналогичные изделия аскизского облика известны из материалов многих памятников Восточной Европы. Наибольшее распространение такая ременная гарнитура получила в XI–XII вв. (Руденко, 2000. С.74)

Петля железная от нагайки (2 экз.) (рис. 12) сделана из стержня с расплюснутыми концами и клепками в них.

Хорошо представлены и предметы вооружения.

Копья делятся на 6 типов.

Тип 1. (1 экз.) (рис. 18) Перо линзовидного сечения в виде двух, расходящихся шипов; втулка длинная, круглого сечения.

Тип 2. (1 экз.) (рис. 18) Перо удлиненно-треугольной формы, ромбического сечения, с покатыми плечиками; втулка круглого сечения.

Тип 3. (1 экз.) (рис. 18) Перо в виде стержня квадратного сечения, втулка круглого сечения.

Тип 4. (1 экз.) (рис. 18) Перо узколистное, сечение в виде ромба с вогнутыми сторонами, острие – ромбического сечения. Втулка

круглого сечения. В месте перехода от втулки к лезвию имеется утолщение.

Тип 5. (1 экз.) (рис. 18) Перо килевидной формы линзовидного сечения, плечики вогнуты. Черешок прямоугольного сечения в месте изгиба обломлен. Сулицы (дротики) применялись как метательные копья.

Тип 6. (1 экз.) (рис. 18) Перо узколистное ромбического сечения, втулка шестигранная с круглым отверстием, в месте перехода от втулки к перу по бокам имеются подтреугольные выступы. На втулке, выступах и нижней части пера сохранились следы золочения. Большие размеры этого наконечника дают повод говорить о нем, как о рогатине – самом мощном из древнерусских копий. Копья с шестигранной втулкой и со следами золотой инкрустации встречаются среди древнерусских материалов (Кирпичников, 1966. С.88-93).

Тип 7 (1 экз.) (рис. 10) Перо лавролистной формы с короткой втулкой. Сечение пера линзовидное.

Копья типа 1 и 2 известны на древнерусских поселениях и в курганных погребений, из могильников финно-угров, а также у кочевников южнорусских степей X–XI вв. (Измайлов, 1993. С. 80-84, рис.1). Копья типа 3, 6, 7 применялись в Восточной Европе в XII–XIII вв. (Измайлов, 1993. С.78-79; Древняя Русь, 1995. табл. 125). Копья типа 4, 5 датируется XI–XIII вв. (Кирпичников, 1966. с. 13–14).

Наконечники стрел (18 экз.) относятся к группе железных черешковых наконечников стрел (рис. 10, 11, 13, 14).

Тип 1. (4 экз.) Листовидные с наибольшим расширением у острия (тип 65 по А.Ф.Медведеву)

Тип 2. (1 экз.) Ланцевидные квадратного сечения с длинной боевой головкой и коротким черешком (тип 77 по А.Ф.Медведеву).

Тип 3. (1 экз.) Пирамидальные квадратного сечения с круглой шейкой без упора (тип 85 по А.Ф.Медведеву).

Тип 4. (1 экз.) Пирамидальные ромбического сечения, сплюснутые у черешка (тип 96 по А.Ф.Медведеву)

Тип 5. (1 экз.) Шиловидный квадратного сечения с простым упором (тип 90-1 по А.Ф.Медведеву).

Тип 6. (1 экз.) Ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера (тип 40 по А.Ф.Медведеву).

Тип 7. (1 экз.) Долотовидные с наибольшим утолщением и перехватом у черешка (тип 100-1 по А.Ф.Медведеву).

Тип 8. (4 экз.) Веслообразные (тип 66 по А.Ф.Медведеву).

Тип 9. (2 экз.) Срезы в виде узкой вытянутой лопаточки (тип 67 по А.Ф.Медведеву).

Тип 10. (1 экз.) Килевидный вытянутых пропорций (тип 38-4 по А.Ф.Медведеву).

Тип 1 характерен для VIII - XI вв., тип 2 – для X - нач. XI вв., тип 3 – для XII в., тип 4 – для XII в., тип 5 бытовал в VIII - XIV вв., тип 6 – в X - XIV вв., тип 7 – в XI - нач. XIII вв., типы 8, 9, 10 характерны для XIII - XIV вв. (Медведев, 1966).

Трезубец (1 экз.) (рис. 18) имеет прямоугольное сечение каждого острия, которые орнаментированы насечками в форме полумесяца. Втулка прямоугольного сечения, разомкнутая. Массивные зубья и мощная втулка дают право полагать, что перед нами боевое оружие, а не сельскохозяйственный инвентарь. Аналоги этому предмету авторам не известны.

Гирька кистеня (1 экз.) (рис. 18) грушевидной формы с мелкими горошковидными выпуклостями, шаровидным выступом в нижней части, биусеченноконической шейкой и подромбической петлей с круглым отверстием, отлита из бронзы в двусторонней литейной форме. Точный аналог гирьке не известен. Наибольшего распространения бронзовые кистени достигли на Руси в XII-XIII вв. Известно это оружие и из материалов Волжской Булгарии, но, по-видимому, все находки были произведены древнерусскими ремесленниками (Кирпичников, 1966. с. 63-64).

Сабли (рис. 10, 13, 18) представлены фрагментом обоймы ножен (4 экз.), фрагментом перекрестья (гарды) (1 экз.) и клинками (1 экз. – фрагмент, 1 экз. – отпечаток в глине). Габаритные размеры, изгиб клинка и конструктивные особенности перекрестья сабель позволяют отнести их к XII – нач. XIII вв. (Кирпичников, 1966. С.62-72).

Нож боевой (1 экз.) (рис. 14) имеет одностороннюю заточку и черешок в виде широкой полосы с тремя клепками.

Костяные накладки от колчана (3 экз.) (рис. 11, 14) сделаны в виде длинной пятиугольной пластины с подпрямоугольным фигурным отверстием в центре. На одной

накладке имеются еще два круглых отверстия по краям.

Большую группу вещей составляют предметы быта и инструменты.

Ножи (1 экз.) (рис. 9, 11-15, 17) черешковые универсальные делятся на две группы: сплошные и с продольным желобком, прорубленным вдоль верхней кромки. Ножи первой группы распространены повсеместно. Ножи второй группы встречаются на поселениях Верхнего Посурья X – нач. XIII вв. (Винничек, 2001. с. 120, рис.8, 1,2; Белорыбкин, 2001. с. 93, рис. 55, 33,34; Винничек, 2001а. С.403, рис. 2, 7-10), в Волжской Булгарии и у мордвы домонгольского времени (Казаков, 1991. с. 75, рис.30, 36, 37). Наряду с универсальными ножами встречаются явно специализированные ножи: с клиновидным лезвием, с оттянутым книзу лезвием. Практически все ножи имеют сточенное лезвие. Размеры ножей колеблются от 7 до 22 см.

Шилья (4 экз.) (рис. 17) имеют квадратное сечение и широко распространены.

Сверло (1 экз.) (рис. 14) четырехгранное имеет в середине уплощенное расширение с линейным орнаментом и перовидное острие.

Гвозди (рис. 10) четырехгранные условно можно разделить на крупные строительные (5 экз.) и мелкие поделочные (10 экз.).

Кресала (10 экз.) (рис. 9, 11, 17) по форме делятся на типы:

Тип 1. Калачевидное кресало без язычка (2 экз.). С внутренней стороны ударного лезвия одного из них имеется подпрямоугольный выступ. Широко распространены в XII в. (Колчин, 1959. С.99; Петербургский, 1990. с. 86, табл. V, 17).

Тип 2. Двулезвийное кресало подпрямоугольной формы с овальным вырезом (4 экз.). Аналогичные кресала обнаружены у мордвы XI - XIII вв. (Петербургский, 1990. с. 89, табл. VIII, 4), в Волжской Булгарии XII-XIV вв. (Руденко, 2001. С.51).

Тип 3. Двулезвийное кресало овальной формы с овальным вырезом (1 экз.). Подобные изделия известны из мордовских памятников XI - XIV вв. (Беляев, 1988. С.110, Табл. II, 6) и болгарских XII - XIV вв. (Руденко, 2001. С.51).

Тип 4. Двулезвийное кресало овально-удлиненной формы с овальным вырезом, концы которого переходят в круглые отверстия (3 экз.). Этот тип кресала бытовал в XII-XIV вв. (Белорыбкин, 2001. с. 66; Гришаков, 1992. С.114, Табл. IV, 12. с. 105).

Тип 5. Двухлезвийное кресало подпрямоугольной формы с фигурным вырезом (8 экз.). Известны в памятниках мордвы и Волжской Булгарии, где датируются XII – XIV вв. (Белорыбкин, 2001. С.66; Мартыянов, 1988. С. 130, Табл. V, 9. 122; Савченкова, 1996. с. 57).

Тип 6. Кресало шестиугольной формы с овальным вырезом (1 экз.) датируется в марийских древностях IX - XI вв. (Архипов, 1984. С.157, рис.23, 13).

Хомутики (8 экз.) (рис. 12, 17) сделаны в виде овального кольца из железной пластины со слегка зауженными и завернутыми в трубочку концами. В трубчатый конец одного фрагмента хомутика вставлено железное колечко. Такие хомутики довольно часто встречаются на поселениях Верхнего Посурья конца X – начала XIII вв. (Белорыбкин, 2001. С.95-99, Рис.60; Винничек, 2000. с. 251, рис. I, 21), их назначение не ясно.

На территории могильника обнаружены бесформенные свинцово-оловянные слитки (3 экз.) (рис. 17). Подобные слитки найдены на средневековых памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья X–XIII вв., где, по-видимому, применялись в качестве средства платежа для внутренних торговых операций (Винничек, 2000а. С.150).

Ювелирный молоточек (1 экз.) (рис. 17) с ударной частью прямоугольной формы и с оттянутым бойком-чеканом, в виде головы животного близок по форме изделиям из Волжской Булгарии, которые датируются XII - XIII вв. (Руденко, 1998. с. 29, рис.6, 9, 10; 2001. с. 57). Три ювелирных молоточка с зооморфными бойками-чеканами имеются в материалах Золотаревского поселения (Верхнее Посурье) (Белорыбкин, 2001. с. 80, рис.47, 4-6).

Пряслица представлены изделиями из глины и шифера.

Глиняные пряслица изготавливались, в основном, из хорошего теста и заглаживались. По цвету, пряслица – оранжевые и коричневые, некоторые имеют лощение, по форме – биусеченноконические (28 экз.) и делятся на два типа (рис. 10, 17):

Тип 1. С выпуклыми сторонами (10 экз.)

Тип 2. С ровными сторонами (18 экз.)

Оба типа широко представлены в памятниках Восточной Европы. Известны они, в частности, и с поселений Верхнего Посурья нач. XI - нач. XIII вв. (Белорыбкин 2003).

Шиферные пряслица преимущественно фиолетового цвета и лишь 2 экземпляра серого цвета, по форме делятся на два типа (рис. 10, 17):

Тип 1. (8 экз.) Овальные. Наружный диаметр пряслиц – от 2,0 до 3,5 см., диаметр отверстий – от 0,5 до 0,7 см.

Тип 2. (7 экз.) Биусеченноконические. Наружный диаметр – от 1,5 до 3,5 см., диаметр отверстия – от 0,3 до 0,8 см.

Шиферные пряслица изготавливались в Овруче и бытовали по всей Восточной Европе с X по XIV вв. (Казаков, 1993. С.51; Белорыбкин, 2003).

Костяное пряслице (1 экз.) (рис. 11) имело биусеченноконическую форму.

Костяные пуговицы (5 экз.) (рис. 14) усеченноконической формы с отверстием в центре. Поверхность украшена циркульным орнаментом и насечками, как по отдельности, так и вместе. Иногда по краю окантовка из веревочного орнамента. Характерны для домонгольской Волжской Булгарии (Город Болгар, 1988. с. 232).

Костяные ручки от ножа (4 экз.) (рис. 11, 13) представлены двумя овальными в сечении ручками, одним перекрестьем и одним затыльником. На одной из ручек имеется двусторонний циркульный орнамент в сочетании с линейным.

Оселки (6 экз.) (рис. 10-14) подпрямоугольной формы из серого сланца.

Крючки рыболовные (3 экз.) (рис. 14) сделаны из железа в виде крюка с петлей на одном конце и жалом на другой. Судя по размерам они предназначались для ловли крупной рыбы.

Обоймица серебряная (1 экз.) (рис. 10) сделана из тонкой и широкой пластины и окантовывала круглый предмет диаметром около 2 см.

Характерной чертой женских погребений являются украшения, которые характеризуются разнообразием форм.

Накосники-пулокеры представлены двумя типами изделий из бронзы (рис. 11, 16)

Тип 1. (3 экз. – целых, 11 экз. - фрагменты). Спиральный, конусовидной формы из проволоки плоского и полукруглого сечения.

Тип 2. (2 экз.) Спиральный, конусовидной формы из проволоки полукруглого сечения с обмоткой тонкой бронзовой проволокой круглого сечения.

Пулокери широко представлены в древнемордовских древностях с X по XIV вв. (Беляев, 1998; Гришаков, 1988. С. 73).

Перстни представлены бронзовыми, так называемыми, широкосередиными – “усатыми” (8 экз.) (рис. 11, 13, 16), бронзовым пластинчатым перстнем с разомкнутыми концами (1 экз.) (рис. 10), серебряными изделиями с плоским квадратным щитком (2 экз.) (рис. 13). Изображения на щитках выгравировано, а поверхность покрыта чернением. На одном щитке зигзагообразный орнамент в виде буквы Z, на другом крестовидный. Встречена также вставка в перстень из синего стекла (1 экз.) (рис. 11) Усатые перстни получили распространение среди мордовского населения в начале II тыс. н.э. (Петербургский, Первушкин, 1992. С. 75), щитковые бытовали в XII – XIII вв. в Волжской Булгарии и на Руси (Белорыбкин, 2001. С.52; Макарова, 1986. С.48; Город Болгар, 1996. Отдел Б-II).

Браслеты подразделяются на следующие типы:

Тип 1. (1 экз.) (рис. 16) Плетеный из тонкой бронзовой проволоки на круглой дрововой основе с расплюснутыми концами.

Тип 2. (3 экз.) (рис. 16) Бронзовые, литые круглого сечения с зауженными концами.

Тип 3. (9 экз.) (рис. 12, 16) Бронзовые, литые прямоугольного, полукруглого или овального сечения. На некоторых из них нанесен орнамент в виде точек и насечек.

Тип 4. (6 экз.) (рис. 10-12, 16) Пластинчатые бронзовые с зауженными, зооморфными или загнутыми концами иногда с орнаментом снаружи. Среди них выделяется один широкопластинчатый браслет с бортиками по краям и выпуклой сердцевинной.

Тип 5. (1 экз.) (рис. 16) Плетеный из семи бронзовых проволок круглого сечения с приплюснутыми концами, на которых сохранились следы лужения, оставшиеся, по-видимому, от пайки к концам обойм с вставками.

Тип 6. (4 экз.) (рис. 11, 16) Плетеные из шести бронзовых проволок круглого сечения с перевитием из двух скрученных между собой тонких проволок.

Тип 7. (2 экз.) (рис. 11, 16) Плетеные из четырех бронзовых с серебряным покрытием круглых в сечении проволок.

Тип 8 (3 экз.) (рис. 11) Плетеные из двух бронзовых проволок

Все типы браслетов встречаются в мордовских некрополях, датируемых, в основном, XI–XIII вв. (Беляев, 1998. с. 66, рис.7, 10. С.158, Рис. 98, 20; Беговаткин, 2000. С.107, рис. 2, 12), известны такие изделия и с памятников X – нач. XIII вв. Верхнего Посурья (Белорыбкин, 2001. с. 5, рис. 2; Винничек, 2001. с. 123, рис. 11, 21; 2001а. с. 402. рис.1, 8-10).

Подвески.

Височные (10 экз.) (рис. 10, 11) сделаны из серебра или бронзы. Представляют собой стерженек, обмотанный тонкой проволокой, с удлинненным каплевидным грузиком на одном конце и спиралькой на другом. Подобные формы подвесок характерны для мордовских памятников XI – XIII вв. (Алихова, 1959).

Кольцевые (9 экз.) (рис. 11, 13) сделаны из серебряной круглой проволоки с разомкнутым концом, один из которых иногда закручен.

Трубчатая (1 экз.) (рис. 13) сделаны из бронзовой пластины в виде конуса. Нижняя часть орнаментирована линиями.

Крестовидная (1 экз.) (рис. 10) отлиты из оловянистой бронзы в виде креста с отверстием в центре и петлей сверху.

Колесовидная (1 экз.) (рис. 16) из бронзы представляет из себя кольцо, с вписанным в него крестом с расширяющимися концами, и отверстием в центре. По окружности кольцо оформлено насечкой. Колесовидные подвески имеют довольно широкую хронологию, часто встречаются в материалах памятников финно-угров Поволжья и Прикамья (Святкин, 2000. с. 66).

Фигурные (2 экз.) (рис. 13) отлиты из бронзы в виде полой трубочки с кольцами на боку и конусовидного диска, также с кольцами снизу. Поверхность украшена веревочным орнаментом, а изнутри имеются петли для крепления.

Шумящие (15 экз.) (рис. 11) бронзовые состоящие из маленького колечка и подвешенных к нему скрученных проволок с петлями на концах.

Бубенчики (2 экз.) (рис. 10, 16) цельнолитые шарообразной формы с одной прорезью снизу и петлей для подвешивания сверху, с шариком внутри. Один орнаментирован тремя рядами выпуклых полос. Такие украшения известны из материалов Древней Руси, Волжской Булгарии и мордвы как домонгольского, так и золотоордынского времени.

Найдены они и на верхнесурских памятниках X – XIII вв. (Белорыбкин, 2001. С.48).

Цепочка (3 экз.) (рис. 10, 11, 13) сделана из серебра и бронзы. Целая цепочка сделана из крупных круглопроволочных восьмерковидных звеньев, развернутых на 90 градусов. Запор сделан также в виде восьмерковидного звена, но с удлиненной перемычкой. Еще одна цепочка представлена двумя литыми восьмерковидными звеньями. Аналогичные цепочки встречаются в памятниках мордвы X–XIII вв. (Беляев, 1998).

Сюлгамы изготовлены из бронзовой, круглой в сечении, проволоки и представлены несколькими типами: лопастными (50 экз.) (рис. 10) разных размеров, с завернутыми в кольца концами (11 экз.) (рис. 11, 13, 16), причем половина сюлгам этого типа имеют кольца, обмотанные тонкой проволокой, усатыми (5 экз.) (рис. 11, 16) с концами в виде трубочки, которые не выступают внутрь. Выделяется сюлгama типа фибулы (1 экз.) (рис. 10) с пластинчатым кольцом из оловянистой бронзы и завернутыми в кольца концами.

Сюлгамы широко бытовали на всей территории Западного Поволжья с X по XIII вв. Сюлгамы разных типов найдены на Золотаревском поселении (X – нач. XIII вв.) в Верхнем Посурье в составе клада из 16 бронзовых сюлгам, как лопастных, так и с завернутыми в кольца концами в берестяной коробочке (Белорыбкин, 2001. с. 27. с. 26, рис. 13, 1-17). Пластинчатые фибулы встречаются реже, но все-таки присутствуют на памятниках Посурья и Примокшанья (Беляев, 1998).

Накладки встречаются редко и представлены 3 накладками из оловянистой бронзы и поясом с 14 свинцово-оловянными накладками.

Полусферическая накладка (рис. 16) крепилась к ремню с помощью двух штырьков. Квадратная накладка (рис. 10) с пятиугольной прорезью. С обратной стороны четыре штырька. Восьмилепестковая накладка (рис. 13) украшена точечным орнаментом и имеет петлю внутри. Пояс состоит из выпуклых сердцевидных и квадратных накладок (рис. 14) крупных размеров.

Полусферическая и квадратная накладки распространены в Среднем Поволжье, где датируются X–XIII вв. (Казаков, 1991. с. 132; Винничек, 2001. с. 115, рис. 2, 20). Восьмилепестковая накладка характерна

для золотоордынского периода (Полякова, 1996). Сердцевидные накладки были широко распространены в IX – XI вв. (Ковалевская, 2000. С.149).

Бляшки (653 экз.) (рис. 10-14) нашитые свинцово-оловянные в виде выпуклого диска, диаметром не более 1 см. По краю бляшки орнаментированы псевдозернью. С внутренней стороны две полоски с тремя или четырьмя шпеньками, при помощи которых бляшки нашивались на одежду. Подобные бляхи встречаются в мордовских памятниках X – нач. XIII вв. (Беляев, 1998).

Бусы (рис. 10-13, 16) представлены изделиями из горного хрусталя (3 экз.), янтаря (2 экз.), сердолика (2 экз.), серебра (3 экз.), лазурита (2 экз.), гагата (2 экз.) и стекла (34 экз.), глина (2 экз.).

Хрустальные бусы имеют форму шара, слегка приплюснутого по оси отверстия. Аналогичные бусы встречаются в материалах мордвы (Беляев, 1998. С.26-27; Петербургский, Первушкин, 1992. С.73) и Древней Руси (Успенская, 1993. С.104), в основном, домонгольского времени.

Янтарные и сердоликовые бусы красного цвета имеют эллипсоидную уплощенную форму с восемью гранями. Были распространены в Восточной Европе преимущественно в домонгольский период. Имеются они и в материалах Верхнего Посурья X – нач. XIII вв. (Белорыбкин, 2001. с. 39).

Серебряная бусина полая овальной формы, характерна для Поволжья в XI–XIII вв.

Лазуритовые бусы имеют в одном случае шаровидную форму, в другом ромбическую. Причем ромбическая бусина имеет отверстие в углу ромба.

Гагатовые бусы черного цвета представлены одной крупной бусиной эллипсоидной формы и ребристым бисером.

Большим разнообразием отличаются бусы из стекла или стеклянной пасты.

Это мелкий бисер (8 экз.) одиночный и многозонный в основном желтого цвета.

Стеклянные бусы (26 экз.) желтого, синего, голубого, коричневого цветов, либо бесцветные. По форме выделяются шаровидные, битрапециевидные, эллипсоидные, многогранные. На некоторых встречается орнамент в виде ребер или белых полосок и пятен

Одна из бусин эллипсоидной формы изготовлена из черного глушеного стек-

ла с продольно-волнистым орнаментом (рис. 12). Подобные бусы известны из материалов мордвы (Петербургский, Первушкин, 1992. с. 91, Табл. V, 13), Древней Руси и Волжской Булгарии XI–XII вв. (Полубояринова, 1988. с.177–178).

Пряжки изготовленные из бронзы подразделяются на типы:

Тип 1. (1 экз.) (рис. 16) Восьмеркообразная лировидная с узким сложным перехватом и широкой приемной обоймой. Язычок крепился с помощью специального круглого отверстия в центре перехвата, а не на перемычке.

Тип 2. (2 экз.) (рис. 14, 16) Рамчато-щитковая с двумя штырьками для крепления к ремню и отверстием для язычка.

Тип 3. (2 экз.) (рис. 12, 16) Лировидная, орнаментированная насечками.

Тип 4. (1 экз.) (рис. 16) Восьмеркообразная с простым перехватом и широкой приемной обоймой.

Тип 5. (2 экз.) (рис. 16) Квадратная литая рамчатая, орнаментированная насечкой.

Тип 6 (1 экз.) (рис. 13) Арочная полукруглая в сечении.

Пряжки типов 1, 3, 5 бытовали в XI–XIII вв. на Мокше и Суре (Беляев, 1998. с. 99; Винничек, 2001. с.118). Пряжки 1 типа известны также на территории верхнекамских городищ и могильников вымской культуры, где датируются XI–XIII вв. (Руденко, 2001. с. 65).

Пряжки типа 2 характерны для памятников VIII–XI вв. (Полякова, 1996. с. 218).

Пряжки типа 4 встречаются на I Измерском селище в Татарии, в марийских могильниках, в Удмуртии, Новгороде, где датируются началом XI–XII вв. (Руденко, 2001. с. 65).

Кольца (7 экз.) (рис. 11, 14, 16) бронзовые овального и полукруглого сечения по окружности оформлены насечкой. Аналогичные кольца встречены в материалах мордвы XI - XIV вв. (Петербургский, Первушкин, 1992. С.89. Табл. III, 7; Беляев, 1998. с. 106. Рис. 47, 9).

Глиняная посуда представлена как целыми изделиями, так и отдельными фрагментами.

Среди фрагментов встречается лепная и круговая посуда с преобладанием последней.

Для лепной посуды характерна тщательная выделка, иногда с лощением, с подправкой на гончарном круге. По форме выделяют-

ся горшковидные и баночные сосуды, бурого и грязно-коричневого цвета, с примесью крупного песка и шамота. Отдельные фрагменты лепной посуды и четыре целых сосуда (рис. 15, 17) имитируют формы круговой посуды и наоборот некоторые круговые сосуды повторяют традиционные лепные формы. Отличительной чертой целых баночных форм является двустороннее лощение поверхности. При этом если большинству фрагментов керамики и лепным сосудам присущ бурый цвет, то эти два сосуда имеют серый цвет.

Круговая посуда представлена как хорошо, так и плохо обожженными сосудами различного цвета: от желтого до коричнево-красного. Среди них по профилировке выделяются две группы: округлобокие с плавным переходом от шейки к тулову и с резким переходом от шейки к тулову, а также сосуды с ребром на самом тулове (Расторопов, 1994. с. 10-12).

По форме целых сосудов можно выделить следующие типы посуды.

Тип 1. (5 экз.) Горшковидные. Сделаны из хорошо отмученного теста. Стенки сосудов слабопрофилированы, шейка выражена слабо. Верхний край либо округлый и отогнут, либо заострен и слабо отогнут. Два сосуда имеют линейный орнамент на горле и схожи по многим параметрам, что предполагает изготовление их одним мастером. Еще на одном сосуде поверхность покрыта красной обмазкой и залощена.

Тип 2. (2 экз.) Баночные. Из хорошего теста, коричневого цвета. У одного в верхней трети высоты имеется резкий переход от тулова к горлу. У другого венчик с наружным валиком. Эти детали несколько отличают сосуды от традиционных лепных баночных сосудов.

Тип 3. (2 экз.) Мисковидные. Из запеченного теста, коричневого цвета с горизонтальным лощением и ребром на тулове, с утолщенным венчиком. Характерно наличие на поверхности следов нагара.

Лепная посуда характерна для мордвы рубежа I–II тыс. н.э. Круговая посуда аналогична керамике памятников с ККГП XI–XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (Белорыбкин, 2003). Наряду с этим выделяется ряд местных форм объединяющих традиции лепной и круговой посуды. В целом подобная же картина наблюдается в домонгольских материалах Кельгининского могильника (Беляев, 1998).

Льячки (4 экз.) (рис. 17) имеют форму в виде глиняных ковшиков с еле заметным сливом и втульчатой ручкой. Подобные льячки найдены в могильниках финнов Поволжья, датируются, в основном, XI - XIV вв. (Архипов, 1984. С.30; Беляев, 1988. с. 115. табл. VII, 15).

Исследование могильника «Татарская Лака II» позволяет сделать следующие выводы. Могильник датируется XI–XIII вв. Основной период функционирования связан с домонгольским временем, хотя встречаются и золотоордынские предметы. Погребальный обряд характерен для мордвы-мокши. Мужчин хоронили, как правило, в вытянутом положении, женщин в скорченном.

Погребальный инвентарь свидетельствует о разнообразии материальной культуры населения. С одной стороны это традиционные мордовские изделия, с другой стороны появилось множество гибридных изделий. Это посуда, предметы вооружения и орудия труда. Наряду с этим встречаются привозные вещи из Руси и Волжской Булгарии. На появление и распространение среди мордвы в этот период некоторых орудий труда и моды на плетеные браслеты, мог оказать влияние процесс колонизации Волжской Булгарией Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья.

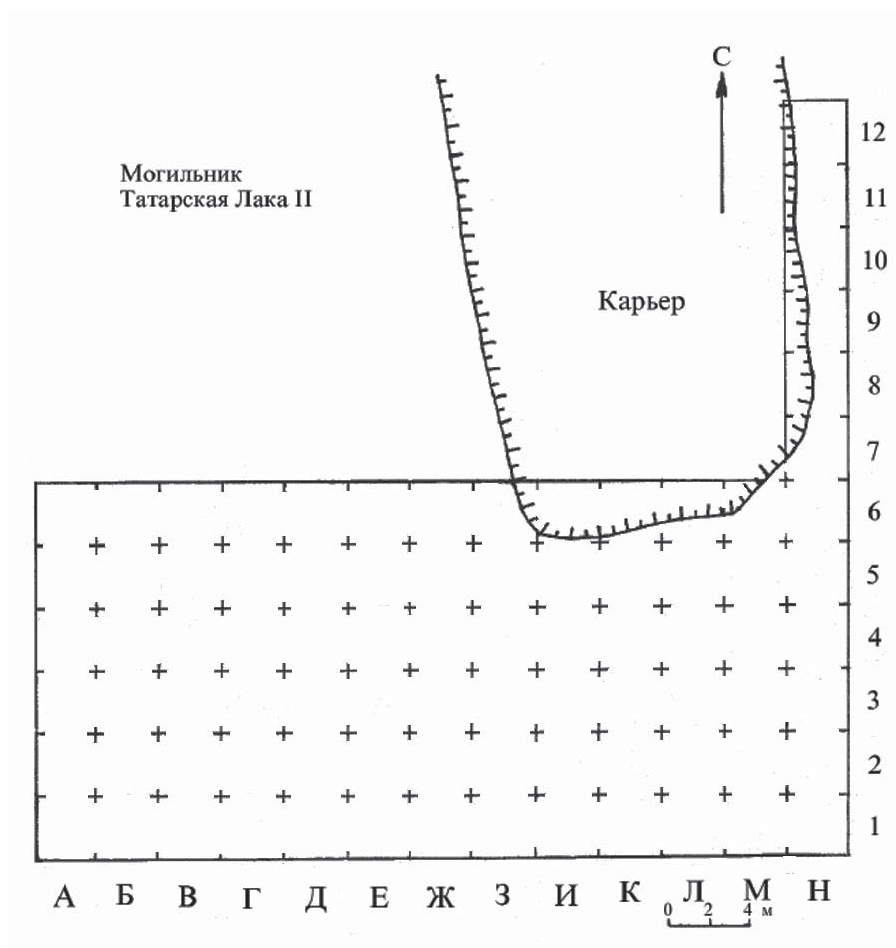

Рис. 1. Раскоп 2 могильника «Татарская Лака II»

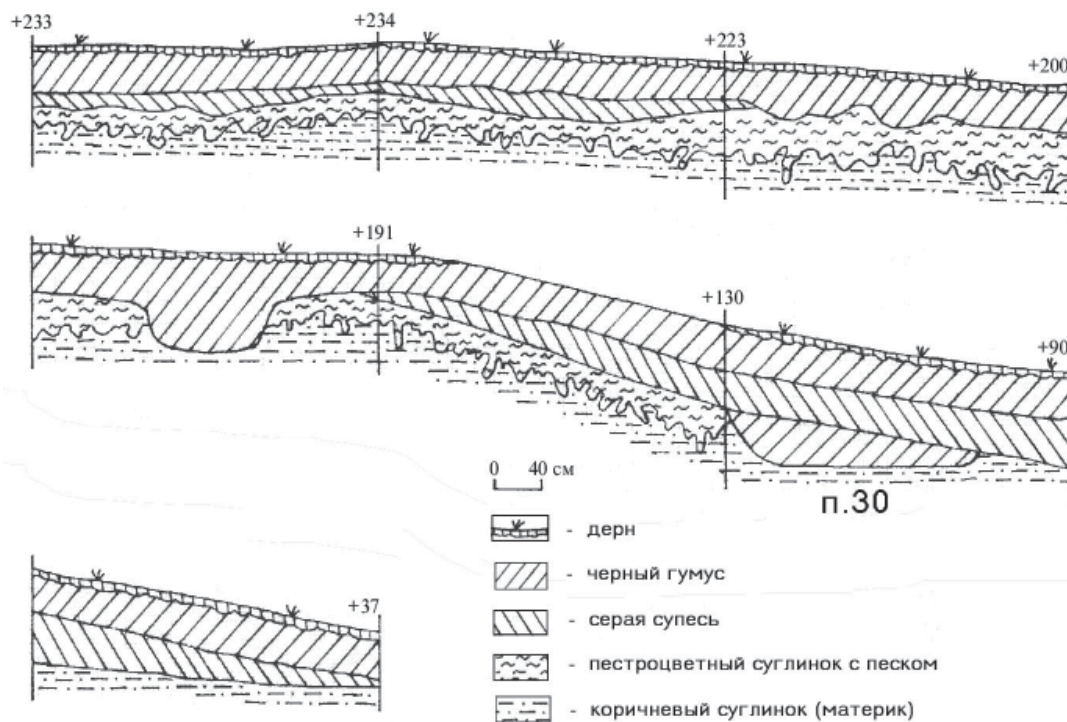

Рис. 2. Стратиграфия раскопа 2 могильника «Татарская Лака II»

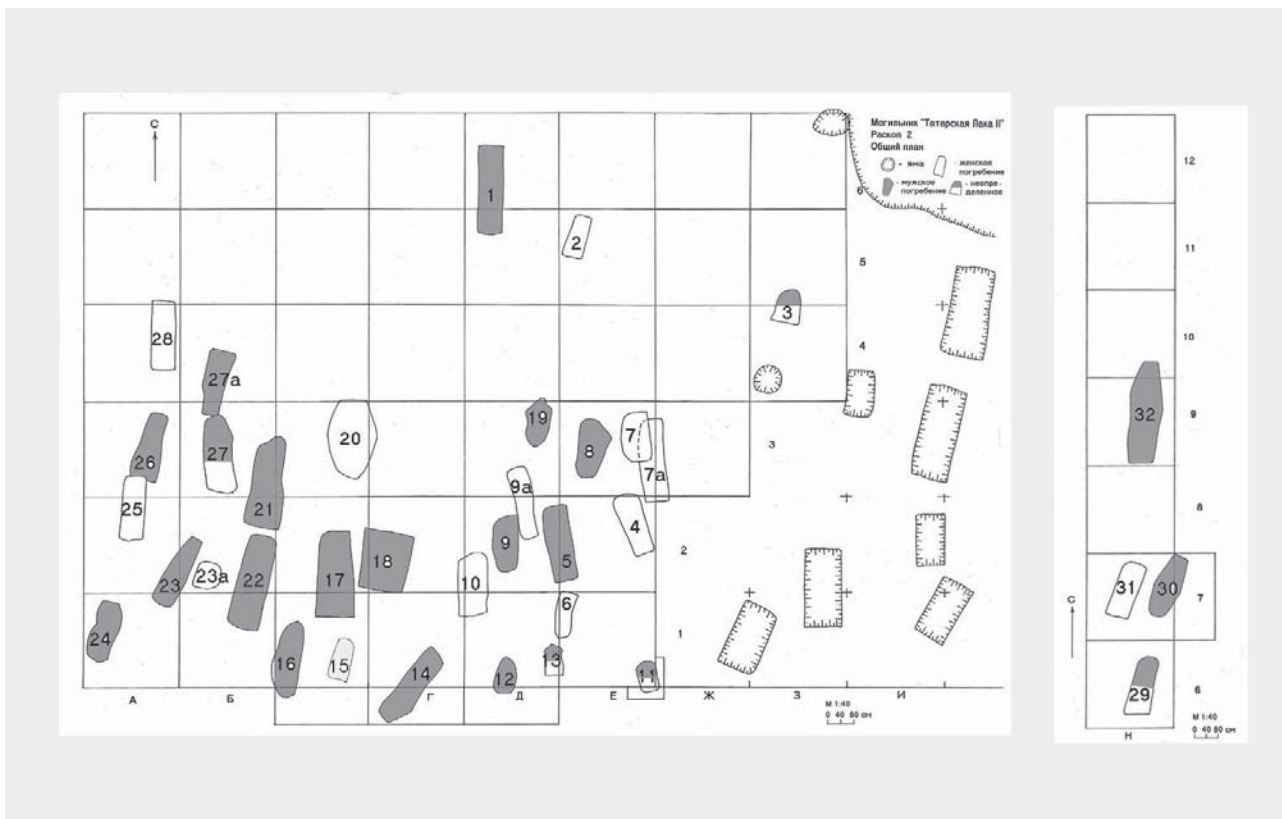

Рис. 3. План раскопа 2 могильника «Татарская Лака II»

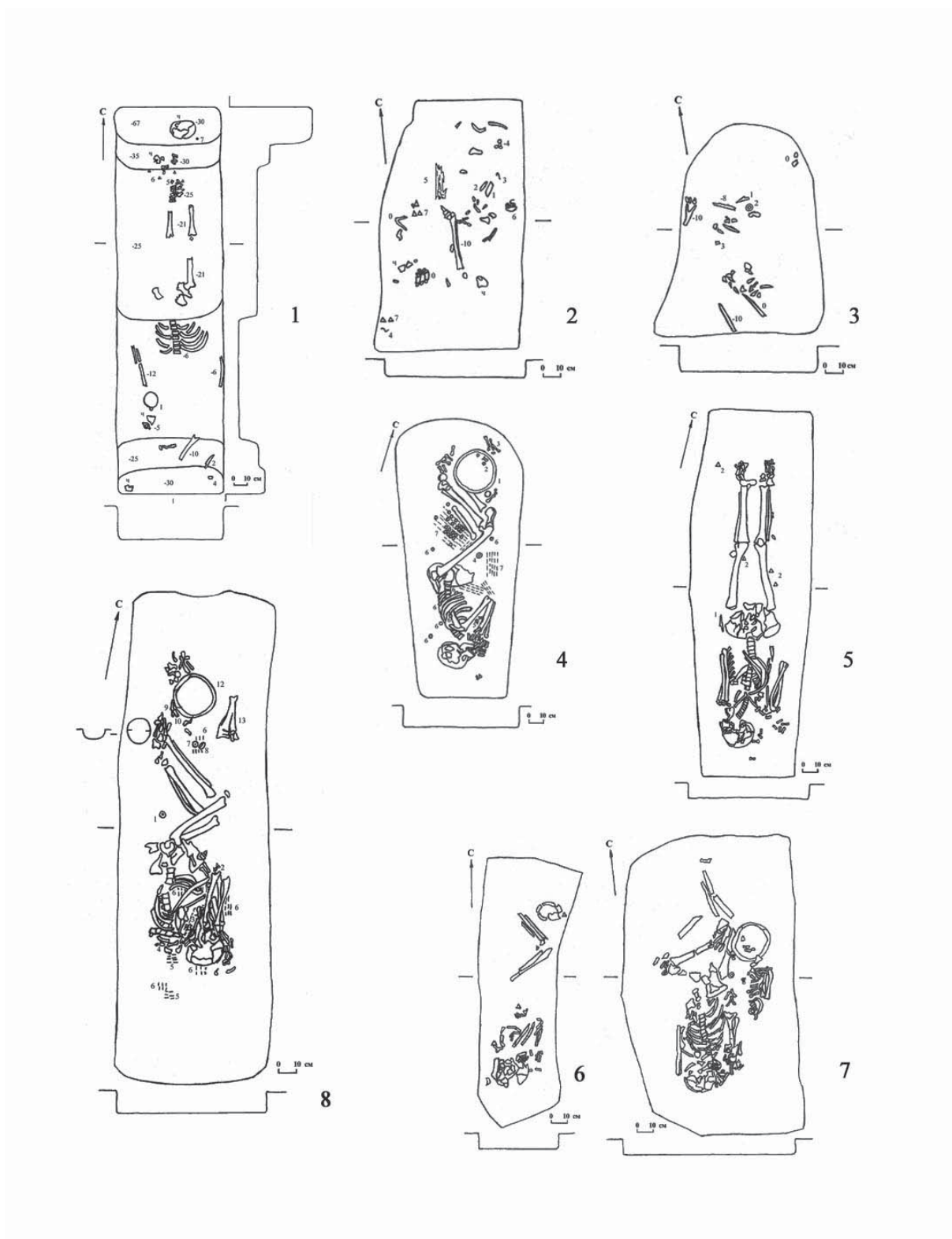

Рис. 4. Могильник «Татарская Лака II». Планы погребений: 1-п.1, 2-п.2, 3-п.3, 4-п.4, 5-п.5, 6-п.6, 7-п.7, 8-п.7а

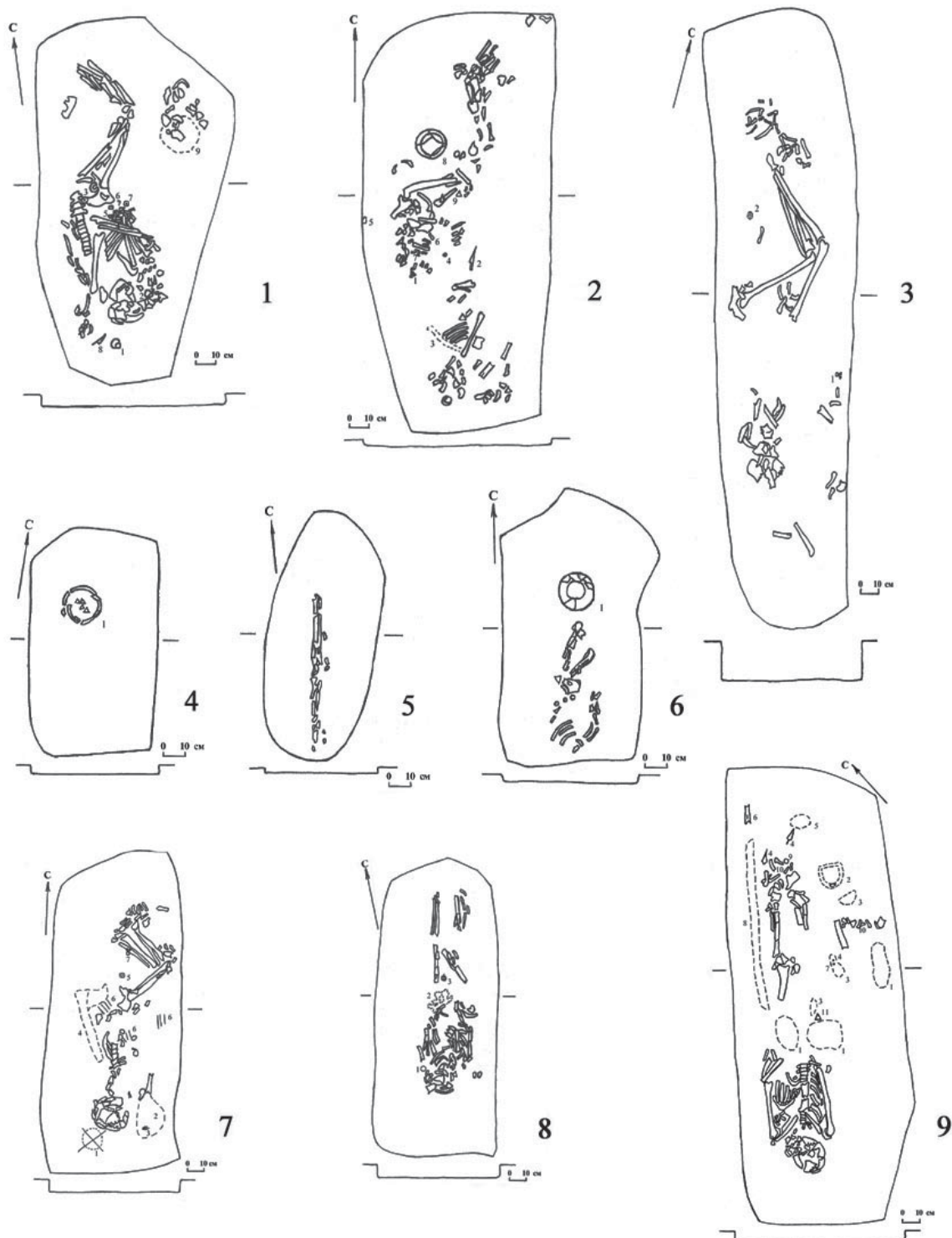

Рис. 5. Могильник «Татарская Лака II». Планы погребений: 1-п.8, 2-п.9, 3-п.9а, 4-п.11, 5-п.12, 6-п.13, 7-п.10, 8-п.15, 9-п.14

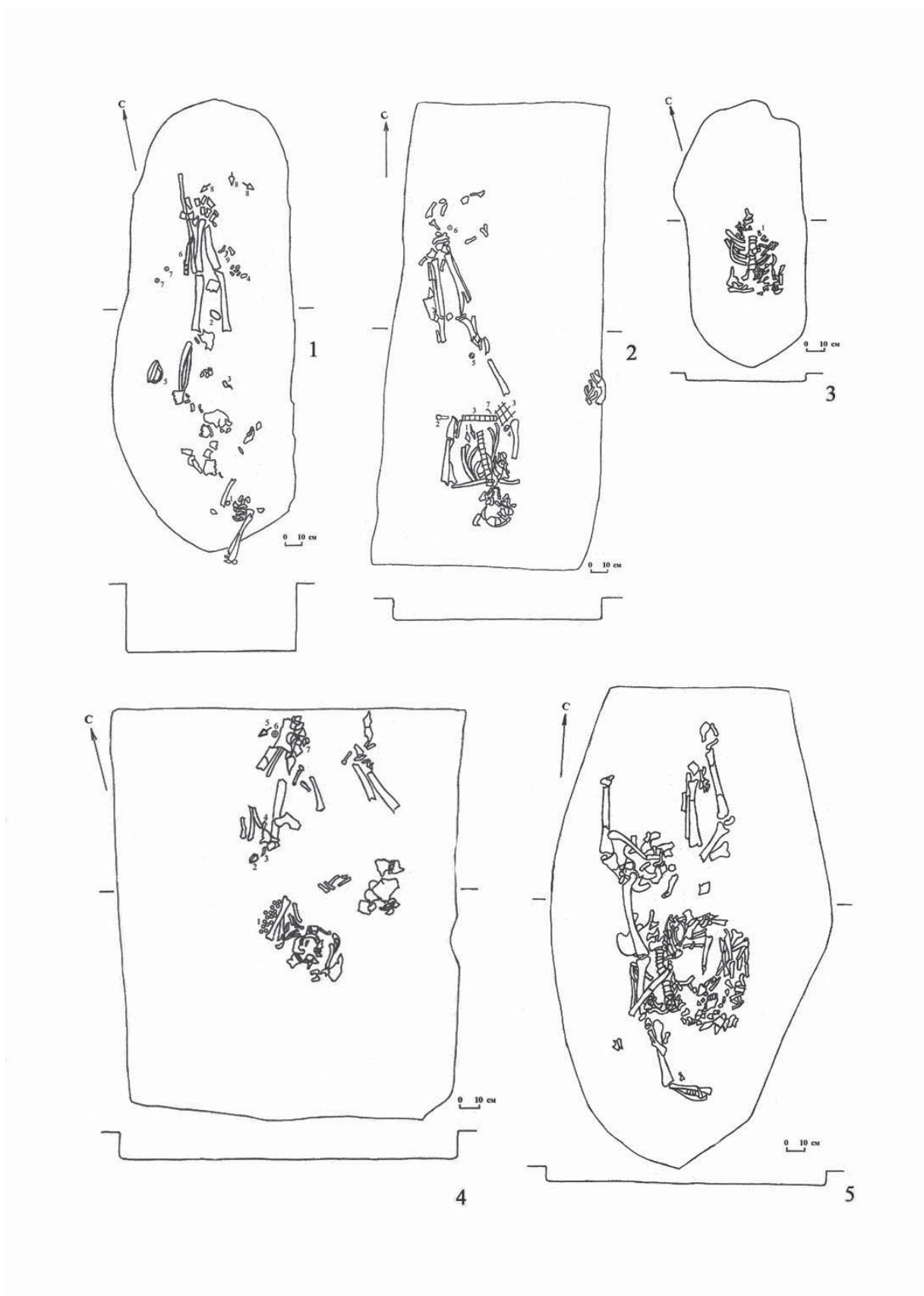

Рис. 6. Могильник «Татарская Лака II». Планы погребений: 1-п.16, 2-п.17, 3-п.19, 4-п.18, 5-п.20

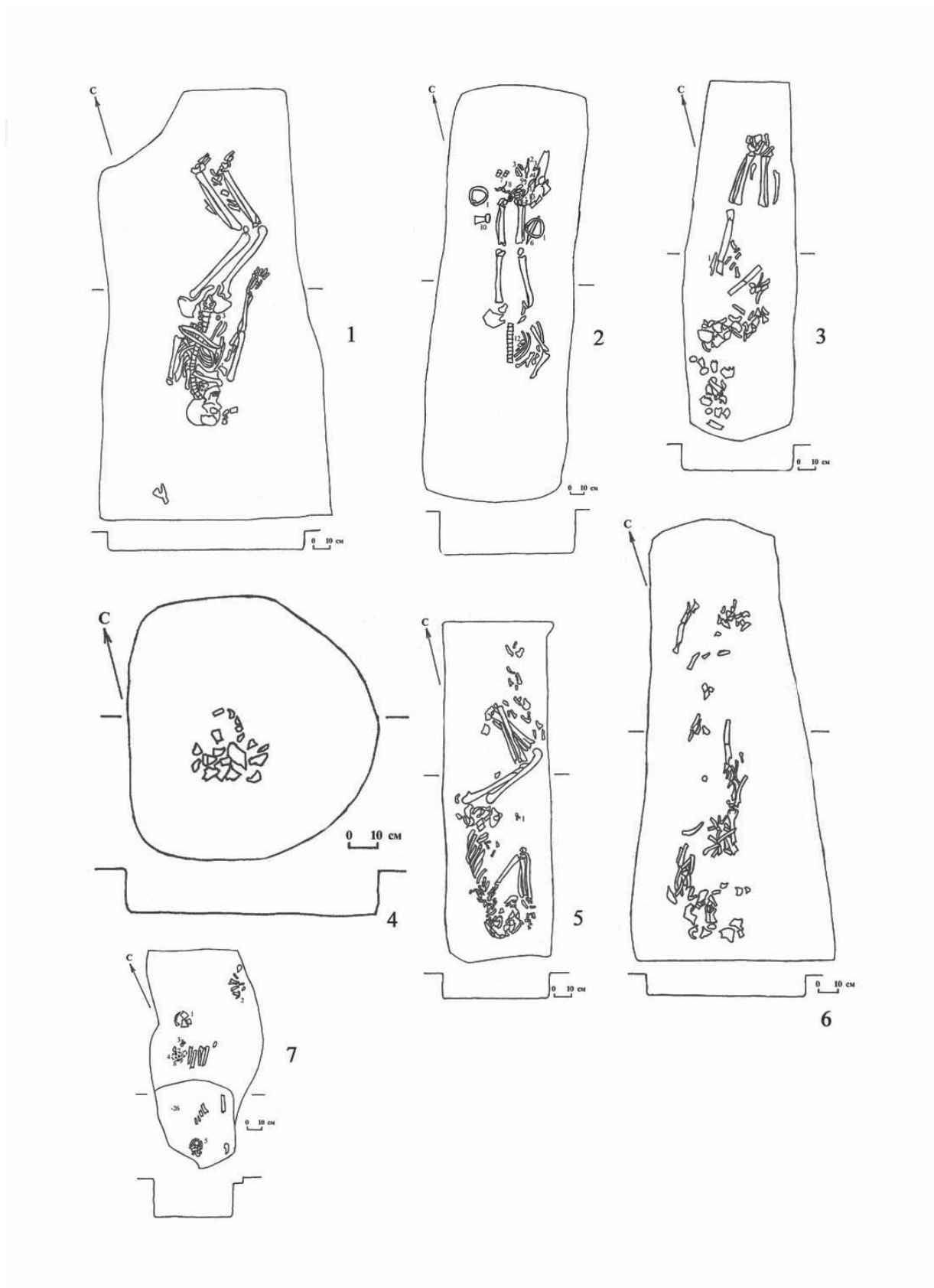

Рис. 7. Могильник «Татарская Лака II». Планы погребений: 1-п.21, 2-п.22, 3-п.23, 4-п.23а, 5-п.25, 6-п.26, 7-п.24

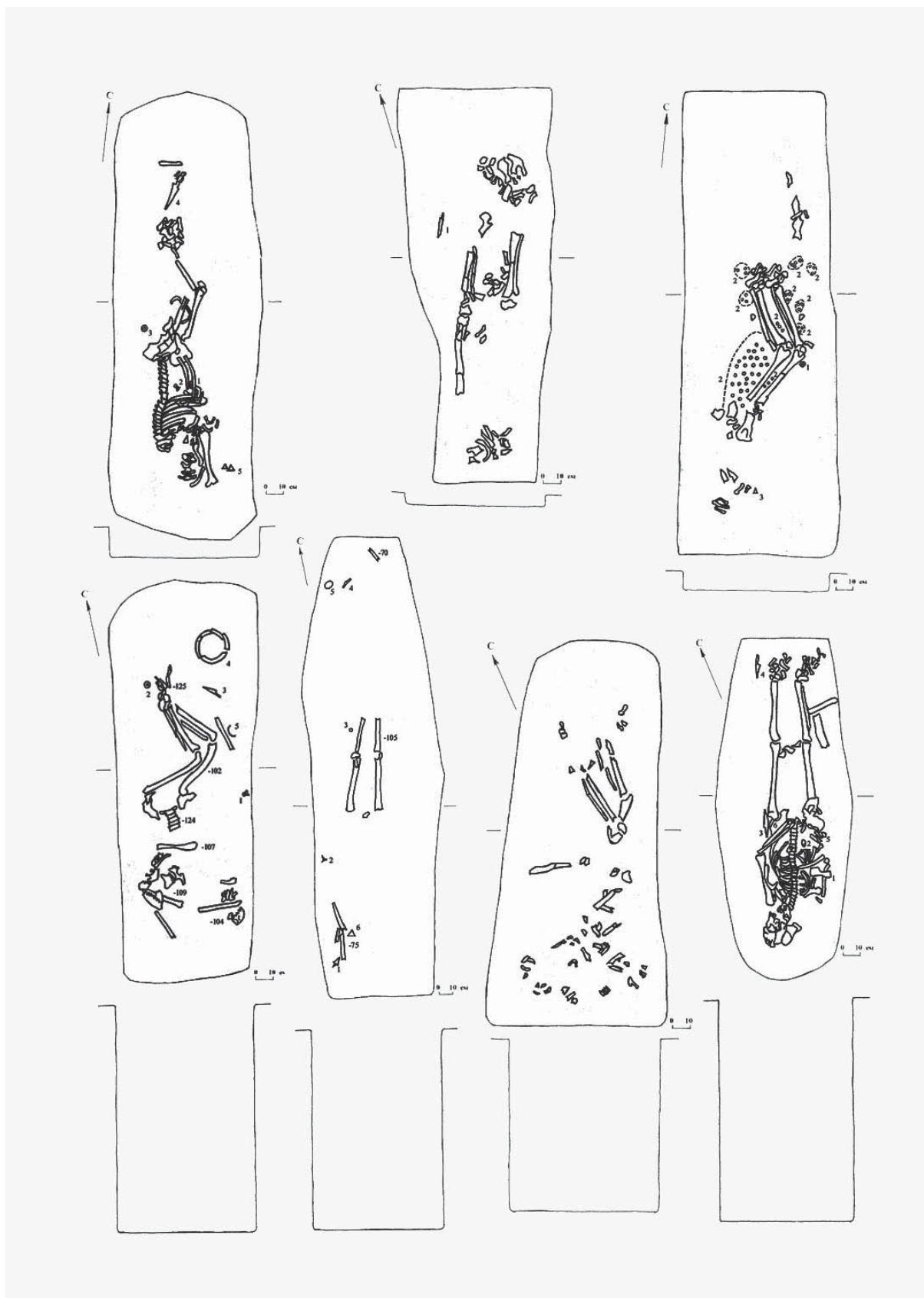

Рис. 8. Могильник «Татарская Лака II». Планы погребений: 1-п.27, 2-п.27а, 3-п.28, 4-п.31, 5-п.32, 6-п.29, 7-п.30

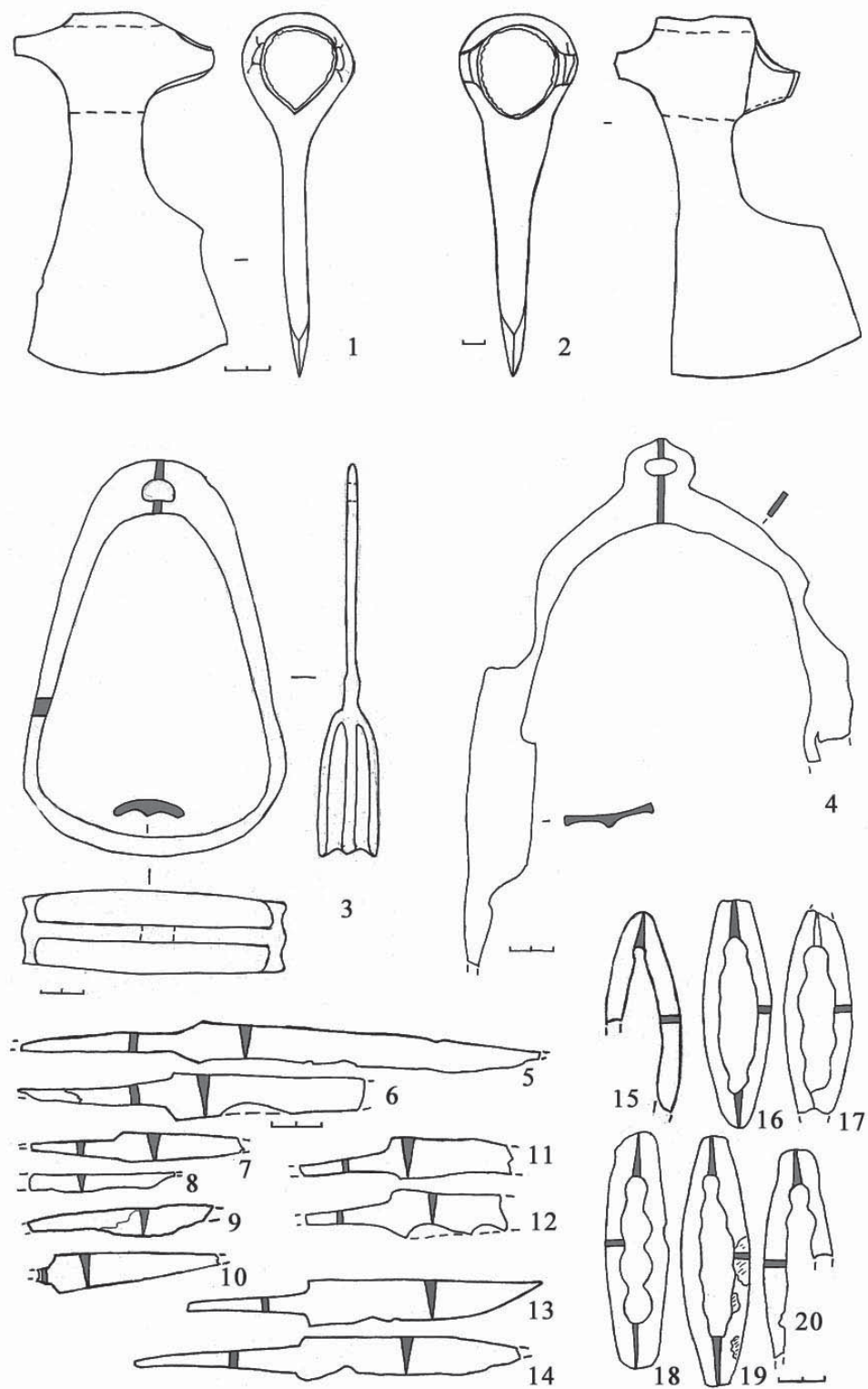

Рис. 9. Могильник «Татарская Лака II». Подъемный материал. Железные предметы: 1, 2 – топоры, 3, 4 – стремена, 5-14 – ножи, 15-20 – кресала

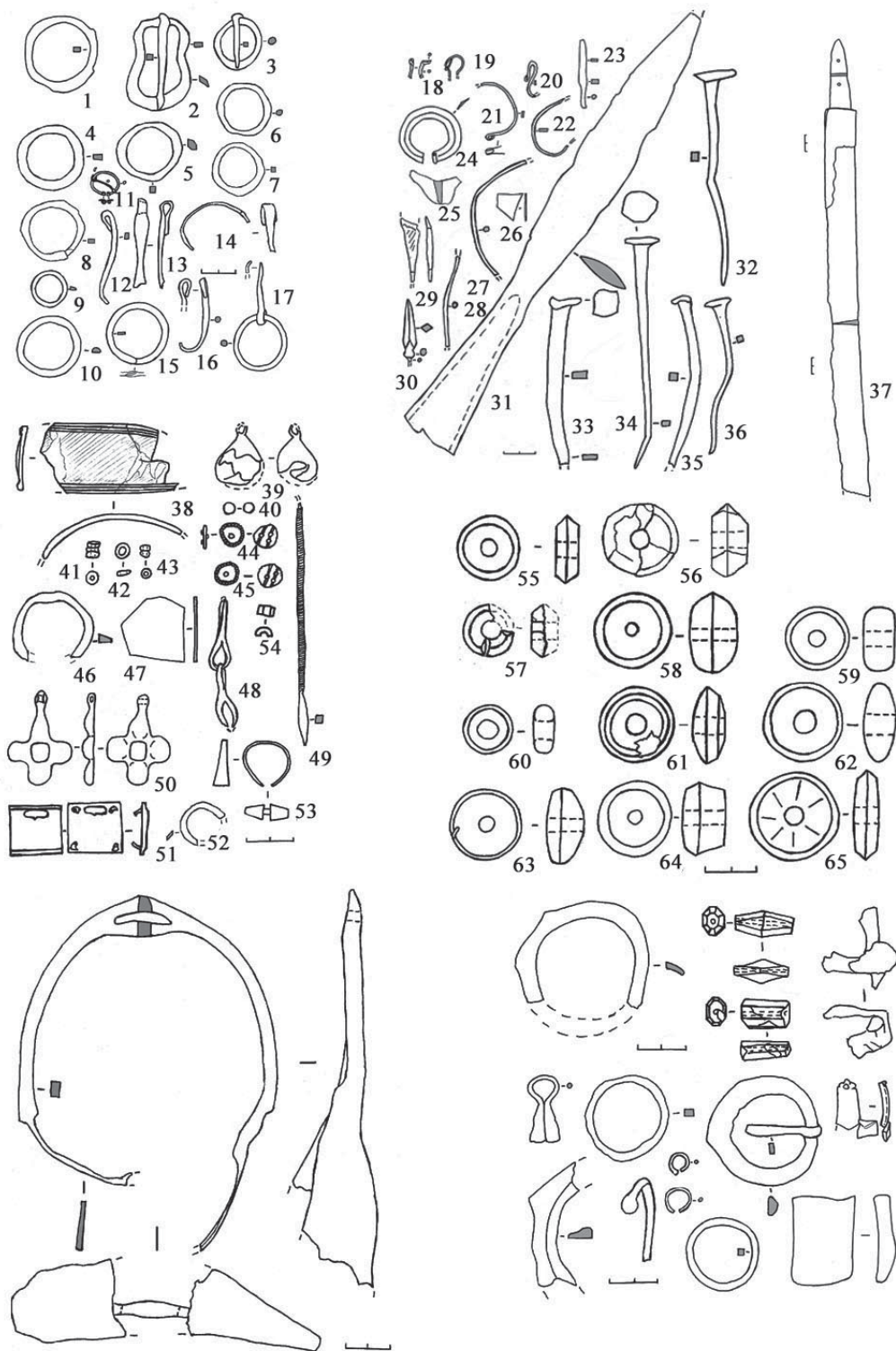

Рис. 10. Могильник «Татарская Лака II». Подъемный материал. 1, 4-10, 15- кольца, 2, 3, 17- пряжки, 11, 19 - сюлгамы, 12, 13 - крюки, 14, 21, 22 - хомутик, 16 - крючок, 18, 20, 25, 27-29 - предмет, 23 - шило, 24 - фибула, 26, 46 - фр-т стекла, 30 - наконечник стрелы, 31 - наконечник копья, 32-36 - гвозди, 37 - сабля. 38 - браслет, 39, 40 - бубенчики, 41-43 - бисер, 44, 45 - бляшки, 46, 52 - кольцо, 48 - цепочка, 49 - подвеска височная, 50 - подвеска крестовидная, 51 - накладка, 53 - перстень, 54 - бусина, 55-65 - пряслица. 1-10, 12-17, 18, 21-23, 25, 27-37, 46, 52, 55 - железо, 11, 19, 24, 38-40, 48-51, 53 - бронза, 41-43, 47, 54 - стекло, 44, 45 - олово-свинец, 55, 56, 58, 61, 64 - глина, 57, 59, 60, 62, 63, 65 - шифер

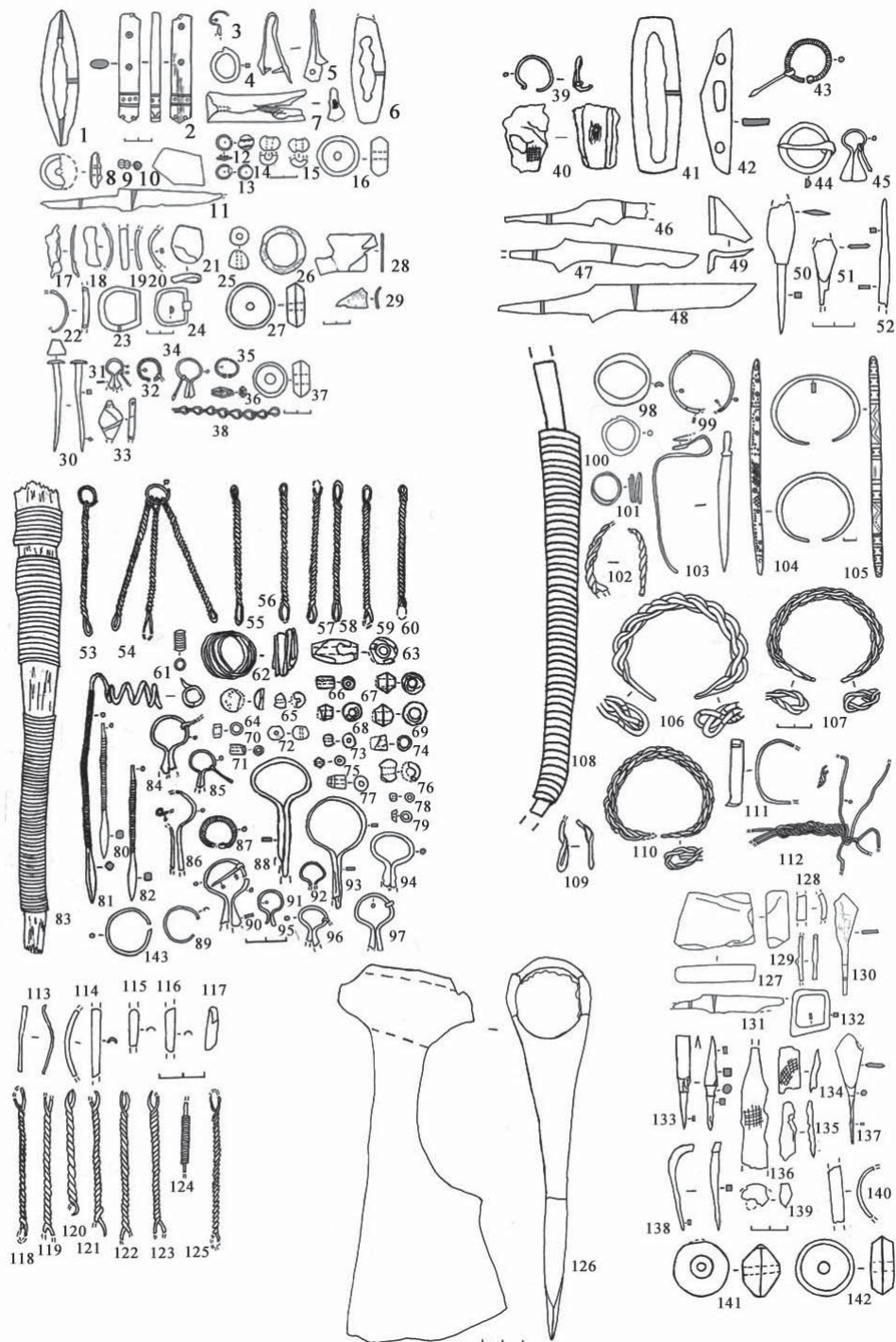

Рис. 11. Могильник «Татарская Лака II». Раскоп 2 (1-52), квадрат Н-10 (53-142). 1, 6 - кресала, 2, 7 - ручки ножа, 3, 31, 32, 34, 35, 43, 45, 84-88, 90-97 - сюлгамы, 4, 26 - кольца, 5 - петля нагайки, 8, 16, 27, 37, 139, 141, 142 - пряслице, 9, 70, 71, 75, 78, 79 - бисер, 10, 49 - фр-т стекла, 11, 131 - нож, 12, 13 - бляшки, 14, 15, 25, 36, 63, 65-69, 73, 74, 76, 77 - бусы, 17-20, 22 - обкладки, 21 - лоцило, 23, 24, 44, 132 - пряжки, 28, 29, 81, 113-117 - пластины, 30 - гвоздь, 33 - подвеска, 38 - цепочка, 39, 142 - серьги, 40, 128, 129, 134-136, 138 - предметы, 41 - кресало, 42 - накладка, 46-48 - ножи, 50-51, 130, 133, 137 - наконечники стрел, 52 - шило, 53-60, 118-123, 125 - подвески проволочные, 61 - пронизка, 62, 101 - перстень, 64 - вставка в перстень, 80-82, 124 - подвески височные, 83, 108 - пулокерь, 98, 100 - кольца, 99, 102-107, 109-112 - браслеты, 126 - топор, 127 - оселок, 140 - хомутик. 1, 4-6, 11, 17-20, 22-24, 26, 28-30, 40, 41, 44, 46-48, 50-52, 111, 126, 128-138, 140 - железо, 2, 7, 42 - кость, 3, 31, 32, 34, 35, 43, 45, 53-62, 80-96, 98-105, 107-110, 112-125, - бронза, 8, 16, 27, 141, 142 - глина, 9, 10, 14, 15, 49, 64-79 - стекло, 12, 13 - олово-свинец, 21, 117 - камень, 25, 33 - голубой камень, 36 - сердолик, 37, 139 - шифер, 38, 39, 106, 142 - серебро, 63 - гагат.

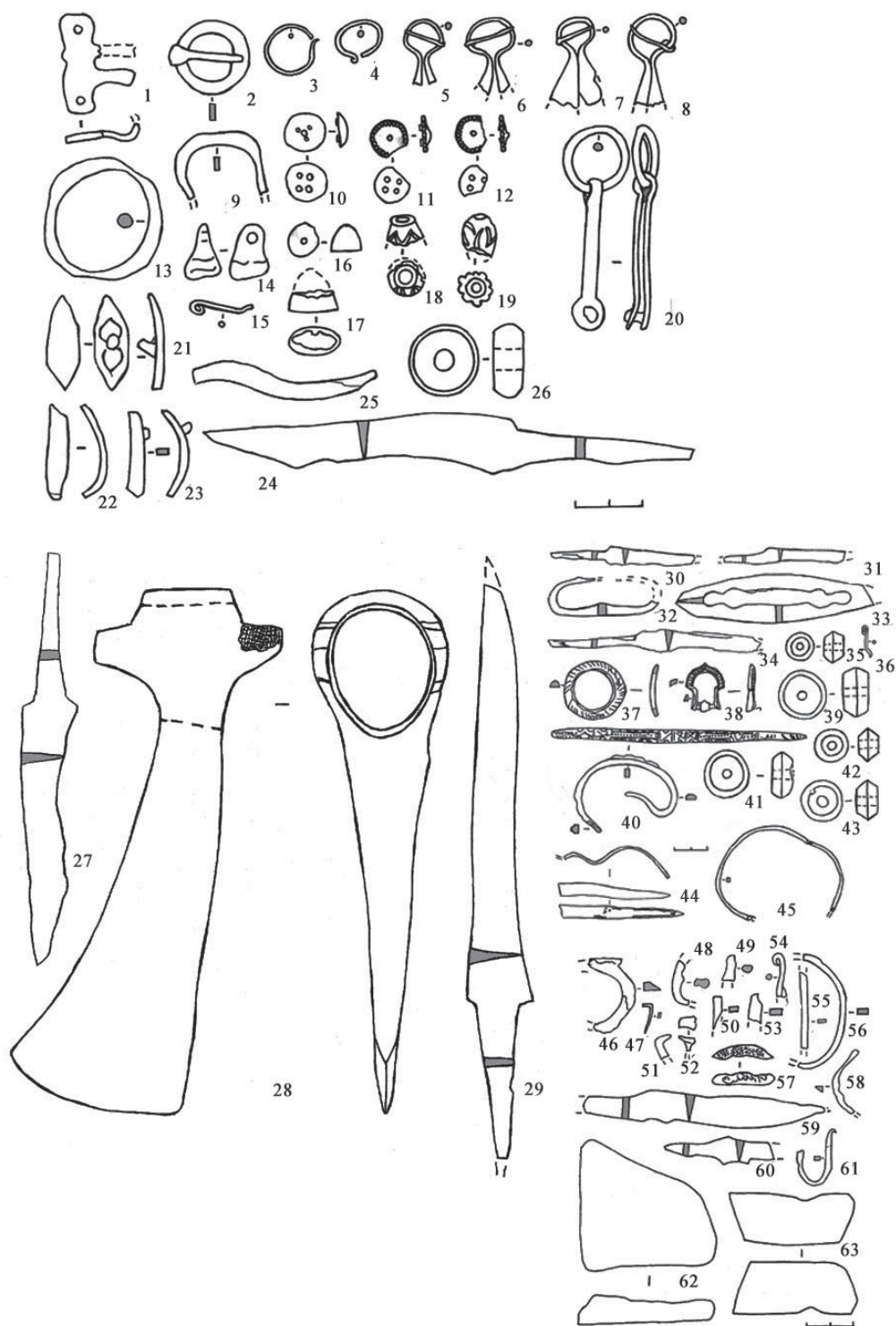

Рис. 12. Могильник «Татарская Лака II». Раскоп 2 (1-26), квадрат Н-12 (27-63). 1, 21-23 - накладки, 2, 9, 15, 36, 38, 46 - пряжки, 3, 4 - серьги, 5-8 - сьюлгамы, 10-12 - бляшки, 14 - амулет, 16-19 - бусы, 20 - петля нагайки, 24, 27, 29-31, 34, 59, 60 - ножи, 25, 48-50, 53, 54, 57, 58, 61 - предметы, 26, 35, 39, 41-43 - пряслица, 28 - топор, 32, 33 - кресала, 35 - кольцо, 40, 44, 45 - браслеты, 47, 51, 52 - гвозди, 55, 56 - пластины, 62, 63 - оселки. 1-2, 9, 13, 15, 20-25, 27-29, 32, 33, 39, 46-61 - железо, 3, 4, 16, 17 - серебро, 14 - кость, 5-8, 37, 38, 40, 44, 45 - бронза, 10-12 - олово-свинец, 18, 19, 35, 39, 41, 42 - глина, 26, 43 - шифер, 62, 63 - камень.

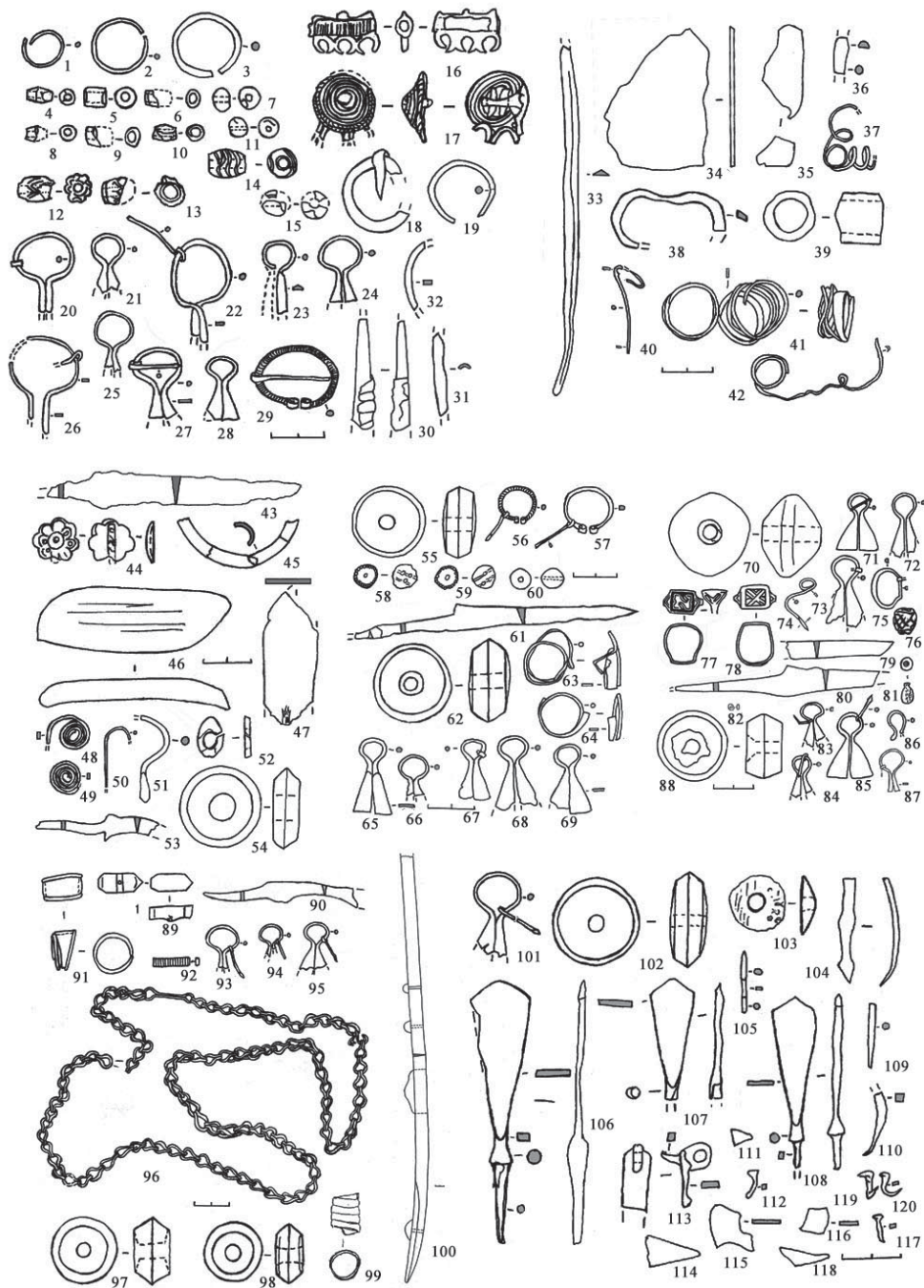

Рис. 13. Могильник «Татарская Лака II». Раскоп 2. Квадрат Н-12 (1-42), погребение 1 (43-45), погребение 2 (46-51), погребение 3 (52-54), погребение 4 (55-59), погребение 5 (60), погребение 7 (61-69), погребение 7а (89-99), погребение 8 (70-79), погребение 9 (80-88), погребение 10 (101-102), погребение 14 (103-120), погребение 16 (100). 1-3 - серьги, 4-15, 60, 76, 81 - бусы, 16, 17 - щитки украшений, 18, 38, 75 - пряжки, 19 - кольцо, 20-29, 51, 56, 57, 65-69, 71-74, 83-87, 93-95, 101 - сюлгамы, 30 - подвеска конусовидная, 31, 32, 34, 111, 114-116, 118 - пластины, 33 - брусок, 35, 36 - предметы, 37, 40-42, 48-50 - проволока, 39 - обойма, 43, 53, 61, 79, 80, 90 - ножи, 44, 47 - накладки, 45 - оковка, 46 - оселок, 52 - перекрестье, 54, 55, 62, 70, 88, 97, 98, 102 - пряслица, 58, 59 - бляшки, 63, 64, 77, 78, 91 - перстни, 82 - бисер, 89 - затыльник ручки ножа, 92 - пронизка, 96 - цепочка, 99 - фр-т пулокери, 100 - отпечаток в глине сабли в ножнах, 103 - пуговица, 104, 113 - обойма ножен, 105, 109 - шилья, 106-108 - наконечники стрел, 110, 112, 117, 119-120 - гвозди. 1, 16, 17, 20-31, 33, 37, 40-42, 44, 48-51, 56, 57, 63-69, 71-75, 83-87, 91-95, 99, 101 - бронза, 2, 3, 45, 77, 78, 96 - серебро, 4-15, 60, 76, 82 - стекло, 18, 19, 32, 34-36, 38, 39, 43, 47, 53, 61, 79, 80, 90, 104-120 - железо, 46, 81 - камень, 52, 70, 89, 103 - кость, 54, 55, 62, 88, 97, 98, 102 - глина, 58, 59 - олово-свинец, 100 - железная окалина.

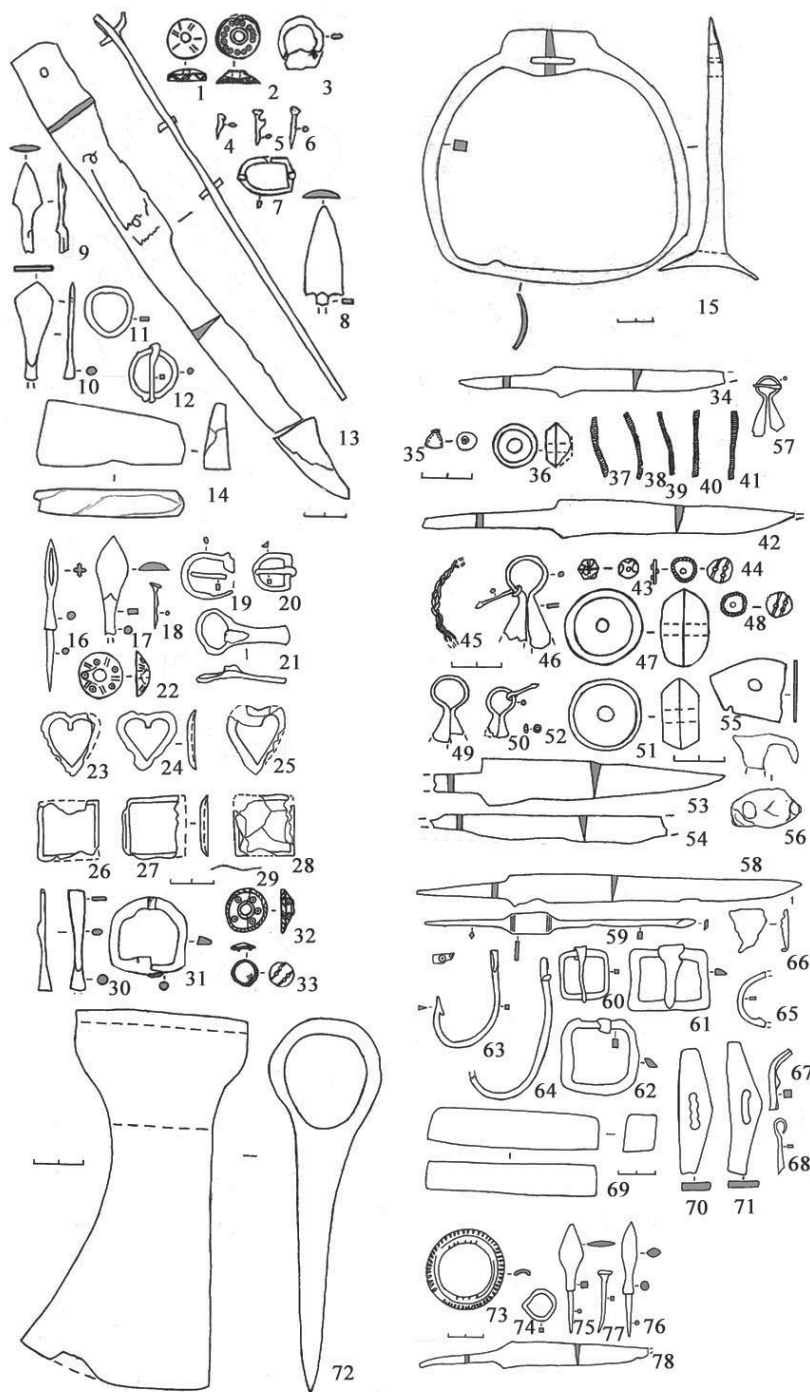

Рис. 14. Могильник «Татарская Лака II». Погребальный инвентарь. Раскоп 2. Погребение 15 (11, 12), погребение 16 (1-10, 13-15), Погребение 17 (16-29), погребение 18 (30-33), погребение 19 (57), погребение 21 (34-41), погребение 22 (58-72), погребение 23 (42), погребение 24 (43-46, 55, 56), погребение 25 (49), погребение 27 (50-53), погребение 27а (54), погребение 28 (47, 48), погребение 32 (73-78). 1, 2, 22, 32 - пуговицы, 3, 7, 11, 12, 19-21, 31, 60-61- пряжки, 4-6, 18, 77- гвозди, 8-10, 16, 17, 30, 75, 76 - наконечники стрел, 13 - нож боевой, 14, 69- оселок, 15 - стремя, - 23-28 - накладки, 29 - нитка, 33, 43, 44, 48 - бляшки, 34, 42, 53, 54, 58- ножи, 35, 43 - бусы, 36, 47, 51 - пряслица, 37-41 - проволока, 45 - браслет, 46, 49, 50, 57 - стюлгамы, 52 - бисер, 55 - пластина, 56, 65-68 - предмет, 59 - сверло, 63-64 - крючки рыболовные, 70, 71 - накладки, 72 - топор, 73 - кольцо. 1, 2, 22, 32, 70, 71 - кость, 3-13, 15, 16-20, 30, 31, 34, 42, 53, 54, 56, 58-68, 72, 75-78 - железо, 14, 69 - камень, 21, 45, 46, 49, 50, 55, 57, 73, 74 - бронза, 23-28, 33, 44, 48 - олово-свинец, 29 - золото, 35, 37-41 - серебро, 36, 47, 51 - глина.

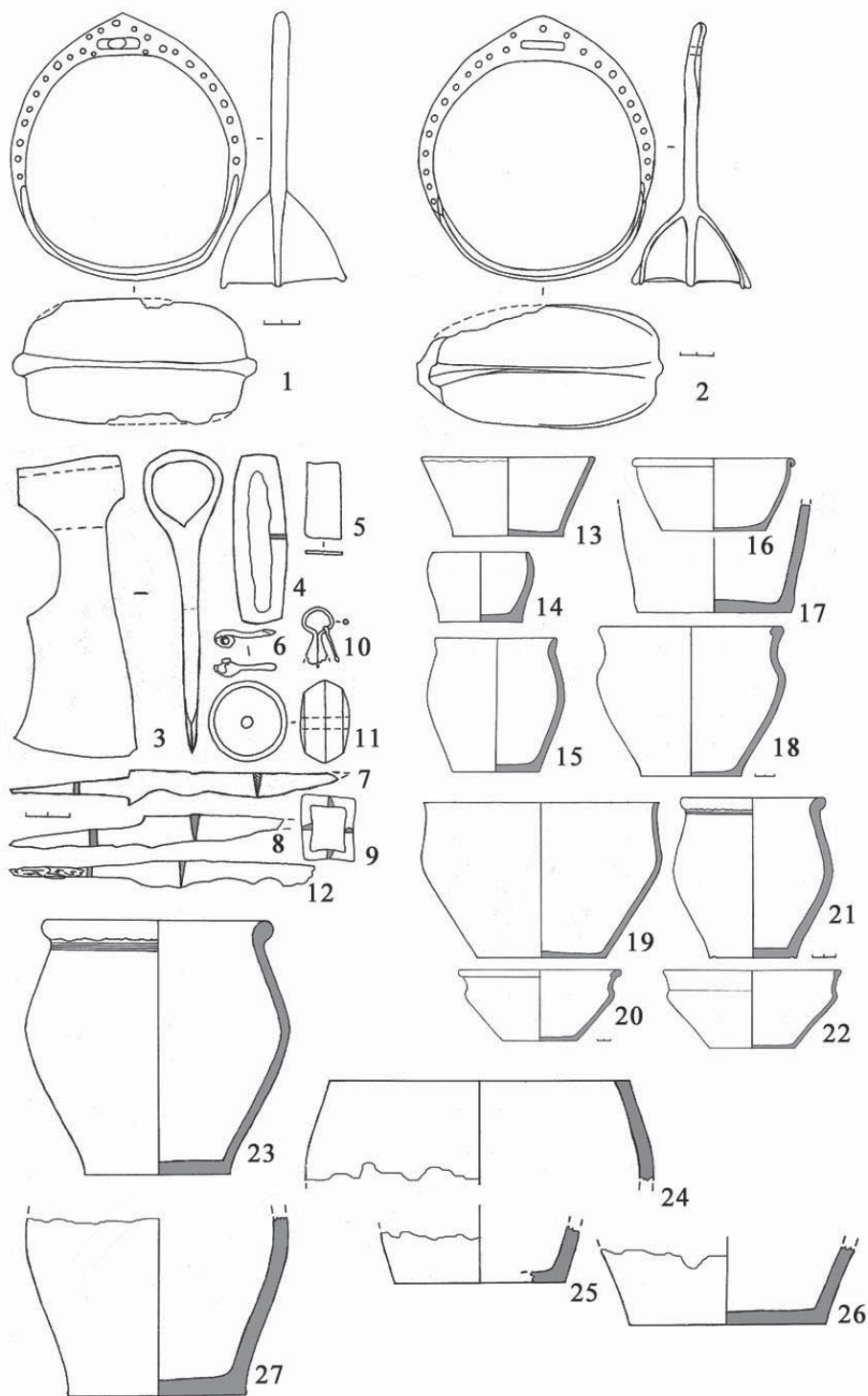

Рис. 15. Могильник «Татарская Лака II». Погребальный инвентарь. Раскоп 2. Погребение 1 (16), погребение 4 (20), погребение 6 (21), погребение 7 (22), погребение 7а (19), погребение 9 (23), погребение 10 (26), погребение 11 (17), погребение 13 (27), погребение 22 (1-2), погребение 24 (24-25), погребение 30 (3-9), погребение 31 (10-12, 18), культурный слой (13-15). 1, 2 – стремена, 3 – топор, 4 – кресало, 5 – пластина, 6, 9 – пряжка, 7, 8, 12 – ножи, 10 – сьулгана, 11 – пряслице, 13-27 – посуда круговая. 1-4, 6-9, 12 – железо, 5, 10 – бронза, 11, 13-27 – глина.

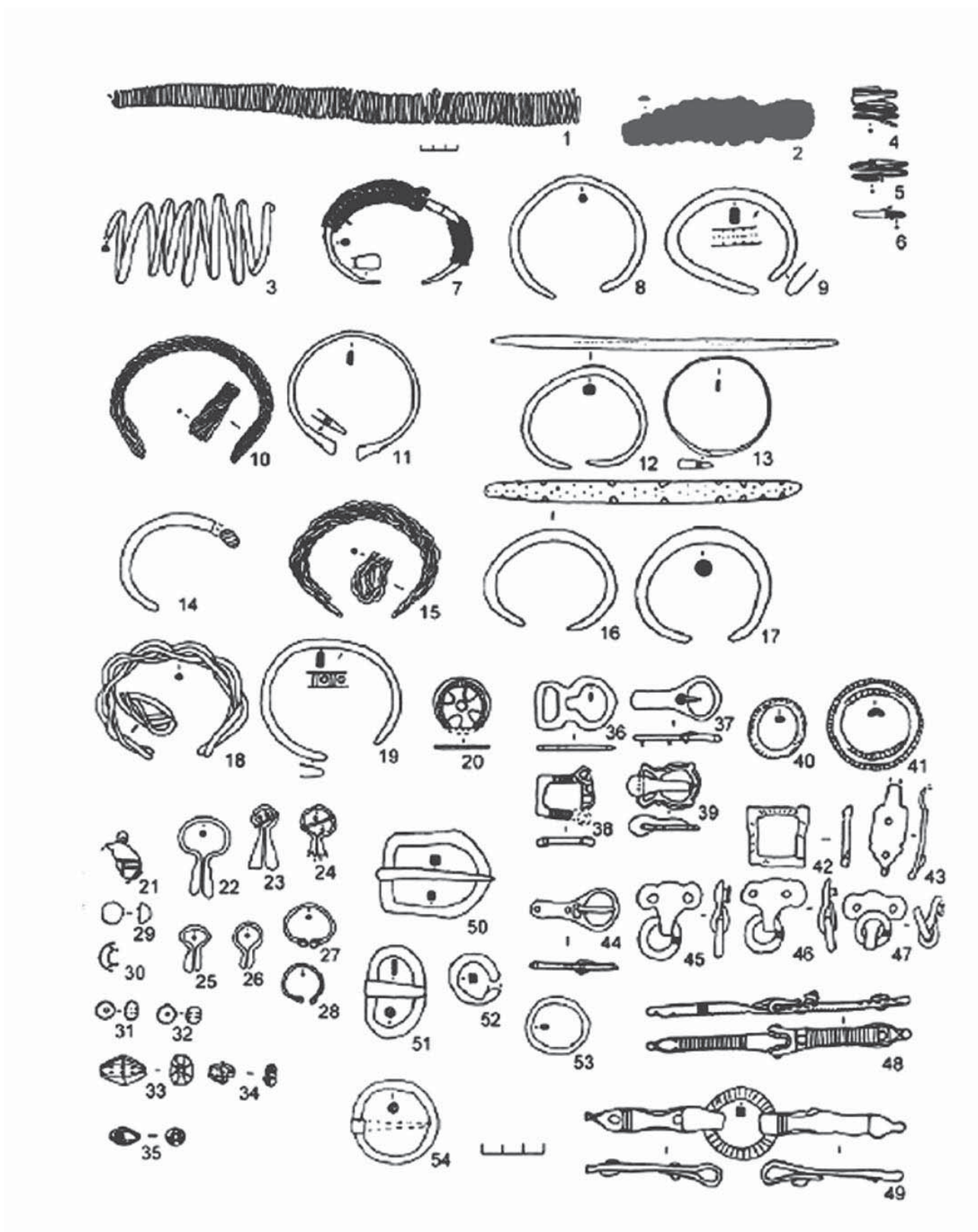

Рис. 16. Могильник «Татарская Лака II». Подъемный материал. 1-3 - пулокери, 4-6 - перетни, 7-19 - браслеты, 20 - подвеска, 21 - бубенчик, 22-28 - сюлгамы, 29 - накладка, 30-35 - бусы, 36-39, 42, 44, 50, 51, 54 - пряжки, 40, 41, 52, 53 - кольца, 43, 45-49 - накладки. 1-29, 36-42 - бронза, 30-32 - хрусталь, 33, 34 - янтарь, 35 - стекло, 43-54 - железо.

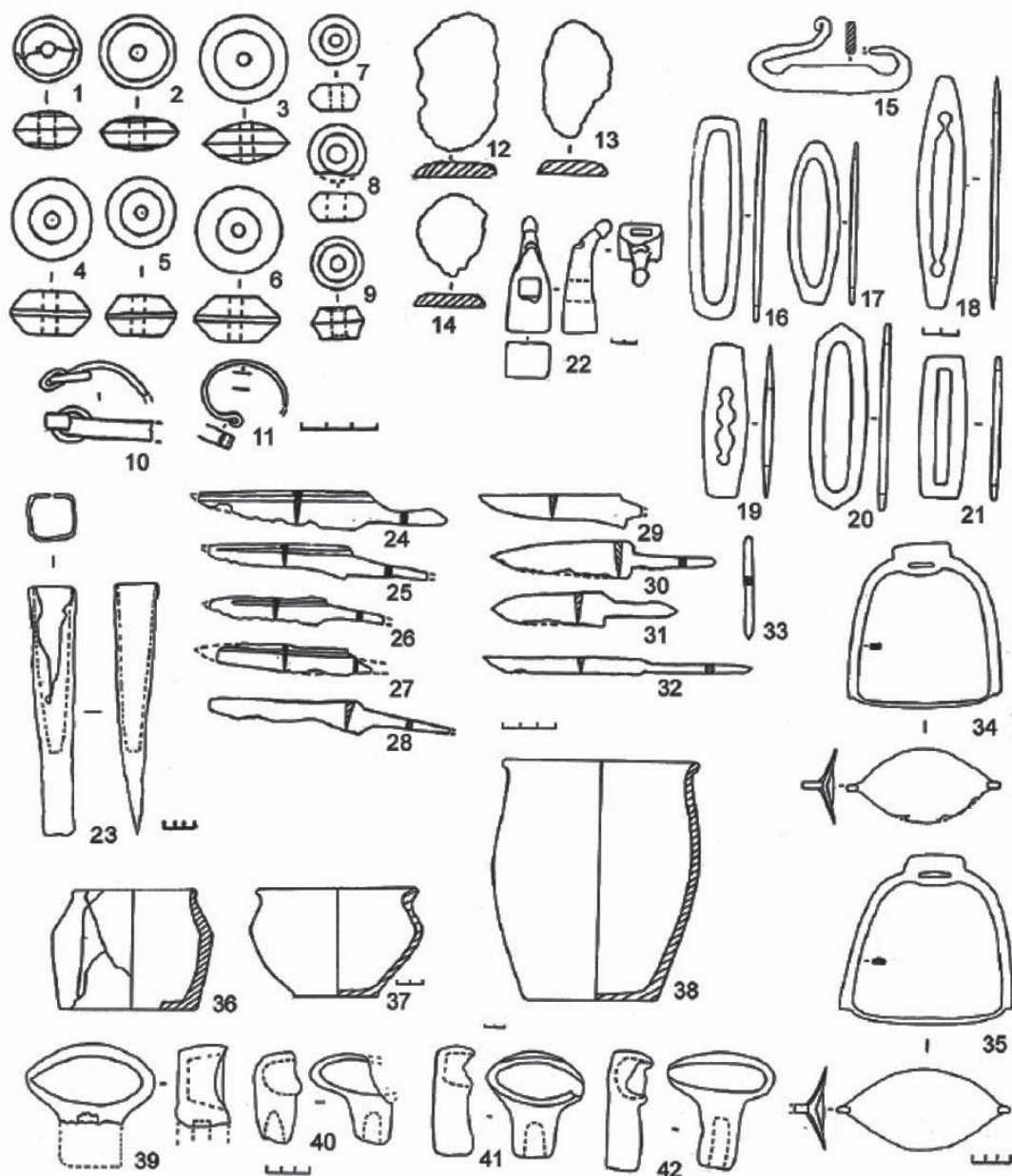

Рис. 17. Могильник «Татарская Лака II». Подъемный материал. 1-9 - пряслица, 10-11 - хомутики, 12-14 - слитки, 15-21 - кресала, 22 - молоточек, 23 - пешня, 24-32 - ножи, 33 - шило, 34-35 - стремена, 36-38 - сосуды, 39-42 - льячки. 1-6, 36-42 - глина, 7-9 - шифер, 10, 11, 15-35 - железо, 12-14 - свинец.

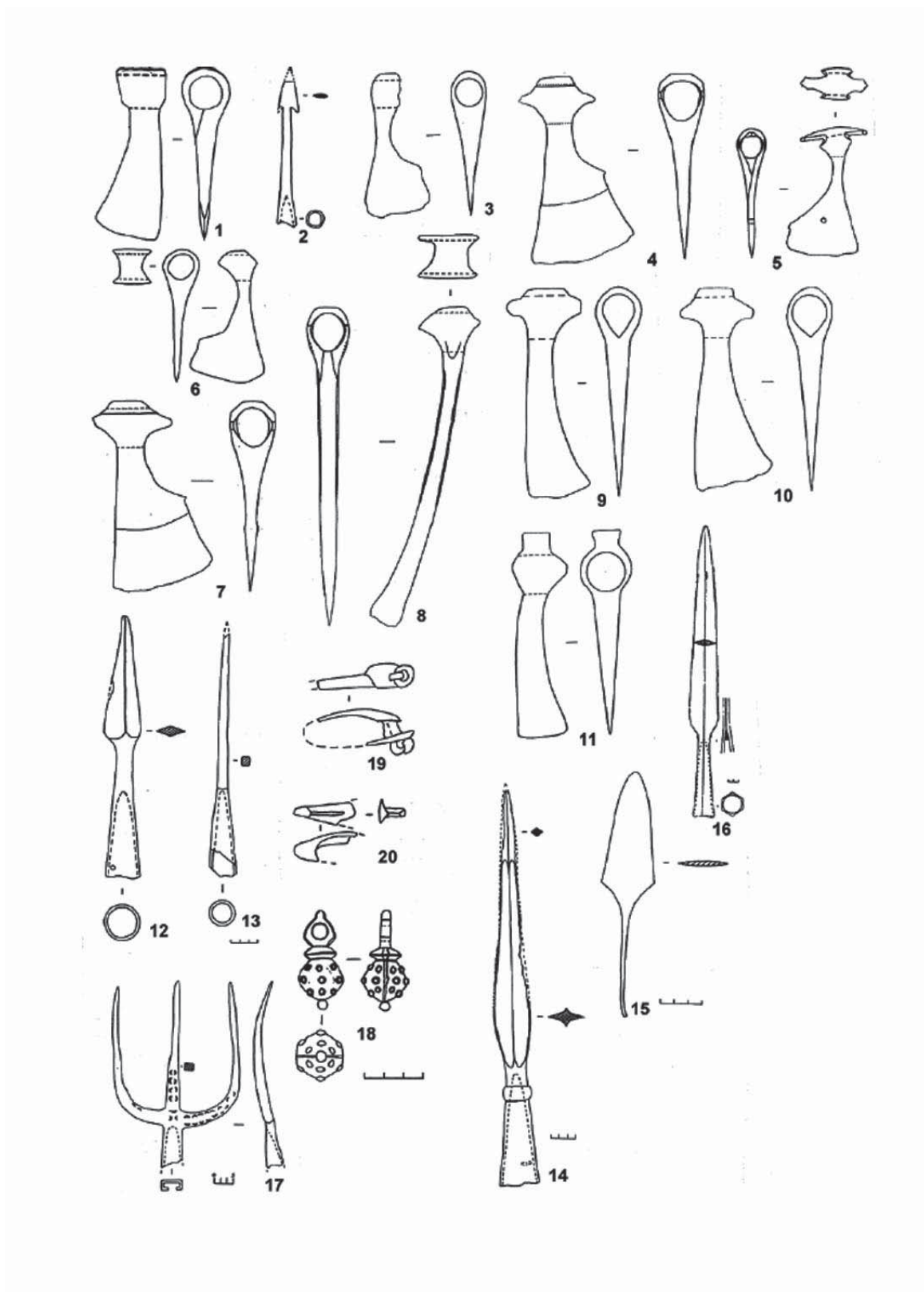

Рис. 18. Могильник «Татарская Лака II». Подъемный материал. 1, 3-11 - топоры, 2, 15 - наконечники дротиков, 12-14, 16 - наконечники копий, 17 - вилы, 18 - кистень, 19 - обойма ножен, 20 - гарда, 21 - сабля. 1-21 - железо.

Рис. 19. Железный наконечник копья

Рис. 20. Стремя с серебряной икрустацией: а - стремя, б - деталь стремя

Рис. 21. Стремена из различных погребений

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1986 году. Пенза, 1987 // Архив Пензенского гос. педагог. ун-та. 19 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Садовского городища II в 1989 г. Пенза, 1990 // Архив Пензенского гос. педагог. ун-та. 22 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1991 году. Пенза, 1992. / Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.17030.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области и Республике Мордовия в 1993 году. Пенза, 1994. Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.18184.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1993 году. Пенза, 1995. / Архив ИА РАН. Ф. Р.1. 19709.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях могильника «Татарская Лака II» в 2002 году. Пенза, 2003. Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.21710.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях на Золотаревском городище в 2009 году. Пенза, 2010. / Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.39677.

Зеленцова О.В. Отчет об охранных археологических раскопках в Бессоновском, Пензенском и Городищенском районах Пензенской области в 2005 году. Т.4. Охранные раскопки на Золотаревском городище в Пензенском районе. М., 2006. / Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.29214.

Полесских М.Р. Отчеты об археологических исследованиях в Пензенской области за 1950 – 1977 гг. / Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.420, 551, 678,789, 965, 1101, 1244, 1552, 1722, 1884, 2058, 2247, 2426, 2695, 2891, 3023, 3223, 3443, 3648, 3918, 4097, 4528, 4794, 5003, 6181, 6417, 6803.

Расторопов А.В. Отчет об археологических исследованиях в Вадинском районе Пензенской области в 1993 г. / Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.17903

Халиков А.Х. Отчеты о работах Армиевской археологической экспедиции в 1980 – 82 гг. / Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.7996, 8800, 9060.

Халиков А.Х. Отчеты о работах Пензенской археологической экспедиции в 1983 – 87 гг. // Архив ИА РАН. Ф.Р.1. Д.9507, 9700, 10402, 11690, 12009.

2. Исследования

Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа / Под ред. А.П. Смирнова. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. 208 с.

Альбом древностей мордовского народа. / Отв. ред. Ю.В. Готье, А.И. Яковлев. Саранск. Изд. Морд. НИИ, 1941. 136 с.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV веков о татарах в Восточной Европе // Исторический Архив. 1940. Т. III. С. 71–112.

Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯ-ЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 113–159.

Артемьев А.Р. Гайдуков П.Г. Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. / Материалы научной конференции (Новгород, 24-26 янв. 1995 г.) / сост. И.Ю. Анкудинов, П.Г. Гайдуков. Новгород: Новгородский гос. музей-заповедник, 1995. С. 202–206.

Артемьева Н.Г. Предметы защитного вооружения с Красноярского городища // Вестник ДО РАН. 1999. №5(87). С. 36–41.

Арциховский А.В. Оружие // История культуры Древней Руси. Т. I. / Под ред. Н. Н. Воронина и др. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 417–438.

Аксенов В.С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Хазарское время / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во Донецкого нац. ун-та, 2005. С. 357–368.

Багаутдинов Р.С., Zubov С.Э. Воинский комплекс шилловских костяных пластин // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 2-5 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов, В.М. Массон. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 253–256.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–94 гг. // Записки Имп. АН по ист.-филол. отд. СПб., 1897. Т. 1, №4. Приложение. С. 120–121.

Барышев А.В., Коровкин Д.С. Конструктивные особенности изготовления древнерусских золоченых шлемов типа «Черная могила» // Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Находки и наблюдения. СПб: ИПК «Вести», 2009. С. 61–67.

Беговаткин А.А. Погребение с монетами из Мордовско–Паркинского могильника // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2000. С. 105–110.

Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 89–97.

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

Белорыбкин Г.Н. Юловское городище и проблема города // Историческое краеведение. По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению (Пенза, 4-6 апреля 1989 г.). Пенза: Пензенская правда, 1993. С. 23–29.

Белорыбкин Г.Н. Домонгольские памятники болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья (на Пути из Булгара в Киев). Дисс... канд. ист.наук. Казань, 1990. 302 с.

Белорыбкин Г.Н. Новые открытия на Юловском городище // Поиски и находки: из записных книжек краеведов. Саратов: Приволжское кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1990. Кн. 2. С. 3–9.

Белорыбкин Г.Н. Буртасы и Волжская Булгария // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии / Отв. ред. В.И.Лебедев. Пенза: ПГПИ, 1992. С. 25–35.

Белорыбкин Г.Н. Этнокультурная характеристика памятников с ККГП // Вопросы этнической истории Волго-Донья / Ред. А.З.Винников. Пенза, 1992. С. 69–70.

Белорыбкин Г.Н. Волго-Окское междуречье в эпоху средневековья // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. IV / Ред. А.А.Солянов.. Пенза, 1993. С. 57–63.

Белорыбкин Г.Н. Неклюдовское городище. Пенза: Изд-во ПГПИ, 1995, 8 с.

Белорыбкин Г.Н. Технология строительства фортификаций средневековых поселений Верхнего Посурья // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК) / Археологические изыскания. Вып. 20. / Отв. ред. В.М. Массон. СПб: ИИМК РАН, 1995. С. 108–109.

Белорыбкин Г.Н. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: ГОМ РТ, 2000. С. 128–149.

Белорыбкин Г.Н. Военно-оборонительная археология Среднего Поволжья в X–XII вв. // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.В.Белоцерковская. М.: Изд-во: Изд-во ГИМ, 2000. С. 165–169.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.-Пенза: Издательство ПГПУ, 2001. 198 с.

Белорыбкин Г.Н. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объедин. краевед музей; ПензГПУ, 2003. С. 410–432.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. 200 с.

Белорыбкин Г.Н. Средневековый могильник у с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Изд-во Ин-та истории и права Пензенского государственного педагогического университета, 2007. С. 211–258.

Белорыбкин Г.Н. Буртасы. Пенза: ИРО, 2008. 36 с.

Белорыбкин Г.Н. Болгарские военные традиции IX–XIII веков на Волге и Дунае // Пензенский археологический сборник. Вып. 3. / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: ПИРО, 2010. С. 199–216.

Беляев Я.В. Погребальный памятник XI–XIV веков у с.Старое Бадиково (раскопки 1981 – 1982 гг.) // Материалы по археологии Мордовии. Вып. 85. / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. С. 104–117.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 186 с.

Бобров Л.А. Защитное вооружение енисейских кыргызов IX – XVII вв. // *Para bellum*. 2001. № 13. С. 99–106.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Развитие защитного вооружения у чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего средневековья и раннего нового времени // *Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья* / Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скоболов. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 66–212.

Бобров Л.А. Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии // *Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ. Вып. 1.* / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М: Квадрига, 2008. С. 106–115.

Васин А.Г. Канаевский клад // *Пензенский археологический сборник. Вып. 3.* / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: ПИРО, 2010. С. 299–305.

Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.

Винничек В.А. Новые находки с Селиксенского городища X – XIII веков // *Исторические записки. Вып. 4.* / Отв. ред. В.И. Первушкин. Пенза, 2000. С. 249–254.

Винничек В.А. Свинцово-оловянные грузики и слитки на поселениях с коричнево-красной гончарной посудой болгарского типа X - XIII веков // *Аскизские древности в средневековой истории Евразии* / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: ГОМ РТ, 2000. С. 15–154.

Винничек В.А. Материалы памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // *Археология Поволжья* / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, 2001. С. 97–128.

Волков С.Р. Опыт типологии железных наконечников стрел (из материалов раннесредневековых могильников Верхнего и Среднего Прикамья) // *Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы* / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 1995. С. 3–15.

Винничек В.А. Новые археологические материалы с Садовского селища (X – XIII вв.) // *Исторические записки. Вып. 5.* / Отв. ред. В.И. Первушкин. Пенза: 2001а. С. 397–407.

Винничек В.А. Ременные накладки из цветных металлов с верхнесурских средневековых поселений // *Археология восточноевропейской лесостепи* / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Изд-во ПИРО, 2003а. С. 352–375.

Винничек В.А. Ремесло и торговля в Верхнем Посурье в XI – начале XIII вв. Пенза: Изд-во ПИРО, 2005. 212 с.

Винничек В.А. Ювелирные инструменты и технологии на поселениях Верхнего Посурья домонгольского периода (нач. XI – нач. XIII в.) // *Пензенский археологический сборник. Вып. 1.* / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Изд-во ПИРО, 2007. С. 259–287.

Винничек В.А. Древнерусские украшения и предметы религиозного культа с домонгольских поселений Верхнего Посурья // *Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2008. С. 366–372.*

Винничек В.А. Материальная культура Степановского I селища // *Пензенский археологический сборник. Вып. 3.* / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: ПИРО, 2010. С. 180–199.

Винничек В.А., Губанов А.А. Могильник «Татарская Лака II» в системе средневековых памятников мордвы // *Археология Восточноевропейской лесостепи* / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объедин. краевед музей; ПензГПУ, 2003. С. 339–351.

Винничек В.А., Сафронов П.И. Результаты исследований селища Васьянсад в 2004–2006 гг. // *Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции, (Юрино, 5–10 августа 2006 г.)*. / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ яз., лит. и истории им. В. М. Васильева, 2007. С. 239–246.

Винничек В.А., Сафронов П.И. Редкие и уникальные наконечники стрел со средневековых поселений Верхнего Посурья и Примокшанья // *Пензенский археологический сборник. Вып. 3* / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: ПИРО, 2010. С. 180–199.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 204 с.

Гончаров В.К. Райковецкое городище. К.: Изд-во АН УССР, 1950. 218 с.

Горбунов В.В. Тяжеловооружённая конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье* / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. С. 102–128.

Горбунов В.В. Копья воинов Сросткинской культуры // *Снаряжение кочевников Евразии: сборник научных трудов* / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 67–73.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // *Археология, этнография и антропология Монголии* / Отв. ред. А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние, 1987. С. 163–208.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // *Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН*. 2008. №15. С. 158–189.

Горелик М.В. Монголо-татарские шлемы с маскарконами // *Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века*. Вып. 1. / Отв. ред. Е. А. Багрин. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 29–43.

Горелик М.В. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Том 8. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во Донецкого нац. ун-та, 2010. С. 253–270.

Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. 280 с.

Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИИ АН РТ, 1996. 300 с.

Гришаков В.В. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // *Материалы по археологии Мордовии*. Сборник статей / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 144 с.

Гришаков В.В. Два погребения с саблями из Мордовско-Паркинского могильника // *Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье* / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск, 1992. С.105-115. (Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 107.)

Губайдуллин А.М. Планировочные особенности и системы обороны городищ Волжской Булгарии // *Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии*. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып.2. Казань: Изд-во Татар. гос. гуманитар.-педагогич. ун-та, 2001. С. 120–128.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002. 232 с.

Губайдуллин А.М. Крепостные сооружения средневековых городищ Пензенского края (к вопросу о реконструкции) // *Археология Восточноевропейской лесостепи* / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объед. краевед музей; ПензГПУ, 2003. С. 488–494.

Губайдуллин А.М. Булгарские крепостные сооружения (к истории изучения) // *Казанская наука*. 2013. № 12. С. 28–32.

Губайдуллин А.М. Пространственное размещение средневековых городищ на территории Среднего Поволжья // *Филология и культура*. 2015. № 1(39). С. 278–282.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / *Археология Евразийских степей*. 2019. № 3. 323 с.

Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Военное зодчество // *История татар с древнейших времен (в семи томах)* Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в./ Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 405–408.

Губайдуллин А.М., Мухамадиев А.Г. О фортификации городищ Западного Поволжья // *Поволжская археология*. 2015. №4 (14). С. 116–126.

Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981. 160 с.

Гусынин В.А. Обоймицы сабельных клинков из района Золотаревского поселения XI–XIII вв. // *Вестник МГОУ. Серия «Ист. науки»*. 2010. №4-5. С. 36–38.

Гусынин В.А. Наконечники копий и втоки из раскопок памятников Верхнего Посурья и Примокшанья XI–XIII вв. // *Известия ПГПУ. Гуманитарные науки*. 2011. №23. С. 376–380.

Гусынин В.А. Дальневосточный комплекс доспешных пластин из Золотаревского поселения // Вестник военно-исторических исследований. Вып. 3./ Под. ред. Магадеева И.Э., Белоусова С.В. Пенза: ГУМНИЦ, 2011. С. 206–210.

Гусынин В.А. Военное дело Волжской Булгарии (по материалам памятников Верхнего Посурья и Примокшанья). Автореф. дисс. ... кандидата ист. наук. Пенза, 2012. 22 с.

Данилов В.В. Предметы вооружения, снаряжение всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси / Отв. ред. М.В. Седова. М.: Наука, 1991. С. 78–95.

Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл: Тувинское книж. изд-во, 2009. 589 с.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. / Отв. ред. Б. Д. Греков и проф. В. И. Лебедев. Саранск: Морд.НИИЯЛИ, 1940. 432 с.

Древняя Русь. Город. Замок. Село // Археология СССР / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 631 с.

Ефремов Д.О. Наконечники стрел с поселений XI–XIII веков Верхнего Посурья // Записки краеведов. Вып. 2. Ч. 1. / Под ред. Г.Н.Белорыбкина. Пенза: Типография Тугушева, 2004. С. 88–95.

Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-е, 1987. С. 172–188.

Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея, 1962. 232 с.

Измайлов И.Л. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских болгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 87–102.

Измайлов И.Л. Комплексы вооружения в регионах на пути из Булгара в Киев в X–XI вв. (некоторые тенденции развития) // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Тез. докл. науч. конф. (15–16 мая 1990 г. Воронеж). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. С. 52–53.

Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар X – XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. С. 77–106.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X - начала XIII вв. Казань-Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И.Л. К истории сложного лука Волжской Булгарии середины VIII–X вв. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 2–5 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов, В.М. Массон. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 198–205.

Измайлов И.Л. Научное наследие А.П. Смирнова и проблемы изучения истории военного дела Волжской Булгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тез. докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 109–113.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Волжской Булгарии: история изучения и становления концепции исследования // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: Изд-во ГИМ, 2000. С. 254–262.

Измайлов И.Л. Комплекс болгарского вооружения X–XIII вв. (Итоги и проблемы исследования) // Древности. Вып. 33. / Отв. ред. В.П. Далькевич. М.: Изд-во РАО, 2001. С. 73–81.

Измайлов И.Л. Военное искусство Волжской Булгарии (стратегия и тактика обороны и полевого боя) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Вып. 4. / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Фэн, 2004. С. 78–88.

Измайлов И.Л. Военное дело // История татар с древнейших времен (в семи томах) Том II. Волжская Булгария и Великая степь / Ред. С. Кляшторный. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 336–367.

Измайлов И.Л. Внешняя политика Булгарского государства // История татар с древнейших времен (в семи томах) Том II. Волжская Булгария и Великая степь / Ред. С. Кляшторный. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 368–376.

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

Измайлов И.Л. Походы в Восточную Европу 1223-1240 гг. // История татар с древнейших времен (в семи томах) Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 133–160.

Измайлов И.Л. История сложносоставного лука населения Среднего Поволжья (середина VIII-XIV вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Межд. конгресса средневековой археологии евразийских степей (7-11 декабря 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 13. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 56–72.

Измайлов И.Л. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 66–85.

Измайлов И.Л. Соотношение этнических и социальных элементов в комплексе вооружения средневековых народов Волго-Уральского региона: к постановке проблемы // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань: Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 59–63.

Измайлов И.Л. Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 16–22.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Вып. 1. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимов, 1971. С. 94–155.

Казаков Е.П. Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Волжские булгары, Угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 208 с.

Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А. Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевое Закамья / Науч. ред. Р. М. Валеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. С.42–66.

Кирпичников А.Н. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси / МИА. №77. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 252 с.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII веках // МИА № 77. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 159–172.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1.: Мечи и сабли IX-XIII вв. Выпуск первый. М.-Л.: Наука, 1966. 144 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2.: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М.-Л.: Наука, 1966. 147 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / Археология СССР. САИ. Е1-36. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 140 с.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII — XV вв. Л.: Наука 1976. 104 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3.: Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Л.: Наука, 1977. 92 с.

Кирпичников А.Н. Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяславля // КСИА. Вып. 155. 1978. С. 80–87.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь: город, замок, село. / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука. 1985. С. 298–363.

Кирпичников А.Н., Коваленко В.П. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // Археологические вести. 1993. №2. С. 122–134.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. 361 с.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / МИА. №65. М.: Наука, 1959. С. 7–120.

Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. Вып. XIII. М. – Л., 1950. С. 63–94.

Кротков А.А. Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда // ТСУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 160–180.

Кочкаров У.Ю. Боевые топоры Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV веков. // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетнёвой / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3. / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. М.; Йошкар-Ола: МарГУ, 2006. С. 87–107.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Археология / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 533 с.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 144–171.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. В.В. Горбунов, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.

Кулешов Ю.А., Гусынин В.А. Находки шлемов «цзиньского типа» с территории Восточной Европы // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до середины XX века. Т.2. / Отв. ред. Е.А. Багрин. Владивосток: Изд. Дом Дальневосточного фед. ун-та, 2012. С. 33–50.

Кушкумбаев А.К. Облавная тактика в военном искусстве тюрко-монгольских армий XIII–XV вв. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. / Под ред. Миргалеева И.М. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 49–68.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. / САИ ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Кызласов И.Л. Связи Южной Сибири с Восточной Европой // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объедин. краевед музей; ПензГПУ, 2003. С. 457–473.

Кызласов И.Л. Меч из Прииртышья на фоне рубящего оружия степной Евразии // Древности эпохи средневековья евразийской лесостепи. Сборник научных трудов. Воронеж: Изд. Воронежского гос. универс., 2008. С. 72–99.

Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Приволж. кн. изд-во. 1958. 48 с.

Липатов А.В. Боевые топоры как оружие ближнего боя средневековой мордвы VIII–XI вв. // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объедин. краевед музей; ПензГПУ С. 410–432.

Лупиненко Ю.М. Доспешные пластинки с тиснением с территории Черниговского княжества в контексте древнерусского защитного вооружения X – XIII вв. // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи / відповідальний. ред. О.Б. Коваленко. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 332–339.

Лупиненко Ю.М., Макушиников, О.А. Чешуйчатый доспех восточнославянского ратника XII – XIII вв.: по материалам раскопок в Гомеле // Матэрыялы па археалогіі Беларусі Вып. 15. / Отв. ред. Лысенка П.Ф. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2008. С. 140–154.

МакКрайт Т. Полное руководство по обработке металлов для ювелиров. Иллюстрированный справочник. Омск: Дедал-Пресс, 2002. 206 с.

Макушиников О.А. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // Старожитності Південної Русі / ред. П.П. Толочко Чернігів: Сіверянська думка, 1993. С. 121–130.

Макушиников О.А., Лупиненко Ю.М. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып.18. / Гал. Ред. А.А. Каваленя. Мінск.: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2003. С. 213–225.

Макушиников О.Л., Лупиненко Ю.М. Кольчатый доспех восточнославянского ратника конца XII — начала XIII вв. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 12. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. С. 162–173.

Мандырка П.В., Фокин С.М. Погребение средневекового воина на северной периферии кочевого мира // Снаряжение кочевников Евразии : сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 60–65.

Материальная культура средне-цинской мордвы VIII–XI вв. Археологический сборник. Том III / Под ред. А. П. Смирнова. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 1969. 176 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Мартьянов В.Н. Археологические памятники мордвы конца I – начала II тысячелетия в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии. Вып. 85. / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. С. 118–131.

Мартьянов В.Н. Могильник Личадеево V // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Морд. НИИЯЛИЭ. 1990. С. 53–63.

Медведев А.Ф. К истории кольчуги в Древней Руси // КСИИМК. Вып. XIII. М., 1953. С. 27–31.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М.: Наука, 1959. С. 121–191.

Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. 1959. № 2. С. 119–134.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Медведев В.Е. О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 172–194.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар-Киев. Пути-связи-судьбы. К.: Наукова Думка, 1997. 192 с.

Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с кит., введение, комментарий и приложения Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 282 с.

Николаев Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. 1972. № 2. С. 198–205.

Никольская Т.В. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

Носов К.С. Вооружение самураев. М.: АСТ, 2001. 256 с.

Павлихин А.В. Комплекс вооружения племен Верхнего Посурья VI–VII веков // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, 2001. С. 67–70.

Павлихин А.В. Опыт классификации наконечников стрел Армиевского курганно-грунтового могильника // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, 2001. С. 70–89.

Павлихин А.В. Комплекс вооружения племен Сурско-Окского междуречья в III–V вв. // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объединенный краевед музей; ПензГПУ, 2003. С. 392–409.

Павлихин А.В. Предметы вооружения II Жуковского могильника // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Изд-во ПИРО, 2008. С. 138–187.

Павлихин А.В. Топоры кельты Сурско-Окского междуречья III–X вв. н.э. // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. / Под общей ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Изд-во ПИРО, 2008. С. 188–219.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. 1. СПб: Имп. Акад. наук, 1809. 773 с.

Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Морд. НИИЯЛИЭ, 1990. С. 64–99.

Петербургский И.М., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник (раскопки 1989–1990 гг.) // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск: Морд. НИИЯЛИЭ, 1992. С. 69–104.

Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов / [пер. с норвеж.: К. Вешнякова]. СПб.: Альфарет, 2005. 352 с.

Петерсон Г.П. Исторический очерк Керенского края. Пенза, 1882. 108 с.

Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела–Белой вежи // МИА. № 109. М.: Наука, 1963. С. 216–259.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. / МИА. №142. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков / САИ Е1-19. М.: Наука, 1973. 96 с.

Плотников Ю.А. Рубящее оружие прииртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 162–172.

Погорелов Е.В. Находка сабли конца XII – начала XIII веков в окрестностях города Пензы // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объедин. краевед музей; ПензГПУ, 2003. С. 473–476.

Полесских М.Р. В недрах времен. Пенза: Пензен. кн. изд-во, 1956. 103 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1970. 55 с.

Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Вып. 1. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 202–216.

Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Пензен. кн. изд-во, 1977. 88 с.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 158–268.

Пономаренко С.В. Почвообразование на смыто-намытой 100-летней залежи под лесом // Бюлл. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. 1983. вып. XXXII. С.

Пономаренко С.В. Морфология органопрофиля на начальных стадиях почвообразования // Микроморфология - генетическому и прикладному почвоведению : Тез. докл. II Всесоюз. конф. по микроморфологии почв (21-23 июня 1983 г.) / ред. Рейнтам Л. Ю. и др.]. Тарту : ЭСХА, 1983. С.

Пономаренко С.В. Развитие профиля почвы на начальных стадиях почвообразования. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1986. 20 с.

Пономаренко Е.В., Офман Г.Ю., Пономаренко С.В. Анализ природной среды и природовользования в лесостепной зоне в средние века на примере городищ Пензенской области // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов Пенза: Изд-во ПГПУ, 1995. С. 2–32.

Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., Офман Г.Ю., Хавкин В.П. Почва как она есть // Природа. 1993. №3. С. 16–29.

Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957. 272 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 214 с.

Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII - XIV вв. // FU. 1998. № 1(2). С. 15–29.

Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: ГОМ РТ, 2000. С. 48–127.

Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. Казань: Школа, 2001. 242 с.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 255 с.

Руденко К.А. Происхождение и развитие элементов аскизской культуры в Поволжье и Прикамье в XI – XIV вв. // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пенз. гос. объедин. краевед музей; ПензГПУ, 2003. С. 476–488.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003а. 512 с.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: РИЦ «Школа», 2007. 244 с.

Рыков П.С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Н.- Волжскому краю. Саратов, 1928. 90 с.

Рыков П.С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926-1927 гг. М. Саратов, 1929. 18 с.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 5–88.

Святкин С.В. Находки культовых украшений в мордовских могильниках (к постановке проблемы) // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2000. С. 54-69

- Святкин С.В.* Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине I тыс. н.э. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2001. 147 с.
- Святкин С.В. Власенко Д.В.* Очерки военного дела мордовских племен в I – первой половине II тыс.н.э. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2012. 124 с.
- Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры / Науч. ред. В.Г. Генинг. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. УдАССР, 1980. С. 5–135.
- Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: Московская типография №2. Министерства информации и печати РФ, 1993. 736 с.
- Святкин С.В.* Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине I тыс. н.э. Саранск: Лаборатория множительной техники, 2001. 147 с.
- Седова М.В.* Ярополк Залесский. М.: Наука, 1976. 158 с.
- Седышев О.В.* Снаряжение верхового коня древней и средневековой мордвы III–XIII вв. Саранск: Мордов. гос.пед.ин-т, 2017. 120 с.
- «Слово о полку Игореве». Переводы и комментарии. М.: Худож. лит., 1999. 221 с.
- Советова О.С., Мухарева А.Н.* Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Вып. 23. / Под ред. Л.Ю. Китовой. Кемерово: Тип. изд-ва Кузбассвуиздат, 2005. С. 92–105.
- Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 192 с.
- Соловьев А.И.* Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
- Сорокин С.С.* Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА №75. М. – Л., 1959. С. 135–199.
- Спицын А.А.* Древности Пензенской губернии // Труды ПОЛЕ. Вып. VII. Пенза. 1925. 14 с.
- Степи Евразии // Археология СССР / Отв. редактор С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 305 с.
- Сунчугашев Я.И.* Оружие и конское снаряжение средневековых хакасских воинов // Археология Южной Сибири. Вып. 9. / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1977. С. 131–138.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. №9. / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. универ., 2002. С. 82–91.
- Тишкина А.Н.* Наконечники стрел Чулковского могильника VIII–X вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы докладов Всерос. научн. конф. (2–3 февраля 2000 г., Саранск) Саранск: Морд. гос. пед. ин-т, 2000. С. 23–27.
- Успенский П.С.* Исследования средневекового могильника Шизе IV в 2008 г. // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции (Анапа, 5 – 10 октября 2009 г.). / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2009. С. 377–381.
- Успенская А.В.* Березовецкий курганный могильник X–XI вв. // Средневековые древности Во-сточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 82. /Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993. С. 79–135.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.
- Федорова Н.Ф.* Торевтика Волжской Булгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск III / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-т., 2003. С. 138–153.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
- Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингиз-хана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 557 с.
- Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов в VI–XII вв. М.: Наука. 1980. 176 с.
- Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 115–132.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 102–111.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Шлемы, найденные на территории Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1(5). С. 101–106.

Хузин Ф.Ш. Предметы вооружения // Культура Биляра: болгарские орудия труда и оружие X—XIII вв. / Отв. ред. Халиков А.Х. М. Наука, 1985. С. 130–192.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 401 с.

Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария X – начала XIII вв.: территория, археологические памятники, население. // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие для студентов вузов и учителей истории / Отв. ред. Старостин П.Н. Казань: Изд-во «Школа», 2001. С. 135–144.

Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М. Монгольское завоевание Волжской Булгарии и его отражение в археологических материалах // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие для студентов вузов и учителей истории / Отв. ред. Старостин П.Н. Казань: Изд-во «Школа», 2001. С. 197–208.

Циркин А.В. Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. 1984. №1. С. 123–133.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен и до конца XVII века Текст. Саратов: Паровая скоропечатня Губ. правл., 1892. 79 с.

Чекалин Ф.Ф. Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Труды Восьмого археологического съезда. Т. III. М., 1897. С. 65–74.

Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII-XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 185 с.

Шитов В.Н. Древнемордовские наконечники копий III – начала XI в. // Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии / Труды. Вып. 54. / Отв. ред. В. И. Козлов. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1977. С. 114–117.

Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии / Труды. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 23–70.

Яньков В.В. Предметы вооружения Чемодановского селища // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, 2001. С. 129–139.

Яньков В.В. Наконечники стрел Фелицатовского поселения // Поволжские финны и их соседи в эпоху раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической истории): Тезисы докладов II межрегиональной научной конференции. Саранск: Мордов. пос. пед. инс.-т., 2003. С. 56–58.

Парушев В. Боздугани от музея в Дробич // Археология. Кн. 3-4. София: Национален археологически институт и музей – БАН, 1998. С. 67–72.

Erdélyi I. Les Anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1977. 360 p.

Gawrysiak-Leszczynska. W. Musianowicz. K. Kurhan z Tahanczy // Archeologia polski Bd. 47 2002. S. 287-340.

Iotov V. A note on the “Hungarian sabers” of medieval Bulgaria. // The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans. Leiden – Boston, 2008. P. 327-338

Izmailov I. Mongols in Eastern Europe in 1223 // Medieval Nomads. First International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. May 11-16, 2004. Szeged, 2004. p. 10.

The Ancient Hungarians. Exhibition catalogue. 1996. In István Fodor (ed.). Budapest: Hungarian National Museum.

REFERENCES

Archive

Belorybkin, G. N. 1987. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoy oblasti v 1986 (Report on Archaeological Studies in Penza Oblast in 1986)*. Penza. Archive of the Penza State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Belorybkin, G. N. 1990. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Sadovskogo gorodishcha II v 1989 g. (Report on the Archaeological Studies of Sadovskoye II Settlement in 1989.)*. Penza. Archive of the Penza State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Belorybkin, G. N. 1992. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Yulovskogo gorodishcha v 1991 gody (Report on the Archaeological Studies of Yulovskoye Settlement in 1991)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 17030 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 1994. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoy oblasti i Respublike Mordoviia v 1993 gody (Report on Archaeological Studies in Penza Oblast and the Republic of Mordovia in 1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 18184 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 1995. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoy oblasti v 1993 gody (Report on Archaeological Studies in Penza Oblast in 1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 19709 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2003. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh mogil'nika "Tatarskaia Laka II" v 2002 gody (Report on Archaeological Studies of Tatarskaya Laka II Burial Ground in 2002)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 21710 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2010. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh na Zolotarevskom gorodishche v 2009 gody (Report on Archaeological Studies at Zolotarevskoye Settlement in 2009)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 39677 (in Russian).

Zelentsova, O. V. 2006. *Otchet ob okhrannykh arkhеologicheskikh raskopkakh v Bessonovskom, Penzenskom i Gorodishchenskom raionakh Penzenskoi oblasti v 2005 gody (Report on Protective Archaeological Excavations in Bessonovskiy, Penzenskiy and Gorodishchenskiy Districts of Penza Oblast in 2005)*. In *Okhrannyye raskopki na Zolotarevskom gorodishche v Penzenskom raione (Protective Excavations at Zolotarevskoye Settlement in Penza Oblast)* 4. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 29214 (in Russian).

Polesskikh, M. P. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoi oblasti za 1950 – 1977 (Reports on Archaeological Studies in Penza Oblast for 1950-1977.)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 420, 551, 678,789, 965, 1101, 1244, 1552, 1722, 1884, 2058, 2247, 2426, 2695, 2891, 3023, 3223, 3443, 3648, 3918, 4097, 4528, 4794, 5003, 6181, 6417, 6803. (in Russian).

Rasporopov, A. V. 1993. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Vadinskom raione Penzenskoi oblasti v 1993 g (Report on Archaeological Studies in Vadinsky District of Penza Oblast in 1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 17903 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. *Otchety o rabotah Armievskoi arkhеologicheskoy jekspedicii v 1980 – 82 gg. (Reports on the Activities of the Armievskiy Archaeological Expedition in 1980-1982.)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 7996, 8800, 9060 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. *Otchety o rabotah Penzenskoi arkhеologicheskoy jekspedicii v 1983 – 87 gg. (Reports on the Activities of the Penza Archaeological Expedition in 1983-1987.)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier. 9507, 9700, 10402, 11690, 12009 (in Russian).

Publications

Alikhova, A. E., Zhiganov, M. F., Stepanov, P. D. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoï istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: "Krasnyi oktiabr" Publ. (in Russian).

In Got'e, Yu. V., Iakovlev, A. I. (eds.). 1941. *Al'bom drevnostei mordovskogo naroda (Album of Antiquities of Mordovian People)*. Saransk: Mordovian Research Institute (in Russian).

Anninskii, S. A. 1940. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 71–112 (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Volga River Area)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

- Arkhipov, G. A. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 113–159, (in Russian).
- Artem'ev, A. R., Gaidukov, P. G. 1995. In Ankudinov, I. Yu., Gaidukov, P. G. (eds.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istorii i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 9. Novgorod, 202–206 (in Russian).
- Artem'eva, N. G. 1999. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN (Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences)* 5. 36–41 (in Russian).
- Artsikhovskii, A. V. 1948. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Istorii kul'tury Drevnei Rusi: domongol'skii period (The History of Culture of Ancient Rus: the Pre-Mongol Period)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 417–438 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 357–368 (in Russian).
- Bagautdinov, R. S., Zubov, S. E. 1998. In *Voennaia arkheologiia. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspektive (Military Archaeology. Armament and Military Art in the Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 253–256 (in Russian).
- Bartol'd, V. V. 1897. In *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences)* I. Saint Petersburg, 120–121 (in Russian).
- Baryshev, A. V., Korovkin, D. S. 2009. In Kirpichnikov, A. N. *Rannesrednevekovyye zolochenyie shlemy. Nahodki i nabliudeniia (Early Medieval gilded helmets. Findings and observations)*. Saint Petersburg “Vesti” Publ., 61–67 (in Russian).
- Begovatkin, A. A. 2000. In Grishakov, V. V. (ed.). *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfluvies Area)* 2. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 105–110 (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaya Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 89–97 (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaya Bulgariia i mongolskoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 82–87 (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1993. In *Istoricheskoe kraevedenie (Historical Regional Studies)*. Penza: “Penzenskaya Pravda” Publ., 23–29 (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1990. *Domongol'skie pamiatniki bulgarskogo tipa Verhnego Posur'ia i Primokshan'ia (na Puti iz Bulgara v Kiev) (Pre-Mongol Monuments of the Bolgar Type in the Upper Sura and Moksha Regions (on the Way from Bolgar to Kiev))*. Diss of candidate of historical Sciences. Kazan (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1990. In *Poiski i nahodki: iz zapisnykh knizhek kraevedov (Searches and Finds: from the Notebooks of Local Historians)*. 2. Saratov, 3–9 (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1992. In Lebedev, V. I. (ed.). *Vzaimosviazi goroda i derevni s ikh istoricheskom razvitiem (Relationship between the City and Village in their Historical Development)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 25–35 (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1992. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: “AO «Povolzh'e»” Publ., 69–70 (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1993. In Solyanov, A. A. (ed.). *Iz istorii oblasti. Ocherki kraevedov (From the History of the Region. Essays by Local Historians)*. 4. Penza. (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1995. *Nekliudovskoe gorodishche (Neklyudovskoe Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1995. In Masson, V. M. (ed.). *Fortifikatsiia v drevnosti i srednevekov'e (materialy metodologicheskogo seminaru IIMK). (Fortification in Antiquity and the Middle Ages (Proceedings of a Methodological Seminar of the Institute for the History of Material Culture))* In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys)* 20. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 108–109 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2000. In Rudenko, K. A. (ed.). *Askizskie drevnosti v srednevekovoi istorii Evrazii (Askiz Antiquities in the Medieval History of Eurasia)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 128–149 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 165–169 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoevropeskoii lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 410–432 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2007. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers) 1*. Penza: "PIRO" Publ., 211–258 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2008. *Burtasy (The Burtas)*. Penza: "IRO" Publ. (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2010. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers) 3*. Penza: "PIRO" Publ., 199–216 (in Russian).

Belyaev, Ya. V. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 104–117 (in Russian).

Belyaev, Ya. V., Vikhlyayev, V. I., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 1998. *Kel'gininskiy mogil'nik (Kel'ginino burial ground)*. Saransk: "Krasniy oktyabr" Publ. (in Russian).

Bobrov, L. A. 2001. In *Para bellum*. (13), 99–106 (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2003. In Khudyakov, Yu. S., Skobolev, S. G. (eds.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibii i Tsentral'noi Azii pozdnego srednevekov'ia (Archaeology of Southern Siberia and Central Asia of the Late Middle Ages)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 66–212 (in Russian).

Bobrov, L. A. 2008. In Dvurechensky, O. V. (ed.). *Voennaia arkheologiya. (Military Archaeology)*. 1 Moscow: "Kvadriga" Publ. 106–115 (in Russian).

Vasin, A. G. 2010. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers) 3*. Penza: "PIRO" Publ., 299–305 (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Pletneva, S. A. 1998. *Na severnykh rubezhakh khazarskogo kaganata. Maiatskoe poselenie (On the Northern Borders of Khazar Kaganate. Mayatskoe Settlement)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2000. In Pervushkin, V. I. (ed.). *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)*. 4. Penza., 249–254 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2000. In Rudenko, K. A. (ed.). *Askizskie drevnosti v srednevekovoi istorii Evrazii (Askiz Antiquities in the Medieval History of Eurasia)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 15–154 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiya Povolzhia (Archaeology of the Volga Area)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 154–164 (in Russian).

Volkov, S. R. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiya i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 3–15 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2001a. In Pervushkin, V. I. (ed.). *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)*. 5. Penza., 397–407 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2003a. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoevropeskoii lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 352–375 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2005. *Remeslo i trgovlia v Verkhnem Posur'e v XI – nachale XIII vv. (Crafts and Trade in the Upper Sura Region in the 11th - Early 13th Centuries)*. Penza: "PIRO" Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2007. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 1. Penza: "PIRO" Publ., 299–305 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2008. In Shapran, I. G. (ed.). *Arkheologicheskaiia ekspeditsiia: noveishie dostizheniia v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediiia Evrazii (Archaeological Expedition: Latest Achievements in the Study of the Historical and Cultural Heritage of Eurasia)*. Izhevsk: Udmurt State Univerdity, 366–372 (in Russian).

Vinnichek, V. A. 2010. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 3. Penza: "PIRO" Publ., 180–199 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Gubanov, A. A. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 339–351 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Safronov, P. I. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 239–246 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Safronov, P. I. 2010. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 3. Penza: "PIRO" Publ., 180–199 (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bolgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Goncharov, V. K. 1950. *Raikovetskoe gorodishche (Raikovetskoe Settlement)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).

Gorbunov, V. V. 1998. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e (Equipment of a Saddle Horse from the Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University, 102–128 (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2005. In Tishkin, A. A. (ed.). *Snariazhenie kochevnikov Evrazii (Equipment of Eurasian Nomads)*. Barnaul: Altai State University, 67–73 (in Russian).

Gorelik, M. V. 1987. In Derevyanko, A. P., Natsagdorzh, Sh. (eds.). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 163–208 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament)*. Moscow: "Vostochniy gorizont" Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2008. In *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNC RAN (Bulletin of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research)*. 15, 158–189 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2010. In Bagrin, E. A. (ed.). *Voennoe delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneishikh vremen do serediny XX veka (Military Art in the Asia-Pacific Region from Ancient Times to the Middle of the 20th Century)*. 1. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 29–43 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 253–270 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1987. *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1996. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, (in Russian).

Grishakov, V. V. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 71–103 (in Russian).

Grishakov, V. V. 1992. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Oksko-Surskom mezhdurech'e (Archaeological research in the Oka and Sura interfluve)* (107), 105–115. (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2001. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii: Voprosy srednevekovoi istorii i arkheologii. Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediiia (Dialogue of Eurasian Cultures. Issues of Medieval History and Archaeology. Study and Conservation of the Historical and Cultural Heritage)* 2. Kazan: Tatar State Institute for Humanities, 120–128 (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of hillforts and towns in Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 488–494 (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2013. In *Kazanskaia nauka (Kazan Science)* (12), 28–32 (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2015. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 39 (1), 278–282 (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)* In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. (3) (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2005. In F. Sh. Khuzin (ed.). *Istoriia tatar (History of the Tatars)* 2. Kazan: “RukhIL” Publ., 405–408 (in Russian).

Gubaidullin A. M., Mukhamadiev, A. G. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)*. 4(14), 116–126 (in Russian).

Gurevich, F. D. 1981. *Drevnii Novogradok (Ancient Novogradok)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gusynin, V. A. 2010. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Bulletin of the Moscow State Regional University)* 4-5, 36–38 (in Russian).

Gusynin, V. A. 2011. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Penza State Pedagogical University)* 23, 376–380 (in Russian).

Gusynin, V. A. 2011. Magadeeva, I. E., Belousova, S. V. (ed.). *Vestnik voenn-istoricheskikh issledovaniy (Bulletin of Military Historical Studies)*. 3. Penza, 206–210 (in Russian).

Gusynin, V. A. 2012. *Viennoe delo Volzhskoi Bulgarii (po materialam pamiatnikov Verkhnego Posur'ia I Primokshaniia). (Military Art of Volga Bulgaria (Based on Materials from the Monuments of the Upper Sura and Moksha Regions))*. Thesis of Diss. of Candidate of of Historical Sciences. Penza (in Russian).

Danilov, V. V. 1991. In Sedov, M. V. (ed.) *Materialy po srednevekovoi arkheologii severo-vostochnoi Rusi (Materials on Medieval Archaeology of North-Eastern Russia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 78–95 (in Russian).

Darzha, V. K. 2009. *Traditsionnye muzhskie zaniatiia tuvintsev. T. 1: Khoziaistvo. Okhota. Rybalka (Traditional Male Occupations of the Tuvans. Household. Hunting. Fishing)*. Kyzyl: “Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Darkevich, V. P. 2010. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Derevyanko, E. A. 1987. *Ocherki voennogo dela plemen Priamur'ya (Essays on the Military Arts of Amur Tribes)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Grekov, B. D. (ed). 1940. *Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoi ASSR (Documents and Materials on the History of the Mordovian ASSR)*. Saransk: Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography (in Russian).

Kolchin, B. A. 1985. (ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus'. Town, Castle, Village)*. Series: *Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR)* 6(20). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Efremov, D. O. 2004. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Zapiski kraevedov (Notes of local historians)*. 2(1). Penza “Tipografiia Tugusheva” Publ., 88–95 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military Arts of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. 172–188 (in Russian).

Ivanov, P. P. 1962. *Materialy po istorii mordvy VIII—XI vv. (Materials for the History of Mordva People in 8th—11th Centuries)*. Morshansk: Morshansk Museum of Art and History (in Russian).

Izmailov, I. L. 1988. In Khuzin, I. L. (ed.). *Volzhskaiia Bulgariia i mongolskoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 87–102 (in Russian).

Izmailov, I. L. 1990. *Arkheologicheskoe izuchenie mikroraiionov: itogi I perspektivy (Archaeological Study of Microdistricts: Results and Prospects)*. Voronezh: Voronezh State University, 52–53 (in Russian).

Izmaylov, I. L. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 77–106 (in Russian).

Izmaylov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v. (Arma-ment and Warfare of the population of Volga Bulgaria 10th – beginning of 13th century)* Kazan-Magadan: North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch (in Russian).

Izmailov, I. L. 1998. In Masson, V. M. (ed.). *Voennaya arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i sotsial'noy perspective (Military Archeology. Armament and Military Arts in Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 198–205 (in Russian).

Izmailov, I. L. 1999. In *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 109–113. (in Russian).

Izmailov, I. L. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 254–262. (in Russian).

Izmailov, I. L. 2001. In Dal'kevich, V. P. (ed.). *Drevnosti (Antiquities)*. Moscow., 73–81 (in Russian)

Izmailov, I. L. 2004. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii (Dialogue of Eurasian Cultures.) 4*. Kazan: "Fen" Publ. 78–88 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2005. In F. Sh. Khuzin (ed.). *Istoriia tatar (History of the Tatars) 2*. Kazan: "RukhIL" Publ., 336–367 (in Russian).

Izmailov, I. L. In F. Sh. Khuzin (ed.). 2005. *Istoriia tatar (History of the Tatars) 2*. Kazan: "RukhIL" Publ., 368–376 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2008. *Zashchitniki "Steny Iskandera" (Defenders of the Iskander Wall)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 133–160 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Forum)*. Kazan, 56–72 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) (2)*, 66–85(in Russian).

Izmailov, I. L. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiya Volgo-Ural'ia : sb. nauch. trudov k 65-letnemu iubileiu d.i.n., prof., chlen-korr. AN RT F.Sh. Khuzina (Medieval Archaeology of the Volga-Urals (in Honour of Favaz Khuzin's 65th Birthday)*. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. 59–63 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. (5), 16–22 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria) 1. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 94–155 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bulgary, ugary i finny v IX-XIV vv.: problem vzaimodeistviia (The Volga Bulgars, Ugrians and Finns in the 9th-14th Centuries: Interaction Issues)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P., Rudenko, K. A., Begovatov, E. A. 1993. In Valeev, R. M. (ed.). *Drevnie pamiatniki priust'evogo Zakam'ia (Ancient Sites in the Estuary Area of the Trans-Kama Region)*. Kazan: Kazan State University, 42–66 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1958. *Metatel'naia artilleriia i oboronitel'nye sooruzheniia Drevnei Rusi (Throwing Artillery and Defensive Structures of Ancient Rus)* Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 77*. Moscow: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Kirpichnikov, A. N., Khlopin, I. N. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 77*. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 159–172 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons) 1. Mechi i sabli IX-XIII vv. (Swords and Sabers of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons) 2. Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th – 13th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1–36 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv (Military Arts of Rus in the 13th –15th cc.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1977. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons) 2. Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX–XIII vv. (Armor, Military Equipment Complex of the 9th-13th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 155. Moscow: "Nauka" Publ., 80–87 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N., Medvedev, A. F. 1985. In Rybakov, B. A. (ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus'. Town, Castle, Village)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 6(20). Moscow: "Nauka" Publ., 298–363 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N., Kovalenko, V. P. 1993. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* (2), 122–134 (in Russian).

Kovalevskaia, V. B. 2000. *Komp'yuternaia obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamiatnikov Evrazii (Computer-assisted Processing of Mass Archaeological Finds from Early Medieval Sites of Eurasia)*. Series: Khronologiya vostochnoevropeskikh drevnostei V–IX vv. (Chronology of 5th–9th Centuries East-European Antiquities) 2. Moscow: Pushchino Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kolchin, B. A. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65, 7–120 (in Russian).

Korzukhina, G. F. 1950. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (XIII), 63–94 (in Russian).

Krotkov, A. A. 1913. *Trudy Saratovsko uchenoi arhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)*. 30. Saratov, 160–180 (in Russian).

Kochkarov, U. Yu. 2006. In Zelenev, Yu. A. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiya evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of Eurasian Steppes)*. Moscow; Yoshkar-Ola: Mari State University, 87–107 (in Russian).

Makarova, T. I., Pletneva, S. A. 2003. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v jepohu srednevekov'ja IV-XIII veka (Crimea, Northeast Black Sea and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th - 13th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Bilyara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubarev, G. V. 2002. In Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. (eds.). *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii (Materials on the Military Archaeology of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University Publ., 88–112 (in Russian).

Kuleshov, Yu. A., Gusynin, V. A. 2012. In Bagrin, E. A. (ed.). *Voennoe delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneishikh vremen do serediny XX veka (Military Art in the Asia-Pacific Region from Ancient Times to the Middle of the 20th Century)*. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 33–50 (in Russian).

Kushkumbaev, A. K.. 2009/ In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 2. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 49–68 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th –14th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoevropeskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 457–473 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2008. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Drevnosti epokhi srednevekov'ia evraziiskoi lesostepi (Antiquities of the Middle Ages of the Eurasian Forest-Steppe)*. Voronezh: Voronezh State University, 72–99 (in Russian).

Lebedev, V. I. 1958. *Zagadochniy gorod Mokhshi (Mysterious town of Mokhshi)*. Penza: "Penza book publishing house" Publ. (in Russian).

Lipatov, A. V. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 410–432 (in Russian).

Lupinenko, Yu. M. 2007. In Kovalenko, O. B. (ed.). *Chernigiv u serednn'ovichnii ta rann'omodernii istorii Central'no-Shidnoi Evropi (Chernihiv in the Medieval and Early Modern History of Central and Eastern Europe)*. Chernigiv: "Desnians'ka pravda" Publ., 332–339 (in Russian).

Lupinenko, Yu. M., Makushnikov, O. L. 2008. In Lysenka, P. F. (ed.). *Materialy pa arkheologii Belorusi (Materials on the Archaeology of Belarus)* 15. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 140–154 (in Russian).

McCreight, T. 2002. *Polnoe rukovodstvo po obrabotke metallov dlia iuvelirov (The Complete Guide to Metalworking for Jewelers)*. Omsk: "Dedal-Press" Publ. (in Russian).

Makushnikov, O. A. 2003. In Tolochko, P. P. (ed.). *Starozhitnosti Pivdennoi Rusi (Antiquities of Ancient Rus)*. Chernigiv: "Siverians'ka dumka" Publ., 121–130 (in Russian).

Makushnikov, O. A., Lupinenko, Yu. M. 2003. In Kavalenia, A. A. (ed.). *Gistorichna-arkheologichy zbornik (Historical and Archaeological Collection)* 18. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 213–225 (in Russian).

Makushnikov, O. L., Lupinenko, Yu. M. 2006. *Materialy pa arkheologii Belorusi (Materials on the Archaeology of Belarus)* 12. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 162–173 (in Russian).

Mandryka, P. V., Fokin, S. M. 2005. In Tishkin, A. A. (ed.). *Snariazhenie kochevnikov Evrazii (Equipment of Eurasian Nomads)*. Barnaul: Altai State University, 60–65. (in Russian).

In Smirnov, A. P. (ed.). 1969. *Material'naia kul'tura sredne-cninskoi mordvy VIII–XI vv. Arkheologicheskii sbornik (Material Culture of the Middle Tsninskaya Mordovians of the 8th–11th centuries. Archaeological Collection)*. III. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany luzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mart'yanov, V. N. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 118–131 (in Russian).

Mart'yanov, V. N. 1990. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Oka-Sura Interfluve)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 99. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 53–63 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XLIX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 102–111 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1959. In Artsikhovskiy, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 65 (II). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121–191 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 119–134 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Medvedev, A. F. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh pelemen Sibiri i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 172–194 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarского kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv (in Russian).

Motsia, A. P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Put' iz Bulgara v Kiev: puti, sviazi, sud'by (Journey from Bolgar to Kiev: Routes, Links and Fates)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Men-da bei-lu. 1975. *Polnoe opisanie mongolo-tatar (Complete Description of the Mongol-Tatars)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

- Nikolaev, R. V. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 198–205 (in Russian).
- Nikol'skaya, T. V. 1981. *Zemlia viatichei. K istorii naseleniia basseina Verkhnei i Srednei Oki v IX – XIII vv. (The Land of the Vyatichi. The history of the Population of the Upper and Middle Oka Basin in the 9th-13th Centuries.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nosov, K. S. 2001. *Vooruzhenie samuraev (Armament of the Samurai)*. Moscow: "AST" Publ. (in Russian).
- Pavlikhin, A. V. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiia Povolzhia (Archaeology of the Volga Area)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 67–70 (in Russian).
- Pavlikhin, A. V. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiia Povolzhia (Archaeology of the Volga Area)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 70–89 (in Russian).
- Pavlikhin, A. V. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 392–409 (in Russian).
- Pavlikhin, A. V. 2008. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2. Penza: "PIRO" Publ., 138–187 (in Russian).
- Pavlikhin, A. V. 2008a. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2. Penza: "PIRO" Publ., 188–219 (in Russian).
- Pallas, P. S. 1809. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Peterburgsky, I. M., Aksenova, T. V., Grishakov, V. V., Pervushkin, V. I. 1990. In *Srednevekoveye pamjatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ja (Sites of the Middle Ages in the Oka and Sura interfluve)* (99), 64–99 (in Russian).
- Peterburgsky, I. M., Pervushkin, V. I. 1992. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Oksko-Surskom mezhdurech'e (Archaeological research in the Oka and Sura interfluve)* (107), 69–104 (in Russian).
- Peterson, Ya. 2005. *Norvezhskie mechi epokhi vikingov (Norse Swords of the Viking Age)* Saint Petersburg: "Alfaret" Publ. (in Russian).
- Peterson, G. P. 1882. *Istoricheskii ocherk Kerenskogo kraia (Historical Sketch of the Kerensky Region)*. Penza (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1963. *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR)* 109. Moscow: "Nauka" Publ., 216–259 (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR)* 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti Chervykh Klobukov (Antiquities of Chorni Klobuki)* *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR)* 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Plotnikov, Yu. A. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh pelemen Sibiri i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 162–172 (in Russian).
- Pogorelov, E. V. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 473–476 (in Russian).
- Polesskikh, M. R. 1956. *V nedrakh vremen (In the Depths of Time)*. Penza: "Penzenskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Penzenskoi oblasti (Archaeological Monuments of Penza Oblast)*. Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Polesskikh, M. R. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: *Arkheologiia i etnografiia Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria)* 1. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 202–216 (in Russian).
- Polesskikh, M. R. 1977. *Drevnee naselenie Verkhnego Posur'ia i Primokshan'ia (Ancient Residents of the Upper Sura and Moksha Rivers Area)*. Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., Penza Branch (in Russian).
- Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).

Polyakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 158–268 (in Russian).

Ponomarenko, S. V. 1983. In *Byulleten' Pochvennogo instituta im. V.V. Dokuchaeva (Bulletin of V.V. Dokuchaeva Soil Science Institute)* 32. (in Russian).

Ponomarenko, S. V. 1983. In Reintam, L. Yu. (ed.). *Mikro-morfologiya - geneticheskomu i prikladnomu pochvedeniiu (Micro-Morphology - Genetic and Applied Soil Science)*. Tartu: "ESKHA" Publ. (in Russian).

Ponomarenko, S. V. 1986. *Razvitie profilia pochvy na nachalnykh stadiiakh pochvoobrazovaniia (Development of the Soil Profile at the Initial Stages of Soil Formation)*. Thesis of Diss. of the Candidate of Biological Sciences. Moscow (in Russian).

Ponomarenko, E. V., Ofman, G. Yu., Ponomarenko, S. V. 1995. In Kasimov, A. S. (ed.). *Stranitsy istorii Volgo-Don'ia (Pages of the History of the Volga-Don Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 2–32 (in Russian).

Ponomarenko, E. V., Ponomarenko, S. V., Ofman, G. Yu. 1993. In *Priroda (Nature)* (3), 16–29 (in Russian).

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). 1957. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

In Petrushevskii, I. P. (ed.). 1960. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)* 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Rudenko, K. A. 1998. In *Finno-Ugrica* 1(2), 15–29. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. In Rudenko, K. A. (ed.). *Askizskie drevnosti v srednevekovoi istorii Evrazii (Askiz Antiquities in the Medieval History of Eurasia)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 48–127 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Material'naiia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI–XIV vv. (Material culture of the Bulgars settlements in the Lower Kama during the 11th–14th cc.)* Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kamye v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th–14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Region)*. Kazan: "Zaman" Publ. 141 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoevropeskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 476–488 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003a. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th–15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaia Bulgariia v XI–nachale XIII vv.: poseleniia i material'naiia kul'tura (Volga Bulgaria in the 11th–early 13th cc.: Settlements and Material Culture)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rykov, P. S. 1929. *Nizhnee Povolzh'e po arkheologicheskim dannym 1926-1927 gg. (The Lower Volga Region Based on Archaeological Information of 1926-1927.)*. Moscow, Saratov (in Russian).

Rykov, P. S. 1929. *Nizhnee Povolzh'e po arkheologicheskim dannym 1926-1927 gg. (The Lower Volga Region Based on Archaeological Information of 1926-1927.)*. Moscow, Saratov (in Russian).

Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

Svyatkin, S. V. 2000. In Grishakov, V. V. (ed.). *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfluves Area)* 2. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 54–69 (in Russian).

Svyatkin, S. V. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoi polovine I tys. n.e. (Armament and Military Art of the Mordovian Tribes in the First Half of the 1st Millennium AD)*. Saransk (in Russian).

Svyatkin, S. V., Vlasenko, D. V. 2012. *Ocherki voennogo dela mordovskikh plemen v I – pervoi polovine II tys. N.e. (Essays on the Military Art of the Mordovian Tribes in the 1st - First Half of the 2nd Millennia AD)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).

Seroshevskii, V. L. 1993. *Yakuty Opyt etnograficheskogo issledovaniia (Yakuts. The Experience of Ethnographic Studies)*. Moscow: Moscow Publishing House 2 (in Russian).

- Svyatkin, S. V. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoi polovine I tys. n.e. (Armament and Military Art of the Mordovian Tribes in the First Half of the 1st Millennium AD)*. Saransk (in Russian).
- Sedova, M. V. 1976. *Yaropolk Zalesskii (Yaropolk Zalessky)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sedyshev, O. V. 2017. *Snariazhenie verkhovogo konia drevnei i srednevekovoi mordvyIII – XIII vv. (Riding Horse Equipment of the Ancient and Medieval Mordovians in the 3rd-13th Centuries.)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).
1999. *Slovo o polku Igoreve (The Tale of Igor's Campaign)*. Moscow: "Khudozhestvennaia literature" Publ. (in Russian).
- Sovetova, O. S., Mukhareva, A. N. 2005. In Kitova, L. Yu. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 23. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 92–105 (in Russian).
- Solov'ev, A. I. 1987. *Voennoe delo korenного naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya (Military Arts of the Indigenous Population of Western Siberia. The Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Solov'ev, A. I. 2003. *Oruzhie I dosp ekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ia (Weapons and Armor. Siberian Armament: from the stone age to the middle ages)*. Novosibirsk: INFOLIO-press" Publ. (in Russian).
- Sorokin, S. S. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 135–199 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1925. *Drevnosti Penzenskoi gubernii (Antiquities of Penza Governorate)*. Series: Trudy Penzenskogo obshchestva liubitelei estestvoznaniia i kraevedeniia (Proceedings of the Penza Natural History and Local Lore Society). 7. Penza (in Russian).
- Pletneva, S. A. (ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sungashev, Ya. I. 1977. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 9. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 131–138 (in Russian).
- Soenov, V. I., Trifanova, S. V., Vdovina, T. A., Iazhankina, S. I. 2002. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 9. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publ., 117–124 (in Russian).
- Tishkina, A. N. 2000. In *Povolzhskie finny i ih sosedi v jepohu rannego srednevekov'ia (problemy hronologii i jetnicheskoi istorii) (The Volga Finns and their Neighbors in the Early Middle Ages (the Issues of Chronology and Ethnic History))*. Saransk: Mordovian State Pedagogical University, 23–27 (in Russian).
- Uspenskii, P. S. 2009. In Marchenko, I. I. (ed.). *Piataia Kubanskaia arkheologicheskai konferentsiia (Fifth Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 377–381 (in Russian).
- Uspenskaya, A. V. 1993. In Nedoshivina, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities of Eastern Europe)*. Moscow: State Historical Museum, 79–135. (in Russian).
- In Sedov, V. V. (ed.). 1987. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR, 17. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fedorov, N. F. 2003. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 3. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 138–153 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Khapachevsky, R. P. 2005. *Voennaia derzhava Chingiz-khana (The Military State of Genghis Khan)*. Moscow: "AST Luks" Publ. (in Russian)
- Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov (Armament of the Yenisei Kyrgyz)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudyakov, Yu. S. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh pelemen Sibiri i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 115–132 (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Sourthern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'no-aziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya* (*Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages*). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsenral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia* (*Armament of the Nomads of South Siberia and Central Asia in the Developed Middle Ages*). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Khudiakov, Yu. S. 2004. In *Etnograficheskoe Obozrenie* (*Ethnographic Review*) 1, 102–111 (in Russian).

Khudiakov, Yu. S., Tabaldiev, K. Sh., Soltobaev, O. A. 2001. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (*Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*) 5 (1), 101–106 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv.* (*Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries*). Moscow: "Nauka" Publ., 130–192 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X — nachale XIII vv.* (*Bulgar City in 10th — Early 13th Centuries*). Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii* (*Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History*). Kazan: "Shkola" Publ., 135–144 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Gubaidullin, A. M. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii* (*Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History*). Kazan: "Shkola" Publ., 197–208 (in Russian).

Tsirkin, A. V. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) (1), 123–133 (in Russian).

Chekalin, F. F. 1892. *Saratovskoe Povolzh'e s drevneishikh vremen i do kontsa XVII veka* (*Saratov Volga Region from Ancient Times to the End of the 17th Century*). Saratov (in Russian).

Chekalin, F. F. 1909. In Uvarova, P. S. (ed.). *Trudy VIII arkheologicheskogo s"ezda v Chernigove* (*Proceedings of the Eighth Archaeological Congress in Chernigov, 1909*). III. Moscow, 65–74 (in Russian).

Shavkunov, V. E. 1993. *Vooruzhenie chzhurzheni XII – XIII vv.* (*Armament of the Jurchens in the 12th–13th Centuries*). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Shitov, V. N. 1977. In Kozlov, V. I. (ed.). *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Mordovii* (*Materials on the History, Archaeology and Ethnography of Mordovia*). 54. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 114–117. (in Russian).

Shitov, V. N. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii* (*Materials for the Archaeology of Mordovia*). Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 23–70 (in Russian).

Yan'kov, V. V. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiya Povolzh'ya* (*Archaeology of the Volga region*). Penza: Penza State Pedagogical University, 129–139 (in Russian).

Yan'kov, V. V. 2003. In *Povolzhskie finny i ikh sosedi v jepohu rannego srednevekov'ja* (*problemy hronologii i jetnicheskoi istorii*) (*The Volga Finns and their Neighbors in the Early Middle Ages (the Issues of Chronology and Ethnic History)*). Saransk: Mordovian State Pedagogical University, 56–58 (in Russian).

Patrushev, V. 1998. In *Arkheologiya* (*Archaeology*) 3–4. Sofia, 67–72 (in Bulgarian).

Erdélyi, I. 1977. *Les Anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est*. Budapest : Akadémiai Kiadó (in French).

Gawrysiak-Leszczynska. W. Musianowicz. K. 2002. In *Archeologia polski* Bd. 47 287–340 (in Polish).

Iotov, V. 2008. In *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Leiden – Boston, 327–338

Izmailov, I. 2004. In *Medieval Nomads. First International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe*. May 11–16, 2004. Szeged, 2004, 10.

The Ancient Hungarians. Exhibition catalogue. 1996. In István Fodor (ed.). Budapest: Hungarian National Museum.

SUMMARY

Gennady Nikolaevich Belorybkin, Vladimir Alexandrovich Gusynin, Iskander Lerunovich Izmailov. Armament of the Population of South-Western Bulgaria (10th - mid-13th centuries) Kazan, 2020. 354 p.

In historical terms, the Sura and Moksha regions were part of Volga Bulgaria in the 10th-13th centuries. This accounts for its similarity to the unified Bolgar armament complex. Meanwhile, the location of the region at the border and certain features of its cultural and linguistic environment, as well as the proximity to the nomadic steppe world and the involvement of Finno-Ugric neighbours in a diplomatic war with Russian principalities, made it to a certain extent different from the general Bolgar armament and military equipment background. A special military and political situation, and direct participation in military events related to Mongol campaigns against Eastern Europe determined the originality of the military affairs of these regions.

The monuments of the Upper Sura and Moksha regions feature an unprecedented number of various 11th-13th century armament, the largest of which is concentrated in a single monument - Zolotarevsky settlement, which is associated with the role it played in the history of the region, Volga Bulgaria and Eastern Europe. It was the site of a decisive battle which ended the Mongol campaign against the Volga Bulgars and the Finno-Ugric peoples of the Middle Volga region. The traces of this battle has provided the scientific world with many details concerning the state of military affairs in the Pre-Mongol period.

An analysis of the entire armament complex suggests that the complex of the south-western Volga Bulgaria possessed a number of characteristic features emphasizing their originality. At the same time, this originality should not be overestimated. The concept of these features was largely accounted for by the presence of an armament complex which was not of local origin. This series of characteristic armament items is of Central Asian origin and found itself in the Sura region as a result of events associated with Mongol campaigns and the conquest of Eastern Europe. This region is the discovery site of not merely individual armament items, generally represented by arrowheads or composite bow parts, but a complete armament complex brought here by the soldiers of Genghis Khan. The uniqueness of the situation is that this complete and impressive complex is the only evidence of the features of the Mongol army's armament and composition of such representativeness and significance in the entire Eurasia.

Considering the remains of a large number of weapons of Central Asian and Siberian-Far Eastern origin scattered in the vicinity of Zolotarevsky settlement, this area most probably represents the actual battle ground. It is the origin of a significant portion of armament, which is incomparable in terms of the number of findings with any archaeological settlement in Eastern Europe. A similar number of intact and expensive armament, including weapons and equipment with gold decorations could not have accumulated in ordinary conditions. Our case is a unique and complex archaeological phenomenon which can only be explained by a catastrophic outcome causing one party to retreat, losing weapons and equipment, which could have never been lost under normal conditions. This phenomenon only has one explanation - this is the site where Mongolian troops, which included Kyrgyz, Jurchen and Mongol forces, suffered a terrible defeat. However, the winners, having captured the major portion of the trophies, were not able to collect all the armament and equipment scattered across the battlefield. In 1237 Zolotarevsky settlement accommodated the complete military forces of the Upper Sura region with an objective to drive back the Mongol army moving towards Rus. During a fierce battle, the Mongols attacked the fortress using stone-hurling machines and practiced a continuous assault, which is evidenced by a large number of stone shells and tens of thousands of arrowheads. After the seizure of the fortress, many slain soldiers and weapons remained on the ground inside and outside its territory, which made it possible to reconstruct the armament complexes of both the attackers and the defenders. After the desolation of the remaining settlements in the Upper Sura and Moksha regions, the Mongol army headed towards the Ryazan Principality.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Геннадий Николаевич Белорыбкин, доктор исторических наук, профессор, директор Института непрерывного образования, Пензенский государственный университет, (г. Пенза, Россия); belorybkingn@gmail.com

Гусынин Владимир Александрович, кандидат исторических наук, начальник отдела археологии и научных исследований, ООО Научно-производственный центр «Цера» (г. Пенза, Россия); floki@list.ru

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

Винничек Владимир Альбертович, кандидат исторических наук; vinnichekvladimir@mail.ru

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Офман Галина Юрьевна, ГБОУ г. Москвы, школа №315, Центральный административный округ, Департамент образования и науки Москвы (г. Москва, Россия); galina.ofman@gmail.com

Пономаренко Елена Викторовна, кандидат биологических наук, Факультет географии Оттавского университета (г.Оттава, Канада); ecosystemarchaeology@gmail.com

Пономаренко Сергей Васильевич, кандидат биологических наук, Национальный Центр по исследованию дикой природы, Канадское Министерство окружающей среды (г.Оттава, Канада); ss2pp2@yahoo.ca

Сафронов Павел Игоревич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); pash.s@mail.ru

Яньков Владислав Валерьевич, краевед, член Пензенского отделения РГО (г. Пенза, Россия); yankov71@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Belorybkin Gennadiy N. Doctor of Historical Sciences. Professor. Penza State University, Krasnaya St. 40, Penza, 440026, Russian Federation; belorybkingn@gmail.com

Gusynin Vladimir A. Candidate of Historical Sciences, Tsera Research and Production Center LLC, Uritsky St., 62, office 2027, Penza, 440000, Russian Federation; floki@list.ru

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Vinnichuk Vladimir A., Candidate of Historical Sciences, Penza, Russian Federation vinnichukvladimir@mail.ru

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Ofman Galina Yu., State Budget Educational Institution School No. 315 of Moscow, Central Administrative District, Department of Education and Science of Moscow (Moscow, Russian Federation); galina.ofman@gmail.com

Ponomarenko Elena V. Candidate of Biological Sciences, Department of Geography, Environment and Geomatics, University of Ottawa, Canada ecosystemarchaeology@gmail.com

Ponomarenko Sergey V. Candidate of Biological Sciences, National Wildlife Research Center, Environment and Climate Change Canada, Ottawa, Canada ss2pp2@yahoo.ca

Safronov Pavel I. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; pash.s@mail.ru

Yankov Vladislav V., regional ethnographer, member of the Penza Branch of the Russian Geographical Society (Penza, Russian Federation); yankov71@rambler.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АНТ – Академия наук Республики Татарстан
АЭМК – Археология и этнография Марийского края.
ГИМ – Государственный исторический музей
ГОМТР – Государственный объединенный музей Республики Татарстан
ДО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
Зап. УОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ККГП – Красно-коричневая гончарная посуда
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л., СПб.
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, истории, литературы и этнографии.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований
ПППУ – Пензенский государственный педагогический университет
ПОЛЕ – Пензенское общество любителей естествознания
РА – Российская археология, М.
РАН – Российская академия наук
РГО – Российское географическое общество
СА – Советская археология, М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ТСУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии
FU – Finno-Ugrica. Казань.